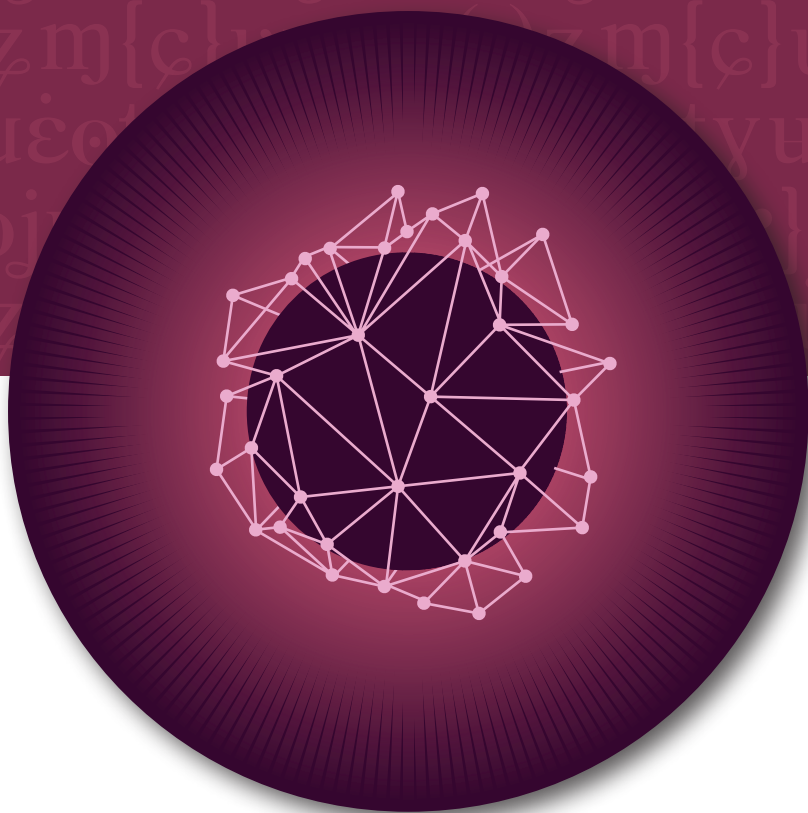

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY

ЛИНГВИСТИКА
ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ
ВОЙНЫ

КНИГА I

Министерство образования и науки Российской Федерации
Сибирский федеральный университет

Лингвистика
информационно-психологической
войны

Книга I

Монография

Красноярск
СФУ
2017

УДК 81'1
ББК 81.006
Л590

Авторский коллектив:

А.А. Бернацкая (п. 4.1, 5.1–5.3), И.В. Евсеева (п. 4.2), А.В. Колмогорова (п. 3.4), Г.А. Копнина (п. 6.1, 6.2), А.П. Сквородников (предисловие, п. 3.1, 6.3), А.П. Сквородников и Г.А. Копнина (п. 1.1–1.3, 2.1–2.3, 3.2, заключение), Б.Я. Шарифуллин (п. 3.3)

Рецензенты:

А.П. Чудинов, заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного Уральского государственного педагогического университета;
Л.Б. Савенкова, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Южного федерального университета

Л590 **Лингвистика** информационно-психологической войны : монография. Книга I / А.А. Бернацкая, И.В. Евсеева, А.В. Колмогорова [и др.]; под ред. проф. А.П. Сквородникова. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2017. – 340 с.
ISBN 978-5-7638-3688-2 (кн. I)
ISBN 978-5-7638-3739-1

Книга посвящена обоснованию лингвистики информационно-психологической войны как научного направления в рамках политической лингвистики, связанного с изучением языка и речевых технологий информационно-психологического противоборства. Показана актуальность, обозначены предметное поле, междисциплинарные основания и проблематика этого направления, его основной терминологический аппарат. Особое внимание уделяется необходимости поиска критериев для квалификации текстов как принадлежащих дискурсу информационно-психологической войны, стилевым и жанровым предпочтениям ее акторов.

Предназначена прежде всего для людей, профессионально интересующихся проблемами информационно-психологических войн, но будет полезна для широкого круга читателей, поскольку способствует пониманию тех опасностей, которые влечет за собой развернутая против России информационно-психологическая война, и осознанию необходимости противостоять ей.

Электронный вариант издания см.:
<http://catalog.sfu-kras.ru>

УДК 81'1
ББК 81.006

ISBN 978-5-7638-3688-2 (кн. I)
ISBN 978-5-7638-3739-1

© Сибирский федеральный университет, 2017

Содержание

Предисловие.....	5
Раздел I. Общетеоретические проблемы и научные основания лингвистики информационно-психологической войны (лингвистики ИПВ).....	7
Глава 1. Лингвистика ИПВ: определение, ключевые понятия и термины	8
1.1. Информационно-психологическая война и ее релевантные признаки.....	8
1.2. Лингвистика ИПВ: обоснование и определение понятия.....	15
1.3. Ключевые понятия и термины лингвистики ИПВ.....	22
Глава 2. Научные основания лингвистики ИПВ.....	25
2.1. Философские основания лингвистики ИПВ.....	25
2.2. Психологические основания лингвистики ИПВ.....	40
2.3. Политологические основания лингвистики ИПВ.....	60
Глава 3. Язык информационно-психологической войны: стратегии, тактики и приемы.....	63
3.1. Стратегии и тактики информационно-психологической войны в России и против России (на материале «Новой газеты» и некоторых других).....	63
3.2. Прологомены к анализу жанров и языковых средств ИПВ.....	94
3.3. Ономастические игры в аспекте информационно-психологических войн.....	113
3.4. Идеологема «Путин – лидер нации» в СМИ России и Франции...	131
Раздел II. Частные аспекты лингвистики информационно-психологической войны.....	153
Глава 4. Русский язык как мишень ИПВ.....	154
4.1. Русский язык в контексте проблем национальной безопасности.....	154
4.2. Русский язык в контексте русофобии.....	173
Глава 5. Россия как мишень информационно-психологической войны в художественных текстах.....	190
5.1. Художественный текст как пространство информационно-психологической войны (на материале романа/повести А.А. Зиновьева «Катастрожка»).....	190
5.2. «ЖД» Д.Л. Быкова: информационно-психологическая война «против» или «за» Россию?.....	214
5.3. Симптомы информационно-психологической войны в романе М.П. Шишкина «Венерин волос».....	240

Глава 6. Православие как мишень информационно-психологической войны	255
6.1. Причины выбора православия в качестве мишени информационно-психологической войны и некоторые способы его дискредитации.....	255
6.2. Критика Русской православной церкви или информационно-психологическая война против нее: проблема разграничения.....	264
6.3. Посягательство на церковнославянский язык	280
Заключение	308
Библиография	310

ПРЕДИСЛОВИЕ

Российское общество начинает осознавать, что оно живет не просто в ситуации враждебного отношения Запада к русскому государству, Русскому миру и русской цивилизации, а в состоянии ведущейся против нашей страны информационно-психологической войны, акторы которой находятся не только за ее пределами. К людям постепенно приходит понимание большой опасности, получающее отражение во многих публикациях самого разного рода, например: «Сгусток воздействий, направленный сегодня на Россию, гораздо более сильный и изощренный, чем тот, что разрушил Советский Союз. И опасность разрушения России сегодня не меньшая, а может, и большая, чем была в конце восьмидесятых годов. Этот сгусток стремится истребить в сознании российского гражданина положительное представление о Родине, ее истории, ее суверенном пути, ее исторических деятелях, элитах, ее вождях. И как только в сознании российского человека положительный образ Родины будет заменен образом отрицательным, он отшатнется от своей страны. И страна рухнет.

Поэтому сегодня, наряду с военными лабораториями, где ученые, инженеры разрабатывают новые системы ракет и ядерных зарядов, необходимо создание современно оснащенных лабораторий по изготовлению интеллектуального оружия. Оружия, способного отражать интеллектуальные удары противника» (Завтра. 2016. № 20).

Разделяя мысли цитированного текста, мы полагаем, что в дело интеллектуального сопротивления развязанной против России информационной войны должны внести вклад филологи, прежде всего лингвисты. Такой вклад актуален еще и потому, что до сих пор отечественными специалистами разрабатывались главным образом технико-кибернетические аспекты теории и технологии информационной войны, а их психолого-смысловая и собственно языковая стороны оказались недостаточно исследованными. Между тем существует мнение, что, помимо технических форм информационной борьбы, первостепенное значение приобретает «война смыслов»,

а следовательно, необходима «нейтрализация информационно-психологического воздействия», направленного на разрушение патриотического сознания и национальных традиций нашего народа.

Руководствуясь вышеизложенным, небольшая группа преподавателей Сибирского федерального университета решила предложить вниманию заинтересованных читателей осуществленное на основе обобщения специальной литературы и личных наблюдений над текстами, содержащими признаки информационно-психологической войны, свое понимание лингвистического аспекта теории и технологии этой войны. Это понимание предстает как **лингвистика информационно-психологической войны** – дисциплина, изучающая и систематизирующая основные терминопонятия, междисциплинарные связи, коммуникативные стратегии и тактики, лингвистический инструментарий этого социально-политического феномена. В книге представлены также наблюдения и обобщения по некоторым частным аспектам информационно-психологической войны, касающимся ряда социально значимых мишеней, технологии их дискредитации, и типологии текстов ее распространения.

Авторы отдают себе отчет в том, что первое приближение к новой для них области функционирования языка не может претендовать на полноту охвата проблематики и глубину ее представленности. Они надеются на то, что апробация их первого опыта даст возможность сделать следующие штудии более совершенными.

Раздел I

Общетеоретические проблемы и научные основания лингвистики информационно-психологической войны (лингвистики ИПВ)

Глава 1. ЛИНГВИСТИКА ИПВ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ, КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ И ТЕРМИНЫ

1.1. Информационно-психологическая война и ее релевантные признаки

Внимание общества и ученых к информационным войнам в современной геополитической ситуации неслучайно, поскольку войны такого типа не менее опасны, чем вооруженные столкновения: их результатом может быть нанесение непоправимого ущерба объекту воздействия (стране, народу, группе лиц и т.д.) вплоть до его полного уничтожения. В результате применяемых в информационной войне психотехнологий «мы лишаемся возможности принимать взвешенные, логически обоснованные решения, а значит, теряем свободу воли», а «вся наша жизнь, включая поведение, желания, эмоции и даже здоровье, оказывается под чужим контролем» [Ткаченко 2011: 6].

На опасность информационной войны обращают внимание не только специалисты, но и граждане страны, не ведущие научных разработок. Приведем несколько примеров:

- «Русский народ, как правило, побеждал своих врагов не превосходством в вооружении, а силой духа. Поэтому важно осознать, что борьба за души людей не менее важна, чем мощные вооруженные силы. <...> Информационная война на сегодняшний день, пожалуй, самое страшное испытание. А во владении ее оружием соперники превосходят нас многократно» (О. Розанов, предприниматель // Завтра. 2013. № 21);

- «А тем временем Запад продолжает совершенствование хорошо проверенного и не раз испытанного организационного оружия. Оно характеризуется применением метода дезорганизации государства, нарушения системы управления территориями, вооруженными силами, войсками. Оргоружие известно издревле, но никогда прежде

оно не было столь эффективным и не становилось главным рычагом воздействия на обозначенного противника» (Л. Ивашов, генерал-полковник // Завтра. 2012. № 41);

▪ «России объявлена информационная война, пятая колонна тут как тут, а наше изрядно «заблоченное» ТВ к этой войне абсолютно не готово» (А. Кондрашов, журналист // Литературная газета. 2012. № 34).

Информационная война изучается специалистами в разных аспектах (приведем для примера по одному источнику по преобладающей точке зрения их авторов – в силу междисциплинарности объекта исследования): *историко-политическом* [Беляев 2014], *политологическом* [Губарев 2005], *философском* [Расторгуев 2003], *социально-экономическом* [Цыганов, Бухарин 2007]; *военно-стратегическом* [Брусницын 2001], *журналистском* [Волковский 2003], *научно-техническом* [Коровин 2014], *психологическом* [Сенявская 1999], *методологическом* [Бухарин, Цыганов 2007], в аспекте *коммуникативистики* [Почепцов 2000б, 2015]. Исследователи отмечают недостаточную изученность механизмов и систем управления информационным противоборством, неразработанность проблемы информационной безопасности общества [Бухарин, Цыганов 2007: 9; Брусницын 2001: 10 и др.].

В современной научной литературе широко используются термины «информационное противоборство», «информационное противостояние», «информационная борьба», «информационная война», причем в некоторых работах они синонимизируются. Не рассматривая историю возникновения и проблему соотношения этих терминов, чему посвящена многочисленная литература, мы делаем выбор в пользу термина «информационная война» в силу следующих соображений. В семантической структуре терминопонятия «война» актуализирована сема «нападения с целью победы», в отличие от «противоборства» и «противостояния». Понятие информационной войны отражает современную политическую обстановку, в которой Россия является объектом информационного нападения с целью ее подчинения с возможным последующим уничтожением. Кроме того, оно ассоциируется с опасностью, недостаточность осознания которой – одна из причин того, что Россия уже проигрывала информационные войны.

Отмечается многогранность понятия «информационная война» и предлагаются различные его определения. Вот некоторые из них:

▪ «...открытые и скрытые целенаправленные информационные воздействия систем друг на друга с целью получения определенного выигрыша в материальной сфере» [Операции... 2015: 68];

▪ «...противоборство между двумя или более государствами в информационном пространстве с целью нанесения ущерба информационным системам, процессам и ресурсам, критически важным и другим структурам, подрыва политической, экономической и социальной систем, массивной психологической обработки населения для дестабилизации общества и государства, а также принуждения государства к принятию решений в интересах противоборствующей стороны» [Конвенция... 2011];

▪ «...планомерное информационное воздействие на всю инокоммуникационную систему противника и нейтральные государства с целью формирования благоприятной глобальной информационной среды для проведения любых политических и геополитических операций, обеспечивающих максимальный контроль над пространством» [Василенко 2010: 153];

▪ «...целостная стратегия, направленная на достижение гуманитарного порабощения одних групп людей другими, основанная на неявном манипулировании информацией и сознанием, включающая определенные методы и пользующаяся определенными средствами, среди которых ведущую роль играют электронные СМИ, функционирующие в глобальном безграничном информационном пространстве» [Михальченко 1998];

▪ «...совокупность психологических и информационных воздействий, направленных на изменение общественного сознания, с целью получения материальной или политической выгоды» [Ермакова 2012].

«Одно из определений информационной войны, данное представителем Пентагона, – пишут Л.В. Воронцова и Д.Б. Фролов, – гласит: “Информационная война состоит из действий, предпринимаемых для достижения информационного превосходства в обеспечении национальной военной стратегии путем воздействия на информацию и информационные системы противника с одновременным укреплением и защитой нашей собственной информации и информационных систем”» [Воронцова, Фролов 2006: 60].

В приведенных выше определениях информационной войны используются разные родовые понятия (воздействие, противоборство, стратегия); указываются различные субъекты информационной войны («системы», государства, группы людей) или они вообще не обозначаются; объявляются ее разные цели.

Многие исследователи не приводят дефиниции термина «информационная война», содержащей указание на родовое понятие

и видовые отличия (основное требование к логической дефиниции см. [Берков и др. 2000: 97; Горский и др. 1991: 130]), а используют определения, в которых обозначается лишь часть существенных, отличительных свойств дефинируемого понятия, например: «Информационная война – это, прежде всего, нашествие определенных идей, которые разрушают национальное самосознание целого народа» [Ткаченко 2011: 9]; «Информационная война – это прежде всего управление информационными потоками в своих целях, управление явное и тайное, для достижения определенных результатов» [Панарин 2010: 12].

В многообразии определений информационной войны можно выделить следующие инвариантные признаки этого понятия:

- наличие противоборства (противостояния);
- осуществление сторонами действий с целью нанесения ущерба противнику и – как следствие – получения материальной выгоды и/или идеологического превосходства;
- применение сторонами специальных технологий, включающих разные каналы и средства информационного воздействия и информационной защиты (безопасности).

Исходя из этих признаков, **определим информационную войну как противоборство сторон, возникающее из-за конфликта интересов и/или идеологий и осуществляемое путем целенаправленного информационного воздействия друг на друга с использованием специальных технологий для получения определенного преимущества в материальной и/или идеологической сфере и защиты собственной безопасности.**

Существуют различные типологии информационных войн (см., например [Цыганов, Бухарин 2007: 40–42; Брусницын 2001: 139]). Для наименования типов информационных войн используются термины, не соотнесенные между собой в теории войны: выделяют войны внешние (межгосударственные), внутренние (внутригосударственные), организационные, психоисторические, смысловые, концептуальные, метафизические, идеологические, гибридные, «холодные» и т.д. Их системное осмысление и построение общей типологии войн – задача отдельного междисциплинарного исследования.

В наиболее обобщенном виде выделяются два типа информационной войны (иногда называемой информационным противоборством или информационной борьбой), которые при их совмещении рассматриваются как ее составляющие: информационно-техническая война и война информационно-психологическая.

В информационно-технической войне воздействие осуществляется на системы связи и управления, компьютерные и телекоммуникационные системы, радиоэлектронные средства, средства защиты информации и другие информационно-технические системы; в информационно-психологической войне объектом воздействия является индивидуальное и массовое сознание [Панарин 2012: 57; Соколова 2007: 19; Почепцов 2000в: 56; Смирнов 2013: 83 и др.].

Иногда информационную войну понимают только как войну техническую, полагая, что «распространенное ныне выражение **информационные войны** на самом деле – это не терминологическое, а метафорическое (не более!) словосочетание» [Горбаневский 2001: 5], размещение в СМИ компрометирующих материалов выводят за пределы понятия «информационная война» [Там же: 6].

Не останавливаясь на технической составляющей информационной войны, перейдем к ее информационно-психологической стороне. Для обозначения этой стороны противоборства иногда используют термины «психологическая война» или просто «информационная война», например:

- «...информационная война представляет собой комплекс информационно-психологических воздействий, основной целью которых является формирование нужного общественного мнения и поведенческих установок населения в целом и его отдельных представителей» [Иванов 2013: 276];

- «психологическая война <...> – воздействие на общественное сознание таким образом, чтобы управлять людьми и заставить их действовать против своих интересов» [Лисичкин, Шелепин 2005: 37]; «...психологическая война – это совокупность различных форм, методов и средств воздействия на людей с целью изменения в желаемом направлении их психологических характеристик (взглядов, мнений, ценностных ориентаций, настроений, мотивов, установок, стереотипов поведения), а также групповых норм, массовых настроений, общественного сознания в целом» [Крысько 1999];

- в информационной (информационно-психологической) войне информационная борьба ведется враждующими сторонами в форме проведения тайных информационно-психологических операций с применением информационного оружия [Манойло. URL: <http://ict.informika.ru/ft/002468/manoylo.pdf>].

Информационно-психологическая война в узком понимании (как разновидность психологической войны) осмысливается как психологическое воздействие словом [Крысько 1999]. В определении

информационно-психологической войны многими исследователями не актуализируется использование языка как орудия ее ведения:

- «Информационно-психологическая война представляет собой комплекс мер, направленных на смену социальных ориентаций представителей определенной целевой группы» [Шевцов 2014: 81];

- «ИПсВ можно определить как масштабное применение средств и методов информационно-психологического воздействия в отношении населения страны, отдельных социальных групп или индивидов и защиту от аналогичных действий в свой адрес, осуществляемое государством или иным актором международной политики для обеспечения реализации своих интересов» [Смирнов 2013: 86];

- информационно-психологическая война «по своей сути представляет собой определенную методологию изменения картины мира противоположной стороны в заданном направлении» [Матвиенко 2008: 5];

- информационно-психологическая война обозначается иногда как «война культур» [Крашенинникова 2007], информационно-культурная война [Лобанова 2010], «смысловая война» [Почепцов 2015].

Не противореча приведенным выше определениям ИПВ, предложим общую формулировку этого понятия, учитывающую роль языка в психологическом воздействии: **информационно-психологическая война – это противоборство сторон, которое возникает из-за конфликта интересов и/или идеологий и осуществляется путем намеренного, прежде всего языкового, воздействия на сознание противника (народа, коллектива или отдельной личности) для его когнитивного подавления и/или подчинения, а также посредством использования мер информационно-психологической защиты от такого воздействия.**

Релевантными признаками информационно-психологической войны являются:

- наличие конфликта интересов и возникающее на этой почве противоборство;

- информационное воздействие на сознание противника: народа, коллектива или отдельной личности;

- интенция подавления и/или подчинения: «Сегодня очевидно, что овладеть территорией врага легче всего таким путем: достаточно духовно обезоружить элиту, заставить ее отказаться от национальной системы ценностей в пользу политической идеологии противника, и элита превратится в «пятую колонну» в тылу собственного народа – начнет сокрушать национальные святыни, высмеивать национальных

кумиров, восхищаясь всем иностранным и высокомерно третируя исконную отсталость. И народ будет духовно сломлен, морально подавлен и сокрушен, дезориентирован» [Мушта 2009: 40–41];

– использование знаков разных семиотических систем, прежде всего, естественного языка: «Информационная война – это прежде всего вербальная война <...>, война языковых знаков как война дискурсов» [Синельникова 2014: 96];

– наличие мер противодействия (противостояния, защиты).

Конфликт интересов и наличие противоборства сторон могут определяться также количественным критерием: «Анализ количественных данных позволяет легко отслеживать начало стратегических информационных операций. Главное, чтобы была правильно организована система слежения за информационной обстановкой», – говорит И. Николайчук, кандидат технических наук, сотрудник Центра оборонных исследований Российского института стратегических исследований. Далее он отмечает: «Журналисты любят кричать об информационной войне, зачастую принимая за неё чисто пиаровские вещи. Если появилось некоторое число критических публикаций, то это ещё не значит, что началась информационная война. Мы чаще оперируем понятием “стратегическая информационная операция”. Она может перерасти в информационную войну. Тогда происходит полная перестройка государственного механизма информационного противоборства.

Если число негативных публикаций за единицу времени превышает в пять раз число нейтральных, то мы начинаем рассматривать ситуацию как информационную войну. О позитивных вообще забудьте. Каждая позитивная публикация в зарубежной прессе в конечном итоге стоит больших денег. С чего это вдруг одна страна начнёт хвалить другую? Если же число негативных публикаций меньше пяти, но больше двух, констатируем обстановку информационной напряжённости по отношению к России. Государства, в которых на одну негативную публикацию приходится одна или больше нейтральных, мы относим к числу нейтральных» (Литературная газета. 2014. № 1).

В ИПВ используются: психологические операции против войска и населения противника в ходе войны или в угрожаемый период; психологические операции, воздействующие на процесс целеполагания и выработку решений политическим и военным руководством страны в мирное и военное время; информационное противоборство в сфере истории; психологические операции в сфере культуры, воздействующие на менталитет, культуру и ценностно-нормативную

систему общества; подрывные психологические операции, воздействующие на социальные связи и политическое поведение [Смирнов 2013: 93–94].

ИПВ изучается в разных аспектах (приведем далее в качестве примера по два-три источника на каждый аспект):

– психологическом [Сенявская 1999; Психология господства и подчинения 1998; Зелинский 20086],

– историко-политическом [Эйдук 2008; Беляев 2014; Воронцова, Фролов 2006],

– политологическом [Бедрицкий 2007; Лисичкин, Шелепин 2005; Филоненко 2006],

– социологическом [Чистяков 2007; Швец 2005],

– философском [Керсновский 2010; Расторгуев 2003; Снесарев 2003],

– правовом [Лопатин 2000; Изолитов 2008] и некоторых других.

Такая множественность подходов в исследованиях ИПВ, объясняющая существование ее различных дефиниций, должна быть дополнена лингвистическим аспектом.

1.2. Лингвистика ИПВ: обоснование и определение понятия

Хотя исследователи отмечают, что «информационная война – это прежде всего вербальная война» [Синельникова 2014: 96], в современном языкознании оказываются исследованными лишь некоторые речевые стратегии и языковые средства политической коммуникации, которые могут использоваться в ИПВ. Между тем комплексная разработка лингвистического аспекта ИПВ чрезвычайно важна для совершенствования государственной политики противодействия информационно-психологической агрессии против России.

Анализ публикаций в СМИ позволяет заключить, что русский язык в наше время является не только средством создания текстов антироссийской информационно-психологической войны, но и мишенью в этой войне. Специально конструируемые на нем тексты применяются агрессорами для провоцирования конфликтов

на территории России, искажения ее истории, духовно-нравственных ценностей, влияя на общественное сознание. Используемые речевые технологии, приемы и средства негативного информационно-психологического воздействия и сопротивления ему должны стать объектом специального лингвистического исследования.

Полагаем, что можно говорить о **лингвистике информационно-психологической войны как о таком направлении современного языкознания, объектом изучения которого является специфика использования языка как средства ведения информационно-психологических войн**. Предметом лингвистики ИПВ являются речевые технологии (речевые стратегии, тактики, приемы и реализующие их языковые средства), мотивированные соответствующими целями ИПВ.

В основе методологии лингвистики ИПВ лежат концептуальные положения философии войны (в том числе философии информационной войны), психологии воздействия (включая теорию манипуляции общественным сознанием), теории коммуникации и таких лингвистических дисциплин, как прагмалингвистика, политическая лингвистика, нейролингвистика, этнолингвистика, медиалингвистика, гендерная лингвистика, когнитивная лингвистика, этнолингвистика, лингвокультурология, лингвоконфликтология. Лингвистика ИПВ использует совокупность традиционно сложившихся методик исследования речи и текста, включающую дискурс-анализ, контекстуальный анализ, интенциональный анализ, стилистический анализ, семантический анализ, дистрибутивный анализ, статистический анализ и некоторые другие методы.

Основной методологической проблемой для лингвистов, изучающих ИПВ, является создание системы критериев, позволяющих квалифицировать речевое произведение как информационно-психологическое оружие. Представляется, что анализ изолированного высказывания, фрагмента текста и даже целого текста часто не дает оснований для его квалификации как текста ИПВ. Например, чтобы приведенные ниже тексты, дающие негативную оценку тому или иному объекту, квалифицировать названным выше образом, необходимо их рассматривать в контексте дискурса автора или издания (а также других информационных каналов) в определенный период времени:

Холод измеряется в градусах, надежность строительства – доверием общества. Сегодня степень доверия такая: если наше правительство скажет, что весной на деревьях появятся зеленые

листочки, – ему не поверят! И будут думать-гадать, какую еще каверзу оно замыслило! (Аргументы и факты. 2014. № 6);

О. Митволь, безработный, экс-префект Северного округа Москвы: «Меня убрали непонятно за что. Я этим горжусь. Я горжусь тем, что за 6,5 лет моей госслужбы на меня нет компромата, никто ничего мне предъявить не может».

Нашли чем гордиться! В сложившейся системе отсутствие компромата на чиновника не достоинство, а недостаток. Хотите вернуться во власть – срочно что-нибудь соприте! (Аргументы и факты. 2010. № 43).

Для исследования языка ИПВ недостаточно системы понятий, ставших более или менее употребительными в речеведении: *речевое воздействие, речевая стратегия, речевая тактика, речевой жанр, речевая агрессия, речевая манипуляция, языковая демагогия* и др. В лингвистических работах, посвященных языку ИПВ, используются, например, такие терминопонятия, как *информационно-психологическое противостояние; информационно-психологическое противоборство; информационно-психологическое воздействие; информационно-психологическое влияние; глобальные и локальные информационно-психологические войны; объект и субъект информационно-психологической войны; канал информационно-психологического обмена; информационно-психологические операции; информационное оружие; дискурсивное оружие; методы, приемы и инструментарий (языковые средства) информационно-психологического воздействия; актуализация стереотипов, символов; психологический контекст восприятия* и некоторые другие [Плотникова 2009, Тагильцева 2010, 2012, 2013; Рыжкина 2013; Фарина 2010 и др.]. Таким образом, происходит формирование специальной терминологии, обслуживающей лингвистику ИПВ как особое направление научных исследований.

Соотношение целого ряда терминов является дискуссионным, например таких: *информационно-психологическая война* и *информационно-психологическое противоборство, средства информационно-психологического воздействия* и *каналы информационно-психологического воздействия, объект информационно-психологической войны* и *мишень информационно-психологической войны*. Поэтому создание системы базовых понятий лингвистики ИПВ и их терминологическое определение является одной из ее первоочередных задач.

Другая проблема, входящая в круг интересов рассматриваемого направления лингвистических исследований, связана

с определением и разграничением субъектов, объектов и мишеней ИПВ. Одни исследователи к субъектам информационно-психологического воздействия относят информационные системы, прежде всего сознание людей [Тагильцева 2013: 133], другие – различные институты и спецслужбы государств [Авцинова 2011: 42], средства массовой информации, органы пропаганды международных организаций, негосударственные структуры (блогеры, хакеры, неструктурированные сетевые сообщества) и т. п. [Смирнов 2013: 87]. Полагаем, что термин «субъект ИПВ» целесообразно использовать как родовое обозначение понятий «инициатор ИПВ» и «актор ИПВ».

Наблюдения показывают, что понятия объекта и мишени ИПВ неравнозначны. Мы полагаем, что объектом такой войны логично считать сознание людей. В таком случае мишенями являются понятия и представления о связанных с объектом сторонах действительности, которые подвергаются негативной оценке для оказания давления на объект. Так, в настоящее время мишенями ИПВ являются: властная вертикаль, Русская православная церковь, внешняя политика руководства страны, русский язык, русская литература и т.д. (см. [Сковородников, Королькова 2015]).

Выделяют три «уровня» (аспекта) ведения информационно-психологического противоборства: стратегический, оперативный и тактический. «В основном на стратегическом уровне информационного геополитического противоборства должны действовать высшие органы государственной власти России, а спецслужбы и крупный национальный капитал – на оперативном и тактическом уровнях» [Панарин 2012]. На каждом из названных уровней используются определенные реализующиеся в речи стратегии и тактики. Их систематизация и описание также входит в проблемное поле лингвистики ИПВ с предварительным уточнением самих понятий речевых стратегий и тактик применительно к информационно-психологической войне.

Иногда используется термин «организационная война» для обозначения проведения разного рода мероприятий, направленных на ослабление или уничтожение противника, разрушение его организационных структур. Следовательно, можно говорить об организационном уровне ведения ИПВ. Примером войны на таком уровне может служить снятие с эфира федерального канала «Россия-24» 38-го выпуска «Бесогона» Никиты Михалкова, которое стратегически объясняется стремлением не допустить в эфир неугодную руководству канала информацию, а тактически оправдывается нарушением корпоративной этики в случае демонстрации фильма: «В эфире каналов холдинга

не допускается появление материалов, которые наши коллеги по телевизионному цеху могут расценить как недружественные и тем более – оскорбительные. По опыту 1990-х российское телевидение знает, как возникают и к чему приводят “эфирные войны”» [<http://lenta.ru/news/2015/12/14/besogon/>]. Другим примером организационной войны является широкое распространение так называемых «соросовских» учебников истории, суть которых заключалась в искажении истории России, направленном на изменение национального самосознания и в целом картины мира (подробнее об этом см., например, материал под названием «Уничтожение школы» в газете «Завтра» 2004 г., № 32).

Ощущается необходимость разработки методики выявления, анализа и типологизации языковых особенностей текстов ИПВ. Наблюдения над «манипулятивными играми в слова», занимающими важное место в информационной войне, содержатся, например, в книгах некоторых лингвистов: «Кто управляет Россией?» [Миронова 2010], «Игры в слова: манипулятивные операции в текстах СМИ» [Васильев 2013б]. Однако не меньший интерес для лингвистов представляют публикации, которые, несмотря на то, что их авторы не являются филологами, содержат отдельные наблюдения над языковыми особенностями ИПВ, например над креативными «находками» акторов войны: «Так, создано слово “фашизоидный” как гибрид понятий фашиста и шизофреника и помещено рядом со словом большевистский» [Там же: 154]. И.Н. Панарин пишет, что в конце XX века широкое распространение получил «метод семантического манипулирования», который состоит «в тщательном отборе слов, вызывающих либо позитивные, либо негативные ассоциации и таким образом влияющих на восприятие информации (наш человек – разведчик, их – шпион и т. д.)» [Панарин 2012]. Или вот, например, наблюдения над использованием языковых средств реализации стратегии компрометации В.И. Ленина: «Среди интеллигенции стало распространяться ироническое отношение к Ленину. В одном из отраслевых институтов был даже выработан эзопов язык, в котором В.И. Ленин обозначался термином “бородейка”, а партработники – термином “пузанок”, рядовые люди, верящие в Ленина, – термином “совки”. Кстати, последний со временем получил очень широкое распространение» [Лисичкин, Шелепин 2005: 174–175].

Немаловажным считаем выявление возможностей тропических, фигуральных и иных речевых приемов, используемых в ИПВ. Например, можно отметить широкое употребление приема трансформации прецедентного текста как способа искажения

информации, например: *Социализм – это советская власть плюс электрификация всей колочей проволоки* (Твой Додыр. 2001. № 26). Ср. с высказыванием Ленина: «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны, ибо без электрификации поднять промышленность невозможно» [Ленин 1970]. Полнота и разнообразие использования речевых приемов в ИПВ должны составить предмет отдельного исследования.

Интересно замечание Д.Н. Зеркалова, правда в ином аспекте, о роли языковых средств в формировании исторического сознания народа и в какой-то степени в противостоянии психологическому воздействию: «...если бы удалось вырвать из национального сознания память о Победе, то для народа России была бы уничтожена система “всех важнейших линий интерпретаций настоящего”. Более того, была бы уничтожена система координат для оценки реальности, то есть была бы рассыпана мировоззренческая матрица народа. Он был бы лишен языка (“Риторических средств выражения”). Кроме того, народ был бы лишен и общих художественных и эмоциональных средств общения внутри себя и с государством – он утратил бы язык “высоких коллективных чувств” и язык “лирической государственности»» [Зеркалов 2012: 489].

Исследователи выделяют приоритетные направления государственной политики России по противодействию информационно-психологическим атакам [Авцинова 2011: 46; Мушта 2009: 41; Панарин 2012]. Языковой аспект проблемы противодействия такой войне должен входить в круг вопросов лингвистики ИПВ. Примером информационного противостояния и одновременно контрманипуляции может служить публикация в газете «Завтра», в которой доказывается, что в слове «ватники», которое русофобы пытаются сделать символом отсталости, неполноценности русского народа, на самом деле нет ничего оскорбительного. Автор статьи пишет, что ватник – удобная и привычная русская одежда; в ватнике любил ходить император Александр Третий; войну с фашистами выиграли в ватниках; это «самая массовая и самая демократичная зимняя одежда в мире, спасающая от холода миллионы жизней»; в ватнике проходил лагерный срок А. Солженицын; в нем ходил нобелевский лауреат Иосиф Бродский, Борис Пастернак, Виктор Астафьев, Василий Шукшин. «Ватник на сегодня – это самая известная русская одежда. Ватник у миллионов людей символизирует не лентяев и лодырей, не пьяниц и воришек, а как раз наоборот – все самые героические деяния народа: период великих строек, период великой войны, период

восстановления, или же самые трагические периоды в жизни страны: лагерные репрессии, ссылки, тяжёлый труд. Так что ватник – это звучит гордо» (Завтра. 2015. № 21).

Специфика лингвистики ИПВ диктует необходимость обращения к разработкам многих дисциплин, таких как философия, психология, история и культурология. Большую значимость для лингвистики ИПВ имеют исследования смежных лингвистических дисциплин, например теории политической метафорики (см. [Баранов, Караулов 1994; Чудинов 2003; Чудинов 2013; Будаев, Чудинов 2008] и др.), поскольку метафора является одним из способов конструирования картины мира – одного из объектов психологического воздействия. Эти исследования дают богатый материал для аналитического осмысления и обобщений.

Взаимодействие лингвистики ИПВ с другими дисциплинами может составить содержание отдельной научной публикации, поэтому ограничимся приведением некоторых наблюдений журналистов над связью языка и культуры, языка и истории. Например, на высказывание Алексея Цветкова, начинающееся словами «Обрекая себя на русскую духовность...», журналист реагирует таким образом: «И не так уж важно, чем завершает живущий в Праге А. Цветков свой пассаж. Неприятно уколола фальшь в начале фразы. <...> Искажается изначальный смысл творчества и самой культуры, поскольку обречь можно лишь на бездуховность» (Литературная газета. 2013. № 14). Другой пример связан с оценкой стратегии «очернения» истории страны: «К сожалению, в России ее великое прошлое “всячески топтали в 90-е годы. И до сего дня этим занимаются такие телеподмастерья, как Н. Сванидзе, Л. Млечин и их единомышленники среди историков, деятелей культуры и политики, прикрываясь “восстановлением исторической правды”» (Завтра. 2013. № 51). Такую ситуацию в исторической науке профессор Санкт-Петербургского государственного университета В.С. Брачев объясняет, приводя высказывание профессора И.Я. Фроянова: «...совершенно понятно, чем им всем не угодила наша классическая историческая наука. Она им просто как кость в горле, потому что историческая наука формирует национальное самосознание. Известно, что знание истории делает человека гражданином» (Литературная газета. 2011. № 5).

Сказанное свидетельствует о высокой степени актуальности лингвистики ИПВ, поскольку эта война разворачивается в настоящее время в России, и именно лингвисты способны помочь государству и обществу противостоять ей.

1.3. Ключевые понятия и термины лингвистики ИПВ

Поскольку мы разделяем точку зрения тех исследователей, которые считают информационную войну, а следовательно и ИПВ, «наиболее острой формой информационного противоборства», направленной на нанесение вреда противнику [Воронцова, Фролов, 2006: 66] (см. также, например, [Некляев 2008]), информационно-психологическая война была определена нами выше как противоборство сторон (государств, партий, корпораций и т.д.), которое возникает из-за конфликта интересов и осуществляется путем намеренного информационного воздействия на сознание противника для его когнитивного подавления и/или подчинения, а также посредством использования мер информационно-психологической защиты от такого воздействия. В этом определении обозначены возможные **субъекты ИПВ**. Есть два типа субъектов ИПВ: **субъект-1** – инициирующий ИПВ (**инициатор**); **субъект-2** – противостоящий инициатору ИПВ. Причем нападающая и обороняющаяся стороны в процессе ИПВ могут меняться местами.

Целеполагание субъекта информационно-психологической войны – это всегда стремление достичь комплекса положительных для себя результатов – политических, экономических, социальных и/или идеологических – за счет нанесения ущерба противоположной стороне.

Предлагаются типологии субъектов информационной войны. Так, типология, предложенная А.В. Манойло, А.И. Петренко и Д.Б. Фроловым, учитывает следующие виды субъектов информационного влияния: государства, их союзы и коалиции; межгосударственные организации; негосударственные незаконные вооружённые формирования и организации террористической, экстремистской, радикальной политической или религиозной направленности; транснациональные корпорации; виртуальные социальные сообщества; медиакорпорации; виртуальные коалиции [Манойло 2003: 281; Манойло и др. 2004].

Непосредственного исполнителя, выступающего на одной из сторон информационно-психологической войны, называют **актором**. Им может быть как отдельное лицо (например, автор текста), так и группа людей, коллектив (например, редакция газеты). Представляется важным подчеркнуть, что инициатор и актер могут совпадать

в одном субъекте, а могут и не совпадать в случае, если инициатор (например, определенная компания, учреждение, политическая партия, правящий класс какого-либо государства) является заказчиком, а непосредственным исполнителем (актором – коллективным или индивидуальным) – конкретное лицо или орган СМИ.

Объектом ИПВ, с нашей точки зрения, является сознание (психическое состояние) народа в целом или какой-либо целевой группы (социальной, конфессиональной, профессиональной и т.д.), а также сознание какого-либо индивида (более редкий случай). В связи с глобализационными процессами, происходящими в современном мире, объектом ИПВ часто становится сознание всего человечества или его значительной части.

Необходимо дифференцировать понятия **объекта** и **мишени**, поскольку, как нам представляется, объект ИПВ – это сознание тех или того, на кого направлено речевое воздействие с целью его изменения, а **мишень** – понятия и представления о связанных с объектом сторонах действительности, которые подвергаются негативной оценке. Причем в мишени может быть выделено ядро (или болевая точка), на которое направлен основной удар субъекта ИПВ. Так, например, для дискредитации Русской православной церкви в глазах российского народа, и прежде всего верующих, мишенью может стать и становится образ Патриарха Кирилла; для дискредитации властной вертикали Российского государства в глазах нашего и других народов – образ Президента В.В. Путина, правящей партии, внешней политики страны и т.д.

В теории войны используется понятие **стратегии**: «Стратегия <...> должна поставить военным действиям в целом такую цель, которая соответствовала бы смыслу войны. Она составляет план войны и связывает с поставленной военным действиям целью ряд тех действий, которые должны привести к ее достижению; иначе говоря она намечает проекты отдельных кампаний и дает в них установку отдельным боям» [Клаузевиц 2007]. В лингвистике ИПВ, наряду с понятием стратегий и тактик (их определения см. в главе 3), может оказаться полезным понятие **информационно-психологической операции**, под которым понимают «...весь комплекс мероприятий, направленных на достижение военно-политических целей информационно-психологическими средствами» [Караяни, Сыромятников 2006: 242]. Таким образом, операция является частью комплексной стратегии воздействия [Операции... 2015: 394], а способ практического осуществления операции можно называть **методом**.

Психологическое воздействие как «преднамеренное и целенаправленное вмешательство в процессы психического отражения действительности» [Белянин 2009: 363] осуществляется по определенным каналам.

Каналы распространения (подачи) информации в лингвистике ИПВ целесообразно понимать как «технологические системы производства и распространения сообщений, к которым относятся радио, телевидение, пресса, интернет, а также мобильная связь...» [Семкин 2015: 34].

Под **информационно-психологическим оружием** понимают «совокупность средств, избирательно влияющих на психическую деятельность людей с целью задания ей необходимых характеристик, целенаправленного управления человеческим поведением, а также управляющих качественно-количественным состоянием информационного ресурса противника в интересах успешного решения боевых задач» [Ефремов и др., 2000: 65]. Таким оружием считаем высказывания и тексты любого жанра, в основу организации которых положены стратегия и тактики дискредитации какой-либо мишени (мишеней). По сути информационно-психологическое оружие – это и есть «средства ведения психологических операций» (в понимании [Операции... 2015: 378]). С.Н. Плотниковой в научный оборот введен термин «дискурсивное оружие» [Плотникова 2009], который органично вписывается в систему терминопонятий лингвистики ИПВ.

Названные выше термины интегрируются понятием **технологии ИПВ**, под которой мы понимаем систему последовательно применяемых субъектами войны способов информационно-психологического воздействия (операций, методов, приемов), в результате чего достигается планируемый результат.

Глава 2. НАУЧНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЛИНГВИСТИКИ ИПВ

2.1. Философские основания лингвистики ИПВ

Один из постулатов философии науки гласит, что «в любой области знания должна быть собственная сфера оснований, ставящая своей целью не расширение или применение знаний, а их обоснование, шлифовку, повышение строгости доказательств...» [Ушаков 2005: 17]. Представляется логичным начать рассуждения с философских оснований как наиболее общих, так как именно философия задает науке мировоззренческий и методологический базис, необходимый для исследовательской деятельности, выступая тем самым предпосылкой любого научного исследования, создавая необходимый для него концептуальный фон, проясняя основания и содержание научного знания [там же: 17–19].

Специалисты в области методологии утверждают, что, в отличие от простого описания изучаемых явлений и процессов, наука строит идеальные их модели, позволяющие адекватно описывать тот или иной объект или явление действительности. Модель представляет собой «аналог познаваемого объекта, заменяющий его в процессе познания» (Ю.М. Лотман, цит. по кн. [Лосев 1982: 224]). Говоря о модели ИПВ, мы имеем в виду систему понятий (категорий, идей), составляющих суть этого явления, его основное когнитивное содержание. Построению такой модели и способствует философия, которая дает науке понятийную, или категориальную, поддержку, а также обеспечивает ее определенными содержательными представлениями, исходными тезисами. «Если в культуре не сложилась категориальная система, соответствующая новому типу объектов, то последние будут воспроизводиться через неадекватную систему категорий, что не позволяет

раскрыть их сущностные характеристики», – пишет В.П. Кохановский [Кохановский 1999: 198].

В литературе по проблемам философии информационных войн исследователь ИПВ может почерпнуть целый ряд базовых понятий, например: информационное воздействие, информационное оружие, стратегии информационной войны, информационная угроза, информационная мишень, информационное общество, информационная операция, информационная безопасность, оперативика, стратегия, тактика, принципы ведения войны, глобализация, фальсификация истории, историческое сознание, историческая память, общественное сознание, мифы, символы, идеология, идеологическое прикрытие, философия войны, философия информационной войны, модель информационной войны [Керсновский 2010; Расторгуев 2003; Лисичкин, Шелепин 2003 и др.].

Говоря далее о философских работах, под философами мы понимаем не только профессионалов в этой области, но и известных мыслителей вообще, в том числе выдающихся общественных и религиозных деятелей, писателей, учёных и т.д. Так, применительно к России следует иметь в виду, что русская философская мысль выражается часто не только в собственно философских работах, но и в художественных и публицистических текстах. Выдающийся русский философ XX века А.Ф. Лосев пишет об этом так: «Среди русских очень мало философов *par excellence*: они есть, они гениальны, но зачастую их приходится искать среди фельетонистов, литературных критиков и теоретиков отдельных партий. В связи с этой “живостью” русской философской мысли находится тот факт, что художественная литература является кладезем самобытной русской философии. В прозаических сочинениях Жуковского и Гоголя, в творениях Тютчева, Фета, Льва Толстого, Достоевского, Максима Горького часто разрабатываются основные философские проблемы, само собой в их специфически русской, исключительно практической, ориентированной на жизнь форме» [Лосев 1991: 213–214]. С этим тезисом А.Ф. Лосева соотносятся мысли, высказанные А.А. Брудным, который пишет о разных типах философствования, в том числе об американской философии успеха, имеющей прикладной характер (см. об этом [Брудный 1998: 276]).

Осмысление многих философских проблем (познания человека и смысла его существования, отношений человека и мира, бытия человека в «мире людей» и др.) в преломлении к событиям, связанным с информационно-психологическими войнами, находим

в наблюдениях людей, являющихся представителями самых различных профессий и публично выражающих свою позицию в СМИ. Приведем некоторые наблюдения.

▪ **О цели информационно-психологической войны:** «цель идеологической войны: заменить русское культурное ядро России (русский менталитет) на западное (западный менталитет), “протащив при этом Россию через катастрофу”», «речь идет о смене менталитета, или, в другой терминологии, социокультурного кода» (Наш современник. 1993. № 2), поэтому особую важность приобретает формирование, прежде всего у молодого поколения, «духовно-культурной матрицы», включающей в том числе «культурные, нравственные, эстетические и этические нормы, национальный подход к пониманию прекрасного» (Взгляд. Деловая газета 22.04.2014. URL: <http://vz.ru/politics/2014/4/22/683423.html>).

▪ **О роли смыслов и ценностей в информационно-психологической защите:** «Прежде, чем говорить об обороне, надо сказать о смыслах и ценностях. В послании президента Федеральному собранию от 12.12.12 были обозначены наши смыслы и ценности. Дан диагноз: в России произошла демографическая и ценностная катастрофы. Какие ценности обозначены президентом? Это национальная и духовная идентичность, ответственность перед будущим. Это работа, творчество и компетентность. Это справедливость и нравственность. Слова очень хороши, а дальше нужны дела» (Завтра. 2014. № 9).

▪ **О необходимости избавиться от комплекса национальной неполноценности:** «Комплекс неполноценности некоторых русских перед Западной Европой шокирует меня, я знаю, что это совершенно неоправданно, и мне трудно это понять.

Я вижу этот комплекс основным препятствием развития страны. России мешает навязчивое желание подражать западной модели, не только брать у Запада то, что может быть полезно, но и развивать уникальную и индивидуальную русскую систему существования.

Московский “креативный класс” должен перестать мечтать о глобальной европеизации России, забыть о своей неполноценности и признать, что Запад давно уже не является моделью», – говорит француз А. Латс (Литературная газета. 2013. № 43).

▪ **О необходимости консенсуса:** «Когда сегодня говорят об информационной войне, обычно подразумевают, что началась обработка российского населения в нужном тем или иным элитам той или иной страны направлении. Основная драма любой стратегиче-

ской информационной операции, однако, развёртывается внутри той страны, которая её проводит. Любое изменение политики сопровождается изменением содержания того, что правящие слои говорят своему населению. Чтобы делать что-то вне страны, элиты сначала должны прийти к консенсусу и осуществить подготовку своего народа, объяснить ему, что хорошо и что плохо» (Литературная газета. 2014. № 1).

▪ **О важности стратегического понимания информационной войны:** «В этой ситуации содержательная дискуссия может быть лишь второстепенным инструментом, подтверждающим серьезность и обоснованность позиции государства, но сводить всю информационную политику лишь к содержательным возражениям – значит заранее обрекать себя на поражение и, затем, гибель: это стратегическая оборона.

Российское государство должно исходить в своих действиях из понимания того, что речь идет не об ущемлении его интересов, а о самом его существовании» (Завтра. 2014. № 30); «...Долгосрочную государственную стратегию невозможно построить только лишь на основании реагирования на уже появившиеся угрозы. <...> Не всегда власть умеет перед лицом общества обосновать необходимость превентивных мер на различные неявные угрозы, – и это может стать проблемой для всей нации» [<http://vizantarm.am/page.php?304> (дата обращения: 29.04.2017)].

▪ **О внешних и внутренних информационных войнах:** «Я все не хочу сказать, что всё, что происходит с нашим языком, дело рук заокеанских “заговорщиков”. Мы всё творим сами, в том-то и дело», – говорит Владислав Смирнов (Литературная газета. 2014. № 14). Егор Холмогоров более определенно пишет: «Публично оскорблять и унижать наш народ, заявлять о том, что русской кухни не существует, культуру создали иностранцы, у соотечественников, живущих за границей, нет права говорить на родном языке, – нет сомнений, что журналистское сообщество, подпитываемое такими принципами и уверовавшее в корпоративную броню, будет отвечать предательским брюзжанием на любое усиление патриотической повестки Кремля. А если мощь вертикали хоть немного ослабнет – охотно нанесет удар в спину Путину. “Пятая колонна” – понятие в данном случае отнюдь не фигуральное» (Культура. 2015. № 44).

▪ **О необходимости выработки государственной информационной политики:** «Осмысленная доктрина государственной информационной политики отсутствует. В России до сих пор не выработаны четко очерченные цели национального телерадиовещания.

Существующие государственные и “общественные” телерадиокомпании с возложенными на них государством и обществом функциями не справляются. От популяризации новых консолидирующих идей, традиционных общественно значимых ценностей и духовно-нравственных идеалов в государственном теле- и радиэфире, оплаченном за счет рядовых налогоплательщиков, произошло сползание к фактической пропаганде деятельности нескольких политических кланов, финансовых групп, а также интересов отдельных личностей. Единое информационное пространство страны разрушено, заметная его часть контролируется иностранным информационным капиталом. Информационная безопасность России серьезно подорвана.

Собор выражает крайнюю озабоченность сложившейся ситуацией, считая ее критической и взрывоопасной, составляющей реальную угрозу национальному самосознанию русского народа, его языку и культуре. Необходимо ввести в официальную практику принцип национального протекционизма в информационной политике России» (из «Резолюции IV Всемирного Русского Народного Собора (Москва, 5–7 мая 1997 г.) о необходимости безотлагательной выработки государственной информационной политики» // Русь Державная. 1997. № 5 (37)).

Таким образом, философия применительно к ИПВ намечает основные признаки этого сложного социального явления, дает ориентиры для исследования его психологического и лингвистического аспектов. Еще большее отношение к лингвистике ИПВ имеет **философия войны**.

По мнению ученых, осмысление войны в философском аспекте было осуществлено не так давно. А.А. Скворцов отмечает, что «специальная научная философия войны родилась только в конце XVIII в.» и что пришла она из военно-теоретической мысли и мемуаров. В частности, он пишет, что выражение «философия войны» впервые появляется в книге «Военные и политические мемуары» (1801) Генри Ллойда [Скворцов 2015].

До 1914 г. «не было связи между общей наукой и наукой военной», и только после войны 1914–1918 гг., отмечает Н.Н. Головин, даже наиболее пацифистски настроенные ученые начали понимать необходимость изучения войны [Головин 1995: 131]. В России образ войны в философском аспекте осмысливается в курсе лекций А.Е. Снесарева «Философия войны», написанном в 1919 г., но впервые изданном в Военной академии Генерального штаба ВС РФ только в 2002 г. [URL: <http://a-e-snesarev.ru/danilenko2.html> (дата обращения:

10.03.2016)]. В этом труде А.Е. Снесарева отражена позиция «человека, имевшего представление о теории войны как философском явлении, освещавшемся в трудах ученых, и в то же время человека, принимавшего в войне самое непосредственное участие» [Коротун 2015: 40].

Философией войны А.Е. Снесарев называет «научно переработанное (или проще обнаученное) военное мирозерцание», понимаемое как совокупность философских выводов относительно войны и всего с ней связанного [http://www.snesarev.ru/Philosophy_of_war.pdf]. Основной задачей философии войны как науки (именно науки), по его мнению, является «понимание и углубление в существо войны прежде всего, а затем в основные науки и понятия, из существа войны вытекающие» [Там же].

Понимание философии войны исторически менялось: если в начале XIX в. в соответствии с немецкой военно-стратегической мыслью философия войны определялась «как учение о месте, причинах и роли боевых действий в обществе и истории, как наука о взаимоотношении войны и остальных сфер общественной жизни»; то к началу XX в. она осмысливается как «поиск метафизических, социальных, антропологических оснований воинственности как таковой и пути ее устранения либо перевода в иное, более мирное русло, чем боевые действия» [Скворцов 2015]. В работах современных авторов философией войны называют теорию войны (в аспекте философии) как «целостно-мировоззренческое теоретическое освоение современных проблем диалектики войны и мира, как мировоззренческое и методологическое основание военной науки» [Отюцкий 2010: 76]; «теоретическую концепцию войны», «обоснование методов и способов ведения войны» [Печенкин 2015].

На основе осмысления изученной литературы по философии выделим основные положения (постулаты) этой науки и кратко охарактеризуем их в преломлении к лингвистике ИПВ как направления научных исследований, связанного с изучением языка и речевых технологий информационно-психологического противоборства.

1. Постулат о многоаспектности философии войны. Война должна рассматриваться с многих точек зрения: «с исторической, нравственной, государственной, экономической» [Снесарев. URL: http://www.snesarev.ru/Philosophy_of_war.pdf]; в философии войны выделяются различные аспекты: онтология войны, гносеология войны, диалектика войны, аксиология войны, антропология войны, война через призму социальной философии и др. [Отюцкий 2010].

Этот ряд различных аспектов философии войны, в том числе информационно-психологической, должен быть дополнен аспектом лингвистическим. Тем более что рассуждения о языке ИПВ можно встретить в работах некоторых философов (например, в [Самохвалова 2011]).

Следует говорить также о многоаспектности самой лингвистики ИПВ, что подразумевает изучение языка ИПВ в аспектах:

- тактико-стратегическом (исследование речевых стратегий и тактик, используемых в ИПВ);
- функциональном (исследование речевых сфер функционирования текстов ИПВ и их жанровой принадлежности);
- элокутивном (изучение речевых средств, в том числе тропов и фигур, используемых в текстах ИПВ);
- со стороны специфики речевого воздействия на различные мишени в соответствии с их природой;
- в отношении особенностей речевого поведения акторов войны (партий, корпораций, стран и т.п.).

2. Постулат о войне как форме коллективной агрессии. Война рассматривается как насилие, совершаемое большими массами людей и отличающееся следующими признаками:

а) концептуальность военной политики: наличие идеологии, концепции подготовки (включая определение стратегий, тактик) и реализации намеченного (признаки, характерные и для ИПВ);

б) вооруженный характер борьбы (в ИПВ в качестве оружия выступают тексты: вербальные, невербальные и креализованные);

в) протяженность во времени и неоднократность агрессивных действий, операций: «Война не состоит из одного удара, не имеющего протяжения во времени» [Клаuzeвиц 2007] (длительностью отличалась холодная война против СССР, которая привела к его распаду, и сегодняшняя война против России началась не вчера);

г) большое количество жертв: «...Боевые действия всегда связаны с неисчислимыми страданиями, разрушениями и жертвами. Если же их нет, если все снаряды летят впустую, а выстрелы гремят в воздух, то мы наблюдаем учения, акции устрашения, – все что угодно, но только не войну. В нее вооруженное столкновение перерастет лишь тогда, когда число погибших превышает одну тысячу за год. Если же их меньше, то мы имеем дело с вооруженным конфликтом. Именно количество жертв отличает войну от иных организованных форм насилия» [Скворцов 2015] (жертвами ИПВ также может оказаться, и, как правило, оказывается, большое количество людей);

д) наличие не только наступающей стороны, но и обороняющейся: «военные действия проявляются в 2 формах – наступлении и обороне» [Клаuzeвиц 2007] (отсюда большое внимание в ИПВ уделяется необходимости защиты; оборонительный характер носит информационная политика, осуществляемая в России).

Исходя из вышесказанного, лингвистом в процессе анализа дискурса ИПВ должны учитываться:

- целевая и тактико-стратегическая составляющая;
- публичный характер текста (адресованность широкой аудиторией);
- множественность текстов определенной направленности в тот или иной период времени, их связь между собой;
- наличие речевых приемов, направленных на формирование нужного общественного сознания;
- реакция жертв нападения в виде ответных речевых действий.

Названные признаки могут быть положены в основу системы квалификации речевых произведений как текстов ИПВ.

3. Постулат о связи между войной и политикой. «Война есть продолжение политики, только иными средствами», – писал К. Клаuzeвиц в работе «О войне» [Клаuzeвиц 2007]. Эта мысль прослеживается в целом ряде современных работ, например: «Война есть организованная политическая борьба за свое благосостояние и могущество» [Скворцов 2015]; «В принципе все войны носят идеологический характер в том смысле, что каждая из вовлеченных в нее сторон посягает на образ жизни и систему ценностей своего противника. В то же время война, будучи соперничеством за власть и влияние во всех их формах и проявлениях, – политический акт» [Гаджиев 2004: 239]. Политические по сути цели преследуют и т.н. «новые войны», связанные с притязанием на власть на основе этнической или религиозной идентичности и использующие криминальные системы ее финансирования [Калдор 2015].

Рассмотрение ИПВ в политическом аспекте помогает понять причины выбора противниками России основных мишеней нападения. Становится понятным: сегодняшнее наступление на православие объясняется тем, что оно является ценностным ядром русской культуры, которую пытаются заменить культурой и менталитетом, свойственными западной цивилизации. «Причины, по которым главной мишенью “передовых” (то есть господствующих) сил всего мира стало православие, кажется, уже ясны. Во-первых, православие осталось единственным ортодоксальным носителем принципа

блаженства нищих духом – господствующий новолиберальный дух эпохи, напротив, утверждает, что у бедных, неприспособленных и неприкаянных нет алиби – они достойны своей участи. <...> Вторых, православие – единственная сила, обещающая новую интеграцию поверженного третьего Рима или, в новой лексике, проигравшего холодную войну “второго мира”. Победители заинтересованы в раздробленности побежденных и потому не только всячески поощряют новые этносуверенитеты в пространстве бывшего второго мира и в постсоветском пространстве, но и все то, что благоприятствует эрозии православия как держателя духовного единства в восточнохристианской цивилизации» [Панарин 2002: 219–220].

Постулат о связи войны с политикой способствует рассмотрению общих вопросов философии войны в рамках политической философии (см. учебные пособия по этой дисциплине, в которых выделяется раздел, посвященный философии войны, например, [Василенко 2010; Гаджиев 2004]). Политическая философия помогает лингвисту осмыслить такие понятия теории ИПВ, как *актор войны, мишень воздействия, информационно-психологическое оружие, агент влияния, авторитаризм, тоталитаризм, вождизм, идеология, деидеологизация, либерализм, нация, общественное сознание, патриотизм, политическая символика, пятая колонна, холодная война, экстремизм* и т.д.

4. Постулат о метафизическом оправдании войны. В философских работах прослеживается мысль о вреде пацифистских настроений. В частности, в книге А.А. Керсновского «Философия войны» читаем: «...если мы хотим предохранить государственный организм от патологического явления, именуемого войною, – мы не станем заражать его пацифистскими идеями. Если мы желаем, чтобы наш организм сопротивлялся болезненным возбудителям – нам надо не ослаблять его – в надежде, что микробы, растроганные нашей беззащитностью, посоветятся напасть на ослабленный организм, – а, наоборот, сколь можно более укреплять его» [Керсновский 1939].

Идея о том, что избежать войны нельзя, прослеживается в работе А.Г. Дугина «Философия войны»: «Отказ от войны, бегство от войны, неготовность к войне свидетельствуют о глубоком вырождении нации, о потере ею сплоченности и жизненной, упругой силы. Тот, кто не готов сражаться и умирать, не может по-настоящему жить. <...> Не случайно так почитаем православными Святой Георгий, воин за Веру, заступник за православный люд, спаситель еще земного, но уже православного (т.е. уже ставшего на небесные пути) цар-

ства» [Дугин 2004б: 121]. Аналогичные мысли о неизбежности войны высказывали и другие русские философы (см., например, [Трубецкой 1994: 269; Бердяев 1990: 155]). Таким образом, философия утверждает необходимость оборонительной войны. Такую войну называют также войной справедливой [Шмитт 2008; Walzer 2015 и др.].

Возникает вопрос о том, ради чего приходится воевать, т.е. вопрос «этики войны»: «Весь вопрос в том, отстаиваются ли в войне какие-нибудь ценности, более высокие, чем человеческое благополучие, чем покой и удовлетворенность современного поколения? <...> Ценность чести, национальной и личной, выше благополучия и покойного удовлетворения. Достижения жизни исторической, решения мировых задач выше достижений жизни замкнуто-эгоистической, личной и семейной. Без такого сознания не может быть закала народного характера. Если в народе побеждают интересы покойно-удовлетворенной жизни современного поколения, то такой народ не может уже иметь истории, не в силах выполнить никакой миссии в мире» [Бердяев 1990: 161]; «...великая война должна иметь и творческие исторические задачи, должна что-то изменить в мире к лучшему, к более ценному бытию» [Там же: 168].

Этот пафос войны в ее информационно-психологическом аспекте выражается в средствах высокого стиля. Тем более что «...победить в информационной войне может та страна, которая выстроит в информационном пространстве и предложит своим гражданам яркий символический проект национальной идеи – систему национальных приоритетов, идей и традиций, которые для большинства окажутся более значимыми, чем любые информационные воздействия и соблазны извне» [Василенко 2010: 163].

5. Постулат о коллективной ответственности в войне.

Н.А. Бердяев пишет: «Мы все так или иначе участвуем в войне. Уже тем, что я принимаю государство, принимаю национальность, чувствую всенародную круговую поруку, хочу победы русским, я – участвую в войне и несу за нее ответственность» [Бердяев 1990: 156]. Лингвисты не могут быть безучастными к ведущейся ИПВ и должны изучать ее языковые и речевые особенности, прежде всего, для обеспечения информационной безопасности общества и государства.

Между тем россияне, особенно интеллигенты, в относительно мирное время, когда нет «горячей» войны, склонны не столько поддерживать свое государство, сколько его критиковать. Философия заметила, что «национальная самокритика» и «национальное самоосуждение» составляют несомненную черту русского народа.

«Нет народа, который до такой степени любил бы ругать себя, изобличать себя, смеяться над собой» [Вышеславцев 2003: 628]. Однако эта черта, полезная в период национального благополучия, оборачивается несомненным злом в период национального кризиса и геополитических угроз, которые сейчас переживает Россия. Так, несвоевременная национальная самокритика может обернуться национальной безответственностью, что мы и наблюдаем сейчас со стороны тех, кто по сути дела способствует противникам России в ведении против нее ИПВ.

Проблема коллективной ответственности в противодействии ведущейся против России ИПВ особенно остро стоит в отношении интеллигенции и, в частности, экспертного сообщества. Современная социальная философия отмечает, что в отношении политики глобализации «должен действовать общий принцип, касающийся современных технологий: чем выше их мощь и соответственно опасность их деструктивного использования, тем более надежных и всеобъемлющих форм экспертизы и контроля они требуют. Гуманистическая экспертиза и надежный демократический контроль – вот тот ответ, которого требует нынешний вызов глобальной власти» [Панарин 2007: 602].

6. Постулат о разграничении и взаимодействии военной науки и военного искусства: «Рациональная, вещественная часть военного дела – достояние военной науки. Иррациональная, духовная – достояние военного искусства. <...> Наука сливается с искусством лишь в натурах гениальных» [Керсновский 1939]. Причем «военное искусство, подобно всякому искусству, национально, так как отражает духовное творчество народа» [Там же].

Для ведения войны необходимы элементарные знания о стратегиях и тактиках боевых операций. В работах по философии войны представлено описание некоторых стратегий ИПВ, предполагающих лингвистический компонент, таких как: дискредитация основных атрибутов общественного устройства; пропаганда новой системы ценностей; раскол населения на враждующие группы; маскировка образа актора как бескорыстного «спасителя» страны от язв и пороков прежнего режима; построение мифов и другие [Василенко 2010: 159; Зиновьев 2006: 449–450; Самохвалова 2011]. Отмечается, что «...СМИ концентрируют внимание на скандальных фактах, обнародывают конфиденциальные сведения из личной жизни публичных политиков, ведут скандальные “расследования”, сознательно фальсифицируя информацию, смакуя “пикантные” подробности.

Задача состоит в том, чтобы активизировать подкорковые механизмы человека, включив механизм манипулирования чувствами и эмоциями людей, что является основой управления психологией толпы» [Василенко 2010: 159].

Менее изученным оказывается вопрос о военном искусстве. Ценным является такое наблюдение: «Чтобы оперировать большой темой, нужно оперировать не столько логикой, сколько нервом ситуации, не доступным привычной логике. Он складывается из чего-то такого, что каждый понимает и чувствует, но не может внятно объяснить. <...> Именно по этой причине невозможно просчитать, например, исход военного сражения. Его нужно чувствовать. Кто чувствует нерв ситуации и умеет им оперировать, тот гений» [Проект Россия 2009: 386]. На ИПВ высказанная мысль может быть экстраполирована как способность участников этой войны учитывать ситуацию и чувствовать противника, видеть его сильные и слабые места. Лингвист, занимающийся исследованием ИПВ, должен уметь выделять типичные ситуации этой войны, ее стратегии, тактики и определяемые ими речевые средства.

7. Постулат о ценностном основании войны и взаимосвязи физической войны и войны духовной. Изучение лингвистики ИПВ невозможно без обращения к языковому выражению общенациональных ценностей, которые в первую очередь становятся мишенями войны. Это объясняется тем, что «именно ценностные ориентиры обеспечивают единство и устойчивость данной социальной общности, определяют смыслы человеческой жизнедеятельности и незримо, “изнутри” управляют динамикой и развитием социума. Ценностные установки формируют и определяют отношение между мыслью (сознанием) и действительностью (бытием), обеспечивая гомеостатическое состояние общества, уровень консолидации и согласия его граждан» [Толстых 2012: 151].

Любая война, в том числе война за территорию, экономические преимущества, в философии рассматривается как духовное противостояние нравственных мотивов, ценностей, взглядов, идей и т.д.; подчеркивается, что физические войны на земле начинаются с борьбы в сфере духа и сопровождаются этой борьбой. Н.А. Бердяев писал: «Физическое насилие, завершающееся убийством, не есть что-то само по себе существующее, как самостоятельная реальность, – оно есть знак духовного насилия, совершившегося в духовной действительности зла. Природа войны, как материального насилия, чисто рефлексивная, знаковая, симптоматическая, не самостоятельная.

Война не есть источник зла, а лишь рефлекс на зло, знак существования внутреннего зла и болезни. Природа войны – символическая» [Бердяев 1990: 152–153].

Названный выше постулат помогает осмыслить понятие мишеней ИПВ. «Российское общество уникально по набору ключевых ценностей, его идентичность не может подвергаться сомнению. Жизненные ценности-мотиваторы россиян и есть смысловое и психоэмоциональное ядро национальной идентичности» [Национальная идея России 2012а: 482]. Именно эти ценности являются мишенями воздействия текстов ИПВ.

Лингвистический аспект изучения ИПВ подразумевает описание выраженных языковыми средствами символов, мифов, идеологем, симулякров, а также ключевых слов, фразеологии, метафор этой войны. Отдельные наблюдения над «вбросом в политический дискурс идей и концепций» [Василенко 2010: 157] представлены в работах по философии ИПВ: «Достаточно ярким примером последних лет является вброс в политический дискурс таких идей и концепций, как “столкновение цивилизаций” и “борьба с терроризмом”, которые послужили основой для последующего программирования операций в Югославии, Афганистане и Ираке» [Там же].

Одной из стратегий ИПВ является «стратегия формирования будущего» [Кара-Мурза 2013: 257]. Различные нации предъявляют свое видение будущего, возникает «конкурс общемировых проектов лучшего будущего» [Панарин 2007: 582], и эти проекты имеют свои понятийные системы, в которых одни и те же слова-понятия получают разное наполнение и разные оценочные коннотации, позволяющие манипулировать этими понятиями. Лингвистика ИПВ должна предъявить обществу объективную картину манипулирования геополитическими терминами.

8. Постулат о важности иррационального воздействия на противника. В информационном наступлении и информационной обороне важно сочетать рациональное (логическое) с иррациональным (эмоциональным) началом. Отсюда необходимость разработки, как в обороне, так и в наступлении, технологий двух типов [Василенко 2010: 154]. Иррациональный компонент войны связан непосредственно с настроением народных масс, с их эмоциональной сферой. Чтобы мобилизовать весь народ (а не только армию) на войну, особенно отечественную, нужно овладеть его иррациональной сферой. Отсюда значимость категории экспрессивности в текстах ИПВ, выраженной при помощи различных средств языка (экспрессивной лексики и фразеологии, стилистических фигур и т.д.).

Постулат о важности иррациональной составляющей в войне отражает тесную связь философии войны с психологией воздействия. Исследователи все больше говорят о том, что войны по своему содержанию становятся психологическими явлениями, поскольку психологическое оружие все больше направлено на моральный дух народа и армии [Караяни, Зинченко 2007]. Психологические основания лингвистики ИПВ – предмет отдельного рассмотрения.

9. Постулат о необходимости учета возрастного, гендерного и социального факторов в войне. ИПВ ведется с учетом целевой аудитории, причем молодежь «гораздо более восприимчивое поколение, чем люди среднего и старшего возраста, сформировавшиеся в культуре письменного текста» [Василенко 2010: 154]. Более того, молодежь – это своего рода стратегический резерв, который как политически наиболее активная часть общества может быть задействован в будущем в нужный актору войны момент. К современному молодому поколению можно отнести такую сентенцию: «Большинство людей находится в состоянии интеллектуального младенчества, у них нет “интеллектуальных зубов”. Не имея чем жевать, младенцы отказываются от твердой пищи, самостоятельного мышления. Питаясь готовыми истинами, они идут за чужой морковкой» [Проект Россия 2009: 385–386]. Лингвисты, изучающие ИПВ совместно с историками, культурологами и представителями других гуманитарных дисциплин, призваны снабдить молодое поколение «интеллектуальными зубами», прежде всего, путем предъявления системы ключевых терминов ИПВ и описания речевой технологии ведения этой войны.

Примером использования гендерного фактора может служить пропаганда, направленная на привлечение женщин к участию в войне (создание женских батальонов в Первую мировую войну, женских стрелковых формирований и женских авиационных полков в Великую Отечественную войну), а также использование образов Родины-матери и т.п. Н.В. Багичева пишет, что «по характеру русский народ ближе к “женской природе” и относится к своей стране, Родине, как к матери» [Багичева 2008: 33].

Если говорить о социальном факторе, то острее ИПВ направлено прежде всего на элиту, поскольку она организует общество и создает «главную информацию, на которой растет наше сознание и подсознание» [Проект Россия 2009: 27]. В связи с этим очень важным моментом является подчинение средств информации противника: именно «контроль информации позволяет формировать массовое мировоззрение и генеральное направление. Не важно,

какие вы построите заводы и пароходы, на кого они будут оформлены и кому будут принадлежать фактически. Если один строит материальные объекты, а другой – сознание строителей, через пару-тройку поколений все будет принадлежать тому, кто построит сознание» [Там же: 52].

Социальный фактор в ИПВ состоит также в том, что, как правило, побеждает тот, кто владеет публичным дискурсом, медиаресурсами. Излагая точку зрения французского философа Б.-А. Леви, С.П. Староверов пишет: «Именно Властитель владеет языком, он всегда им владел и всегда будет владеть. Возникает ситуация, когда субъект не имеет собственного языка, он всегда говорит языком Властителя. Властитель – это тот, кто, используя язык в качестве структуры, упорядочивает и, в конечном счете, унифицирует действительность. Язык как власть оказывается во владении Властителя, и язык становится властью Властителя» [Староверов 1997: 232–233].

10. Постулат о готовности к войне: «Правило ведения войны заключается в том, чтобы не полагаться на то, что противник не придет, а полагаться на то, с чем я могу его встретить; не полагаться на то, что он не нападет, а полагаться на то, что я сделаю нападение на себя невозможным для него» [Сунь-Цзы. URL: <http://masters.donntu.org/2014/fknt/kebikov/library/article9.pdf>]. Это означает, что в концепции информационной безопасности государства важно предусмотреть проведение лингвистических исследований текстов ИПВ – с целью описания речевой технологии ведения этой войны и предъявления широкой общественности концепции формирования контрманипулятивной речевой компетенции.

Сформулированные выше философские постулаты должны лечь в основание лингвистики ИПВ, разработка которой обязывает языковедов с патриотическим сознанием не отвращаться от этой проблематики, ибо «будучи брошенными в мир земной, мы помимо нашей воли мобилизованы на фронт. Этот факт мы должны принять» [Дугин 2004б: 113].

2.2. Психологические основания лингвистики ИПВ

Цель этого параграфа – предъявление тех теоретических положений психологов и психолингвистов, которые могут составить основание лингвистики ИПВ. Эти положения извлекались из публикаций, посвященных вопросам психологии войны, в том числе войны информационно-психологической, таких авторов, как А.Г. Караяни, Д.А. Волгонов, В.Г. Крысько, Е.С. Сенявская и др.; учитывались также идеи тех психологов и психолингвистов, которые хотя и не ставили задачи изучения ИПВ, однако сформулировали важные положения об особенностях психологического воздействия на сознание человека: В.П. Белянина, Е.П. Ильина, А.А. Леонтьева, К.Ф. Седова, Г. Лебона, Р. Харриса и др.

I. В изложении теоретических положений начнем с **цели и условий успешности психологического воздействия**. Но перед этим отметим, что понятие психологического воздействия понимается в психологии войны как «влияние на людей (на отдельных индивидов и на группы), осуществляемое с целью изменения идеологических и психологических структур их сознания и подсознания, трансформации эмоциональных состояний, стимулирования определенных типов поведения» [Крысько 1999: 27]. В психолингвистике психологическое воздействие также рассматривается как «преднамеренное и целенаправленное вмешательство в процессы психического отражения действительности» [Белянин 2009: 363]. В рамках психологического воздействия выделяется особый тип – информационно-психологическое (информационно-пропагандистское, идеологическое) как «воздействие словом, информацией» [Там же: 10]. Именно о таком типе воздействия и пойдет далее речь. На тесную связь проблематики речевого воздействия с тем, что называют «психологической войной», указывает А.А. Леонтьев [Леонтьев 1997: 257].

Цель любой ИПВ заключается в подчинении объекта воздействия актору войны, а в предельном случае в его коммуникативном убийстве (полной дискредитации). Достижение цели зависит от условий успешности информационно-психологического воздействия, сведения о которых можно почерпнуть в работах специалистов в области психологии войны. Назовем некоторые условия (предварительно сгруппировав их), которые могут помочь лингвисту в осмыслении и анализе текстов ИПВ.

1. Учет в речи социально-психологических и национально-психологических особенностей адресата

1.1. Важным является учет *традиционного сознания этноса*, которое «...представляет собой отражение в массовом сознании конкретной нации наиболее общих представлений об окружающем их мире и социальной действительности, своей роли во взаимоотношениях с другими народами» [Крысько 1999: 57]. Признано, что «различия между образами мира в традиционном сознании разных этносов тем больше, чем дальше отстоят их языки друг от друга, поскольку грамматический строй языка навязывает способ членения и описания явлений окружающей действительности, умозаключений и суждений о них» [Там же].

1.2. Определенную роль в восприятии информации играет *гендерная специфика аудитории*. Так, установлено, что мужчины наиболее внимательно слушают первые 10–15 секунд сообщения, после чего размышляют о своей позиции по заявленному вопросу [Караяни, Зинченко 2007: 81–82]. Во многих работах необходимым признается и учет *групповой принадлежности* человека.

1.3. Психология отвечает на вопрос, какие значимые явления, события, объекты способны вызвать эмоциональное реагирование. По этому вопросу существуют разные мнения: «По В. Вундту и Г. Гроту, любое воспринимаемое событие является значимым и вызывает эмоциональный отклик. Р. Лазарус <...> же считает, что эмоции возникают в тех исключительных случаях, когда на основе когнитивных процессов делается заключение о наличии угрозы и невозможности ее избежать. Таким образом, по Лазарусу, эмоциональными являются только экстремальные ситуации, которые оцениваются как таковые вследствие каузальной атрибуции» [Ильин 2001: 37]. Сказанное свидетельствует о том, что в ситуации ИПВ эмоции играют первостепенную роль. Поэтому важно также определение *уровня не только интеллектуального, но и эмоционального развития адресата*: «...Обращаясь к эмоционально возбужденной аудитории, не следует особо надеяться на ее мыслительные возможности. Надо также помнить, что на людей с высоким интеллектуальным уровнем развития рационально построенное воздействие оказывает более сильное влияние, чем эмоционально окрашенное» [Крысько 1999: 60]. В определенной ситуации играет роль конкретный «эмоциональный настрой объекта и способность сообщаемой информации вызывать именно те переживания, которые обостряют восприятие ее (интерес, любопытство, удивление)» [Там же: 50]. Отмечается, что в кризисные

периоды включаются более примитивные инстинкты людей, поэтому в процессе психологического воздействия нужно опираться на самые элементарные чувства [Караяни, Зинченко 2007: 63].

1.4. Психологи пишут и об ориентированности воздействия на *конкретные взгляды и мнения аудитории*, поскольку «субъект психологического воздействия не имеет права резко противопоставлять свою позицию позициям объекта» [Крысько 1999: 60]; чтобы «овладеть массами», идеи должны выражать их коренные интересы, быть доступными, понятными, привлекательными [Волкогонов 1983: 15].

1.5. Важной признается *информация об уязвимых местах противника и факторах, которые определяют его моральное состояние*, поскольку она позволяет предвидеть поведение адресата. Поиск и сообщение информации об уязвимых местах противника является одной из задач тактических психологических операций [Караяни, Сыромятников 2006: 242]. Именно на уязвимые места в морально-психологическом состоянии противника оказывают давление акторы ИПВ, в том числе путем напоминания ему о его неудачах. Психологами выявлено «отрицательное влияние переживаний, связанных с предыдущим неудачей, на быстроту и качество интеллектуальной деятельности» [Ильин 2001: 118]. Еще «В. Гумбольдт утверждал, что хранить в памяти негативные представления равносильно медленному самоубийству» [Там же: 435].

Наиболее уязвимыми точками российского народного сознания являются символы и образы национальной истории, для дискредитации которых используются «черные» мифы. Это миф об азиатском выборе Александра Невского, миф о черной сотне; образ России как европейской, а не евразийской державы; разрушение образа Великой Отечественной войны и др. [Кара-Мурза 2011: 209–221].

1.6. Отмечается, что необходимо не только иметь исчерпывающую информацию о противнике, но и оказывать на него воздействие на его языке. Именно так пытаются действовать зарубежные манипуляторы, например, по отношению к потомкам репрессированных в 1937 году, стремясь вызвать у них чувства негодования и ненависти (см. рассказ Юрия Вяземского о беседе с ним голландской журналистки в газете «Аргументы и факты», 2016, № 28, с. 3).

2. Организация речевого воздействия с учетом закономерностей восприятия, осмысления и усвоения информации

2.1. Необходимым условием успешности воздействия является *психологическая подготовка человека к не критическому восприятию информации* [Волкогонов 1983: 92].

Информация должна быть организована и подана таким образом, чтобы способствовать *разрядке эмоционального напряжения*, возникающего у объекта в процессе психологического воздействия. Это формирует его доверие к субъекту, проявляющееся в дальнейшем в форме готовности к получению и усвоению новых подобных сообщений. Адресату не дают возможности обдумать информацию, уводя его *в развлекательный мир, который притупляет восприятие социальных и политических реальностей, делает людей индифферентными и податливыми к восприятию антиистины, позволяет формировать иллюзии* [Там же: 93, 123]. Отсюда – важность анализа ситуации подачи информации, когда, например, во время трагических событий подается развлекательная информация. Способ отвлечения внимания общественности от какой-либо политической реальности или события получил наименование «метода барража» [Там же: 121].

Систематическая информация о грядущих трагических событиях, мрачные пророчества и прогнозы способствуют появлению у людей чувства обреченности и страха перед будущим. *Людьми, испытывающими страх, проще управлять*, поскольку «страх парализует не только волю, но и мысль, чувства, понимание подлинной реальности» [Там же: 123]. Страх «может нарушить поведение человека, связанное с достижением какой-либо цели, вызывая у него пассивно-оборонительную реакцию (ступор при сильном страхе, отказ от выполнения задания). <...> При сильном волнении человеку бывает трудно сосредоточиться на задании, он может позабыть, что ему надо делать» [Ильин 2001: 118]. Чтобы вызвать негативное эмоционально-психологическое состояние, используют различные средства речевой агрессии [Седов 2011: 180]. Таким образом, психологи отмечают значимость эмоций в психологическом воздействии и поэтому считают, что при воздействии на кого-либо необходимо учитывать когнитивную и эмоциональную составляющую, осуществлять «связь ума и чувства» как двух рычагов воздействия на слушателя/читателя [Чернявская 2006: 25].

2.2. «...*Чем меньше человек информирован, тем он может быть более склонен доверительно относиться к поступающей информации*» [Волгогонов 1983: 95]. Поэтому используются различные способы сокрытия информации при помощи умолчания и обтекаемых формулировок типа «*Известно, что...*», «*Некоторые говорят...*», «*Есть мнение...*» и т.д.

2.3. Замечено, что «подача факта без комментария имеет, как правило, недолгое воздействие», что «*комментарий к факту увели-*

чивает глубину воздействия», позволяет сформировать отношение к факту, которое остается в памяти надолго [Волкогинов 1983: 143]. Отсюда необходимость разграничения в текстах фактов и мнений (объективной и субъективной информации). В аспекте проблемы лингвистической экспертизы текста см. об этом, например: [Бринев 2014: 122–148; Доронина 2011, 2012, 2013; Карагодин 2011; Кусов 2011: 129–134].

2.4. *Воспринимается без доказательства то, что не противоречит стереотипу*. «Стереотипы представляют собой распространенные в определенных социальных и этнических группах схематизированные представления о фактах действительности, обуславливающие весьма упрощенные (как правило – неадекватные реальности) оценки и суждения представителями этих групп» [Крысько 1999: 32]. Трансформация стереотипов является, по мнению В.Г. Крысько, одновременно и предпосылкой эффективности психологического воздействия, и условием, соблюдение которого позволяет изменить поведение людей. Стереотипы формируются в результате неоднократного смыслового и эмоционального акцентирования тех или иных явлений и событий [Там же: 32–33]. Учитывая это, лингвист должен обращать внимание на роль смысловых и лексических повторов в рамках текста, газетного номера или телепередачи и т.д.

2.5. В.П. Белянин пишет о том, что *«устная речь гораздо доступнее письменной»*, что «восприятие устной речи требует меньше усилий со стороны реципиента» и что «у манипулятора – при непосредственном контакте с аудиторией – всегда есть возможность контролировать свою речь и подстраиваться под слушателей, учитывая состояние и настроение аудитории». В письменном тексте читателю легче распознать имеющиеся в нем приемы воздействия, поскольку к нему можно вернуться, чтобы обдумать информацию [Белянин 2009: 366].

2.6. *Скрытое управление другими людьми значительно облегчает аттракция* [Шейнов 2002: 203–204] – формирование у адресата привязанности, положительного отношения к себе; создание ситуации, когда адресанту удалось расположить к себе адресата. Один из способов ее формирования – подчеркивание в речи принадлежности к одной общности.

2.7. Выводы психологии активно используются актерами войны для того, чтобы сделать текст более легким для его усвоения и тем самым для проникновения в бессознательное адресата [Матвиенко 2008: 4]. Один из способов такого проникновения – повторение одной

и той же мысли разными словами, поскольку «...часто повторяемая идея в конце концов врезается в самые глубокие области бессознательного, где именно и вырабатываются двигатели наших поступков» [Лебон 1995: 240].

3. Продуманность текста ИПВ в аспекте его логического построения

Психологи отмечают, что информационно-психологическое воздействие в войне осуществляется при помощи убеждения, внушения и манипулирования. К изучению их все чаще обращаются и лингвисты (например, [Никитина 2006; Катенева 2010; Бочарова 2013, Кучеренко 2013 и др.]).

При внушении и манипулировании широко используются алогизмы. Поэтому логическая продуманность в текстах ИПВ выступает в двух видах: убеждение строят на законах формальной логики, а манипуляцию – на намеренном отступлении от них.

3.1. *Аргументация* в психологическом воздействии более эффективна, если это воздействие строится «в виде цепочки: стимулы и ассоциации, тезисы и аргументы, причины и следствия», с учетом перехода от старого к новому, от известного к неизвестному [Крысько 1999: 51].

3.2. Считается, что «надо учитывать, какие конкретные элементы психологического воздействия в большей степени привлекают внимание. Так, абстрактные рассуждения следует чередовать с конкретными фактами, примерами, иллюстрациями»; «чем ярче, разнообразнее, убедительнее психологическое воздействие, тем легче удержать внимание объекта и тем эффективнее можно влиять на него» [Там же]. *Создание образов признается особенно важным*, поскольку на их восприятие требуется меньше энергетических затрат, чем в процессе абстрактного мышления. Кроме того, доказано, что «лучше и быстрее осмысливается то, что преподносится небольшими смысловыми частями» [Там же: 59].

3.3. Для облегчения восприятия информации нужно привлечь внимание человека, вызвать его интерес к ней, побудить к принятию решения, и тогда эта информация подвигнет адресата к соответствующим действиям (т.н. «резонансная технология коммуникации») [Караяни, Зинченко 2007: 88–90], поэтому *информация должна располагаться в определенной последовательности*: вначале должна излагаться информация, способная сразу заинтересовать аудиторию; спорные факты и факты, глубоко затрагивающие эмоциональную сферу людей, должны располагаться в середине

сообщения; совет, предложение или требование следует сообщать в заключении [Там же: 82].

4. Учет особенностей формирования убеждений, стереотипов и установок

Психологическое воздействие осуществляется на различные сферы психики: потребностно-мотивационную (знания, убеждения, ценностные ориентации, влечения, желания), интеллектуально-познавательную (ощущения, восприятия, представления, воображение, память и мышление), эмоционально-волевую (эмоции, чувства, настроения, волевые процессы) и коммуникативно-поведенческую (характер и особенности общения, взаимодействия, взаимоотношений, межличностного восприятия) [Крысько 1999: 29]. Для успешного воздействия учитывают присущие этим сферам особенности сознания: «необходимо сначала спровоцировать сбои и перекосы в функционировании отдельных компонентов психики объекта воздействия. Динамическое равновесие между ними нарушится, и он начнет переживать состояние когнитивного диссонанса. После этого можно побудить его к восстановлению душевного равновесия за счет изменения своих прежних, привычных для него взглядов, убеждений и отношений, а затем и стереотипов поведения» [Там же: 30]. Для этого используется специальная технология, в которой далеко не последнюю, если не сказать – главенствующую, роль играет язык.

Так, для формирования нужной установки необходимо создать у адресата потребность в ней, поставить его в соответствующую ситуацию: «Целенаправленное психологическое воздействие создает такую ситуацию, в которой наличная потребность удовлетворяется предоставлением людям конкретной информации, преподнесенной определенным образом. Благодаря ей установка формируется, закрепляется, заменяется или изменяется в сознании людей» [Крысько 1999: 35]. Любая установка формируется в течение долгого времени, поэтому для ее трансформации или изменения необходимо «осуществлять непрерывное психологическое воздействие продолжительное время»; «неоднократно использовать разные аргументы, подкрепленные реальными фактами»; «систематически усиливать убедительность аргументации» [Там же: 38]. Это говорит о необходимости использования лингвистом, изучающим проблемы ИПВ, контекстуального анализа в его широком понимании.

II. Перейдем к используемым актерами ИПВ речевым стратегиям, субстратегиям, тактикам, сведения о которых можно почерпнуть в литературе по психологии войны. Сразу отметим, что

в этой литературе не используются выделенные термины, а стоящие за ними понятия характеризуются описательно.

В психологии войны принят термин «психологическая операция», под которым понимают «комплекс мер информационно-психологического воздействия на войска и население противника» [Ефремов и др. 2000: 79]. По масштабу, целям и задачам выделяют три типа психологических операций (иногда именуемых уровнями): стратегический (реализуется в глобальном масштабе для достижения долгосрочных целей), оперативный (осуществляется в определенных регионах и преследует среднесрочные цели), тактический (соотносится с краткосрочными целями) [Там же: 80]. То, что в психологии понимается под оперативным уровнем, соответствует в определенной степени понятию субстратегии в работах по коммуникативистике [Денисюк 2004; Радевич 2015 и др.] и понятию частной стратегии в работах по маркетингу [Черняховская 2008]. Поэтому можно говорить о выделении цели общей (соотносимой со смыслом войны) и цели частной (соотносимой с целями отдельных операций, или акций).

Стратегический характер имеют наставления актерам психологической войны, которые приписывают древнекитайскому мыслителю Сунь-Цзы: «1. Разлагайте все хорошее, что имеется в стране вашего противника. 2. Вовлекайте видных деятелей противника в преступные предприятия. 3. Подрывайте престиж руководства противника и выставляйте его в нужный момент на позор обществу. 4. Используйте в этих целях сотрудничество с самыми подлыми и гнусными людьми. 5. Разжигайте ссоры и столкновения среди граждан враждебной вам страны. 6. Подстрекайте молодежь против стариков. 7. Мешайте всеми средствами работе правительства. 8. Препятствуйте всеми способами нормальному снабжению вражеских войск и поддержанию в них порядка. 9. Сковывайте волю воинов противника песнями и музыкой. 10. Делайте все возможное, чтобы обесценить традиции ваших врагов и подорвать их веру в своих богов. 11. Посылайте женщин легкого поведения с тем, чтобы дополнить дело разложения. 12. Будьте щедры на предложения и подарки для покупки информации и сообщников. Вообще не экономьте ни на деньгах, ни на обещаниях, так как они приносят прекрасные результаты» (цит. по [Крысько 1999: 6]). Сунь-Цзы считал, что лучшая победа – та, которая достигается без применения оружия [Сунь-Цзы 2011: 61–62].

Из всего набора стратегий и тактик, охарактеризованных психологами, назовем только те, которые предполагают их речевую

реализацию. В задачи лингвиста входит более детальное изучение и описание как уже выделенных психологами стратегий и тактик, так и не отмеченных ими. Интересующие нас стратегии и тактики психологи описывают под разными терминами: «методы идеологического воздействия», «способы внушения/манипулирования», «механизм воздействия» и т.д. Например, Е.С. Сеньявская рассматривает **конструирование образа врага** на социальной, этнической, религиозной или идеологической основе (создание оппозиции «свой – чужой»). Под «конструированием образа врага» понимается «подчеркивание агрессивности противника, его жестокости, коварства и т. п.» на фоне «противопоставления своим собственным качествам, которые рассматриваются как позитивные ценности» [Сеньявская 1999] (в этой же работе приводятся различные лексические единицы, служащие уничижительными наименованиями врага). Д.А. Волкогонов пишет о **дискредитации** руководящих органов соперника, общественных организаций, политических мероприятий, конкретных лиц, концепций и т. д. Он отмечает, что «обычно выискиваются теневые, негативные стороны объекта дискредитации <...>, затем они гипертрофируются, раздуваются и выдаются за сущность, основное содержание явления или лица. Объекту дискредитации обычно даются заведомо ложные характеристики, принижаются его положительные качества» [Волкогонов 1983: 121]. Этот автор выделяет такие речевые способы (стратегии/тактики) воздействия:

- **запугивание** («духовный террор»), которое направлено на создание астенических состояний (страха, паники и т.д.) путем мрачных пророчеств, кликушеств и т.д.;

- **стереотипизация**, когда в общественное сознание внедряются стереотипы «западной свободы», «западной демократии», «политического плюрализма», «прав человека» и т. д.;

- **создание иллюзий**, например об обществе «равных возможностей» [Там же: 116, 160];

- **«кража лозунгов»**, когда «в сложившиеся понятия, призывы пытаются внести враждебное содержание»; **«подтасовка карт»**, когда «события, факты подгоняются под определенную концепцию, версию, точку зрения», **«наклеивание ярлыков»**, когда «без всяких доказательств отдельные действия, лица, организации объявляются подрывными, нелояльными, продажными, террористическими и т.д.» [Там же: 125].

В.Г. Крысько отмечает, что для психологической войны характерны также:

▪ *«игра в протонародность»*, основанная «...на побуждении объекта внушения к отождествлению субъекта и преподносимых им идей (понятий, суждений) с позитивными ценностями вследствие “народности” этих идей либо вследствие принадлежности источника информации к так называемым “простым людям”. Именно поэтому свои пропагандистские материалы органы психологической войны часто преподносят от имени рядовых граждан или военнослужащих противника» [Крысько 1999: 286];

▪ *«подведение под «общую платформу»* – способ, который «...заключается в побуждении объекта воздействия принять содержащуюся в информации идею (суждение, оценку, мнение) на том основании, что якобы большинство представителей данной социальной группы или воинского подразделения разделяют ее» [Там же];

▪ *«сияющее обобщение»*, которое «...заключается в обозначении конкретной идеи или личности обобщающим родовым именем, имеющим положительную эмоциональную окраску» [Там же: 285].

В изученной нами литературе описаны и такие явления, которые не квалифицируются как методы, способы или механизмы воздействия, однако их можно отнести к стратегиям или тактикам ведения ИПВ. Таким явлением считают, например, *мифотворчество*, включающее в себя *мифологизацию, героизацию, создание (конструирование) символов, актуализацию суеверий* [Сенявская 1999; Караяни, Сыромятников 2006: 387]. В процессе мифотворчества большую роль играет обращение к архетипам, больше всего проявляющимся в мифах и сказках [Брудный 1998: 46].

Информация о стратегиях и тактиках ИПВ, имеющих речевую реализацию, содержится также в работах по психологии массовых коммуникаций, по проблеме манипулирования общественным сознанием. Например: *«навязывание повестки дня»* [Харрис 2002: 54–55], осуществляемое в основном для отвлечения внимания общества от какой-либо острой проблемы; *напоминание противнику о его неудачах*, объясняемое тем, что психологами выявлено «отрицательное влияние переживаний, связанных с предыдущим неуспехом, на быстроту и качество интеллектуальной деятельности» [Ильин 2001: 118].

Интересны для лингвистики ИПВ наблюдения психологов о составляющих технологии ИПВ: «определенный набор часто повторяющихся положений, которые нужно навязать общественному сознанию; <...> создание “мифов”, дающих ложную, искаженную картину мира; подмена проблемы современности историческим прошлым,

исходя из интересов сегодняшнего дня; ликвидация героев, составляющих гордость русского народа; создание ложной дихотомии; распространение через СМИ взаимоисключающих суждений, провоцирующих нескритичность, порождающих безразличие, апатию, неадекватность в оценке ситуации» [Чернякова 2010: 206]. Исследователи также пишут о методах, направленных на разрушение психики и ценностных ориентаций подрастающего поколения: навязывание западных образцов воспитания; отрицание традиционных взглядов; создание и трансляция кинопродукции, демонстрирующей и внедряющей перевернутые ценности; раннее сексуальное просвещение молодежи; пропаганда идей, противоречащих нормам воспитания мальчиков и девочек; пропаганда наркотиков, экстрима; использование психоделической музыки и кинопродукции, погружающих человека в ощущение мистического ужаса, воспевающих сатанинские обряды, демонстрирующих фантазии на тему распятия; навязывание обезображенной внешности; поэтизирование образа порочных женщин и описание красивой жизни «ночных бабочек»; возведение воровства, убийства в разряд обыденных явлений; формирование искусственных потребностей; эксплуатация в компьютерных играх наиболее темных и мрачных архетипов «ада», «смерти», «чудовища» и др. [Там же].

Можно выделить публикации, в которых обсуждаются отдельные методы психологического воздействия. Например: «Один из главных методов подавления морального духа посредством стратегии устрашения (террора) состоит в том, чтобы держать человека в состоянии неопределённости относительно его текущего положения и того, что его может ожидать в будущем», – писал Курт Левин, немецкий психолог (цит по кн.: [Ковалев и др. 2014: 34]).

Психологический подход к ИПВ позволяет выявить наиболее эффективные тактики, связанные с мифологизацией общественного сознания. Например, миф о демократии, развенчиваемый в работе У. Блума «Смертоносный экспорт Америки – демократия» [Блум 2014]. В рецензии на эту книгу В. Краснов пишет: «Новая работа Уильяма Блума развенчивает один из главных и наиболее губительных мифов, созданных в Вашингтоне, – о том, что распространение в мире демократии по-американски рождено заботой о судьбах других народов и великодушием Америки. Вовсе нет. «Продвижение демократии» стало удачной упаковкой для жесткого, часто безжалостного продвижения интересов американского государства и капитала. По ходу дела само понятие “демократия” лишилось своего изначального смысла: вместо власти народа в интересах народа “демократия” по-американски

в других государствах становится властью интересов Вашингтона над народом этой страны» (Литературная газета. 2014. № 17). (О политике мифологизации, проводимой США, см. [Хомский 2013]; о мифах перестройки и реформирования в России – [Осипов 2000].)

Одной из разработок психологов, представляющей интерес для лингвистики ИПВ, является т.н. «трехступенчатая теория изменений», разработанная К. Левиным с участием советских психологов. Суть этой теории в том, что на первом этапе войны осуществляется «размораживание» ситуации (дискредитация существующей системы ценностей); на втором этапе, называемом «движением», стимулируется отказ от прежних убеждений и ценностей и принятие новых; на третьем этапе происходит «замораживание» (стабилизация), которая «гарантирует сохранение вновь приобретенных убеждений, ценностей и типов поведения» [Ковалев и др. 2014: 35–36].

III. Теоретическим основанием лингвистики ИПВ могут послужить выводы психологов об используемых акторами войны **жанрах** (не всегда с применением этого термина), таких как: листовка, плакат, кинофильм, мультфильм, компьютерная игра; призыв, лозунг, девиз; анекдот, комикс, комментарий, репортаж, интервью; цирковая пантомима, карикатура, фарс [Ефремов и др. 2000; Караяни, Зинченко 2007; Крысько 1999; Сенявская 1999].

Частью ИПВ психологи считают т.н. «лингвистическую борьбу», которая сводится ими к достижению преимуществ перед противником за счет особенностей семантики и перевода с одного языка на другой [Ефремов и др. 2000: 98].

Покажем возможности анализа текстов ИПВ в лингвистическом аспекте, но с учетом ее психологических оснований, о которых говорилось выше, на конкретном примере – газетной публикации под названием «Привет от тов. Тютчева». Сразу оговорим, что для нас не существенно, ставит ли автор статьи цель принять участие в ведущейся ИПВ или просто выражает свою точку зрения; главное, что такой текст, на наш взгляд, «играет на руку» актерам этой войны. Приведем этот текст (жирный шрифт принадлежит автору).

ПРИВЕТ ОТ ТОВ. ТЮТЧЕВА.

Когда нам снова откроют Европу?

В последнее время в связи с обострением отношений с Западной Европой в России всё чаще слышатся голоса: дескать, а что нам Европа, что Меркель, Олланд? не богом же помазаны!

Мы и сами с усами! Жили при коммунистах без Европы, без валюты, без иномарок, без памперсов – проживём и теперь.

Часть россиян готова с этим согласиться. Для кого-то Европа по материальным соображениям все равно недоступна (и таких большинство). Кто-то травмирован распадом СССР и обвиняет в этом Европу. На кого-то действует обида за санкции, за постоянное брюзжание – и то у нас не так, и это... Многие верят в то, что Европа при **Горбачёве** нас обманула и «легла под Вашингтон».

С русским аршином

Но в среде русской городской интеллигенции есть устойчивая прослойка, которая совершенно искренне верит в особый путь России и считает, что наши пути с Европой ну никак не совпадают. Ярче всего эту особенность сформулировал **поэт-дипломат Ф. Тютчев**.

Умом Россию не понять,

Аршином общим не измерить:

У ней особенная стать –

В Россию можно только верить.

Федор Тютчев, кстати, сформулировал и идею, которую после революции 1917 г. с большой охотой подхватили большевики, а сегодня поддерживают поборники «нового консерватизма»: что Россия жила, живет и будет жить в окружении врагов, что в Европе только и думают о том, как бы навредить русским, и что, кроме армии и флота, у России нет и не может быть иных союзников.

...И мы плывем, пылающе бездной

Со всех сторон окружены.

«Пылающая бездна» по Тютчеву – это зараженная революцией Европа.

С царского плеча

Советские историки и литературоведы, мотивируя изоляцию России от Европы, всячески превозносили Тютчева. За скобки выводилось то, что поэт, будучи действительно талантливым, откровенно выполнял политический заказ **Николая I**. Заказ императора был сформулирован так: «Создавать позитивный облик России за границей».

Николай I и его вельможено-бюрократическое окружение были страшно напуганы Французской революцией 1848 г. и, опасаясь за судьбу монархии, спешно возводили по европейским границам России подобию того, что веком позже назовут «железным занавесом». Ф. Тютчев был одним из тех приближенных к трону литераторов, которым было поручено идеологически обосновывать благотворность изоляции России от Европы.

Центральной идеей его публицистики стало утверждение, что в «современном мире» существуют только две силы – революционная Европа и консервативная Россия – и что «тысячелетняя Русь» должна противостоять европейским новациям. За эти мысли Тютчев, будучи весьма посредственным дипломатом, получил и звание камергера, и должность председателя Комитета иностранной цензуры, и ранг тайного советника, а также был неоднократно поощряем из личного кошелька Николая I крупными суммами.

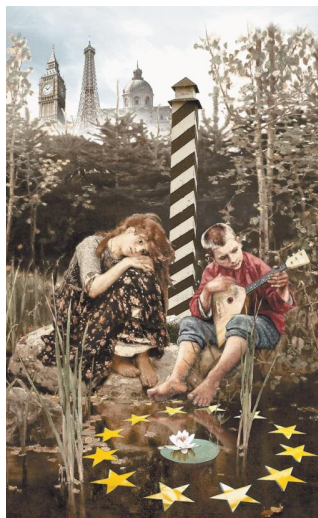
Но вот что интересно: самому Тютчеву европейская действительность очень нравилась, в Россию, занимая дипломатическую должность в Баварии, он возвращался с большой неохотой. С тем большей неохотой, что в своих обоих браках он был женат на немках из весьма состоятельных семейств.

Чьи мысли?

Прочитав одну из статей Тютчева, Николай I записал в своем дневнике: «Нашел в ней все свои мысли». И вот сегодня опять: более 150 лет спустя в России находится масса людей, которые в охаивании Европы и проповеди изоляционизма «находят все свои мысли». И это несмотря на то, что за последние десятилетия в России написаны тома исследований о пагубности изоляционизма и надуманности «особого пути». А ведь тютчевские фантазии при коммунистах были фактически положены в основу советской внутренней и внешней политики.

Каков же результат? Отгородившись от Европы, Россия к концу XX в. по уровню развития экономики и гражданского общества выпала даже не из десятки, а из полусотни успешно развивающихся стран. И продолжает утрачивать позиции по важнейшим параметрам развития, в том числе по экономическому и научному потенциалу, по уровню образования.

А между тем достаточно выйти на улицы наших городов, даже не самых знаменитых, чтобы убедиться, что мы насквозь и сверху донизу европейцы. Наш быт, образ жизни, культура, семейные отношения (в том числе интимные), наши увлечения, мода связаны с Европой. Россияне, приезжая в Европу (разумеется, если есть деньги), чувствуют себя в своей тарелке. Они знают, как себя вести, одеваться, разгова-

ривать. В России мало-мальски образованный человек без затруднений назовет десяток знаменитых европейских композиторов, художников, поэтов, писателей, философов, которых он знает и любит. И, скорее всего, затруднится, если его спросят о китайской поэзии или японской живописи. Русская поэзия, литература, живопись, музыка (особенно в период своего становления) вдохновлялись прежде всего европейскими мотивами. И сегодня европеизм в его лучших проявлениях становится все более притягательным для молодежи. Что касается нашей столичной элиты, то она настолько «заевропеизирована», что порой приобретает со своими «лабутенами» карикатурный вид.

* * *

Не будем отчаиваться: нынешняя дискредитация европеизма – это пропагандистский заказ, обусловленный сложными обстоятельствами российской действительности. Власть, особенно в условиях кризиса, мало что может предъявить населению с точки зрения развития гражданского общества, а в последнее время и потребительских возможностей. Почти по всем статьям сравнение с Европой не в нашу пользу. Значит, нужно отвести русские глаза от Европы, а лучше на время и во все прикрыть ее. А чтобы Аленушке не так горько было сидеть у зарастающего тиной пруда, ей нужно рассказать о том, какая Европа гнилая, извращенная и как там не любят наших Иванушек.

Хотелось бы надеяться, что эти «новые песни о старом» – всего лишь плод временной политической нетрудоспособности. Что в нашем репертуаре они ненадолго. И, как только Россия начнет оправляться от кризиса, нам снова покажут старые добрые фильмы – и «Из Парижа с любовью», и «Римские каникулы», и «Английского пациента» («Аргументы и факты». 16.03.2016).

Основная мысль, которая проходит через весь текст, состоит в отрицании продуктивности идеи особого исторического пути России. На основании этого стратегию текста можно определить как дискредитацию этой идеи.

Названная стратегия осуществляется с использованием тактик и приемов, обслуживающих сквозной композиционный прием оценочного сопоставления консервативных взглядов дипломата и поэта Ф.И. Тютчева с взглядами современных сторонников «нового консерватизма». Можно предположить, что выбор Ф.И. Тютчева не случаен: он является одним из тех поэтов-классиков, на текстах которого формировалось патриотическое мировоззрение не одного поколения россиян.

▪ Тактика установления дискредитирующей ассоциации, ср. название статьи «Привет от тов. Тютчева» и высказывания в тексте: «А ведь **тютчевские фантазии при коммунистах** были фактически положены в основу советской внутренней и внешней политики»; «Фёдор Тютчев, кстати, сформулировал и идею, которую после революции 1917 г. с **большой охотой подхватили большевики, а сегодня поддерживают поборники «нового консерватизма»**. Лексемы «товарищ», «фантазии» (в значении «нечто надуманное, неправдоподобное, несбыточное» [Толковый словарь... 2011: 1045]), «поборники» (слово с высокой окраской [Там же: 656]) приобретают в контексте ироническое звучание.

▪ Тактика «чтения в сердцах» (безосновательного приписывания человеку каких-либо мыслей, чувств, намерений) с использованием лексических интенсификаторов (выделены разрядкой):

«...идею, которую <...> с **большой охотой подхватили большевики**» (большевики ссылались в своих работах на Тютчева?);

«Центральной идеей его публицистики стало утверждение, что в “современном мире” существуют только две силы – революционная Европа и консервативная Россия – и что “тысячелетняя Русь” должна противостоять европейским новациям. За эти мысли Тютчев <...> получил и звание камергера, и должность председателя Комитета иностранной цензуры, и ранг тайного советника, а также был **не о д н о к р а т н о** поощряем из личного кошелька Николая I крупными суммами» (а почему не за дипломатические успехи?);

«...самому Тютчеву европейская действительность **о ч е н ь нравилась, в Россию**, занимая дипломатическую должность в Баварии, он возвращался с **б о л ь ш о й неохотой**. С т е м б о л ь ш и е й неохотой, что в своих обоих браках он был женат на немках из весьма состоятельных семейств» (есть признания Ф.И. Тютчева на эту тему? почему они не цитируются?).

▪ Тактика бездоказательных утверждений, как явных, так и скрытых: «...Тютчев, будучи весьма посредственным дипломатом...»; «Почти по всем статьям сравнение с Европой не в нашу пользу»; Тютчеву «...было поручено идеологически обосновывать **благодарность изоляции России от Европы**» (этот факт поручения как-то документирован?); «Когда нам снова откроют Европу?» (ложная пресуппозиция: скрытое утверждение о том, что власть «закрыла Европу» для россиян).

▪ Тактика необоснованной генерализации (обобщения): «А между тем достаточно выйти на улицы наших городов, даже

не самых знаменитых, чтобы убедиться, что **мы насквозь и сверху донизу европейцы**. **Наши** быт, образ жизни, культура, семейные отношения (в том числе интимные), **наши** увлечения, мода связаны с Европой»; «В России **мало-мальски образованный человек без затруднений назовёт десяток знаменитых европейских композиторов, художников, поэтов, писателей, философов, которых он знает и любит**»; «**Не будем отчаиваться...**».

▪ Тактика оценочной инверсии (преподнесение фактов нормативного поведения как отклоняющегося от нормы и потому негативного): «...что поэт, будучи действительно талантливым, откровенно выполнял политический заказ Николая I. Заказ императора был сформулирован так: “Создавать позитивный облик России за границей”» (но ведь создание позитивного образа своей страны – не только профессиональный долг дипломата, но и нормальное поведение любого гражданина).

▪ Тактика маркирования другой распространенной позиции как ложной, не соответствующей действительности: «**Многие верят в то, что Европа при Горбачёве нас обманула и “легла под Вашингтон”**»; «**Но в среде русской городской интеллигенции есть устойчивая прослойка, которая совершенно искренне верит в особый путь России и считает, что наши пути с Европой ну никак не совпадают**».

▪ Тактика умолчания невыгодной информации: «**И это несмотря на то, что за последние десятилетия в России написаны тома исследований о пагубности изоляционизма и надуманности “особого пути”**» (умалчивается, что не меньше работ посвящено обоснованию «особого пути» России).

▪ Тактика предъявления таких биографических деталей, которые могут быть интерпретированы в выгодном для манипулятора смысле: «...в своих обоих браках он был **женат на немках из весьма состоятельных семейств**».

▪ Тактика подбора цитат для подтверждения мысли о том, что часть русской интеллигенции «заражена» идеей особого пути России («**Ярче всего эту особенность сформулировал поэт-дипломат Ф. Тютчев**», далее цитируется стихотворение Тютчева).

На языковом уровне текста прослеживается оппозиция лексем, сочетаний слов и устойчивых конструкций с негативной и позитивной коннотациями (приводим их по ходу разворачивания текста):

1) для контекстов, характеризующих сторонников «особого российского пути», используются: *А что нам Европа, что Меркель,*

Олланд?; *Мы сами с усами!*; с русским аришином; всячески превозносили, политический заказ, вельможено-бюрократическое окружение, «железным занавесом», приближенных к трону, изоляции России, весьма посредственным дипломатом, в охаивании Европы, проповеди изоляционизма; дискредитация европеизма, пропагандистский заказ, отвести глаза от..., плод политической нетрудоспособности; соответственно о результате политики изоляции России от Европы: *вытала из...*; *продолжает утрачивать позиции*; у *зарастающего тинной пруда*;

2) для контекстов, характеризующих сторонников европеизма: *насквозь и сверху донизу европейцы*; *связаны с Европой*; *чувствуют себя (в Европе) в своей тарелке*; *знаменитых европейских композиторов, художников и т.д.*; *вдохновлялись... европейскими мотивами*; *европеизм... становится все более притягательным для молодежи*; *сравнение с Европой не в нашу пользу*.

Можно сказать, что при построении текста соблюдены следующие условия успешности психологического воздействия, о которых говорилось выше:

- учет национальной идентификации адресата, который выражается в обращении к русским фольклорным мотивам как в вербальном тексте («*А чтобы Алёнушке не так горько было сидеть у зарастающего тинной пруда, ей нужно рассказать о том, какая Европа гнилая, извращённая и как там не любят наших Иванушек*»), так и визуально (коллаж А. Дорофеева);

- учет закономерностей восприятия информации, что выражается с помощью приема интимизации повествования (*мы, наши, нам покажут, не будем отчаиваться*), смыслового повтора (*политический заказ – политический заказ; совершенно искренне верит в **особый путь** России – о пагубности изоляционизма и надуманности «особого пути», благотворность **изоляции** России от Европы – проповеди **изоляционизма** – о пагубности **изоляционизма***), а также путем использования стереотипных представлений о советской России в контексте ее современной характеристики;

- учет необходимости логической продуманности информации, предназначенной для воздействия: построение текста от частного к общему (индуктивный путь изложения как наиболее легкий для усвоения неискушенной публикой);

- учет такой особенности формирования или трансформации установок, как длительность и непрерывность воздействия: анализируемая статья является в газете далеко не единственным текстом,

в котором ставится под сомнение целесообразность идеи особого пути развития России или проводится мысль о европеизме Тютчева и России, последнее – «рассеяно» в контекстах публикаций этого же автора в «Аргументах и фактах», например: «Полеты во сне и наяву» в № 26 за 2014 г., «Гибридная Россия. Страна запуталась в выборе своего пути» в № 33 за 2015 г., «Вундеркинд, бунтарь, “почти иностранец”. Неизвестный Федор Тютчев» в № 49 за 2016 г.

Конечно, на материале одного текста нельзя показать все или большую часть речевых стратегий и тактик ИПВ. Важно отметить, что многие речевые стратегии и тактики применительно к политической борьбе охарактеризованы (порой не терминологически, а описательно) в публикациях журнала «Политическая лингвистика» (см. [Амиров 2015; Погорелко, Герасина 2016; Сковородников, Королькова 2015; Никифорова 2015; Сковородников, Копнина 2012а и др.]; см. также параграф 3.1).

IV. Из работ, посвященных вопросам психологического воздействия [Почепцов 2000а, 2006, 2000в; Психология господства... 1998; Экман 1990; Майерс 1998; Шейнов 2002; Щербатых 1998; Бубличенко 2005; Реклама... 2007; Крамник 1991; Контроль сознания 2001; Харрис 2002; Цыганов, Бухарин 2007; Коровин 2014; Панкратов 2001; Крысько 1999; Бэрон, Ричардсон 1997 и др.], лингвистика ИПВ может воспользоваться следующими понятиями (приводим их ниже по алфавиту), которые условно можно разделить на три группы:

1) понятия и термины, связанные с видами психологического воздействия, его технологией и механизмами: *агрессия, аргументация и контраргументация, атакующее убеждение, внушение словом, демагогия, духовное помыкание, запутывание ожиданий, защита от манипуляции, зомбирование, классический гипноз, косвенное воздействие, логика психологической войны, манипулирование имиджем (статусом, рангом), манипулирование сознанием, массовое сознание, метод «промывания мозгов»; механизм внушения, механизм воздействия, механизм коммуникативного воздействия, мишени воздействия, модели контроля сознания, НЛП (нейролингвистическое программирование), объект и субъект воздействия, по-нуждение к действию, порождение информации, программирование поступков, пропаганда, психические вирусы, психическое заражение, психолингвистическая модель речевого воздействия, психологическая операция, психология политического насилия, психология пропаганды, психотерапия, референтные группы, ролевое управление, семантические психотехнологии, скрытая агрессия, стресс,*

суггестия, теория устрашения, техника мифов, техника обнаружения лжи, технология обмана, технология разрушения сознания, технология скрытого управления, провокация, убеждение, управление разумом, управление событиями, «цыганский гипноз», эриксоновский гипноз и др.;

2) понятия и термины, связанные с условиями психологического воздействия: *архетипы, аспекты внушаемости, аттракция, закон духовного единства толпы, захват аудитории, ориентировка в ситуации, отвлекающий фон, поведенческие эффекты, присоединение аудитории, психологические барьеры в общении, психологическое заражение, психология толпы, стандарты поведения, стереотипы, установки, уязвимость подсознания, феномен личного влияния, фрустрация, традиции и ритуалы, ценности, эксплуатация потребностей, эффект когнитивного диссонанса, эффект новизны, эффект ореола, эффект первичности, эффект престижа, эффект стереотипности и др.;*

3) термины, связанные с конкретными методами и приемами воздействия: *вымысел, демонизация имиджа, десенсибилизация (снижение чувствительности); дестабилизация, искажение, «историческая маска», конструирование интерпретаций и воспоминаний, манипулятивная селекция, манипуляция с новостями, метод пробуждения страха, мифы, навязывание повестки дня, переворачивание информации, политическая метафора, символы, создание образа простака, создание псевдособытий, спекуляция на ценностях, уловки (организационно-процедурные, психологические, логические), утечка информации, фальсификация исторических событий, формирование новостей, эффект «нарочитой правдивости» и др.*

Приведенный в параграфе краткий обзор теоретических положений психологии войны, которые могут быть использованы в лингвистическом анализе текстов ИПВ, не претендует на полноту и предполагает дальнейшие исследования в этом направлении.

2.3. Политологические основания лингвистики ИПВ

Поскольку общим местом стала мысль К. Клаузевица о том, что «война есть продолжение политики, только иными средствами» [Клаузевиц 2007], лингвистическое исследование ИПВ не может обойтись не только без некоторых философских и психологических понятий и терминов, но и без политологических. Тем более что существует целый ряд терминопонятий политологии, которые регулярно употребляются в текстах ИПВ, нередко с несовпадающими интерпретациями. Из большого количества политологических терминов, зафиксированных в специализированных словарях и энциклопедиях [Основы политологии... 1993; Политология... 1993; Человек и общество... 1997; Большая актуальная... 2009; Новейший политологический... 2010], мы отобрали те, которые, на наш взгляд, наиболее частотны в текстах масс-медиа, что говорит об актуальности соответствующей тематики, и которые, будучи ключевыми политическими терминами «текущего момента», оцениваются, а иногда и понимаются альтернативно (семантически и аксиологически разнопланово): *авторитаризм, агент влияния, апартеид, атлантизм, большинство* (добавим – *послушное*), *ваххабизм, глобализм, государство* (не путать с *политическим режимом*), *гражданское общество, деидеологизация, демографическая политика, демократия, диктатура, евразийство, железный занавес, западничество, золотой миллиард, идентификация* (добавим – *национальная/социальная*), *идеологизация, идеология, империя, интернационализм, информационное общество, клерикализм, консерватизм, конфликт, космополитизм, легитимизация, либерализм, меньшинство, мировой порядок, мировое правительство, миф политический, многополярность, монархия, национализация, национализм, национальная безопасность, национальная идея, национальное сознание, национальное согласие, национальные интересы, национальный вопрос, неокOLONИализм, неофашизм, общечеловеческие ценности, общество потребления, оппозиция, патернализм, патриот, патриотизм, пацифизм, политическая культура, политкорректность, политическая символика, политическое право, права человека, правовое государство, правые – левые, пропаганда, «пятая колонна», радикализм, расизм, революция, риторика политическая, русофобия, свобода, сталинизм, суверенитет, теократия, технократия, традиционализм, толерантность*

политическая, фашизм, цивилизация, черносотенцы, экстремизм, экуменизм. О смысловой амбивалентности некоторых таких слов см. следующие публикации: [Сковородников 2015; Васильев 2013б]. Приведенный список может быть дополнен: *социальная справедливость, политический постмодернизм, зарубежные партнеры, консюмеризм* и др. Исследования в области лингвистики ИПВ дают основания для выявления относительно полного списка таких слов и сочетаний.

На стыке политологии и лингвистики сформировалось активно развивающееся научное направление – политическая лингвистика, которая «занимается изучением использования ресурсов языка как средства борьбы за политическую власть и манипуляции общественным сознанием» [Чудинов 2006: 5]. Ее предметом является «политическая коммуникация, то есть речевая деятельность, ориентированная на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе» [Там же: 8]. Развитие этого научного направления привело к изданию с 2007 года специализированного журнала «Политическая лингвистика», в котором обсуждается широкий спектр проблем, включая вопросы информационных войн. Проблемы языка информационно-психологических войн представлены в нем пока сравнительно небольшим количеством публикаций (укажем в качестве примера по одной статье за каждый год издания: [Иссерс, Рахимбергенова 2007; Кеннет Берк 2008; Шарманова 2009; Красильникова 2010; Ковалева 2011; Ермолаева, Геворгян 2012; Васильев 2013а; Синельникова 2014; Коцюбинская 2015; Васильев, Подсохин 2016]).

В литературе по политической лингвистике используются термины: *политическая коммуникация, политический язык, политический текст, политический контекст, политическая речь, стиль политического языка, политическая сфера коммуникации, жанры политической речи (политические дебаты, митинговое выступление, политическое интервью, политическая программа, партийная программа, предвыборная/агитационная листовка, обращение к политику, обращение политика, слоган, партийный доклад, политический анекдот, памфлет, фельетон, политическая карикатура, комикс, политический роман, политический плакат, политический комментарий, послание, политический портрет* и др.), *политический дискурс, политическая публицистика, парламентская речь, политический концепт, политический штамп, политический ярлык,*

политический стереотип, политическая лексика и фразеология, политическая метафорика, политическая метафора, идеология, политический мир, лингвистическая советология, лингвистическая постсоветология, антисоветизм, политический лидер, политический конфликт, политическая логосфера, политический нарратив, политический имидж, политический кризис, политическая реклама, политическая риторика, тоталитарный дискурс, тоталитарный язык, политическая журналистика, ключевые слова политического дискурса, речевой портрет политика, политическая толерантность, инаугурационный дискурс, языковые маркеры ИПВ и др. Ведется работа по лексикографическому описанию терминосистемы политической лингвистики. Так, в 2015 году вышел словарь «Актуальные термины политической лингвистики. Словарь современных медиа» [Семкин 2015].

Понятийный аппарат политической лингвистики может органично использоваться в лингвистике ИПВ. Это связано с тем, что у лингвистики ИПВ тот же предмет исследования, что и у политической лингвистики: политический язык как средство влияния на сознание общества или какого-либо его сегмента. Однако в лингвистике ИПВ политический язык изучается как средство насильственного влияния (речевой агрессии и/или речевой манипуляции), связанного с нанесением вреда и даже коммуникативным убийством. Это говорит о том, что лингвистика ИПВ является особым научным направлением в рамках политической лингвистики.

Глава 3. ЯЗЫК ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ: СТРАТЕГИИ, ТАКТИКИ И ПРИЕМЫ

3.1. Стратегии и тактики информационно-психологической войны в России и против России (на материале «Новой газеты» и некоторых других)

Сегодня можно с уверенностью сказать, что на международной арене происходит информационно-психологическая война, главным объектом которой является сознание и душа человека. Эта борьба идет за то, чтобы сформировать у людей систему ценностей, которая выгодна оппонентам государства.

Владимир Добреньков

Атака на ценности – прелюдия к любой войне. Цель этой атаки – ослабить связность народа, лишить его коллективной памяти, общего языка и системы координат, в которой он различает добро и зло. В пределе – демонтировать ту центральную мировоззренческую матрицу, на которой собран и воспроизводится народ. Если это удастся, народ рассыпается, как куча песка.

С.Г. Кара-Мурза

Информационная война – многоаспектное понятие, поэтому неудивительно, что она является объектом пристального внимания политологов, философов, социологов, психологов, культурологов, журналистов, лингвистов [Кара-Мурза 2015б; Почепцов 2015; Расторгуев 1999; Цуладзе 1999; Брусницын 2001; Губарев 2005; Лисичкин,

Шелепин 2005; Бухарин, Цыганов 2007; Дзялошинский, Дзялошинская 2007; Соколова 2007; Панарин 2010; Ковалева 2011; Ткаченко 2011; Сквородников, Копнина 2012б, 2016а, 2016б, 2016в; Сквородников, Королькова 2015; Клачков 2013; Беляев 2014; Коровин 2014; Подъяпольский 2014; Шевцов 2014 и мн. др.], а также некоторых журналов, например, «Политическая лингвистика», «Национальная оборона». Показателем актуальности проблематики информационной войны является появление соответствующих словарей [Операции... 2015]. Ведь, как замечает А.М. Соколова, информационная война является принципиальной составляющей современного глобализационного процесса и без понимания ее сущности невозможно в полной мере оценить последствия «глобализационного давления» [Соколова 2007: 3].

Теория ИПВ выработала ряд базовых терминопонятий: субъект ИПВ, объект ИПВ, мишень ИПВ, информационно-психологическая операция, информационно-психологическое оружие и ряд других (подробнее об этом см. в главе 1). Целью настоящей главы является рассмотрение основных стратегий и тактик, используемых российскими акторами ИПВ против России как государства и национально-патриотического сознания ее народа, которое, таким образом, является основным объектом этой войны. Мишенями же выступают те факты российской действительности, которые подвергаются дискредитации, для того чтобы воздействовать на объект в выгодном для субъекта ИПВ направлении.

О речевых/коммуникативных стратегиях и тактиках существует большая литература, в том числе диссертации и монографии (см., например: [Янко 2001; Зигманн 2003; Паршина 2004; Гулакова 2004; Токарева 2005; Аристова 2007; Плотникова 2007; Фролова 2007; Ланских 2008; Андреева 2009; Иссерс 2008, 2011; Малышев 2016 и др.]). Даны определения этих понятий и в некоторых словарях и справочниках (например, в [Русская речевая культура 2006: 103; Матвеева 2010: 386–387; Семкин 2015: 41–42, 75–76]). Надо отметить, что в литературе определения этих понятий иногда существенно отличаются по степени абстракции и по набору признаков. Ср., например, такие определения, где стратегия понимается «как комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели, формируемой в процессе деятельности под воздействием мотива, который, в свою очередь, обусловлен соответствующей потребностью. Коммуникативная тактика является иерархически более мелким уровнем планирования речевого поведения и выступает в качестве способа реализации стратегии» [Андреева 2009: 9] и где «коммуникативная

стратегия – это генеральная макроинтенция, определяющая организацию речевого поведения коммуниканта в соответствии с коммуникативными/некоммуникативными целями говорящего и специфическими условиями общения. Коммуникативную стратегию конституируют коммуникативные тактики. Коммуникативная тактика – это локальная интенция, задающая актуальный смысл конкретного речевого поступка в разворачивающемся ситуационном социальном и культурном контексте» [Ланских 2008: 9].

Такие же разночтения в дефинициях наблюдаются и в учебной литературе. Ср., например: 1) «в самом общем смысле стратегия включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана. Иными словами, речевая стратегия представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [Иссерс 2009: 181–182] (То же определение см. в [Иссерс 2008: 54]) и 2) «под стратегией <...> понимается осознание ситуации в целом, определение направления развития и организации воздействия в интересах достижения цели общения» [Гойхман, Надеина 2011: 200], а под тактиками понимаются «речевые приемы, позволяющие достичь поставленных целей в конкретной ситуации» [Там же: 200].

Заметим также, что понятие речевой стратегии и коммуникативной стратегии часто отождествляются, это видно, например, в таком определении: «Речевая (коммуникативная) стратегия – генеральная интенция говорящего, а также совокупность речевых действий, направленных на решение основной коммуникативной цели говорящего. Отражает мыслительный план общения посредством речи и организацию говорящим своего речевого поведения в соответствии с этим планом, а также условиями общения, речевыми и личностными особенностями речевых партнеров, культурной традицией» [Матвеева 2010: 386]. Однако понятия речевой стратегии и коммуникативной стратегии не вполне совпадают: «рассуждая о речевой стратегии, мы имеем в виду только речевые действия коммуниканта», тогда как коммуникативная стратегия предполагает «использование коммуникантом не только определенных вербальных приемов, но также и экстралингвистических характеристик, куда входят жесты, мимика, поза, внешний вид и т.д.» [Жданова 2010: 46–47].

Для нашего исследования важно также иметь в виду то, что, хотя коммуникативные стратегии и тактики обычно исследуются на материале диалогов, эти категории присутствуют и в монологическом

тексте, ибо «текст всегда ориентирован на читателя и всегда включает в себе идею, отражающую авторский замысел <...>. Свою идею автор и реализует в конкретном тексте с помощью определенных стратегий и тактик, которые в таком случае можно назвать *лингвистическими* [курсив автора цитируемого текста. – А.С.]» [Клушина 2008: 28].

Поскольку в нашем исследовании мы имеем дело с газетными текстами, то, обобщая признаки коммуникативных стратегий и тактик, содержащихся в упомянутых выше публикациях, мы будем придерживаться следующих определений этих понятий.

Речевая стратегия – это общий мыслительный план, или общая психологическая линия речевого поведения, определяемая интенцией и коммуникативной целью (целями) говорящего/пишущего на основе осознания коммуникативной ситуации как совокупности факторов, влияющих на планирование и реализацию речевой коммуникации (время и место коммуникации, интенции участников коммуникации, их профессиональные, возрастные, гендерные, этнические характеристики, социальные статусы и роли, особенности характера, тип межличностных отношений, эмоциональное состояние и другие факторы).

Речевая тактика – это речевое действие (речевой акт или несколько взаимосвязанных речевых актов), соответствующее тому или иному этапу в реализации речевой стратегии и направленное на решение частной коммуникативной задачи этого этапа. Использование речевой тактики или некоторой их совокупности призвано обеспечить осуществление речевой стратегии и, в конечном итоге, достижение коммуникативной цели говорящего/пишущего.

Можно сказать, что стратегия – это целевой принцип (основное направление) организации речи, а тактика – целевой способ (средство, прием) организации речи или ее этапа в соответствии с принятой стратегией. Причем, надо полагать, что если стратегия, обусловленная коммуникативной интенцией и целью, выбирается, как правило, сознательно, то тактики могут «нащупываться» интуитивно в процессе создания текста.

Для нас представляет интерес выделение **общих и частных стратегий**. Это разграничение осуществляется «в зависимости от степени “глобальности” намерений: речевые стратегии могут характеризовать конкретный разговор с конкретными целями (обратиться с просьбой, утешить и т.п.) и могут быть более общими, направленными на достижение более общих социальных целей (установление и поддержание статуса, проявление власти, подтверждение

солидарности с группой и т.д.). <...> Так, общая стратегия дискредитации <...> реализуется в частных стратегиях обвинения, оскорбления, насмешки» [Иссерс 2008: 105]. Таким образом, термин **частные стратегии** можно считать синонимом термина **субстратегии**, если под таковыми понимать видовые реализации какой-либо общей (родовой) стратегии. Заметим, что **общие стратегии** оказываются в одном синонимическом ряду с такими терминами, как **суперстратегии, родовые стратегии, генеральные стратегии, глобальные стратегии, базовые стратегии**; а **частные стратегии** синонимизируются с **вспомогательными**.

Что касается тактик, то небесполезно учесть, что «наиболее вероятными “кандидатами” на признание их речевыми тактиками являются те речевые действия, в названии которых отражено их иллокутивное либо перлокутивное назначение: оскорбление, утешение, осуждение, обвинение» [Иссерс 2008: 104]. Выделяют также более мелкую, чем речевая тактика, единицу – **речевой ход**, определяемый как «прием, выступающий в качестве инструмента реализации той или иной речевой тактики» [Там же: 117].

Существует проблема разграничения речевых субстратегий и речевых тактик. Это можно продемонстрировать на таком примере. В учебнике по риторике под редакцией профессора В.Д. Черняк демагогия квалифицируется как «специфическая тактика речевого воздействия». В то же время ей (демагогии) дается такая характеристика: «Демагогия в широком смысле – это, во-первых, обман лживыми обещаниями, лестью и преднамеренным искажением фактом для достижения каких-либо целей, а во-вторых – рассуждения или требования, основанные на грубо одностороннем осмыслении, истолковании каких-либо фактов. Под демагогией можно понимать также совокупность методов, позволяющих создать впечатление правоты, не будучи правым» [Риторика 2013: 162–163]. Однако лживые обещания, лесть, преднамеренное искажение фактов и их одностороннее истолкование, а также имитация правоты могут быть рассмотрены как отдельные речевые тактики, реализующие демагогию, которую в таком случае логично определить как одну из субстратегий общей (родовой) стратегии обмана, введения в заблуждение реципиента. А последняя, в свою очередь, является одной из субстратегий генеральной стратегии ИПВ – стратегии нанесения поражения или хотя бы ущерба противнику.

Или возьмем такое противоречивое высказывание: «Чем ближе отношения между коммуникантами, тем вероятнее выбор позитивной

тактики: при близких отношениях апелляция к дружеским чувствам, выражение симпатии, признательности и лести более эффективны, чем стратегии угрозы и наказания» [Азылбекова 2011: 135]. Непонятно, на каком основании угроза и наказание квалифицируются как стратегии, а выражения симпатии, признательности и лести – как тактики. Кроме того, сомнительна квалификация лести как позитивной тактики.

Заметим также, что существенные различия в определении речевых стратегий и тактик происходят не в последнюю очередь потому, что исследователи, преследуя разные цели, кладут в основание их определений и классификаций разные признаки.

В этой главе мы не претендуем на освещение всех некооперативных стратегий и тактик такого многообразного явления, как ИПВ, т.е. на предъявление их исчерпывающего списка. Цель главы – обратить внимание читателей на типичные стратегии и тактики, применяемые во внутрироссийской информационной войне, ведущейся против нашей страны, русской цивилизации и национальных ценностей. Это, как мы надеемся, будет стимулировать дальнейшее изучение лингвистического аспекта ИПВ и, таким образом, способствовать повышению уровня информационной безопасности общества. Эта цель реализуется посредством контекстологического и семантического анализов текстов одного из коллективных акторов такой войны – «Новой газеты», а также некоторых других газетных текстов, обладающих признаками ИПВ.

Для исследования стратегий и тактик внутрироссийской ИПВ в СМИ требуется существенная оговорка. Для утверждения, что какой-то орган СМИ или отдельный автор является актором ИПВ, нужны объективные, то есть соответствующие действительности основания (критерии). Такими основаниями, по-видимому, следует считать: а) преобладание в печатном органе (или у одиночного автора) негативно-оценочной информации об одной и той же мишени (мишенях), имеющей комплементарное отношение к объекту ИПВ; б) направленность этой информации на дискредитацию этой мишени (мишеней) и, следовательно, объекта как такового; в) регулярность и длительность публикаций с такого рода информацией; г) такое же регулярное и постоянное отсутствие позитивно-оценочной информации об этих мишенях или о самом объекте. Поскольку тексты «Новой газеты» (далее – НГ) с признаками ИПВ соответствуют перечисленным критериям, есть основание считать эту газету коллективным актором ИПВ (сомневающиеся могут убедиться

в справедливости сказанного, прочитав подборку этой газеты хотя бы за 2–3 месяца). Такое утверждение не значит, что все материалы этой газеты являют собой факт информационной войны, поскольку в этой газете, как и во многих других, можно найти критику недостатков, действительно имеющих место в российской действительности; на страницах этой газеты помещаются также материалы, нейтральные в оценочном отношении (информация о событиях в области культуры и спорта, объявления и т.п.). Речь идет об устойчивой политической линии этой газеты, о ее, так сказать, собирательном политико-лингвистическом портрете.

Переходим к основной части нашей главы. Для выявления и описания речевых стратегий и тактик были проанализированы статьи, опубликованные главным образом в «Новой газете» преимущественно в 2014–2016 гг. Результаты наших наблюдений таковы.

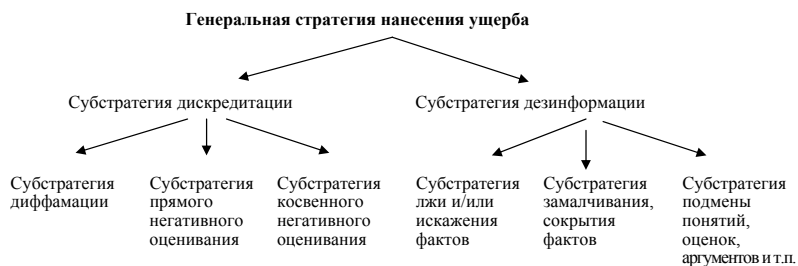
Во всех анализируемых текстах, взятых в своей совокупности, по сути дела, осуществляется генеральная стратегия нанесения психологического ущерба объекту ИПВ, реализуемая соответствующими субстратегиями и тактиками, направленными на такие мишени, как патриотические организации современной России; ее внешняя и внутренняя политика; властная вертикаль во главе с президентом В.В. Путиным; партия «Единая Россия», составляющая парламентское большинство; российская правоохранительная система; Русская православная церковь; идея имперской России и соответствующие ей символы; возвращение Крыма в лоно Отечества; жители Новороссии, защищающие право быть людьми русской культуры, говорить на русском языке, и помогающие им российские добровольцы и др.

Параллельно, в противовес этому, осуществляется другая стратегия – апологетики антироссийских политических сил: организаций, партий, персон, настроенных по отношению к России враждебно; политики США и Евросоюза, направленной против России; деятелей культуры, оскорбляющих своими действиями русское национальное сознание и православную веру; украинских шовинистов и экстремистов; НКО, существующих на зарубежные гранты, деятельность которых (по крайней мере некоторых из них) сомнительна с точки зрения национальной безопасности. Однако по условиям ограниченности рамок главы стратегия апологетики с ее тактиками специально не рассматривается.

Описывая стратегии ИПВ, осуществляемые в газетных текстах, мы приводим минимум примеров в силу их большого контекстуального объема, в некоторых случаях комментируя их для большей

ясности. Причем следует иметь в виду, что тактики могут семантически варьироваться в пределах смыслового инварианта, который представлен в названии тактики.

В исследованных газетных публикациях были обнаружены следующие стратегии и тактики, связанные отношениями иерархии: генеральная стратегия нанесения психического ущерба, воплощенная в двух субстратегиях первого порядка: стратегии дискредитации и стратегии дезинформации, которые, в свою очередь, представлены субстратегиями второго порядка: стратегия дискредитации – тремя субстратегиями: диффамации, прямого негативного оценивания (характеристики) и косвенного негативного оценивания (характеристики); стратегия дезинформации – тремя субстратегиями: субстратегией лжи и/или искажения фактов, субстратегией замалчивания, сокрытия фактов и субстратегией подмены понятий, оценок, аргументов и т.д. или других нарушений логических связей. Покажем это следующей схемой.

Каждая из выделенных субстратегий реализуется набором соответствующих речевых тактик.

Перейдем к описанию этой стратегически-тактической системы.

1. Субстратегия дискредитации – подрыва авторитета, доверия к кому- или чему-либо (субстратегия первого порядка)

1.1. Субстратегия диффамации, т.е. предъявления и/или распространения порочащих сведений, характеристик мишени (субстратегия второго порядка)

- Тактика формирования негативно характеризующего подтекста, т.е. такой организации высказывания, которая «предполагает понимание по догадке», по ассоциативным связям, и создает нужный манипулятору подтекст: *В прошедшую пятницу судья Советского районного суда Нижнего Новгорода Ольга Тоненкова признала законным прокурорское представление, на основании которого*

правозащитная организация «Комитет против пыток» была признана иностранным агентом. **Несмотря на то, что судиться с государством по такому поводу – дело статистически безнадежное, шанс на правосудие в случае с КПП все-таки был** (Новая газета. 2015. № 35). Здесь в подтексте содержится мысль о несправедливости правовой системы в России.

- Тактика такой детализации отрицательной характеристики мишени в широком смысле (ситуации, события, чьих-либо действий и т.д.), которая создает иллюзию компетентности автора (авторов) этой характеристики и позволяет создать в тексте тональность осуждения (или по крайней мере – неприятия данного события или ситуации). Примером может служить текст статьи Александра Панова «Шпион – находка для шпиона» (Новая газета. 2015. № 9), в которой детально описываются неудачи российских разведчиков в США (называемых автором статьи *шпионами* и характеризующихся как непрофессионалы) для утверждения тезиса экспертов (каких?) о том, что «Россия возрождает советскую практику создания подпольных агентурных сетей».

- Тактика «оглупления», примитивизации мишени: *Презрение большинства граждан РФ к демократическим ценностям, при крайне смутном о них представлении, делает любую новую элиту заложниками популистской архаики и ставит крест на перспективе демонтажа «глубинного государства» спецслужб даже в отдаленном будущем. Ликвидация ценностного разрыва РФ со странами первого мира «изнутри» маловероятна и после гипотетической смены режима. «Ценности россиян блокируют демократию» – таков был лейтмотив участников круглого стола «Есть ли у россиян прививка от демократии?», проведенного на прошлой неделе фондом Гайдара* (Новая газета. 2014. № 126).

- Тактика развенчания исторически позитивных мифов и ценностей. Примером может служить такое место в рассказе о поездке Евгения Евтушенко в Сибирь: *Каким-то особым чутьем поэт удержался от соблазна следовать литературной традиции – фигуру Ермака возвеличивать чрезмерно, принимая исторические последствия похода за пушкиной как провидческий государственный замысел расширить территорию России. <...> В переносном смысле, в символическом, образ безукоризнен, но сибиряк Мартынов [собеседник Евтушенко. – А.С.], конечно, не хуже других знал, что Ермака Тимофеевича и его дружину влек сбор ясака (шкурки соболя, горностая, лисицы, белки...).* Принуждение аборигенов бывало жестоким,

и там, где сбор не удавался, пепел сожженных стойбищ долго носился над лесами (Новая газета. 2014. № 131).

- Тактика как бы случайного включения в нейтральный текст диффамирующих фрагментов. Так, в довольно обширное интервью Ксении Кнорре-Дмитриевой с участницами петербургской группы стрит-арта Gondhi по поводу их творчества включен такой фрагмент: – *Сейчас везде политика – это отражается на ваших работах? – Да, конечно. Например, когда в начале марта Совет Федерации одобрил ввод войск на территорию Украины, мы в тот же вечер собрались, сделали трафареты и пошли по улицам. Картинки в основном были метафорическими – например, танк с обвисшим стволом и надписью «Маленькая победоносная ...ня»; портрет женщины в украинском венке с надписью: «Вова, я ухожу от тебя»; маленький танк, у которого колеса складывались в олимпийские кольца» (Новая газета. 2014. № 131).*

- Тактика выражения сомнений в искренности и правдивости высказываний диффамируемой мишени: [Об обстоятельствах гибели малайзийского лайнера МН-17] *В Москве доклад американской разведки восприняли с иронией. Почему американцы не выкладывают спутниковые данные? Этот вопрос породил массу конспирологических версий. Самая популярная: Вашингтон договаривается с Москвой тайно. Важен другой момент, который российские СМИ практически не замечают, – это общий обвинительный тон в отношении России после трагедии МН-17. Общий для всех стран Запада, всех крупнейших СМИ и более или менее значимых политиков. Такое единодушие – редкость. Конечно, для российских граждан, черпающих 90 процентов информации с телеэкрана, можно найти «говорящие головы» американских и европейских экспертов, которые представляют картину трагедии вполне в духе кремлевского агитпропа. Но это будут специальные люди, для которых антиамериканизм – профессия. Их круг ограничен, и они кочат из программы в программу. Это проверенные бойцы информационных войн (Новая газета. 2014. № 8).*

- Тактика подачи диффамирующей информации в нарочито гипотетической модальности с расчетом посеять сомнения, поколебать уверенность реципиентов в чем- или ком-либо и в то же время избежать обвинения в клевете. Например, в повествование о ком- или о чем-либо (негативно характеризуемого) включается такой фрагмент: *Еще раз, и это важно: данный текст лишь предположительно имеет отношение к Стрелкову (Гиркину), предположительно сотруднику ФСБ. Вполне вероятно, что это типичное военное*

воспоминание одного обладающего склонностью к литературному творчеству участника событий 15-летней давности. Ничего более твердо мы гарантировать не можем (Новая газета. 2015. № 35). В этом тексте нет прямого обвинения Стрелкова, но сомнение в его невиновности у читателя закрадывается.

- Тактика изображения оппонента интеллектуально неполноценным (недалеким, импульсивным, неосведомленным и т.п.). Например, в статье Юрия Сафонова «Ходорковский рассказал о самом главном» цитируются такие слова Ходорковского: *Путин – человек эмоциональный, точнее, стал эмоциональным, и его окружение достаточно эффективно научилось этим пользоваться. И, конечно, очень многие решения он принимает вынужденно. Он не понимает, что его к ним подвели, что использовали его эмоциональное состояние и что даже вот это эмоциональное состояние тоже было создано* (Новая газета. 2014. № 106).

Тактика уничижительной характеристики мишени без предъявления доказательств. Так, Елизавета Александрова-Зорина в статье с «говорящим» заголовком «Садомазохизм национального масштаба» сообщает: *Если «элита» так умна и хитра, что вызывает ненависть «врагов» (кого бы ни именовала в данный момент этим словом официальная пропаганда), то нет ничего постыдного в том, что премия топ-менеджера госструктур превышает зарплату врача за всю его жизнь. Если президент так могуществвен, что перед ним трепещет весь мир, то нет ничего уничижительного в нашем рабском, зависимом положении. По этой же причине скромные дома европейских политиков вызывают злорадные, уничижительные реплики в адрес западных «нищобродов». Приятно же, что у «наших» дома больше, яхты длиннее, любовницы моложе. Нищие люди испытывают неподдельную гордость за чиновника городского муниципалитета, который тратит больше, чем депутат Европарламента. Эфемерная принадлежность к богатой и влиятельной группе дарит им мнимое чувство значимости, снимая болевой синдром национального унижения. Это о народе, а вот что о церкви и власти: *Мазохисты не просто смиряются с униженным положением, они идеализируют свои страдания и, наслаждаясь ими, ищут их сакральные обоснования. Этими обоснованиями полнится патриотическая и современная православная литература: русский народ – страстотерпец, русский народ – мученик, русский народ – самый терпеливый и кроткий из всех народов, он живет под покровом Богородицы, но в то же время страдает за свои тяжкие грехи (70-летие советской власти,**

по мнению нынешней РПЦ, – это что-то вроде первородного греха, который есть у каждого, даже рожденного после 1991 года). Отсюда и религиозность (даже экзальтированная набожность), и возросшее влияние церковников, которые возвели в культ смирение и покаяние – не только личное, но и массовое, общенациональное. Религия – только один из методов поддержания садомазохистских отношений. Они многообразны. В их числе тиражирование «врагов» (отдельных личностей и групп, народов и стран, идеологий и учений), упрощение политической картины и поляризация мнений, а также перманентное повышение градуса истеричности и паранойи. Мазохистам тоже нужно приложение их садистских наклонностей, и садомазохистскому обществу требуются «мальчики для битья», объекты агрессии, без которых теряется компенсирующее ощущение своего мнимого превосходства. Поэтому телевизор, этот великий утешитель униженных и оскорбленных, перемежает духоподъемную патриотическую пропаганду с репортажами о все новых и новых врагах отечества (МК РРЕ, 14–21 октября 2015 г.).

Тактика бездоказательных обвинений. Например, в отношении Н.С. Михалкова, подвергнутого критике «Ельцин-центр»: *Но мультфильм из «Ельцин-центра», конечно, не продвигает коммунистической идеологии. Он о другом: это довольно оптимистическая и романтическая картинка, согласно которой россияне берут судьбу в собственные руки и не нуждаются в начальстве. Такая постановка вопроса вызывает дикое раздражение «государственника» Михалкова. Этот момент стоит зафиксировать: **народ не имеет права на свободу**, сама попытка рассуждать об этом объявляется во-первых, преступной, и, во-вторых, антиисторической. Михалков требует для себя монополии на **историю, напоминающей водочную монополию царского правительства** – народ должен упиться историческим величием, выданным режиссером. Для этого Михалков даже намерен строить на Оке контрцентр «Цитадель», посвященный **войне и баракам** (Новая газета. 2016. № 139). Выделенные в тексте места содержат отрицательно характеризующую информацию, не подкрепленную доказательствами, например прямыми цитациями высказываний Михалкова.*

1.2. Субстратегия прямого негативного оценивания (характеристики) мишени (субстратегия второго порядка)

• Тактика использования иронии, сарказма и оскорбительных номинаций, иногда пронизывающих весь текст наряду с отрицательно-оценочными характеристиками. Так, в небольшой

статье Ирины Лукьяновой «Война насекомых» политические оппоненты, исповедующие идеи служения, Великой России, Справедливости, Национальной Идеи (написание с прописной буквы принадлежит автору анализируемого текста. – А.С.) названы **космическими тараканами** (именование повторяется многократно) и охарактеризованы с участием таких слов, как **дерьмо, паразиты, членистоногие, насекомая рать** (Новая газета. 2008. № 41).

- Тактика уничижительно-иронического преуменьшения каких-либо достоинств мишени (качества, силы, значимости, масштабности и т.д.) и/или преувеличения ее недостатков. Например, статья Бориса Бронштейна «Слов не хватает» с подзаголовком «ДНР рассчитывает на Россию даже в написании гимна» от начала до конца пронизана такими высказываниями: *К исполнению гимна обычно всех просят встать, но в случае с самопровозглашенной Донецкой народной республикой пока можно посидеть; С одной стороны, правильно сделали, что обратились именно к нам. У нас государственные гимны кроются так мастерски, что они даже после нескольких перелицовок выглядят как новенькие. С другой стороны, что это за государство такое, если гимн ему напишут в другом государстве и пришлют как гуманитарную помощь?; Понятно, такой популярный в России заказчик, как ДНР, найдет здесь и композитора, и поэта. Откажутся наши творческие союзы – есть фирмы, пишущие гимны по заказу (правда, пока не государственные гимны, а корпоративные). Обычно компания сообщает им исходные данные: занимаемся, мол, лакокрасочным производством, выпускаем грунтовку, шпатлевку и эмаль. Этого достаточно. И поэт возьмется за исполнение заказа: «Мы покрасим всю страну – и в длину, и в ширину...»; Хочу покаяться. В студенческой молодости сам я написал по заказу текст гимна для школы юных химиков <...>. Сказал, что писать буду несерьезно, и именно так и написал: Лишь первый луч над сонными аллеями, / А мы уже приветствуем его / Зарядкой по системе Менделеева, / Прыжками в ледяную аш два о... А вот в случае с ДНР кому-то придется писать серьезно. Хотя «аш два о» в текст неизбежно подольют* (Новая газета. 2014. № 110).

- Тактика глумления над национальными символами, святынями, героями и даже над самим народом. Так, в статье Надежды Кеворковой «Вызываем огонь на себя» читаем: **Суворов, с его шутовским «Мы – русские, какой восторг!», выскакивает из табакерки всякий раз, когда есть нужда в скрепах. В его-то время запроса на патриотизм не было, образованные говорили по-французски и, приближаясь**

к народу, обмахивали нос надушенным платком. Ярчайший (в буквальном смысле) припадок патриотизма был организован во время войны 1812 года. Именно тот патриотизм московские остроловы нарекли «квасным»; <...> Сталин, в юности поживший среди трудяг в ссылках, думал, что понял суть русского характера. Но понял он его на свой лад – на банкете в честь окончания войны поднял тост «за русский народ», как поднимают тосты в грузинском застолье, с избыточным словословием... (Новая газета. 2014. № 110). Автора этого текста раздражает не столько Сталин сам по себе, сколько произнесенный им тост, в котором отмечена выдающаяся роль русского народа в победе над фашистскими захватчиками.

• Тактика нагнетания негативных оценок мишени, содержащихся в высказываниях сторонних лиц или СМИ, что создает иллюзию объективности. Так, в статье Александра Панова «Выборы-2016 в США: фавориты и новички» с подзаголовком «К Владимиру Путину кандидаты в президенты относятся одинаково негативно» неоднократно повторяются без каких-либо комментариев негативные оценки Президента России представителями американской политической элиты: *В беседе с радиоведущим ток-шоу Хью Хевиттом 30 марта Джеб Буш называл президента России Владимира Путина «беспощадным прагматиком», заявив, что США должны дать понять Москве, что намерены защищать НАТО и его членов; <...> Одной из первых сравнила действия Путина в Крыму с действиями Гитлера в Судетах Хиллари Клинтон – бывшая первая леди Америки, сенатор от штата Нью-Йорк, государственный секретарь в первый президентский срок Барака Обамы; <...> Клинтон не стала бы колебаться и дала бы оружие Украине, успокоила бы союзников по НАТО, потому что у США отлично получается играть именно с позиции силы, пишет Рубио. Тем более, это «единственный язык, который понимает Путин»; <...> Владимир Путин «должен заплатить» за аннексию Крыма, убежден Рубио; <...> И у Рэнда Пола нашелся соответствующий пассаж про российского президента <...>. Рэнд Пол осудил аннексию Крыма и вмешательство России на востоке Украины; <...> Выступая в Фонде Молодая Америка, Круз перефразировал Рональда Рейгана: «Господин Путин, верните Крым назад!.. Мы должны встать и выступить в поддержку свободы»; <...> Общий фон на этих выборах, очевидно, складывается не в пользу нынешних российских властей* (Новая газета. 2015. № 46). Если учесть, что в статье ни слова не сказано в защиту российского Президента и его внешней политики, становится достаточно очевидной позиция ее автора.

- Тактика «навешивания» ярлыков: *В Первомайском сквере прошла серия одиночных пикетов. Их организатор Светлана Каверзина развернула плакат «Обращение к ФСБ. Остановите расползание православного экстремизма»* (Новая газета. 2014. № 126).

- Тактика манипулятивного использования терминов с оценочной контекстной аурой: *Полиция нравов, которую не так давно предложил учредить главный российский гомофоб Виталий Милонов, уже существует. В государственных стенах она выносит моральные вердикты и штампует запреты. Законодательные предложения депутатов и чиновников касаются всего подряд – секса, семейных отношений, религии, искусства, школьных учебников, идеологии, прессы, интернета. Это вполне можно считать начавшимся **постепенным дрейфом из авторитаризма в тоталитаризм**. Ведь, как известно, одним из признаков тоталитарного режима – в отличие от авторитарного, в котором, как правило, контролируется только политическая жизнь, – является регламентация всех сфер общественного бытия и сознания. «Новая газета» решила изучить **запретительные инициативы** депутатов и чиновников за последние годы, чтобы разобраться, что на уме у государства и каким должен быть идеальный гражданин путинской эпохи* (Новая газета. 2014. № 126). Некоторые термины со сформировавшейся под влиянием социально-исторических причин отрицательной аурой фактически превратились в ярлыки: *Законодательные предложения депутатов и чиновников касаются всего подряд – секса, семейных отношений, религии, искусства, школьных учебников, идеологии, прессы, интернета. Это вполне можно считать начавшимся постепенным дрейфом из **авторитаризма в тоталитаризм*** (Новая газета. 2014. № 126).

- Тактика оскорбительных выпадов. Вот что пишет один из авторов «Русского Вестника» в статье «Разгул информационных вандалов»: *На Донбассе погиб Русский воин Арсен Павлов, более известный по позывному Моторола. Россия гордится подвигом своего сына! Но ненавистники всего русского беспрепятственно обливают словесной грязью его могилу <...>. Предприниматель и политик Константин Боровой, сделавший своё огромное состояние в России, настолько огромное, что благодаря ему смог однажды протиснуться в Госдуму, назвал Арсена Павлова бандитом. Ему вторит скандально известная журналистка и радиоведущая на «Эхо Москвы» Юлия Латынина. В авторской программе «Код доступа» русского героя она не только причислила к бандитам, но обвинила ещё и в мародёрстве. Естественно, без всяких доказательств. Тут же подсуетился*

когда-то получивший колоссальную славу именно в России Андрей Макаревич и не преминул вылить свой ушат помоев на память русского солдата. Он назвал Моторолу государственным преступником, нарушившим какую-то там статью Уголовного кодекса. А продюсер и режиссер Григорий Амнуэль в телеэфире ток-шоу «Время покажет» на всю страну назвал Арсена Павлова убийцей, утверждая, что раз тот виновен в смерти людей, то недостойн носить звание героя (Русский Вестник. 2016. № 22).

- Тактика нагнетания в тексте слов, обозначающих негативные явления, поступки и т.д. или обладающих негативной коннотацией, для соответствующей характеристики мишени. Так, Станислав Белковский, выступая против критиков фильма «Матильда», в статье «Монархия – будущее России» использует такие слова и выражения в отношении этих критиков: *ополчился, слухи, наезд, кляузы, комплекс Герострата, яростно-слезливые выводы, жалобыцики* (МК РРЕ, 21–28.12.2016).

1.3. Субстратегия косвенного негативного оценивания (характеристики) мишени (в такого рода текстах, как правило, не употребляются оскорбительные номинации и слова, содержащие резко отрицательную коннотацию) (**субстратегия второго порядка**).

- Тактика выискивания и сложения мелких негативных деталей, совокупность которых могла бы дискредитировать целое, т.е. мишень. Так, например, в статье Екатерины Фоминой «Росгвардия подала голос» в сниженной тональности описывается финал Фестиваля детской патриотической песни на премию Росгвардии, прошедший в Балашихе на территории дивизии им. Дзержинского. Эта сниженная тональность достигается многочисленными мелкими информационными «вкраплениями» по всему тексту статьи. Вот эти вкрапления:

- 1. *[финалистка Маша Зацепина] Выступать будет с песней «Наш край Россия».*

- *Мне морально важно это выступление, – говорит Маша. – Я хочу стать певицей, участие в таких конкурсах придает мне уверенности.*

- *Ты по тематике скажи, – подсказывает мама.*

- *А ну да. Приятно петь о России!*

- 2. *В буфете нахожу половину конкурсантов. <...> Подхожу спросить, с чем выступают девушки.*

- *Я забыла, – воспитательница вопросительно смотрит на коллег. – Точно! «Ты живи, моя Россия».*

3. Спортзал переоборудован под гримерку – пиджаки конкурсанты бросают прямо на тренажеры, вешалки с платьями размещаются на перилах беговых дорожек. <...> Девушки из пансиона выстраиваются в шеренги, натягивают белые шелковые перчатки. Кто-то умудряется доедать хот-дог из буфета прямо в этих белых перчатках.

4. – Пониже юбка спускается у тебя? Все наружу торчит! – выговаривает воспитанницам педагог, женщина за 40, в бежевом длинном платье. – Как не стыдно, вы представляете государственных воспитанниц!

5. В зрительном зале царит не менее нервная атмосфера ожидания. <...> Председатель «Офицеров России» Антон Цветков помогает рассаживать гостей. Здесь же его жена Сабина: она администратор Фестиваля детской патриотической песни (а также исполнительный директор благотворительного совета «Офицеров России», заместитель председателя Общественного совета при ГУ МВД России, заместитель председателя Общественного совета при УФСИН по Москве, продюсер оперного шоу «Ангелы»).

6. И вот Березин открывает Фестиваль.

– Для ветеранов – это невероятное ощущение того, что жизнь продолжается, – говорит он, вдруг прерываясь. – В этом месте у меня в сценарии написано: «Аплодисменты».

Зал покорно взрывается овацией.

7. Заиграла «Прощание славянки» в исполнении духового оркестра. Трое солдат внесли триколор, марш сменился гимном. Две школьницы в белых блузах за моей спиной робко затаили «Слався, Отечество». Дальше слов они не знали, но заметив, что я снимаю их на видео, продолжили, как рыбки, беззвучно открывать рты. Остальные зрители стояли с каменными лицами. Солдаты с флагом (который неудачно упал на плечо одному из них – а поправить нельзя по уставу) так и простояли бездвижно на сцене до конца концерта.

8. Первыми выступали воспитанники Московского президентского кадетского училища имени М.А. Шолохова войск национальной гвардии. Их номер задал настроение и тон концерту, пели они вне конкурса. «И мы с тобой за будущее Крыма все силы без остатка отдадим!» – отчеканил солист, широко расставив ноги. За его спиной в такт мелодии маршировали кадеты с барабанами: «У нас в судьбе и в сердце неделимы Крым и Россия, Россия и Крым!» (В этом месте кадеты опустили на одно колено, выставили ружья, склонили головы.) «И в Севастополе, и в Балаклаве шли наши предки к победе

и славе! Свято хранят Симферополь и Керчь русскую веру и русскую речь!». На экране в глубине сцены один за другим шли кадры: Путин в Крыму, митинги с флагами «Единой России», довольные лица крымчан. За выступление кадетов наградили плазменным телевизором. (На их лицах я не увидела такого восторга, как у крымчан.)

9. Заиграла душещипательная мелодия, маленький мальчик с напряженным лицом запел <...>. На сцене в это время колыхалось синее полотно, изображающее реку, девочки в белых платывах тонули и махали из пучины руками, пока не утонули окончательно и не убежали весело со сцены. <...> Зал сидел не шелохнувшись. По завершении песни публика исправно зааплодировала, и только трое ветеранов рядом со мной о чем-то шушукались.

10. И вот на сцене появилась та самая хрупкая девушка в белом платье в пол. Маша вдохновенно пела про Россию: «Любовь и слава, небес простор, орел двуглавый, триколор, великой жизни в ветрах стихий, мессии шаг. На самой лучшей из всех планет народ могучий и президент!»

11. Гран-при фестиваля получил коллектив русской народной песни «Любавушка» с драматическим номером «Сухостой». <...> Тут девки из «Сухостоя» заголосили русскую народную песню: без всякой гармонии, зато с фонограммой.

12. В припеве вступали дети, они заранее выучили слова. Девочки без выражения выводили: «Шагает гвардия России, в боях проверена не раз. Несокрушимой грозной силой готова выполнить приказ». <...> Дети механически хлопали и оживились, только когда с потолка на них посыпались блески (Новая газета. 2016. № 136).

Многие из перечисленных «вкраплений» имеют подтекст, интерпретировать который не буду, чтобы не впасть в субъективизм. Важно другое. Эти самые вкрапления, занимающие в общей сложности не менее четверти текста статьи, взятые в совокупности, снижают пафос и патриотическую значимость очень нужного стране и своевременного мероприятия, пусть и проведенного не без организационных недостатков.

• Тактика создания компрометирующих ассоциаций: *Дмитрия Фирташа арестовали в Австрии, где он жил со времен Майдана, 12 марта 2014 года, по запросу ФБР. Однако вскоре отпустили под рекордный, в 125 миллионов евро, залог. «Украинская правда» располагает сведениями: деньги перевел российский миллиардер Василий Анисимов, друг приближенного к Путину Аркадия Ротенберга* (Новая газета. 2015. № 46). Здесь, кроме ассоциации предполагаемого

уголовника с Путиным, использована тактика неопределенности источника информации.

- Тактика дискредитации мишени путем указания на некомпетентность или необъективность того, кто дает ей позитивную характеристику: *И сегодня, после Крыма, Дана Рорабахер (кстати, бывший спичрайтер президента Рейгана) не перестает поддерживать российские власти. Вот что он заявил на слушаниях в конгрессе: «Мои коллеги не знают, какие значительные реформы прошли в России. Церкви там переполнены. Оппозиционные газеты продаются в любом газетном киоске. Люди могут проводить демонстрации в парках». А на вопрос о «Пусси Райот», побитых казаками в Сочи, Рорабахер только пожал плечами: «Я не думаю, что такое происходит там часто. Есть много людей, абсолютно свободно выходящих на демонстрации». Возможно, в офис конгрессмену следует отправить вместо водки копию фильма «Левиафан», если он в связи с загруженностью не сможет сходить в кинотеатр, где только что с успехом прошла вашингтонская премьера фильма Андрея Звягинцева, номинанта «Оскара»?* (Новая газета. 2015. № 8)

- Тактика похвалы противников или критиков мишени (в данном случае – России) на фоне негативных о ней высказываний: *Вообще-то гостей с Украины за время конфликта стало чуть ли не впятеро больше <...>. Пишут разное. Приятнее всего, конечно, читать такое (свежая почта всего за один час): «Спасибо всем работникам «Новой газеты» за тот невероятный и опасный труд (в вашем государстве он действительно опасный), который вы делаете, чтобы открыть людям глаза»; «Спасибо моим друзьям в России, Вам – уважаемая редакция этой газеты, радио «Эхо Москвы» и еще нескольким источникам – не даете поверить, что вся огромная Россия напрочь оболванена и находится фактически под наркотическим кайфом «НТВ», идеи «Русской весны» и искренней веры в абсолютную непогрешимость действующей власти* (Новая газета. 2014. № 108).

- Тактика многократного повторения дискредитируемого слова-понятия (часто на протяжении всего текста) в лексическом окружении, придающем этому слову негативную ауру. Так, например, в статье Надежды Кеворковой «Вызываем огонь на себя» слова *патриотизм, патриот, патриотический* повторяются 36 раз по преимуществу в предложениях и словосочетаниях такого типа: *Эпохи приступа государственного патриотизма в России тягостны; патриотизм как элемент верноподданничества; Патриотизм возник как некий предписанный восторг перед властью; Ярчайший*

(в буквальном смысле) припадок патриотизма был организован во время войны 1812 года; новый вид государственного патриотизма; Николай Второй метался от казней к европейскости, от реформаторов к патриотам; угар патриотизма; странный плод имперской вивисекции – патриотизм и др. (Новая газета. 2014. № 110).

• Тактика привлечения авторитетного источника (известного ученого, государственного деятеля, артиста, писателя и т.д.) для подтверждения правоты своей позиции. Так, критикуя инициативы депутатов Государственной Думы в области сексуальной политики, корреспонденты «Новой газеты» цитируют такие высказывания Александра Асмолова, заведующего кафедрой психологии личности МГУ, вице-президента Российского общества психологов, академика РАО: – *Ряду политиков, разрабатывающих «антисексуальные меры», свойственно демонстрационно-истероидное поведение. Люди, которые пытаются получить контроль над половой жизнью других, ищут эмоциональных поглаживаний от собственных криков. Это попытка неадекватными средствами сделать так, чтобы тебя заметили. <...> Наша власть желает, чтобы мы были похожи друг на друга: надевали одну униформу, читали один учебник. На лицо – полная стандартизация, обезличивание жизни и страх перед необычным. Самое страшное для власти – проявления толерантного общества (Новая газета. 2014. № 126).*

• Тактика уничтожения мишени путем предъявления к ней требований в модальности категорического долженствования или императива. Так, художественный руководитель театра «Сатирикон» Константин Райкин на VII съезде Союза театральных деятелей выступил с резкой критикой позиции Русской православной церкви и власти, которые якобы пытаются навязать обществу цензуру. Вот несколько характерных для его речи высказываний: *«Не верю я этим группам возмущенных и обиженных людей, у которых, видите ли, религиозные чувства оскорблены. Не верю! Верю, что они проплачены. Так что это группы мерзких людей, которые борются незаконными мерзкими путями за нравственность, видите ли. Вообще не надо общественным организациям бороться за нравственность в искусстве. Искусство само в себе имеет достаточно фильтров из режиссеров, художественных руководителей, критиков, зрителей, души самого художника. Это носители нравственности. Не надо делать вид, что власть – это единственный носитель нравственности и морали. Это не так», – откровенно заявил Райкин. <...> «...Они будут знать, что надо? Кто мне будет говорить? Я сейчас слышу:*

“Это чуждые нам ценности. Вредно для народа”. Это кто решает? Это они будут решать? Они вообще не должны вмешиваться. Они должны помогать искусству, культуре». <...> «... Почему-то и здесь начинаются предложения установить возможную границу трактовки классики. Ну зачем президенту-то устанавливать эту границу? Ну зачем его в эти дела... Он не должен вообще этого понимать. Он не понимает – и не нужно ему понимать», – заявил Райкин, дав понять, что он-то и такие, как он, всё в этом понимают и разберутся без всяких патриархов и президентов (Русский Вестник. 2016. № 22).

2. Субстратегия дезинформации (субстратегия первого порядка).

2.1. Субстратегия лжи и/или искажения фактов (субстратегия второго порядка).

- Тактика гиперболизации, преувеличения негатива: *Независимо от политических взглядов все крымчане пострадали от экономической и правовой неразберихи, которая явилась логическим следствием поспешности. Череда проблем, нестыковок и просто дикость происходящего превратили жизнь в идиллических курортных городках на берегу моря в кафкианский кошмар* (Новая газета. 2014. № 119). Временные трудности под пером журналиста превращены в «кафкианский кошмар».

- Тактика приписывания несуществующих недостатков. *Кстати, Владимир Владимирович – первый российский лидер, обладающий абсолютной грамотностью, но умеющий кого надо «замочить в сортире». Он хорошо усвоил азы советской власти, когда близость к народу маркировалась особым косноязычием и особым, портяночным, юмором. (Вот, кстати, почему у Медведева, сына питерского профессора, с отточенной лексикой и строем фразы, изначально не было шанса на успех)* (Новая газета. 2014. № 119). Вот уж чего нет у Владимира Владимировича, так это косноязычия.

- Тактика манипулятивной интерпретации статистических данных. Так, например, А. Минкин в статье «Народ плохо верит» посредством манипуляции цифрами пытается «повесить» на президента страны ответственность за такие несчастья, как гибель заложников в Беслане, взрывы жилых домов в Москве и Волгограде, захват террористами (у Минкина они именуется боевиками. – А.С.) зрителей «Норд-Оста» в Москве, гибель экипажа атомной подводной лодки «Курск». Вот пример его рассуждений: *ВОПРОС. Есть ли у вас ясность относительно того, кто стоял за взрывами жилых домов в российских городах осенью 1999 года?*

Это прекрасный вопрос. Он не заставляет опрашиваемого человека обвинять кого-нибудь, тем более – не заставляет обвинять вас (здесь и далее так у автора статьи. – А.С.) и власть в целом.

Вот ответы, данные в августе 2015 года – через 16 лет после взрывов, после 16 лет вашего правления.

<i>Да (есть ясность)</i>	6%
<i>Скорее да</i>	20%
<i>Скорее нет</i>	28%
<i>Нет</i>	37%
<i>Затруднились ответить</i>	10%

Только четверть населения, г-н президент, думает, что у них есть или «скорее есть» ясность. Мы же понимаем, что те 10%, которые «затруднились», никакой ясностью не обладают. А если у человека нет ясности, значит, у него есть подозрения, что официальные версии неубедительны. И таких в России 81 миллион. Не все потеряно. Возможно, вам стоит поговорить с народом на эти темы, когда у вас будет с ним, с народом, прямая линия (Новая газета. 9–16.09.2015). Возникает вопрос к автору такого пассажа: разве удивительно, что по прошествии 16 лет, наполненных многими яркими событиями российского и глобального масштаба, у многих нет ясности относительно упомянутых взрывов? И почему отсутствие такой ясности ставится в вину президенту? Какая здесь логическая связь? И разве отсутствие ясности непременно порождает подозрения в официальной версии события? Нет здесь причинно-следственной связи.

2.2. Субстратегия непредъявления, замалчивания информации, важной в том или ином отношении (субстратегия второго порядка).

• Тактика умалчивания или неопределенности (неуточненности) данных об источнике информации. В статье Елены Милашиной «За попытку позитивных изменений государственной политики» (Новая газета. 2015. № 35) приводится диалог правозащитников из «Комитета против пыток» с прокурорами Нижнего Новгорода, но подлинность этого диалога не подтверждена ссылкой на какой-либо документ (например, на протокол судебного заседания); В статье Ольги Мусафировой «Чуден “Днепр-1” при тихой погоде» читаем: *В тот же день некоторые СМИ [здесь и далее выделено мной. – А.С.] распространили информацию о том, что «неизвестные» хорошо известны как бойцы полка патрульной службы милиции особого назначения «Днепр-1» <...>. Как утверждают источники, добровольцы контролировали трафик контрабанды в ДНР* (Новая газета. 2015. № 32).

- Тактика неприведения фактических данных, подтверждающих обоснованность того или иного положения (высказывания): В статье Елены Рачевой «Иосиф Виссарионович Грозный» о современной ситуации в России без какой-либо опоры на факты утверждается: *Сознание людей фрагментарно, они считают, что террор никогда их не коснется, что сажают всегда других* (Новая газета. 2015. № 35).

Тактика одностороннего освещения того или иного события (явления); умолчание о фактах, которые могли бы поставить под сомнение оценочные высказывания об этом событии. Георгий Бородинский в статье «В опере прозвучала партия жуликов и воров» (Новая газета. 2015. № 35) берет под защиту кощунственную постановку оперы Вагнера «Тангейзер» в Новосибирске, аргументируя свою позицию, в частности, сообщением о том, что «5 апреля в Новосибирске прошел митинг интеллигенции в защиту “Тангейзера”», одновременно замалчивая факт проведения в Новосибирске массового митинга (от 5 до 10 тысяч) православных людей, религиозные чувства которых были оскорблены грубым искажением выдающегося произведения Вагнера, когда режиссер Тимофей Кулябин «кощунственно ввел в оперу «Тангейзер» отсутствующий в оригинальном либретто персонаж – Бога Иисуса Христа, показал его тонущим в страстях с развратными женщинами, а на иллюстративном полотне – распятым между ног блудницы» (см. открытое письмо членов Новосибирского отделения Петровской академии наук и искусств на сайте «Русской народной линии» по поводу постановки оперы «Тангейзер» в Новосибирском оперном театре [URL: http://ruskline.ru/news_rl/2015/04/20/chleny_novosibirskogo_otdeleniya_petrovskoj_akademii_nauk_i_iskusstv_vystupili_s_otkrytym_pismom_po_povodu_tangejzera/ (дата обращения: 11.01.2017)]).

Тактика аргументативно недостаточных объяснений и оценок каких-либо фактов, событий, процессов, часто сочетающаяся с искажением действительного положения вещей: Михаил Эпштейн в статье «Свет и клир», объясняя, почему у мусульман и православных плохо прививается секуляризация, пишет: *Отсюда такие сложности становления светского общества в мусульманских странах и на христианском Востоке, где человеческое в Богочеловеке воспринимается с трудом, подчиняется «надчеловеческому», которое, в свою очередь, отождествляется с бесчеловечным* (Новая газета. 2014. № 14). Выделенная часть текста содержит никак

не аргументированное, но весьма дискредитирующее мусульман и православных христиан утверждение.

- Тактика полуправды, когда отрицательные факты, стороны сообщаются, а положительные замалчиваются. Например: *И по части циничной коммерции мы никому не уступаем: мы научились зарабатывать даже на Победе, привязывая георгиевские ленты к водке, чипсам и семечкам. Если деньги не пахнут окопной гарью и кровавыми бинтами, тем более не пахнут они новогодними свечами и хвоей. Будучи частью европейской цивилизации, Россия подхватила вирус коммерциализации и консюмеризма, хоть и остается, как нас убеждают по телевизору, оплотом духовности и традиционных ценностей (напомните об этом людям, которые тащат на киносеансы ведра попкорна и литры пепси-колы)* (Новая газета. 2016. № 139). Конечно, немало таких россиян, которые «тащат на киносеансы ведра попкорна и литры пепси-колы», и таких, которые «научились зарабатывать даже на Победе». Но это не отменяет того, что значительная часть нашего народа остается носителем духовности и традиционных ценностей.

2.3. Субстратегия подмены понятий, оценок, аргументов и т.д. или других нарушений логических связей (субстратегия второго порядка).

- Тактика подмены понятий: *Антисекуляризм, или в широком смысле фундаментализм, также возможен в двух вариантах. Религиозный фундаментализм – это исламизм во многих странах Ближнего Востока, это нетерпимость к другим религиям и к светскому образованию, к гражданской и гендерной эмансипации. В России эта позиция тех клерикальных кругов, которые выступают за вмешательство церкви в политику, законодательство, культуру, образование* (Новая газета. 2014. № 14). Однако «клерикальные круги» (по-видимому, имеются в виду иерархи Русской православной церкви) не занимаются **вмешательством** в политику, законодательство, культуру и образование. А хотят естественного для такой важной общественной институции, как церковь, **участия** в этих сферах. Кроме того, заметим: этот текст организован таким образом, что нетерпимость к другим религиям и светскому образованию якобы свойственна и РПЦ, что со всей очевидностью противоречит действительности.

- Близкая к предыдущей тактика не соответствующего действительности обвинения мишени в отождествлении нетождественного: *Сторонники жесткой, как у Путина, руки, люди советской ментальности, для которых слова «украинец» и «бандеровец» – однокоренные*

(таких по-прежнему больше на востоке, юге и юго-востоке страны), разочарованы» (Новая газета. 2014. № 15). У людей советской ментальности такого отождествления, разумеется, нет и быть не может в силу исторических причин, а вот современные бандеровцы очень постарались и стараются, чтобы такое отождествление возникло.

- Тактика подачи желаемого (гипотетического) как действительно имеющего или имевшего место без каких-либо обоснований: *Качественные ответы на вызовы могут прийти только изнутри протестного сообщества. Только в нем сосредоточен опыт политического действия и рефлексия* (Новая газета. 2014. № 126).

- Тактика инверсии фактического положения вещей (перекладывания «с больной головы на здоровую»): *Проведенный нами 10 месяцев назад аудит российской политики (см. «Новую», № 57 от 28 мая 2014 г. – «Политическая бухгалтерия») уже тогда показал очевидный отрицательный баланс: практически на всех направлениях своих отношений с внешним миром Россия потерпела поражение <...>. И это не результат козней Запада или кого-то еще извне, а следствие стратегической ошибки при оценке ситуации на Украине, а также места и возможностей России в мировом порядке. **Россия этот порядок нарушает – остальные защищаются*** (Новая газета. 2015. № 32).

- Тактика привлечения в качестве доказательства не документов, а текстов, для которых документальность не релевантна. Например, Ксения Кнорре-Дмитриева в статье «Донос крепчал» пишет: *В советский период донос стал одной из обязанностей советского человека, проявлением гражданской сознательности и доблести, и детей приучали к доносительству с ранних лет* (Новая газета. 2015. № 33), привлекая в качестве аргумента не документальные данные, а антиутопию В. Войновича «Москва-2042», и не уточняя, на каком отрезке советского периода нашей истории доносительство действительно было распространено.

- Тактика искажения логических, в том числе причинно-следственных, отношений: *С одной стороны, наши респонденты говорят, что Сталин виновен в гибели миллионов, с другой – что он добился великой победы. Эти два тезиса не могут соединиться в одной голове, поэтому прошлое вытесняется, забывается. И вот уже 41% людей говорят, что безразличны к Сталину или не знают, как сформулировать отношение к нему – потому что отношения просто нет* (Новая газета. 2015. № 35). Во-первых, «респонденты» могут быть разные: одни оценивают Сталина исключительно

отрицательно, другие – исключительно положительно. Во-вторых, есть респонденты, мыслящие диалектически, у них эти два тезиса вполне закономерно «соединяются в одной голове», не создавая когнитивного диссонанса. И в том, и в другом случае нет оснований говорить о «вытеснении» или «забывании» прошлого. Есть основания говорить, что часть населения (особенно его молодая часть) этого прошлого просто не знает в силу убогости исторического образования, а часть – запуталась в этом прошлом, что неудивительно, если учесть идеологический хаос в предьявлении этого прошлого СМИ.

• Тактика приписывания оппоненту каких-либо мыслей, намерений, высказываний (так называемое «чтение в сердцах»): *Отсюда, кстати, и отношение к международной изоляции. Которую официально отрицают, но против которой по большому счету не имеют ничего против. Ну, может быть, тотальная изоляция и не выгодна. Но частичная – с ограничением вредных контактов и санкциями, мобилизующими население (вот они, гады, как на нас давят, а президент – молодец, не прогибается!) и объясняющими, почему у нас ухудшилось экономическое положение и сократились доходы (а вовсе не из-за ставки на экспорт подешевевших углеводородов и дурной экономической политики), вполне полезно. На данном этапе она лишь укрепляет аргументацию режима, стремящегося бесконфликтно въехать в новый политический сезон* (Новая газета. 2015. № 32). Делается попытка произвольно и бездоказательно трактовать замыслы верховной власти: происходит замена фактов на выдумку.

Другой пример:

– *Вы по-прежнему считаете, что возвращение Путина было неудачной идеей?*

– *К сожалению, это уже стало наглядным. За 15 лет взгляд Путина на государство и свое место в нем сильно изменился. При переписи 2002 года на вопрос о работе Владимир Владимирович, помнится, ответил: «Оказываю услуги населению». Сейчас он придерживается совсем другой точки зрения. Известное высказывание – «нет Путина – нет России» – не случайно. Ветер, конечно, дует от Путина. Не в виде конкретного высказывания, разумеется, а как ощущение, «атмосфера» (МК РРЕ. 06–13.04.2016.).*

• Тактика положительной оценки того, что с точки зрения общечеловеческой морали всегда оценивалось отрицательно (например, предательство): *Теперь не какая-нибудь шелупонь лоббирует режим Лукашенко в Евросоюзе, а сам Евросоюз. И, естественно, главной причиной тому – война на Украине. На фоне агрессора*

Путина Александр Лукашенко начинает мниться европейцам почти демократом. И ради мнимой стабильности хотя бы на этом участке буферной зоны между Европой и Россией, оказывается, можно забыть и о тех, кто по-прежнему сидит в тюрьмах, и о тех, кто их туда посадил. Художественный руководитель белорусского «Свободного театра» Николай Халезин – один из тех, кто убеждал руководство Евросоюза в необходимости введения санкций против репрессивного аппарата (Новая газета. 2015. № 28). Таким образом, в статье позитивно оцениваются действия человека, работающего против собственного государства.

• Тактика двойных стандартов в оценке действий одного порядка: то, что делается идеологически близкими, оценивается положительно, а то, что делается идеологическими оппонентами, – отрицательно: *Как противостоять доктрине Путина, о которой с тревогой говорят вашингтонские эксперты, начиная с Бжезинского, хватит ли для этого новой волны масштабных санкций, на которые так и не решились пока европейские лидеры? Суть доктрины: Россия считает себя вправе защищать интересы русскоязычного населения, проживающего за ее нынешними границами. Джон Хербст, американский посол в Киеве времен «оранжевой» революции, отмечает: «Эта доктрина опасна не только для Украины, но для всех государств, где проживает значительное число русских и русскоговорящих. Речь идет о странах Закавказья, Белоруссии, Молдавии, а также о Казахстане, где проживает около 20 процентов этнических русских, Латвии и Эстонии. В Литве, Польше, Румынии, Болгарии также проживает достаточно русских, чтобы господин Путин мог применить свою доктрину на практике. И если он добьется успеха на востоке Украины, мы неизбежно столкнемся с новыми проблемами» <...>. События в Украине, начиная с Крыма, поставили перед Западом серьезный выбор, самый серьезный после холодной войны, и все сейчас зависит от пресловутого трансатлантического единства. Но европейцы, отмечают американские СМИ, не готовы идти в противостоянии с Россией столь же далеко, как Вашингтон»* (Новая газета. 2014. № 82). В этом тексте России ставится в вину, что она готова защищать интересы русских, проживающих за ее пределами, в то время как таким образом поступают все уважающие себя страны, прежде всего США. Утверждается также, что внешняя политика России («доктрина Путина») представляет опасность для соседних с нею стран. Причем автор этого текста уходит от оценки этих утверждений американских дипломатов.

- Тактика «перекладывания с больной головы на здоровую» (перекладывание своей вины или каких-либо пороков на того (тех), кто является мишенью): *Проведенный нами 10 месяцев назад аудит российской политики (см. «Новую», № 57 от 28 мая 2014 г. – «Политическая бухгалтерия»)* уже тогда показал очевидный отрицательный баланс: *практически на всех направлениях своих отношений с внешним миром Россия потерпела поражение. И это не результат козней Запада или кого-то еще извне, а следствие стратегической ошибки при оценке ситуации на Украине, а также места и возможностей России в мировом порядке. Россия этот порядок нарушает – остальные защищаются* (Новая газета. 2015. № 32).

Тактика переключения критики с содержания на форму (подмены содержания формой как объекта критики). Такая тактика реализуется в заметке отдела политики «Новой газеты» о принятии Советом Федерации «пакета Яровой». Приводим часть этой заметки: *Сенатор Виктор Озеров, соавтор законопроекта Яровой, успел признать в ходе заседания, что «никогда не слышал об операторе Tele2» – т.е. законопроект писался им, исходя из предположения, будто бы в России действует только «большая тройка» операторов мобильной связи. Можно представить себе меру компетентности сенаторов, не участвовавших в разработке принимаемых законопроектов.*

29 июня Советом Федерации был установлен своеобразный рекорд в сфере законодательства. За 8 часов работы каждый законопроект рассматривался не более трех минут. Спикер палаты Валентина Матвиенко с самого начала нацелила своих подопечных на спортивный характер заседания, предложив в этот раз – ради государственных интересов – не делать перерывов. Законы, по которым будут жить российские граждане, принимаются «народными представителями» без лишних рассуждений – на том основании, что родина приказала.

Примечательная дискуссия развернулась между Матвиенко и сенатором Антоном Беляковым, предложившим перенести «пакет Яровой» на осеннюю сессию. Матвиенко заявила в ответ, что в этом случае законопроект пойдет напрямую на подпись президенту и что хотя «им так было бы проще, не надо прятать голову в песок». Мужество российского парламентария, таким образом, состоит в том, чтобы глядя в лицо опасности – возможности принять сырой и вредный для страны закон – суметь преодолеть себя и за три минуты выполнить приказ.

Естественный вопрос, который возникает в этой связи: зачем вообще нам нужен Совет Федерации как орган, задача которого сводится к выставлению печати на законах, принятых Думой? Простая канцелярия справилась бы с этой задачей намного лучше, и главное, обошлась бы налогоплательщикам дешевле. Напомним, совокупные расходы бюджета на Думу и Совет Федерации в нынешнем году превысили 13 млрд рублей.

Так может быть, довольно такого парламентаризма и таких дорогостоящих «нотариусов»? (Новая газета. 2016. № 70).

- Тактика изображения нормы как антинормы и наоборот: В бредовой ситуации оказался крымско-татарский телеканал АТР, который дотошно освещал все перипетии борьбы властей с меджлисом. Руководство телеканала получило предупреждение от центра МВД России по борьбе с экстремизмом, в котором сказано, что телеканал «упорно закладывает мысль о возможных репрессиях по национальному и религиозному признаку. Способствует формированию антироссийского общественного мнения, преднамеренно разжигает среди крымских татар недоверие к власти и ее действиям, что косвенно несет угрозу экстремистской деятельности». При этом сотрудники МВД потребовали предоставить регистрационные документы телеканала АТР, договоры аренды помещений и подробную информацию о сотрудниках телеканала (Новая газета. 2014. № 119). Текст составлен таким образом, что получается: автор этой статьи считает работу телеканала АТР против государства нормой, а попытку государства противодействовать этому – антинормой.

- Тактика выбора выгодного манипулятору, но не объективного источника: Ранней весной этого года толпы жителей Крыма ежедневно ходили на митинги с требованием проведения референдума о присоединении Крыма к России. Ирония этой ситуации заключается в том, что в самой России референдумы практически невозможны. Наконец они получили то, что хотели: 16 марта референдум фактически состоялся. Это был один из тех трагикомичных моментов в истории, когда сатирический заголовок статьи в американском журнале *Opion* «Воодушевленные крымские избиратели делают свой последний демократический выбор» оказался пророческим (Новая газета. 2014. № 119).

Наконец, следует отметить, что в некоторых текстах ИПВ «атака» может осуществляться сразу в отношении нескольких мишеней с использованием разных тактик. Например, в статье-рецензии С. Торощиной «Второе пришествие Распутина» (Новая газета. 2016.

№ 140) мишенями являются: фильм «Григорий Р.» и его продвижение в телевизионном эфире; журналисты Д. Киселев, В. Соловьев, Б. Ноткин; понятие «скрепа»; телевизионные передачи, квалифицируемые как «пропаганда»; «беглый депутат» Илья Пономарев с его сочинением «Навальный и тусовочка. Покушение на Россию»; Н.С. Михалков; телепрограммы «Итоги недели» с Ирадой Зейналовой и «Правда Гурнова». Для дискредитации этих мишеней используются несколько тактик.

- Доминирует тактика иронизирования, проходящая через весь текст:

1. *Неистовый Машков представил обновленного старца – великого патриота, гуманиста, бессребреника. Зрителям только и оставалось, что изучать оттенки святозарного нимба Григория Р.*

2. *Пропаганде все труднее воспламенять паству. Она, пропаганда, уже воспринимается как некое явление природы. На улице идет снег, а в студии Соловьева идет ток-шоу.*

3. *Сочинение масштабное, эпическое, даже апокалиптическое, но его решительно никто не заметил. Разве что сам Пономарев позже, после своей блистательной премьеры, лениво оправдывался, мол, НТВ меня исказило, извратило, вырвало из контекста. Обманули паренька. Шел с исповедью в храм, а попал в бордель.*

4. *А теперь о хорошем. «Григорий Р.» хоть и утратил статус духовной скрепы, но незаменим в передаче типа «Битва экстрасенсов». Подойдет старец к бездетной даме, положит руку на живот, заглянет проникновенно в глаза и тихо молвит: «К осени понесешь». И ведь «несут» все, как миленькие. Распутин лечит паству молитвой, глазами, бородой и наложением рук. Кстати, если кто не знает: слабый пол Григорий Р. любил исключительно платонически. Старец даже самую близкую к нему женщину, фрейлину Вырубову, не трогал. Она так и умерла девственницей, в чем призналась лично режиссеру фильма Малюкову. Впрочем, это уже совсем другая история.*

- Тактика манифестации подозрений и предположений: *Второй сезон давно анонсированного мистического детектива «Обратная сторона Луны», едва долетев до середины, был срочно заменен на сериал «Григорий Р.». Соображения низкого рейтинга не кажутся мне убедительными. Страсти по Распутину тоже не зажгли публику во время первого показа. Тут, скорее, столкновение двух параллельных реальностей, одна из которых правильная, а другая – нет. Мише Соловьеву достается реальность неправильная. <...>*

Коварные рифмы с днем сегодняшним мерцают хоть и ненавязчиво, но явственно, то есть опасно. «Григорий Р.», напротив, полностью соответствует перспективному направлению пропагандистской мысли. Той самой, что ставит в центр российской жизни (сегодня и всегда) мировой заговор против великой державы. На помощь Киселеву, Соловьеву, Ноткину брошен Распутин.

- Тактика дискредитации мишени посредством соотнесения ее с тем, что считается негативом: *Реинкарнация мутного старца в новом тысячелетии – штука занимательная. Впервые Распутин, знак и символ морального распада империи, превратился в героя нашего времени после возвращения Крыма в родную гавань. Когда победу уже невозможно было отличить от поражения, на авансцене замаячила новая скрепа.*

- Тактика преуменьшения значимости мишени: *Сведение сложности мира к одномерным простым истинам начинает подтачивать телевидение изнутри. Искусство пропаганды остро нуждается в новых формах, но где их взять? Каналы притихли, затаились, и только НТВ не сдается, фонтанирует премьерами. «Итоги недели» с Ирадой Зейналовой и «Правда Гурнова» призваны взорвать аналитическое поле, но, увы, не взорвали. Смертной скукой, апатией общих мест веет от бенефисов столпов державной аналитики. Авторов жаль. Их можно утешить только одним: даже если сегодня выйдет первоклассная передача, у нее не будет рейтинга.*

Рассмотренные в главе тексты содержат многочисленные признаки ИПВ, объектом которой является сознание российского народа, а в качестве мишеней выступают: вертикаль власти во главе с Президентом В.В. Путиным; внешняя и внутренняя политика руководства страны; патриотическое сознание ее населения; история России и ее видные деятели; русские люди Новороссии, борющиеся за право оставаться русскими; пришедшие им на помощь российские добровольцы; возвращение Крыма в лоно Отечества, те или иные политические деятели и др.

В исследованных текстах осуществляются две генеральные стратегии ИПВ: стратегия нанесения ущерба (прежде всего психологического) объекту нападения и стратегия защиты от информационно-психологического нападения (последняя в данном исследовании не рассматривалась). Стратегия нанесения ущерба осуществляется в двух стратегиях первого порядка: субстратегии дискредитации и субстратегии дезинформации. Субстратегия дискредитации использует три стратегии второго порядка: субстратегию диффамации,

субстратегию прямого негативного оценивания (характеристики) мишени и субстратегию косвенного негативного оценивания (характеристики) мишени. Субстратегия дезинформации использует тоже три субстратегии второго порядка: субстратегию лжи и/или искажения фактов; субстратегию замалчивания, сокрытия информации и субстратегию подмены понятий, оценок, аргументов и т.д.

Все выделенные субстратегии ИПВ реализуются в тех или иных речевых тактиках, которые, в отличие от субстратегий, по-видимому, не могут быть представлены законченным списком в силу их многочисленности и разнообразия, меняющихся в зависимости от политической ситуации в стране и мире.

По вышеозначенной причине, а также в силу ограниченности фактической базы, данная глава не претендует на полноту представленности речевых тактик ИПВ, используемых в российских газетах. Решение такой задачи должно быть продолжено в ближайшем будущем.

3.2. Прологомены к анализу жанров и языковых средств ИПВ

Отдельные наблюдения над языковыми средствами ведения ИПВ сделаны в работах по теории психологической войны и манипуляции общественным сознанием. Фундаментальных исследований по языку ИПВ нет.

Важной задачей лингвистики ИПВ является установление коммуникативных сфер и жанровых предпочтений акторов информационно-психологической войны. Обычно исследователи анализируют материалы, публикуемые в СМИ и размещенные в сети Интернет, в меньшей степени – учебные издания, прежде всего по истории той или иной страны. Поэтому применительно к ИПВ, ведущейся в СМИ, появились термины «сетевые войны» (войны в сети Интернет), «эфирные войны» (войны на телевидении). ИПВ ведется и на страницах газет. Наполеону Бонапарту приписывают высказывание «Я больше боюсь трех газет, чем ста тысяч штыков», свидетельствующее о той огромной роли, которую играют медиатексты в войне путем информационно-психологического воздействия на сознание людей.

Имеют место проявления ИПВ в публицистике, художественной литературе (см. следующий раздел монографии), кинематографии. Приведем пример, касающийся сферы кинематографа, описанный в газете «Культура»: «В феврале выйдет первый игровой фильм национальной чеченской кинокомпании, зарегистрированной как ООО “Грозный-Фильм” им. шейха Мансура (был в XVIII веке такой проповедник джихада “до последнего неверного”). Называется картина “Пепел”. О чем она? Думаете, о борьбе позитивных сил в Чечне с террористами? Или о преступлениях дудаевского режима, устроившего еще до первой чеченской войны массовый геноцид русского населения в Чечне? Ошибаетесь. Фильм экранизирует историю, появившуюся в печати в 1989 году, в ходе проводимой Яковлевым по заданию Горбачева тотальной “декоммунизации” и “десталинизации”. Якобы в 1944 году при депортации нелояльных чеченцев из тыла наших сражающихся войск в Казахстан, злые энкавэдэшники взяли да и сожгли в сельской конюшне не то 200, не то 700 мирных чеченцев. Ну, чтобы не возиться, спуская их с гор. Разумеется, по фильму, все эти русские – сплошь садисты, пьяницы и наркоманы. <...> Но сегодня на волне роста национального самосознания кавказских народов прокатывают и подобные вещи. Удивительным образом синхронизируясь по времени и с волгоградскими взрывами, и с призывами о мусульманском “походе на Москву”... Ведь не случайно новоиспеченную страшилку о “сожжении русскими варварами чеченских детей в ауле Хайбах” собираются выпустить на экраны именно 23 февраля – в День защитника Отечества» (Культура. 2014. № 1).

Борьба против России, её национальных ценностей и лидеров ведётся не только в кинематографе, но и в критических отзывах о кинофильмах. Для того чтобы убедиться в этом, можно сравнить рецензии на фильм Владимира Бортко «Тарас Бульба». Приведем фрагменты двух рецензий:

1. *Картинка в духе парадных полотен Глазунова. <...> В школе нам талдычили про национально-освободительную борьбу русско-украинского народа и героические характеры, вступившие в смертельный бой с польскими захватчиками. Мрачная сторона этой повести открылась много позже. Как и разрывной в трагических противоречиях характер Тараса, затеявшего войну не только из патриотического рвения. Чужими руками, ловкой демагогией он свергает мирного и мудрого кошевого. И братья его «козаки» в войне нуждались, чтобы, мародерствуя лихо, от долгов освободиться.*

Оттого и призыв Тараса им понятнее всех мировых: «Да ведь он басурман: и Бог, и Святое Писание велит бить басурманов!» <...>

Умирают герои один за другим – монументально, статуарно, кроваво. В смертный час со знаменательными речами к товарищам взывая: «Товарищи, за всех христиан!», «Пусть же стоит во все времена православная русская земля!» Ну, натурально, митинг во славу России и православия (Новая газета. 2009. № 33);

2. Сейчас уже начались споры вокруг фильма, эпос или пафос показал Бортко. Не вижу в таком противопоставлении никакого смысла, потому что хорошо представляю пафос без эпоса, но не представляю эпоса без пафоса. Главное, что удалось Бортко, – это выразить мысль Гоголя, что в жизни человека есть нечто более высокое, чем сама жизнь, и заразить этой мыслью актёров. Ведь одно дело – сказать, что лучше умереть стоя, чем жить на коленях, а другое дело – сыграть. <...> И если это пафос, и ничего больше, то пусть будет только пафос – а то жизни без пафоса мы уже наелись под завязку. Уже тошнит. Да, красавец Кукубенко умирает в грязи, под копытами лошадей – сейчас бы сказали, как собака. Он тоже мог любить и быть любимым, как Андрий. А теперь его истерзанное тело едва ли кто-нибудь похоронит. Но: «Садись, Кукубенко, одесную меня! – скажет ему Христос. – Ты не изменил товариществу, бесчестного дела не сделал, не выдал в беде человека, хранил и сберегал мою Церковь» (Литературная газета. 2009. № 15).

Информационно-психологическая война ведется также с использованием малоформатных комических жанров, мишенью которых является Русская православная церковь. Приведем стихотворный текст и политический анекдот:

*1. Дорога к храму очень непроста.
Ведь ждут на ней нас, грешников убогих,
Работники кадила и креста,
Храмовники с большой дороги.
Властям лизнули нужные места,
И вместо келий выросли чертоги
Работников кадила и креста,
Угодников с большой дороги.*

*Красиво врут елейные уста.
А несогласных приютят в остроге
Работники кадила и креста*

Затворники с большой дороги (<http://www.vysokovskiy.ru/anekdot/rpts/>);

2. Краснознаменное збславиe

До 1991 года у нас был «развитой коммунистический социализм»...

– А что теперь?

– Недоразвитый православный чекизм (<http://www.anekdot.ru/id/313345/>).

Основными жанрами, тяготеющими к тематике ИПВ, являются памфлет и фельетон. В качестве примера можно привести публикации «Корейское» Д. Быкова (Новая газета. 2014. № 115), «Демократура» Л. Шахова (Жизнь. 2013. № 26) и «Кавалер ордена Иуды» Вл. Шурыгина (Завтра. 2011. № 10). А.П. Столешников пишет о регулярных публикациях в советской прессе фельетонов Арта Бухвальда: «Я читал их пареньком еще в 1960-е годы и через них тоже заболел низкопоклонством перед Америкой. А почему они их печатали? Фельетоны Арта Бухвальда, разумеется, были об Америке. Но они были проникнуты такой мягкой критикой и такой внутренней симпатией к Америке, что они воспринимались в духе “Нам бы их проблемы”» [Столешников 2014: 7].

ИПВ ведется и в политическом рекламном дискурсе. Таково, например, начало антирекламной статьи, направленной против Г.А. Зюганова в период президентских выборов 1996 года:

Генадий Андреевич Зюганов... Человек и пароход. Совесть униженных и обездоленных. Надежда ленивых и заблудших. Ностальгия престарелых и недалеких (это уже независимо от возраста). Что мы знаем о нем? Что знали мы о нем лет 5–7 назад? Какие его труды читали? На каких видели баррикадах?..

Не знали и не знаем. Не читали и не видели. С моста его не сбрасывали, голову на рельсы он не клал, оркестром не дирижировал. Одним словом, темная лошадка (Очевидец. 1996. № 61).

Публикуемые в газетах тексты являются не только оружием наступления в ИПВ против России, но и составляющими тех оборонительных операций, которые направлены на защиту России, ее суверенитета и национальных интересов. Многие журналисты являются «солдатами мирного фронта» [Дементьева 2014: 16], тексты которых дают возможность судить о технологии ведения ИПВ против России как поднимающейся державы. Говорят даже о возможности выделения такого особого вида журналистской деятельности, как «разоблачение фейков», под которыми понимается ложная информация, инициирующая значимые политические решения и направленная на переформатирование общественного мнения в нужном актору войны направлении [Калмыков 2015].

Приведем некоторые наблюдения журналистов над каналами и жанрами информационно-психологического (по сути информационно-идеологического) воздействия на российское общество, опубликованные на страницах современных газет. Такие наблюдения могут не только оказать пользу лингвистам в изучении современной ИПВ против России, которая представляет собой лишь часть гибридной войны и «по своей интенсивности является беспрецедентной в XXI в.» [Комлева 2015: 21], но и помочь рядовым носителям языка противостоять ей. Так, Маринэ Восканян о сети Интернет как о пространстве и канале воздействия: «Ключевым фактором современных информационных войн является то, что основным пространством, где они разворачиваются, и одновременно главным инструментом этих процессов является Интернет». Она же об использовании жанра компьютерных игр: «Однако сегодня в ходе кампаний по информационному влиянию пользователям “подсовываются” уже “правильные” сюжеты даже в играх. <...> Пример деятельности “Games for Change” – игра “Darfur is Dying”, где игрок должен играть за персонаж из числа беженцев, повстанцев, который скрывается или спасает свою семью от проправительственной милиции. Для усиления эффекта в игре используются документальные видеовставки войны и массовых убийств в Судане. Принципиально важно то, что США в реальном Дарфуре поддерживают сторону африканских повстанцев, добиваясь смещения суданского правительства. Игрок не знает ситуации с конкуренцией между США и другими государствами за суданские нефтяные месторождения, не знает истории конфликта, его позиция заранее “задана”. Тот факт, что со стороны правительственных войск действительно имели место массовые убийства мирного населения, делает его позицию морально оправданной. Создатели игры гордятся, что сподвигли многих игроков по всему миру вступить в реальные гуманитарные организации, поддерживающие дарфурских повстанцев» (Завтра. 2013. № 33).

Александр Андрухин об использовании жанра учебника: «Здесь стоит упомянуть о соросовских учебниках, по которым учились в России более десяти лет. Результат можно наблюдать сегодня.

– Семь лет назад сотрудники РАН проводили среди студентов опрос, – рассказал мне политолог Александр Тарасов. – Оказалось, большинство стесняется, что они живут в России и принадлежат к русской нации. Практически все мечтали об эмиграции, а когда бывали за рубежом, скрывали, откуда они, и представлялись словаками,

поляками, болгарами и даже румынами. Эти учебники воспитывали в русских чувство ущербности и вины.

В национальных республиках, по словам Тарасова, насаждались другие соросовские учебники, которые, напротив, порождали непомерную гордость за принадлежность к своему народу и ненависть ко всему русскому. В Татарстане, например, были учебники (их можно найти и сейчас) откровенно антирусской направленности, утверждающие, что русская нация и православная церковь существуют лишь потому, что этого захотела Золотая Орда. Однако русские, говорилось в таких учебниках, на великодушные ордынцев ответили неблагодарностью – политика Российской империи и Советского Союза в национальном вопросе была колонизаторской» (Культура. 2014. № 8).

Татьяна Шабеева о художественном произведении как информационно-психологическом оружии (фрагменты из рецензии на книгу Оксаны Забужко «Музей заброшенных секретов»): «И когда киевская студентка Анастасия Дмитрук с ясными глазами и истерическими нотками в голосе, обращаясь к народу России, выдаёт: “Вас так много – а жаль: безликие” – это не частное мнение незрелой студенточки. Она слышала это и от преподавателей; это совершенно серьёзное, продуманное мнение немалого числа украинской интеллигенции, выраженное в новой украинской литературе, целенаправленно вплетаемое в национальный миф, зашиваемое в национальное сознание. В 2010 г. книга “Музей заброшенных секретов” была признана лучшей на Украине и благосклонно принята в Польше и Германии – в 2014 г. её идея высказана в лицо миллионам граждан России, спета литовскими европейцами: они жалеют, что нас так много, они заявляют, что не видят в нас людей, равных себе»; «Настало время посмотреть на антагониста. На дьявола рогатого, чудовище стозевное, которое необходимо для любого мифа. <...> Советы, во-первых, не умеют сражаться, немцев они задавили трупами. А храбрую УПА вообще никогда не смогли бы победить, если бы не звериная жестокость, с какой пытали и вербовали провокаторов. Но при этом Советы признают свою моральную слабость перед УПА и втайне завидуют украинским воинам. УПА спасала от голода всех украинцев – а советские сами устроили голод, но спасали только своих прислужников. Советы зверски насильовали и убивали женщин. Советы хотели заключить сепаратный мир с Гитлером и обещали ему сами уничтожить на своей территории всех евреев. Украинцев притесняли все и всегда, но Советы были самыми плохими, и жаль,

что англичане с американцами предали Украину и не стали после Гитлера (более слабого, менее опасного) побеждать Сталина. Советы умели строить только тюрьмы и, придя во Львов, целенаправленно расстреляли по гимназическим спискам всех отличников. А ещё советские товарищи (видимо, в отличие от партизан УПА) не пользовались туалетной бумагой»; «Разумеется, писательница не выдаёт это в таком концентрированном виде, ведь она совсем не глупа. Но десятки характеризующих Советы чёрточек, от ужасающих до омерзительных, разбросаны по всему её семисотстраничному опусу. <...> Единой Украины нет, но уже есть национальный миф, объясняющий украинцам, кто их враг – единственный, не утративший своего злого коварства и в XXI веке» (Литературная газета. 2014. № 25). Об использовании художественных текстов в качестве информационно-психологического оружия см. следующий раздел монографии.

ИПВ осуществляется при помощи всех названных выше каналов и жанров, причем не только внероссийскими, но и внутрироссийскими акторами. Вот как об этом говорит Александр Кондрашов: «Против России не просто ведется психологическая война, она ведется на ее территории, и на противной стороне выступают некоторые российские СМИ» (Литературная газета. 2014. № 7).

Анализ газетных текстов позволяет констатировать также следующее: 1) элементы ИПВ содержатся во всех типах газетных жанров: информационных, аналитических, художественно-публицистических; 2) наиболее «приспособленными» для ведения ИПВ являются такие жанры, как памфлет, фельетон, сатирический комментарий, анекдот и некоторые другие малоформатные жанры (см. [Сковородников, Копнина 2016a]).

Таким образом, современные газеты являются не только каналом негативного воздействия на россиян, через который осуществляется манипуляция их сознанием, но и источником сведений, позволяющих критически осмысливать способы ведения ИПВ и тем самым противостоять ей.

Читая газеты, анализируя тексты этих и других видов СМИ, можно сделать обобщения в отношении основных языковых средств ведения ИПВ: специфических политических метафор и других тропов, эмоционально-оценочных эпитетов и предикатов, словесных ярлыков и усиливающих эти средства стилистических фигур. Такого рода обобщения представляют интерес для медиалингвистики. Так, Владислав Смирнов пишет: «Меняются времена, становятся другими, ещё более изощрёнными, методы и приёмы атак на самосознание

россиян средствами языка. Парадигма холодной войны против России изменилась. На Трукля (персонаж рассказа С. Лема) охотятся изнутри! И воюют уже не “против” (большевиков, социализма, коммунизма...), а “за” (за ещё большую демократию, свободу, общечеловеческие ценности, права человека, “честные выборы” и т.д.)» (Литературная газета. 2014. № 14). То есть идет борьба против одних идеологом и внедрение других, выгодных инициаторам ИПВ.

Что касается частотности собственно языковых средств ИПВ, то, по нашим наблюдениям, на первом месте стоят **лексико-фразеологические средства языка с негативной коннотацией**, такие как:

эпитеты: *коррумпированный* и *мафиозный* режим, *имперская* политика, *бессубъектная* история России, *сепаратистское* движение (Донбасса), *рыбодержавные* идеи, *непродуманные* антисанкции, *сертифицированный* русофоб, *захлебнувшиеся* российско-американские переговоры, «*отмороженные* общечеловеки», «*б/у премьер Кириенко*», «*орально-вазелиновый* Клинтон», «*мочегонная* антисоветчина» и т.п.;

существительные, негативно характеризующие ту или иную мишень (личность, партию, идеологию, процесс и т.д.): *зачистка*, *сепаратисты* (вместо ополченцы), *фигурант* (уголовного расследования), *предатели*, *клептократия*, *клоуны*, *людоедство*, *челядь*, *дельцы-пачкуны* и т.п., – в том числе **политические ярлыки** (*красно-коричневые*, *национал-патриоты*, *фашисты*, *коммуняки*, *совок*, *демишиза* и т.п.);

перифразы: «*обкомовский пропойца*» (о Б.Н. Ельцине), «*плешиный ноль с отметиной лукавой*» (о М.С. Горбачеве); «*Электрический Чайник*» (О Чубайсе), «*повелитель мух*» (об Обама).

Широко используются также **синтаксические конструкции с отрицательно-оценочной предикативной группой:** *Рэнд Пол осудил аннексию Крыма...; Кремлевские силы <...> ностальгируют по СССР и хотели бы его реставрации; Большинство современную имперскую политику поддерживает; Авторы, которые предлагают альтернативную историю, замалчиваются; Эта доктрина опасна не только для Украины... и т.п.*

В текстах ИПВ ярко представлены различные фигуративные средства. Назовем наиболее частотные:

антифразис: *Не сомневайтесь, молодое поколение обязательно научат «беречь Россию» по заветам великого Ельцина* (Литературная газета. 2015. № 48); *Наши дети стали заложниками бандитов, но мы все заложники славной политики начала 90-х, чужих и собственных*

ошибок (Литературная газета. 2004. № 46–47); *А тут еще и дружественная нам Грузия в самую жару требует опять пересмотра мандата российских миротворцев!* (Литературная газета. 2003. № 30);

сравнение: *И вся эта закулисная муть называется новой европейской стратегией в отношении Беларуси и рассчитана на то, чтобы обогреть Лукашенко, оторвав его от Путина, со скоростью курьерского поезда теряющего средства как на содержание собственной страны, так и на поддержку вассалов* (Новая газета. 2015. № 28); *Западная цивилизация лезет в Россию, как ядовитый, зараженный смертельным вирусом таракан* (Завтра. 2006. № 33); *Ясно одно: произошедшее в стране – шариковщина наоборот. Ведь, в сущности, тоже отобрали и поделили. Но в отличие от событий семидесятипятилетней давности, когда многие отобрали у немногих, теперь немногие отобрали у многих и тоже поделили. Точнее, до сих пор делят со стрельбой, взрывами, а ухваченное норовят утащить за бугор и там зарыть, как кость* (Литературная газета. 2005. № 28); *Если итальянцы, французы или греки по любому поводу выходят миллионами на уличные манифестации, освобождаясь от своего негатива, то в русских каждое ущемление откладывается тонкой прослойкой ненависти – как в корейке прожилка мяса чередуется с прожилкой сала* (Аргументы и факты. 2010. № 13);

амплификация: *Бабицкий – гранатометчик «информационной войны», работавший рука об руку с чеченскими снайперами, получавший деньги из рук американцев, служака подрывной радиостанции, наносивший по русским войскам удары, соизмеримые со взрывом вакуумных бомб* (Завтра. 2000. № 7); *Империя – это не замшелые фасады Петербурга, не бутафорские залы Кремля, вырезанные из фанеры Павлом Бородиным, не горностаевая мантия из морских свинок с черными хвостиками умертвленных котят. Империя – это живые шевелящиеся пространства, хребты от тропиков до полюса, гигантские реки, прорывшие русла сквозь материк. Это роящиеся, сдвинутые с мест народы, эшелоны, грохочущие от океана до океана, рубежи обороны, охватывающие континент, радиолокационные поля, накрывшие половину планеты. Это огромная, анонимная воля, соединяющая земли и царства для громадной, задуманной Творцом работы, которую он поручает имперским народам, их вождям и воителям* (Завтра. 2003. № 41);

оксюморон: *Неужели к списку демократически уничтоженных государств – Югославия, Афганистан – сегодня прибавится и Ливия?* (Завтра. 2011. № 12); *Вокруг России милые враги*

и зачатые друзья (Комсомольская правда. 6–13.09.2007); *Нам же в новой политико-оперативной обстановке надо не дергаться, поспешая медленно, усваивать четвертую стратегию, крепить броню, убыстрить танки, создавать оружие нового поколения и работать в режиме активного противодействия* (Литературная газета. 2004. № 48); *И он <...> вдруг изрекает: «С психотерапевтической точки зрения войну нельзя останавливать. Нам нужна эта победа. Иначе комплекс неполноценности будет развиваться. Это – целенная война!»*. Представляешь? **Жареный лед! Доброе убийство. Сухая вода** (Новая газета. 03–06.02.2000);

метафора, выражающая оценку: *Но теперь, имея опыт, приобретенный ценой потерь, и в дни перемирия под покровом многократно простреленных минометами и «Градами» Минских соглашений, он пытался соединить людей с оружием в единое управляемое целое* (Новая газета. 2015. № 32); *Усков решил **стряхнуть** с России все великодержавное, горделивое, а оставить – стыд и желание уподобляться Европе* (Литературная газета. 05.03.2014); **Пастораль**, разыгранная думцами перед президентом, подводит итоги четверти века развития новейшего российского парламентаризма (Новая газета. 2016. № 77); *Нас при помощи технологии под названием «перестройка» **швырнули** обратно в каменный век!* (Завтра. 2015. № 17);

метонимия: *С самого прихода Путина к власти и утверждения в Кремле сил, которые ностальгируют по СССР и хотели бы его реставрации, началось тихое навязывание Сталина в качестве символа всемогущества власти* (Новая газета. 2015. № 35); *Эта культура воздействия помимо ядерного шантажа и угроз создается усилиями культурологов, антропологов, социальных психологов, мастеров информационных и организационных блефов, специалистов, способных разрушать глубинные коды национального самосознания. В этом смысле **Голливуд** оказался страшнее бомбардировщиков Б-1, Б-2* (Завтра. 2011. № 48); *Мой дед-фронтовик Фома Ильич Кравчук в гробу бы перевернулся, если б узнал, что его внук (то есть я) будет платить, например Польше и Чехии, земли которых он обильно окропил своей кровью в 1994–1945 годах. Это мой дед, фигурально выражаясь, **погасил печи в Майданеке и Освенциме**, где поляков и соплеменников Познера сжигали десятками тысяч* (Литературная газета. 2015. № 41);

аллюзия: *Геннадий Андреевич Зюганов... <...> Что мы знаем о нем? Что знали мы о нем лет 5–7 назад? Какие его труды читали? На каких видели баррикадах?...*

Не знали и не знаем. Не читали и не видели. С моста его не сбрасывали, голову на рельсы он не клал, оркестром не дирижировал. Одним словом, темная лошадка» (Очевидец. 1996. № 61) – намек на биографию Б.Н. Ельцина; *Он [Путин] – свой. Напористый мужчина средних лет, не высокий – не низкий, не простак, но и не гений. С холодным блеском в глазах и крепким рукопожатием. С ним, может быть, и не сделаешь грандиозных реформ, но зато можно не бояться непонятных «рокировочек» и «загогулин»* (Аргументы и факты. 2001. № 6) – приведение свойственных Б.Н. Ельцину слов для контрастной характеристики Путина; *Небывалая беда, постигшая Родину, ощущаемая каждым как неодолимое несчастье, выглядела на НТВ непрерывным торжествующим праздником победителей. Пировали на помосте, под которым хрустели живые кости скованных пленников* (Завтра. 2001. № 16) – намек на исторический факт – поражение русского войска в битве с монголами на реке Калке;

антитеза: *Это в США время от времени поднимаются дискуссии, можно ли применять так называемые «интенсивные допросы». То есть пытать можно или нет. У нас в стране таких дискуссий нет* (Новая газета. 2015. № 35) – противопоставление США и России построено таким образом и фигурирует в таком контексте, что у читателя создается впечатление, будто в России пытки – обычное дело и никто с ними не борется, в отличие от США; *Прорвутся ли на дужайку пастухов и пастушек люди, которые еще сохраняют собственное достоинство и имеют мнения, отличные от тех, что в данный момент высказывает начальство* (Новая газета. 18.07.2016) – противопоставление двух категорий людей, усиленное метафорой; *Сталин добился власти сам. Его российскому коллеге власть вручили. А для полноценности, для самоутверждения каждому политику требуется опыт реальной борьбы, требуется соперник. У Сталина был Троцкий. У Путина – никого. Ходорковского как спарринг-партнера недостаточно* (Независимая газета. http://www.ng.ru/ideas/2016-10-10/9_stalin.html); *И везде двойные стандарты. Если западенцы захватывают административные здания – это «народная воля», если юго-восток делает то же – «терроризм». Западенцы бегают по городу в касках и с дубинками – «мирные митингующие», жители юго-востока – «сепаратисты». Если жители Львова заявляют, что не будут подчиняться центральной власти, – это «восстание», если жители Донецка – это «бунт». На Майдане вывешивают флаг ЕЭС – «патриотизм», в Харькове поднимают флаг РФ – «предательство»* (Культура. 2014. № 14);

гипербола: *Но есть в жизни вещи, от которых миллиардеры отказываться не собираются. Это все, что связано с их личным, «статусным» потреблением – дворцы, яхты, персональные самолеты, батальоны охраны, реки коньяка и моря шампанского* (Аргументы и факты. 2009. № 23); *...В эту ночь состоялся разгон НТВ. <...> Впервые за полтора десятка лет не просто потеснили, а беспощадно разорили страшное гнездовье, замаскированное под телеканал. На деле же – могущественный центр, с несметными деньгами, легионом агентов, заокеанскими штабами, мировыми армиями и разведками, океанскими флотами и космическими группировками* (Завтра. 2001. № 16); *Интересная возникла ситуация в нашей стране, где все, казалось бы, отрегулировано и управляемо, где без воли Кремля петухи по утрам не кричат и коровы не доятся...* (Литературная газета. 2007. № 11);

игра с именами собственными: *Иосиф Виссарионович Грозный* (Новая газета. 2015. № 35; заголовок); *Эта статья – поминки по либеральной идеологии. И Минкину после этой публикации впору сменить свою фамилию на Поминкина...* (Завтра. 2011. № 40); *Все инфигцированные демократы собраны в отдельный бокс, в стеклянный террариум с маркировкой СПС [Союз правых сил], что, по-видимому, значит – СПИД, ПАРАНОЙЯ, СИФИЛИС* (Завтра. 2000. № 52);

*<...> В стране, где правит **Ольга Голодец**,
Избыточен мятущийся затворник,
А нужен скотник, плотник, дворник, шорник,
И швец, и жнец, и на дуде игрец.*

<...>

*В стране царит **духовный голодец**,
Вчерашние кошмары стали нормой.
Мне видится она железной формой,
А в ней дрожит духовный холодец.
Решится лишь разнuzданный гордец
Заканчивать свою балладу матом –
Но как я рад, что в языке богатом*

*Так много рифм на слово «**Голодец**»!* (Новая газета. 2016. № 77);

трансформация прецедентного текста/фразеологизма: *Чуден «Днепр-1» при тихой погоде* (Новая газета. 2015. № 32; заголовок) – ср.: *Чуден Днепр при тихой погоде...*; *Красного кобеля не отмоешь добела* (Очевидец. 1996. № 61) – ср.: *черного кобеля не отмоешь добела*; *А коли Бога нет, то и всё позволено*, – так, в духе Ницше, рассуждали, помнится, иные герои Достоевского. Если Бога нет,

то нет и объективной истины. Радость безмерная для современного интеллектуального бесчинства, особенно постмодернистского (Литературная газета. 2013. № 29) – трансформированные слова одного из персонажей романа Достоевского: «Только как же, спрашиваю, после того человек-то? Без бога-то и без будущей жизни? Ведь это, стало быть, теперь всё позволено, всё можно делать?»; Затем совершенно неожиданно один из поклонников порнозвезды показал Ивану и ей свой голый зад и тотчас убежал за кулисы. Шалунишка. Якобы эксгибиционист. Так изящно с ягодицами на Первом канале еще не шутили. <...> Как кто-то из них пошутил: страна должна знать своих геморроев. Хорошо начинают, ребята! (Литературная газета. 2013. № 23) – ср.: страна должна знать своих героев;

прием постановки в ряд перечисляемых слов-понятий, обозначающих отрицательные явления, слова, называющего дискредитируемую мишень: *Разговор с психологами о ненависти, агрессии, российском менталитете, параличе сознания, потере социальной чувствительности и неуверенности в себе* (Новая газета. 2014. № 10); *...Может создаться ненужное впечатление, что «русский мир» – это не только биндюжники с пулеметами, перекошенный Дугин, тупость Думы и постановочные слюни Кургияня* (А. Невзоров. Отставка господ бога. Зачем России православие?);

риторический вопрос: *Вы думаете, случайно зачастил на Урал американский посол? Думаете, политтехнологи не знают, что представляет собой либеральная тусовка городов-миллионников? Именно она стала движущей силой «демократизации и гласности» в СССР – Харьков, Днепрпетровск, Свердловск, Новосибирск... Именно техническая интеллигенция, начитавшаяся Стругацких, тонко организованные гуманитарии, впечатленные доктринами академика Сахарова, стали опорой Горбачеву и Ельцину* (Литературная газета. 3–9.12.2015); *Я иногда слушаю по радио историческую программу «Цена Победы». Ее пафос все тот же политкорректный объективизм, разоблачение патриотической мифологии и просвещенный скепсис по отношению к упомянутым традиционным ценностям. Есть ли в России большая ценность, нежели упрямая вера в то, что во время Великой Отечественной войны наше дело было правое и только благодаря этому Победа оказалась за нами?* (Литературная газета. 2014. № 10); *То есть с Россией связаны только криминальные или катастрофические новости, а что-то радостное – там. В голову поневоле лезут «болотные» вопросы: как можно жить в стране, где ничего хорошего не происходит?*

(Литературная газета. 2013. № 31); *Но возникает вопрос: а можно ли было быть патриотом, к примеру, Германии, когда там правил Гитлер, или в СССР эпохи Сталина (да и других советских правителей), или в полпотовской Кампучии? И можно ли быть патриотом путинской России с ее бесконечной ложью, агрессивностью, коррупцией, подавлением демократии, свободы слова?* (Независимая газета. http://www.ng.ru/ideas/2016-09-09/5_200years.html).

Рассмотрим языковые особенности двух текстов, посвященных назначению О.Ю. Васильевой новым министром образования и науки РФ и противостоящих по выражаемой оценке.

I

Бесспорно, неожиданное назначение Ольги Юрьевны Васильевой министром образования России стало настоящим праздником для Московской патриархии. <...>

«Она совершенно блестящий историк, – рассыпается в комплиментах первый замглавы другого синодального отдела РПЦ МП – по взаимодействию с обществом и СМИ Александр Щипков, – специалист по истории православной церкви XX века. При этом у нее блестящие тексты по католицизму. Она великолепно знает протестантизм. Кроме того, она великолепный музыкант... имеет блестящее гуманитарное образование». Признают «своим человеком» Васильеву и более высокие патриархийные чины: сам патриарх Кирилл (Гундяев) не поскупился в поздравлении с назначением: «Господь щедро наделил вас талантами... Вы проявили себя как первоклассный специалист, человек, обладающий ценным жизненным и профессиональным опытом, способный эффективно решать непростые задачи». А спичрайтер патриарха Владимир Легойда к этому потоку славословий добавил «существенный вклад», который Ольга Юрьевна внесла в развитие отечественного религиоведения.

В биографии нового министра есть «темные» пятна. Например, она настойчиво скрывает место своего рождения: его невозможно найти ни в официальных биографиях, ни в ответах на вопросы журналистов. Васильева просит считать себя москвичкой: здесь она получила образование и делала свою научно-административную карьеру. Другое такое пятно – учеба в Дипакадемии при министерстве иностранных дел. В одних версиях биографии эта учеба упоминается, а в других – отсутствует. Почему Ольга Юрьевна так и не вступила на дипломатическое поприще, окончила ли она академию вообще – остается загадкой.

<...> Говорят, была кандидатом в члены или даже членом КПСС. Во всяком случае, научные оппоненты Васильевой утверждают, что ее

диссертация утверждала именно традиционно советский, «партийный» подход к вопросу о роли религиозных организаций в советском обществе. Уже в 1999 г. появляется докторская диссертация О.Ю. Васильевой на схожую (несколько более широкую) тему – об РПЦ в СССР в военный и послевоенный период. В своих научных публикациях и докладах Ольга Юрьевна не раз признавалась, что считает первые послевоенные годы «золотым веком» русской церкви (позже появился термин «сталинский ренессанс»). <...>

Значительное развитие апология Сталина получила у Ольги Юрьевны после недавнего перехода из Российской академии госслужбы и народного хозяйства (где многие годы она возглавляла кафедру государственно-конфессиональных отношений) в администрацию президента РФ, на должность замначальника управления по общественным проектам. Буквально в начале августа она наставляла прокремлевскую молодежь на каком-то «патриотическом» форуме в Крыму.

Идеалом политического деятеля, по ее словам, для русской культуры является «прежде всего царь, который заботится о благе отечества». Если раньше Ольга Юрьевна датировала переход Сталина «на патриотические позиции» периодом Второй мировой войны (и естественно, связывала это с учреждением Московской патриархии 4 сентября 1943 г.), то теперь она <...> объявила днем «патриотического обращения» вождя 4 февраля 1931 года, когда на общесоюзной конференции работников промышленности Иосиф Виссарионович заявил: «В прошлом у нас не могло быть отечества. Но теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас народная, у нас есть отечество». Фраза, по правде говоря, не очень впечатляет, но новый министр связывает с ней концепцию переосмысления новейшей истории России и, соответственно, подходов к ее преподаванию, в основу которого будет положен «культурно-исторический стандарт», выдвинутый Путиным в 2014 г., с захватом Крыма. Может, министр Ливанов за то и уволен, что слабо понимал и продвигал этот «стандарт»?

Могли ли патриарх Кирилл или, скажем, епископ Тихон (Шевкунов), имевший репутацию «духовника Путина», продвинуть своего человека на министерский пост?

Назначение «серой мышки» Ольги Васильевой на столь ключевой для государства пост оставляет много вопросов. Из диалога бывшего тандема, показанного по телевидению, можно понять, что главное достоинство нового министра в ее гендерной принадлежности.

«На смену Дмитрию Ливанову я предложил бы назначить женщину Ольгу Юрьевну Васильеву», – произнес Дмитрий Медведев. Новый повод подумать о размерах нынешней кремлевской «скамейки запасных».

<...> С Тихоном Ольга Юрьевна имеет довольно близкую дружбу – с тех пор, как в начале 2000-х они успешно осуществляли путинский проект поглощения Московской патриархией независимой до тех пор Русской зарубежной церкви. Затем Васильева преподавала церковную историю в Сретенской семинарии на Лубянке, формируя у будущих священников взгляд на свой предмет в духе того самого «сталинского ренессанса». И место преподавания было вполне подходящим. Есть ли у нового министра какая-то своя концепция реформы образования, сколько-нибудь серьезное и системное видение его проблем? Биография чиновницы скорее вынуждает дать отрицательный ответ. Но, может, это назначение не «технократическое», а чисто «идейное»?

Пока на все вопросы о своих планах на посту министра Ольга Юрьевна отвечает странно, немного в духе «божествования». Чтобы никто ничего не подумал, она уверяет: «У меня есть приоритеты, а все планы будут реализовываться в ходе моей работы. Главный приоритет – это учитель и педагог, это служение этой великой работе. Второй приоритет – извлечь лучший опыт, взять лучшее и двигаться вперед поступательно» <...> (А. Солдатов. Ольга Васильева и божественное должествование // Новая газета. 21.08.2016. <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/08/20/69618-olga-vasilieva-i-bozhestvennoe-dolzhenstvovanie>)

II

<...> Назначение министром образования и науки Ольги Юрьевны Васильевой внушает осторожный оптимизм (кстати, она первая женщина в истории страны, занявшая этот пост). Она волевой и дельный человек, превосходно знающий проблемы образования и науки: имеет три высших образования, работала в школе, в академической среде (Институте Российской истории РАН), заведует кафедрой в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, преподавала в Сретенской семинарии (что исключительно важно для исследователя, занимающегося изучением истории церкви), получила богатый административный опыт в управлении по общественным проектам в Администрации Президента.

При этом Васильева является крупным ученым – одним из блестящих специалистов по истории Русской православной церкви в XX веке, хорошо известным в среде историков и философов. Ее труды (их около 200, в том числе 7 монографий) уже составили веху в российской историографии государственно-церковных отношений в XX веке. Ольга

Юрьевна также была одним из инициаторов дискуссии о современном консерватизме в России. Она обладает масштабным видением проблем, которые ей предстоит решать на новом посту.

Таким образом, новое назначение – знаковое, знаменующее отказ от прозападной образовательной политики, проводившейся нашими системными либералами. Именно поэтому либеральные СМИ развернули позорную диффамационную кампанию против нового министра, обвиняя ее в приверженности «православному сталинизму» и «клерикализму», стремлению загнать образование и науку в «православное гетто».

Никаких оснований для подобного рода обвинений нет, достаточно хотя бы по диагонали просмотреть основные работы О.Ю. Васильевой.

<...> О.Ю. Васильева, безусловно, способна к диалогу с преподавательской и научной общественностью, в отличие от своего предшественника. Первые ее заявления восприняты позитивно представителями как школьного, так и вузовского сообщества. Причем независимо от их политических взглядов, ибо, что называется, эти меры назрели и перезрели: обещание повысить материальный уровень преподавателей (наверняка согласованное на высшем уровне власти), начало «оптимизации» гомерической бумажной отчетности, которая при Ливанове приобрела характер раковой опухоли. Если эти два обещания будут выполнены, то уже одно это оздоровит ситуацию в образовании. <...> (Аркадий Минаков. На тонущем корабле капитанов меняют. Литературная газета. 31.08.2016. http://www.lgz.ru/article/34-6564-31-08-2016/na-tonushchem-korable-kapitanov-menyayut/?sphrase_id=247455).

Приведенные тексты отличаются целеполаганиями и, соответственно, речевыми стратегиями: первый текст реализует стратегию дискредитации нового министра, т.е. негативной оценки, направленной на умаление авторитета этого человека, подрыв доверия к нему; второй – стратегию апологии, т.е. позитивной характеристики О.Ю. Васильевой и ее защиты.

В первом тексте назначение О.Ю. Васильевой рассматривается как *«настоящий праздник для Московской патриархии»*, которая, признавая ее *«своим человеком»*, *«рассыпается в комплиментах»*; даже патриарх *«не поспешил в поздравлении»* (использование отрицательных устойчивых выражений, из которых последние два ироничны). Ироническая оценка проявляется и в употреблении таких словосочетаний, как *«поток славословий»*, *«сталинский ренессанс»* (метафоры); *«существенный вклад»*, *«золотым веком» русской*

истории», «на каком-то **"патриотическом"** форуме» (антитеза), «серая мышка» (фразеологизм в функции ярлыка).

Негативная характеристика нового министра дается также при помощи приемов так называемой «референциальной манипуляции», состоящей в искажении образа денотата/референта путем замены нейтральных наименований на эмоционально-оценочные: вместо «присоединение» Крыма говорится о его **«захвате»**, вместо «объединения» церковей – о **«поглощении»** Московской патриархией Русской зарубежной церкви, вместо «служащая» или «государственный деятель» – **«чиновница»**, вместо «не раз говорила» – «не раз **признавалась**».

Использование метафоры «темные пятна» применительно к якобы скрываемым фактам биографии или намерениям («Почему Ольга Юрьевна так и не вступила на дипломатическое поприще, окончила ли она академию вообще – остается загадкой») направлено на формирование недоверия к новому министру. Прием «чтения в сердцах», реализующий тактику подозрительности, используется в таком высказывании: **«Чтобы никто ничего не подумал, она уверяет...»** (обвинение в неискренности).

Характеристика О.Ю. Васильевой как сторонника «сталинизма» бросает тень на президента: **«Значительное развитие апология Сталина получила у Ольги Юрьевны после недавнего перехода <...> в администрацию президента РФ, на должность замначальника управления по общественным проектам»**. О тоталитарной идеологии О.Ю. Васильевой говорит то, что, как пишет автор, «идеалом политического деятеля, по ее словам, для русской культуры является **“прежде всего царь, который заботится о благе отечества”**».

Категория неопределенности, используемая в тексте, маскирует бездоказательность утверждений, реализующих тактику устанавливаемых отрицательно характеризующих (с точки зрения автора текста) ассоциаций. Эта категория реализуется при помощи неопределенно-личной конструкции **«Говорят, была кандидатом в члены или даже членом КПСС»**, умолчания (неупоминания конкретных фамилий) **«научные оппоненты Васильевой утверждают»**, **«Из диалога “бывшего тандема” можно понять, что главное достоинство нового министра в ее гендерной принадлежности»**. Категория неопределенности проявляется также в отсутствии ссылок на конкретные работы, в которых, по мнению автора текста, О.Ю. Васильева противоречит сама себе.

Сведения, которые требуют доказательств, подаются в форме вопросов (**«Есть ли у нового министра какая-то своя концепция ре-**

формы образования, сколько-нибудь серьезное и системное видение его проблем? **Биография чиновницы скорее вынуждает дать отрицательный ответ. Но, может, это назначение не “технократическое”, а чисто «идейное»?**») или утвердительных высказываний с использованием отрицательного эпитета и окказионализма («...Ольга Юрьевна отвечает **странно**, немного в духе **“божествования”**»).

Во втором тексте дается положительная характеристика О.Ю. Васильевой при помощи эпитетов с положительной коннотацией: **«волевой и дельный человек», «превосходно знающий проблемы образования и науки», «богатый административный опыт», «крупным ученым», «обладает масштабным видением проблем», «один из блестящих специалистов»;** оценочных высказываний: **«О.Ю. Васильевна, безусловно, способна к диалогу...», «Первые ее заявления восприняты позитивно представителями...».** Используется также антитеза, заключающаяся в противопоставлении Васильевой и Ливанова: **«...обещание повысить материальный уровень преподавателей (наверняка согласованное на высшем уровне власти), начало “оптимизации” гомерической бумажной отчётности, которая при Ливанове приобрела характер раковой опухоли. Если эти два обещания будут выполнены, то уже одно это оздоровит ситуацию в образовании».** Новое назначение оценивается как **«знаковое, знаменующее отказ от прозападной образовательной политики»** и внушающее **«осторожный оптимизм».**

Поскольку ИПВ подразумевает ответные действия сторон, во втором тексте мы видим тактику обличения противника: **«...либеральные СМИ развернули позорную диффамационную кампанию против нового министра, обвиняя её в приверженности “православному сталинизму” и “клерикализму”, стремлению загнать образование и науку в “православное гетто”».**

Конечно, в рамках одного параграфа невозможно описать весь комплекс жанров и языковых средств, используемых в ИПВ. Тщательное исследование языка ИПВ – дело будущего, как и представление результатов такого исследования широкой общественности. Некоторым языковым средствам ИПВ посвящены два следующих параграфа.

3.3. Ономастические игры в аспекте информационно-психологических войн

В экономике, политике, средствах массовой информации идет жёсткая, а иногда и жестокая ИПВ, использующая в качестве своего оружия в том числе и ономастическую игру с целью не только унижить, оскорбить противника или его государство (народ, социальную группу и т.п.), но и доказать правоту инициаторов и акторов войны.

Вспомним ИПВ в России «крутых» 90-х годов, когда оба, условно говоря, «лагеря» («демократы» Ельцина и «патриоты» разного толка) активно применяли «ономастическое оружие» в своих интересах. С одной стороны: *ельциноиды*, *Эльцинд* (с намёком на его, якобы, «еврейство»), знаменитый эвфемизм «*Е.Б.Н.*» (по типу Ф.И.О. – не придерёшься ведь!) и пр. С другой стороны: *дядюшка Зю*, *Зюгашивили*, *Жирик*, *жириноиды* и т.д.

И это всё происходило главным образом в бумажных СМИ, что ограничивало информационное пространство этой войны. Сейчас же, с бурным (и буйным) нашествием интернет-коммуникации как новой речевой формации (см. [Шарифуллин 2014]), это пространство стало глобальным и очень пёстрым, контрастным и противоречивым. Глобальным, пёстрым стало использование в ИПВ и ономастической игры. Об ономастической игре в целом и, в частности, в интернет-пространстве опубликовано уже немало работ, в том числе и автора данной главы [Шарифуллин 2011а; 2011б; 2014; 2015]. Отмечу, что подобная ономастическая игра всегда экспрессивна, и экспрессия эта в абсолютном большинстве случаев резко негативная. Да иначе и быть не может: «*A la guerre comme a la guerre*» («На войне, как на войне») – как говорят французы. А значит, и любые средства хороши, в том числе и «ономастическое оружие».

Стимулом для написания данного параграфа послужили отмеченные мною ономастические игры в блогах, социальных сетях, электронных СМИ и пр., очень сильно активизированных и возбужденных в связи с известными событиями на Украине, начиная с «майдана» и возвращения Крыма (использую предлог «на», потому что это по-русски, соответствует правилам русской грамматики). Информационным поводом для новой волны «информационно-психологических сражений» в электронных СМИ и вообще в Интернете стала также антитеррористическая борьба с пресловутым ИГИЛ.

Когда происходят крупные политические события, в массовой речевой коммуникации начинается (спонтанно или, что чаще, спровоцировано) «массовая» речевая ономастическая игра: появляется в сети у некоего блогера обыгранный им оним (имя собственное), он становится потом «мемом» и пошло-поехало. Упомяну об оскорбительном «меме» *Рашка*, характеризующем современную Россию и активно употребляемым теми, которых их противники называют «либерастами». Уже само использование пренебрежительной формы английского наименования нашей страны (Russia, произносится «Раша») вызывает резкое неприятие. Автор слова *Рашка* не известен, а популяризовал его некто Александр Лаэртский, использовавший его в своей программе «Монморанси» на радио «Эхо Москвы» в 1993–2001 гг. [URL: <http://www.wikireality.ru/wiki/%D0%A0%D0%B0%D1%88%D0%BA%D0%B0> (дата обращения: 02.12.2015)].

В качестве источника материала мы использовали два довольно контрастных по своим убеждениям Интернет-СМИ: сайт радиостанции «Эхо Москвы» (echo.msk.ru), которая российской общественностью позиционируется как оппозиционная, и сайт информационного агентства «РИА Новости» (ria.ru), которое обычно позиционируется как «проправительственное». На сайте «Эха Москвы» имеется много блогов, в отличие от сайта «РИА Новости», который блогов не имеет. Роднит оба информационных сайта ономастическая игра (понятно, что не только одна она, но остальное не входит в задачи данной работы), однако уровень её креативности, широта «захвата» исходного ономастического материала, дополнительные экспрессивные средства и нюансы различаются.

Считаю уместным, прежде чем приступить к анализу имеющегося у нас материала, отметить, что креативные игровые возможности русского языка весьма высоки. На польских сайтах, например, обсуждающих политику, в том числе и России, ономастическая игра представлена весьма слабо, в основном это «перепосты» «мемов» типа той же «Рашки» или «Путлера», придуманных в России. Слабовато представлена ономастическая игра и на украинских сайтах, а также в комментариях, которые противники российской политики размещают на «Эхе Москвы» и РИА. Здесь больше в ходу «ярлыки» типа *ватники* (практически вытеснившее прежнее *совки*), собирательное *вата* и пр. Запущены были в Интернет эти «словечки» тоже в основном из России, но, понятное дело, не её патриотами. Единственный, кажется, пример деонимизации имени собственного, возникший на Украине во времена «Евромайдана» – *титущки*

(от фамилии спортсмена Вадима Титушко, участвовавшего в нападениях и избиваниях оппозиции). Но игровой момент здесь практически не прослеживается. Просто ещё один «ярлык». Традиции Н.В. Гоголя, нередко использовавшего ономастическую игру (пример: *Хома Брут* из «Вия»), как видим, современными украинцами не востребованы. Может, потому на Украине и не считают его «самостийным» украинским писателем, в отличие от Т. Шевченко? Тем более что писал Гоголь на русском языке.

Можно попытаться объяснить такое «игровое» преимущество особенностями русского мышления. Рискну сделать такое предположение: предпосылки или причины ономастической, как и иной другой, речевой игры обусловлены самой историей России, как известно, сложной и противоречивой. Необходимо было очень часто давать отпор врагам, чаще внешним, но иногда и внутренним. Отпор, конечно, был всегда вооружённый: «Кто с мечом к нам войдёт – от меча и погибнет!» Но использовался и приём высмеивания противника [Лихачёв, Панченко 1976]. Это древний обычай: называя врагов (например, перед личным поединком) уничижительными и презрительными словами; высмеивая, в частности, и его имя, противника хотели раздражить, обозлить, чтобы тем самым вывести его из равновесия и лишить способности здраво мыслить во время сражения. Как правило, это всегда удавалось. Так было при поединке Редеди и князя Мстислава в 1022 г., Челубея и Александра Пересвета в 1380 г.

В России любят высмеивать американских политиков, в частности, обыгрывая их имена и фамилии. И не только политиков: объектами ономастической игры были Арнольд Шварценеггер (ещё до того, как он стал губернатором Калифорнии: *Уайтниггер*, *Шварцболд Арнеггер*, *Уайт-энд-блэк*, *Чёрномордер* и пр.), Билл Гейтс (*Билл – Гей. Тсс!*) и другие персоны.

С известных событий на Украине в начале 2014 года активизировалась и речевая игра на «поле» современной украинской ономастики. Хотя ономастические игры «традиционно» продолжают также в антропонимическом и топонимическом пространстве Польши (*Ляхляндии*), Великобритании (*Мелкобритании*; ср. также *Наглия* – пример игровой метатезы), Германии (канцлер *Шмеркель*), Франции (президент *Олялянд*) и т.п. Ср., например, весьма распространённый в русском Интернете «топо-игроним» *Гейрона*, созданный как «контаминат» по поводу «гомосексуальной толерантности» в целом ряде стран ЕС. Только один из многих примеров: *Вот же...*

по всей *гейроне* ищут подводную лодку и никак не найдут. Может, подкинем им какую-нибудь списанную ржавую кастрюлю – пусть найдут и порадуются (РИА Новости. 23.11.2015). Интересен также такой пример обыгрывания фамилии турецкого президента Эрдогана после известного события с российским СУ-24: *Пердоган* (Эхо Москвы. 01.12.2015).

Материала по ономастической игре собрано много, но проанализируем только «американские» и «украинские» игровые онимы. Начну с «американских» онимов (см. [Шарифуллин 2015]).

Сначала о топонимической игре, поскольку часто на ней строится и антропонимическая игра (все примеры приводятся в графике, орфографии и пунктуации авторов интернет-сообщений). Кроме того, с топонимами тесно связаны и этнонимы (см. об этом в конце параграфа).

В последние годы в Интернете, а потом и в других сферах коммуникации утвердилось такое наименование США, как *Пиндостан*. Для теории интернет-коммуникации это «мем», для лингвистики – проявление речевой игры. Существуют разные версии появления слов *пиндос* «североамериканец» и *Пиндостан* «Соединённые Штаты Америки» (вариант *Пиндосия*, *Пиндоссия*, *Пендосия*). Сокращённо *СШП*, т.е. *Соединённые Штаты Пиндосии* (есть и иные расшифровки этой игровой аббревиатуры, о чём ниже). Очевидно, что связан этот игровой топоним с «этноключкой» *пиндосы*.

Среди антропонимов самые «игровые» и потому самые обыгрываемые – американские, причем не только по политическим причинам, но и потому, что так уж сложилось: англоязычные имена и фамилии постоянно вызывают у русских речевых личностей только «самые лучшие чувства», что и приводит к естественной «игровой рефлексии» как разновидности речевой рефлексии вообще.

Рассмотрю только наименования двух граждан США, наиболее часто обыгрываемых в последнее время в Рунете, в частности, на информационных сайтах «РИА-Новости» и «Эхо Москвы» (в основном в комментариях). Фамилия Виктории Нуланд (Victoria Nuland), официального представителя Госдепа США, даже с экстремально креативным подходом – «трудный орешек». Единственный пример, известный мне: *Нудель* (ассоциация с прилагательным *нудная*). Фамилия американского вице-президента

Джо Байдена, который в последнее время весьма часто ездит в Киев давать самые разные «указивки», подана на сайте «РИА Новости» как *Байденко*. Что ж, фамилия вполне «украинская». Но ощущения особого «креатива» эта фамилия не вызывает.

Не повезло другим ключевым американским фигурам, чьи имена и фамилии просто «напрашиваются» на их игровое переосмысление в русском речевом пространстве, в том числе, конечно, и Интернета. Это, во-первых, естественно, самая «главная» фигура в США – их президент **Барак Обама** (полное имя *Barack Hussein Obama*). Ударение в имени падает на второй слог, в фамилии – на предпоследний.

Приведу пример из личного «игрового» опыта: как только я узнал, что президентом США стал этот молодой ещё тогда «кение-американец», то сказал своему сыну: «Барак – ОБАНА!» (с ударением на последнем слоге – я имел в виду когда-то популярное на нашем ТВ шоу Игоря Угольникова «Оба-на!»). Позже я повторил своё высказывание на своей страничке «ВКонтакте», сопроводив его «картинкой» (№ 1). Это была также иллюстрация к моей концепции о вербально-иконических текстах и, соответственно, вербально-иконической игре [Шарифуллин 2014].

Вот ещё одна «картинка» (№ 2), плакат, выпущенный в период первой предвыборной кампании Барака Обамы. Обратите внимание на графическое исполнение буквы А – она весьма похожа на русскую букву Д. Может, это тоже игровой текст? Во всяком случае, это плакат противников избрания Б. Обамы на президентский пост, о чём свидетельствует текст в чёрной рамке: «The Story of Barack Hussein Obama, son of a Kenyan muslim and a Hawaiian Atheist intending to run for the President of the United States», т.е. «Рассказ о Бараке Хуссейне Обаме, сыне кенийского мусульманина и гавайской атеистки, собирающемся участвовать в гонках, чтобы стать президентом Соединённых Штатов». Сама же картинка – образ «мы-здесь-не-местные», человека, только что прилетевшего с Гавайев на самолёте.

Интересно, что и сам Барак Обама понимает «игровую подоплёку» своей фамилии: «*Как меня только не называли люди: и Алабама, и Твою Маму...*» (запись на личном блоге). Понятно, что это тоже игровая рифмовка: Alabama, Fuck your Mama. Кстати, в американских блогах и сетях действительно распространён такой мем: «Вагук your Mama».

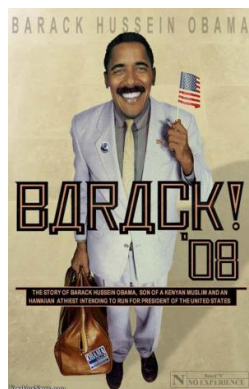
А вот пример из российского, точнее, украинского русскоязычного блога: *Не обеляя Бардака Алабаму, совершенно понятно почему Чейни его «опускает»*. Чейни является одним из самых влиятельных

и богатых «военных» лоббистов в верхушке властных структур **СШП** (т.н. «ястребы»). Именно благодаря его усилиями в конце 80, начале 90 буйным цветом расцвели различные ЧВК, которые получали просто баснословные прибыли с контрактов, которые с ними заключал Госдеп. Именно в это время начался массовый отток квалифицированных вояк в частные компании – на сегодня даже официальный **Фашингтон** не скрывает дикого и все растущего кадрового голода в армии и на флоте (Сергей Савчук. Кривой Рог. URL: <http://vz.ru/news/2014/5/29/689170.html> (дата обращения: 21.11.2015)). Выделенные мною слова – это и есть ономастические игровые трансформации; очень удачная, на мой взгляд – *Фашингтон*.

В одном из комментариев на этот текст хорошо использован графический приём речевой игры: *Все 3,14ндосы долбодятлы*. Ранее этот приём я встречал в таких «интернет-лексемах», как *3,14дорасы*, *3,14здоболы*. Как видим, к списку резко негативных политических номинаций добавилась и эта. О подобных игровых «этнономинациях» см. подробнее в конце параграфа.

Вот ещё обнаруженные в пространстве русского Интернета игровые трансформации имени американского президента: *АВВА-МА* (аллюзия на название известной шведской поп-группы плюс возможная отсылка к песне иной, «чёрной» поп-группы «Бони М» – «Ма Вакер»), *О-Ба-Ма* (очевидная аллюзия к названию той же программы Игоря Угольниковца), *Бардак Обама*, *Бардак Обмана*: «Парашенка до инаугурации побежал к **Бардаку Обмана**» (URL: http://www.youtube.com/watch?v=BXKBbq8pi_Q (дата обращения: 14.11.2015)), *Батрак Абрама*, наверняка ударение на втором слоге «фамилии» [URL: https://lurkmore.to/Барак_Обама (дата обращения – 14.11.2015)].

Довольно часто обыгрывается фонетическое совпадение имени американского президента и русского существительного, обозначающего особый вид жилого строения: «Белый дом» часто стал называться в русскоязычных блогах и комментариях *Барак Обамы*, с последующим обыгрыванием *Барак Обмана* (т.е. «резиденция лжи»), *Барак Обарака* и пр. Приведу один довольно типичный пример этого рода, ставший уже анекдотом.

Барак Обама и «Хижина дяди Тома»: *Сто пятьдесят лет потребовалось Америке, чтобы пройти путь от хижины дяди Тома до Барака Обамы* (современный русский анекдот).

Ещё примеры, в которых слово *барак* заменяется синонимами: 1) *Высказываются сомнения, легитимно ли было избрание Сарая президентом вообще. Для того, чтобы подтвердить, что Обама ибн Сарай был годным кандидатом, необходимо предоставить его свидетельство о рождении («Игроним» Обама ибн Сарай в переводе с арабского значит Обама сын Сарая. Ребёнок барачный, одним словом...); 2) По умственному мышлению Псаки, можно судить об интеллекте госдепа США и самого Сарай Баракевича!* (URL: <http://gubarevan.livejournal.com/259875.html> (дата обращения: 11.12.2015)).

Вот и второй фигурант «американской» части главы –

Дженнифер Псаки, официальный представитель Государственного департамента США до недавнего времени. Прежде чем анализировать те речевые трансформации её фамилии, которые отмечены в русском Интернете, приведу иллюстрацию, в кото-

рой одним из российских блогеров представлены в форме пародии «речевые способности» этой женщины (орфографию источника сохраняю): *Мы не признаём легитимность результатов матча. И мировое сообщество тоже. У ворот США были «карусели». Главным же сепаратистом является вратарь России Василевский. Он весь матч не пускал американскую демократию в свои ворота.* Речь шла и о референдуме в Крыму, и о победе наших хоккеистов над американскими.

Народное творчество рождает новые поговорки. Например, такую – «*Псаки в глаза – божья роса*». Некоторые юзеры предлагают даже ввести новую единицу измерения интеллекта – «*Один Псаки*». Можно встретить и такое выражение: *Псаки с вами, что вы такое несёте!* (аналог «*Бог с вами, что вы такое пишете!*»). На просторах Рунета (и не только) появился и такой мем-неологизм *псакинг* – когда человек, не разобравшись, делает безапелляционные заявления, путая факты, и впоследствии не извиняется. Появился и глагол *псакнуть* в значении «сморозить глупость». Ещё один «неологизм» – *псакифобия*,

но это уже с противоположной стороны информационных «окопов» [URL: <http://www.echomsk.spb.ru/projects/oleg-kashin/chto-kasaetsya-psaki.html> (дата обращения: 04.10.2015)].

Теперь, собственно, об ономастических играх вокруг имени и фамилии Джен (Дженнифер) Псаки. Полное её имя – *Jennifer Rene «Jen» Psaki, Джэ́ннифер Рене «Джен» Пса́ки*. По-английски фамилия произносится как [ˈsɑːkiː], т.е. транскрипционная передача фамилии – *Саки* (http://ru.wikipedia.org/wiki/Псаки_Дженнифер (дата обращения: 04.10.2015)). Фамилия греческого происхождения: ψάκας, ψάκις означает «крошка, крупинка, мелкая вещь» [Дворецкий 1958: 1794]. Говорящая фамилия, как с точки зрения греческой, так и русской.

Обыгрывание имени Джен сводится только к одному варианту: *Женя Псаки*, в более широком контексте: *Маленькую (крошку! – Б.Ш.) Женю Псаки ещё надо учить*. Интересная отсылка к значению её фамилии, хотя автор поста, возможно, и не знал этого. Зато наблюдается много различных вариантов игровых трансформаций фамилии, благодаря удачному, с точки зрения русского языка, фонетическому её составу (орфографию и пунктуацию авторов сохраняю):

Среди моих еврейских друзей ходит выражение Писи сиротки Хаси – означающее что то нищее, убогое и бредовое тут мы наблюдаем “писи сиротки Псаки!” (комментарий Папаши мюллера. URL: <http://russian.rt.com/article/29241> (дата обращения: 04.10.2015)).

Natalya Luginina 14.05 01:30: «*Не Псаки она, а ПСИНА!*» (Там же) «*Это Псаки от рода Псов что ли?*».

Вариант, основанный на фонетической мимикрии к слову *пёс*, встречается довольно часто: *псина, псинка, псярня*. Отмечена и такая развёрнутая игровая фраза: *В пиндосовской псарне, именующей себя госдепартаментом, новая псина по кличке женька*. Есть и почти нецензурный игровой вариант, контаминация «псины» и «б...ди»: *Псядь (Написать бы этой Псяди, что я о ней думаю)*. Игра «на фоле» весьма характерна для русского речеигрового пространства, в котором встречается множество эвфемизмов-обсценизмов.

Много трансформаций, основанных на близости этой фамилии к глаголу *писать*, его производным и синонимам, с фамилией рифмующихся: «*ЭЙ ПСАКИ-ССАКИ, ты где училась? ПРИШЛА... НЕ ПОДГОТОВИЛАСЬ... 2 – неуд*»; «*Псаки именно так я это слово и представлял*»; «*Не зря фамилия у неё такая оправдывает себя. Вот каждый раз эта пСака общается с журналистами с грязной*

головой»; «Этой джен писки пресс секретарю США»; «Какой омерзительной становится женщина когда ей приходится врать на весь мир, так и хочется сказать пса каки»; «А я ее зову Джен Цаки Пса Каки» (Саша и Елена Бойкачёвы, 01.05 02:03) – объединение сразу нескольких негативных мотиваций.

Пример довольно развёрнутой ономастической игры, с включением имени также когда-то известной Кондолизы Райс (Condoleezza Rice), государственного секретаря в президентской команде Дж. Буша-младшего: «Самка Псяки, сестра кондолизы...» (Alexei Umashev, 25.04 19:16). В своё время *Кондолизу* в русском интернет-пространстве тоже неплохо «заиграли»: например – *Кондомиза*, *Кондолизер Буша* и пр.

Вернёмся к Джен Псаки, чтобы потом больше не возвращаться. Вот своеобразное «соболезнование»: *Как она живет с такой фамилией? Практически, Джен Вичёвка, прошу прощения.*) (Андрей Воеводин, 30.04 20:56). И как «утешение»: *Ребята не обижайтесь на неё, ей и так не сладко с такой фамилией, а тут ещё и интеллект подводит постоянно* (Sergej L, 01.05 15:43).

Наконец, синтез топонимической и антропонимической игры: *СШП – Соединенные Штаты Псаки* (Денис Волков, 30.04 18:52. URL: <http://russian.rt.com/article/29241> (дата обращения: 04.10.2015)). Игровой топоним *СШП* («Соединённые Штаты Пиндосии») данным автором подвергается уже вторичной речевой игре: символом и «эрзацем» «пиндосов» становится Джен Псаки.

Переместимся в игровое пространство на современном украинском политическом поле и обратимся к нынешней политической ситуации вокруг Украины и связанным с нею ИПВ. Начнём опять же с топонимических игр. Обыгрываются два варианта наименования «незалежной и самовитой державы». Правда, иногда встречается в последнее время такой «игротопоним»: *Бандерлогия*, созданный явно по следам известного наименования «протестантов» в декабре 2011 г. на Болотной, озвученного В. Путиным («*бандерлоги пришли*»). М.А. Кронгауз привёл упоминание В. Путиным «бандерлогов» (обезьянье племя из «Книги джунглей» Р. Кипплинга) как один из примеров, появившихся в современной русской речи «звериных» переносов, обозначающих неразличимость и безгласность человеческой массы, наряду с появившимися ранее и показавшими бунтарские тенденции «хорьками» и «сетевыми хомячками» (Новая газета. 25.12.2011). Очевидна и явная контаминация с фамилией «главного героя» современной Украины Степана Бандеры.

Первый вариант наименования этой страны – *Хохляндия*, *Хохлостан* – связан с «этнокличкой» *хохлы* и её современным вариантом *каклы* – *Какляндия*. «Игротопоним» *Хохляндия*, созданный по модели наименования ряда европейских стран (*Финляндия* и пр.), достаточно старый, он отмечался ещё во времена Ющенко, когда Украина впервые заявила о своём «устремлении» в Европу. Вариант *Хохлостан* появился по аналогии с *Пиндостан*, вероятно, как намёк на «вассальное» подчинение постмайдановской Украины Госдепу США:

Артем Семенов, 01:55 17.12.2015: *Неужели?! Неужели хоть чуть-чуть у МВФ остался здравый смысл и капелька совести! Хотя..., а что толку, самое главное, что **Хохлостан** они все равно решили кредитовать и дальше, а правящей клике это только и нужно, пока пройдут суды по «официальному долгу», они наберут кредитов и спокойно свалят, а уж долги пусть народ Украины отдаёт!* (РИА Новости. URL: <http://ria.ru/economy/20151217/1343414172.html#ixzz3uZO55Cg0> (дата обращения: 19.11.2015)].

Обыгрывается и само название *Украина*. Здесь различных форм «игротопонимов» побольше.

1. Созвучность и родственная связь слов *Украина* и *окраина*: *Каждому по заслугам и возможностям. **Окраину** США превратило в планету «секонд-хенд» (атомные отходы, отбросы общества к власти, ну и т.д.)* (РИА Новости. URL: <http://ria.ru/world/20151130/1333115260.html#ixzz3t3lsutF9> (дата обращения: 14.11.2015)). Собственно, апеллятив *украина* и означает «то, что на краю страны, окраина, окраинные земли». В этом значении слово *украина* (также *украйна*) употреблялось в речи сибирских казаков, заселявших Енисейский край; это слово использует, например, писатель Алексей Бондаренко в своей исторической трилогии «Государева вотчина», опираясь на архивные данные: «Крепким духом повеет украйна земли русской. <...> Хмурились новые – не по нутру пришлась украина русская» (см. [Шарифуллин 2007: 215]). В словаре Вл. Даля [Даль 1984: 454]: *украйна, украина* «область с краю государства»; те же значения отмечаются и в других словарях русских народных говоров. Людей же, живших на этих территориях в Московской Руси, называли по-разному, например *українниками* или людьми *українними*.

2. Очевидно, что такое происхождение названия своей страны совершенно не устраивает особо горячих «патриотов» и политиков современной Украины. Потому в свое время возникла в этой среде версия о происхождении украинцев от древнего народа «укры».

Вообще-то, такое племя (или союз племён) было: западно-славянское, в VI–XI вв. на территории современной Германии; их называли в западных источниках *ukri*, *ukraner* (от названия р. Ucker) (URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/украине> (дата обращения: 07.12.2015)). Но такая версия «истинных укров» не устраивает.

Отталкиваясь от «самоназвания» *укры*, создают новую «этно-кличку» *укропы*, тем более что есть и такая, официально зарегистрированная Минюстом Украины в сентябре 2014 г. партия – «УКРОП» («Украинское объединение патриотов»), символом которой стало растение «укроп огородный». Поэтому в русском Интернете появляется и игровой топоним *Укропия*.

3. Есть и такие варианты, которые обыгрывают само начало топонима: *Украдия*, *Укралия*, *Уркания*, – с намёком на криминальное происхождение многих нынешних политиков Украины.

4. Довольно креативны «игротопонимы» *Усракия* и *Усраина*: здесь, очевидно, как бы «русское» прочтение латинской транскрипции наименования страны – *Ucrania* и *Ukraine*, при котором латинская буква *С* читается как русская *С*:

Борис Бирючѳв, 15: 45 10.12.2015: *Ну, братцы, вы и выдумщики! Ваши «определения» – уРкаина, Усраина и другие..., это не в бровь, а в глаз. Я поражѳн!* (РИА Новости. URL: <http://ria.ru/europe/20151208/1338463202.html#ixzz3u0GDQ0yB> (дата обращения: 18.12.2015)).

Перейдѳм теперь к антропонимическим играм. Обыгрываются, конечно, в первую очередь имена и фамилии двух главных персонажей на современной политической сцене Украины: президента Петра Порошенко и премьер-министра Арсения Яценюка.

В принципе, ничего особенного в форме этих имѳн и фамилий нет, они вполне стандартны для украинского антропонимикона. Однако нет пределов для русской креативной игры! Активно обыгрываются имя и фамилия украинского президента. Сначала о его имени. На разных сайтах и блогах встречаются не столько «переделки», сколько качественные формы украинского имени *Петро*: *Петруччо*, *Петька*, *Петюня*, *Петюнчик*, *петрушка* (со строчной и прописной букв), *Петрюндель*, *Підро* (с понятной аллюзией, а также мимикрией к испанскому и итальянскому имени *Педро* в его «украинизированной» форме; см. ниже).

«Банановой» республике лучшие объѳдки со стола чумазого господина! Вон, на фото, Петрюндель стыдливо трезубец ладошкой прикрывает (РИА Новости. URL: <http://ria.ru/world/20151130/1333115260.html#ixzz3t31UcqNL> (дата обращения: 09.12.2015)). Эта экспрессивная

форма имени напоминает мне прозвище одного нашего преподавателя, бытовавшее в студенческой среде и упомянутое в дипломной работе моего студента о молодёжном сленге: *Карпундель*. Экспрессивная словообразовательная модель та же самая.

Форма (*Петрушка* обыгрывает сразу три номинации: народную форму квалитатива имени *Пётр*, имя комического персонажа-шута русского балаганчика, как нарицательное – название огородного растения.

Шут *Петрушка* созвучен ещё одному прозвищу П. Порошенко – *Петруччо*. Как «итальянизированное» оно соотносится с именем Пьетро Педрилло (Pedrillo), родом из Неаполя, любимого шута императрицы Анны Иоанновны. Одно из его прозвищ при дворе – *Петрушка*, именно он, как полагают, послужил прообразом для балаганного Петрушки (URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Педрилло> (дата обращения: 09.12.2015)). В русском жаргоне *педрило*, *педрилла*, *педруччо* (!) – «активный гомосексуалист, чаще всего заносчивый, агрессивный» (URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/педрилла (дата обращения: 09.12.2015)).

От имени Яценюка *Арсений* встречается только квалитатив *Сеня* (*Сенька*), но часто в таком контексте: *Кролик Сеня*, *Сенька-кролик*. Премьер-министр «заслужил» это прозвище благодаря следующей цепочке ассоциаций. Во-первых, он похож на Кролика, персонажа советского мультфильма о Винни-Пухе, а во-вторых, уменьшительное имя *Сеня* и *Кролик* сразу напоминают о Кролике Сене – кукольном персонаже из детской телепередачи «Спокойной ночи, малыши».

Фамилия украинского президента обыгрывается на сайтах в двух направлениях.

1. От формы *Порошенко* с сохранением звука Ш: *Парашенко*, далее, отталкиваясь от этого, обыгрывают созвучие с известным уголовным жаргонизмом – *Параша*, *Парашка*:

Да пёс с ним, с Парашей. В параше только одно содержимое, из которого он конфеты делает;

Бронетёмкин – ПОНОСЕЦ им в помощь, Парашка.

Значения арготического *параша* – «ночной горшок, отхожее место; что-то плохое, некачественное, грязное, невкусное и т.п. сплетня, слух» [Елистратов 2007: 278].

2. Фамилия *Порошенко* «естественным» образом трансформируется в *Поросёнка* с последующими игровыми осмыслениями: *Поросёнка* – *Поросёнок* – *Парасенок* – *Поросюк* – *Порося*. Несколько образцов с сайтов:

Поросёнка сказал в целом, что его страна отражает россиянскую агрессию и ИМЕННО ОТ ТОГО (и только от того) у них там полная экономическая задница. А так они и бедность сокращают, и за экологию борются, и в Европу хотят – но нету сил, потому что на молодую белую пушистую укропскую демократию напала злоеющая Россияния.

Владимир Пинаев, Пятачок, это ясно – поросёнка. Но кто такой Винни Пух? Каломойщик, что ли? (РИА Новости. URL: <http://ria.ru/world/20150908/1238619827.html#ixzz3vEUroQQe> (дата обращения: 13.12.2015)). *Каломойщик* – это, очевидно, олигарх Коломойский, бывший глава Днепропетровской области, стоящий в оппозиции к Порошенко.

На фото у Поросюка нос красный. То ли бухал неделю, то ли на Донбассе прищемили ему... (РИА Новости. URL: <http://ria.ru/world/20150509/1063537006.html#ixzz3ulNYPd7z> (дата обращения: 13.12.2015)).

Я попросил бы Порося быть пожёстче с этой евросятиной. Ещё годик два нам санкции нужны, для подъёма своей промышленности (РИА Новости. URL: <http://ria.ru/world/20151212/1340910076.html#ixzz3uBuYCz5S> (дата обращения: 13.12.2015)).

Игровые антропонимы первых лиц Украины увязываются и с внешностью этих субъектов, напоминающих домашних животных: *Кролик Сеня, Поросёнок Петька*. «Домашних» – видимо, в смысле, «прирученных» США.

3. Другие игровые вариации, построенные на фонетической (этимологической) мимикрии, обнаруженные нами в Интернете: *Порошок* (с возможным намёком на некие пристрастия этого человека, о котором на интернет-сайтах пишут, что он либо пьёт, либо нюхает, либо и то и другое вместе).

Попрошенко: в основе этого игронима, конечно, лежит известный факт постоянного пресмыкательства г-на президента перед США и Евросоюзом с просьбами хоть что-нибудь дать «бедной» Украине. Вот, например: *Сергей Стихарёв, все турчиновы, попрошенки, яйценюки и иже с ними! уедут из украины как только запахнет по настоящему, всё остальное будет уже не их делом! у них задача развалить остатки, раз не получилось ВЕЛИКУЮ ДЕРЖАВУ!!!!*

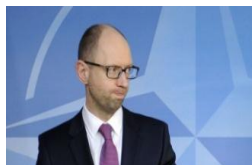
тянуть в свою гопниченскую войну! (РИА Новости. URL: <http://ria.ru/world/20160121/1362566827.html#ixzz3xs8dufyT> (дата обращения: 21.01.2016)).

Потрошенко – этот «игроним» связан уже, скорее всего, с известной ролью П. Порошенко в кровавых событиях «Евромайдана» и последующей «АТО» в Новороссии.

Пораженко – здесь, конечно, обыгрывается явный провал политики украинского президента практически на всех «фронтах»: и на юго-восточной Украине, и на политическом, и на экономическом и пр.

Обратимся теперь к фамилии премьер-министра. Фамилия тоже, в принципе, простая: с типичным украинским фамильным суффиксом *-УК* от квалитатива *Яц*, *Яцек* (польское влияние) от имени *Иван*. Иначе говоря, соответствует русским фамилиям типа *Ванькин*, *Ванечкин*, *Ванюшин* и пр. От имени *Иван*, между прочим, и фамилия бывшего президента Украины Януковича.

Однако российскому посетителю сайтов обычно это не известно. Внимание привлекает только внешняя, фонетическая форма фамилии. И первое, что пришло бы в голову любой креативной личности, русской ли, украинской ли – интерпретация начала этой фамилии как *Яйце-* (намек на особенности внешности). Поэтому самые распространённые варианты данного «игро-антропонима» – *Яйценюк*, а также *Яйценюх* (со вторичной игрой, о чём см. далее). Приведем один из новых примеров (игровая форма фамилии *Яйценюк* появилась в Сети ещё в бытность его спикером украинской Рады):

«И кем интересно был Яйценюк, медсестрой?»

В итоге той славной бравады Сени Яйценюка Украина перейдет от глубокого кризиса к гуманитарной катастрофе и беженцы двинутся на поиски счастливой жизни в Европу))) которая от всего этого весьма в восторге (РИА Новости. URL: <http://ria.ru/economy/20151113/1319802325.html#ixzz3vEGrAqLl> (дата обращения: 15.12.2015)).

Вариант *Яйценюх* ещё далее развивает исходный «посыл», акцентируя уже вторую часть фамилии украинского премьера. Конечно, концовка *-нюк*, типичная для украинских фамилий, не могла не преобразоваться в *-нюх*, особенно в «тандеме» с «яйцом». Кто был первый – опять же, Интернет умалчивает. Скорее всего, параллельно – разные посетители разных сайтов обнаружили это сходство, и возник такой

«игро-антропоним», весьма издевательский и намекающий на некоторые особенности его носителя. Игровая фамилия *Яйценюх* отмечена и в «раздельной» форме *Яйце Нюх*, и даже *Яйца Нюх*:

Яйце нюх введет мораторий на выплату по госдолгу тем самым официально и автоматом подпишет дефолт, чет я не пойму, они нас пугают своим дефолтом? Как-то не страшно (РИА-Новости. URL: <http://ria.ru/economy20151113/1319802325.html#ixzz3vEGKv3TT> (дата обращения: 15.12.2015));

Надеюсь, скоро этого Яйца Нюха отправят в такую отставку, где только и останется ему яйца выращивать (РИА-Новости. URL: <http://ria.ru/world /20151012/13406038.html#ix3u> (дата обращения: 15.11.2015)).

На сайте «РИА-Новости» есть и пользователь с подобным ником «Яйце Нюх» с соответствующей «аватаркой».

После известного скандала по «выносу тела» премьер-министра Арсения Яценюка с трибуны Рады депутатом от «Блока Петра Порошенко» (после предварительного вручения букета алых роз) появился новый «игро-антропоним» *Яйцеуцип*: *Был на Украине Яйценюх, а теперь он стал Яйцеуцип. Вернее, она* (11:38, 12.12.2015. РИА Новости. URL: <http://ria.ru/world/20151212/1340600248.html#ix-zz3uVo3LBET> (дата обращения: 15.11.2015)). Смысл этой игровой номинации очевиден по знаменитой фотографии и видеозаписи, ставшей основой также и для «фотоигр».

Теперь ещё несколько примеров ономастической игры со стороны противников современной России (в дополнение к тому, что было представлено в начале главы).

Следует добавить явный успех в Европе массовой пропагандистской кампании Кремля и Путинтерна по созданию «объединённой анти-террористической коалиции с участием России» (А. Илларионов. «Эхо Москвы». 19.11.15. URL: <http://echo.msk.ru/blog/aillar/1661276-echo/> (дата обращения: 04.12.2015)).

Игровое образование *Путинтерн* создано, конечно, по образцу ранее существовавших сложений *Коминтерн*, *Социнтерн* и особой креативностью не обладает.

Встречаются попытки, прежде всего, исходя из своего мнения о тоталитаризме в современной России, связать фамилию *Путин* с одиозной для русских фамилией Гитлера: *Путлер*, *Путлерюгенд*, *путлерята* (о молодёжном движении «Селигер» и вообще поддержи-

вающей В.В. Путина российской молодёжи). А молодёжи это совсем не нравится. Вот характерный отрицательный комментарий на сайте «Эхо Москвы» в очередном выпуске передачи Ю. Латыниной: *Я так понимаю, что Путин личный враг Латыниной. Из недели в неделю, на каждой передаче она ему кости полощет. То Путлером назовёт, то лохом, то ещё как-нибудь приласкает. «Бьёт», значит любит. По-любому она его хочет)))* (Сергей Горшков. 01:05. 12.12.2015).

Встречается нередко и такая форма фамилии, совсем уж невыразительная, которая чисто условно может быть названа «игровой»: *Путен*. Производные *путеноиды*, *путиноиды* – о сторонниках В.В. Путина. Замечу, что ещё в 90-е гг. был такой ярлык *ельциноид*, так что новая форма оригинальностью не отличается. От фамилии Путина, ленинградца, образован также «игротопоним» *Путенбург*. На сайте teenslang.su представлены ещё несколько образований, связанных с этой фамилией, но не все из них можно считать игровыми (URL: <http://teenslang.su/> (дата обращения: 04.12.2015)).

Известно, что этнонимы и речевые игры с ними широко используются в информационно-психологических войнах, а также вообще в политическом дискурсе как инвективные обозначения. В любом языке имеются уничижительные «этноклички» для именованья чужих и потому часто представляемых (реально или виртуально) враждебных народов. Не исключение и русский язык: *азеры*, *чурки*, *хачики*, *хохлы*, *жиды*, *америкосы*, *мерикосы*, *чухня* и пр. Вопрос в том, считать ли этнонимы именами собственными? С одной стороны, их написание со строчной буквы свидетельствует вроде о том, что это имена нарицательные. С другой стороны, термин *этноним* структурно и семантически аналогичен терминам *топоним*, *антропоним* и т.п. (*оним* – имя собственное). В латинском, греческом, польском, английском и во многих других европейских языках этнонимы принято писать с прописной буквы, как и прочие имена собственные (они́мы). Тот факт, что в русской орфографии они пишутся со строчной буквы, лексико-семантическую сущность этого класса слов не меняет.

По существующей орфографической традиции буду писать этнонимы со строчной буквы, хотя, например, один из «комментаторов» сайта «РИА-Новости» слово *Русские* пишет исключительно с прописной буквы, в чём, полагаю, он прав. Рассмотрим несколько подобных примеров.

Очевидно, что «этнокличка» *пиндосы* появилась чуть ранее «топонимов-кличек» *Пиндостан*, *Пиндосия* (*Соединённые Штаты*

Пиндосии), но относительно её происхождения есть различные мнения. Речь идёт об американцах, что понимают и европейцы, и латиноамериканцы, и африканцы, и жители азиатских стран. Отсюда и множественность версий. Вот несколько вероятных объяснений на сайте FB.ru (URL: <http://fb.ru/article/159669/slovo-pindosyi-otkuda-poshlo-pochemu-amerikantsev-nazyivayut-pindosami> (дата обращения: 10.12.2015)).

- Сербская версия. *Пиндос* по-сербски значит «пингвин». Так прозвали сербы американских морских пехотинцев, которые во время войны в Сербии неуклюже ковыляли в полной амуниции, словно пингвины во льдах.

- Латиноамериканская версия. Американских военных во многих странах Латинской Америки называют по-испански *pendejos*, что значит «идиоты, болваны», откуда и пошло русское *пиндосы* (есть и вариант *пендосы*).

- Русская версия. Во время инцидента в Косово в 1999 г. русские десантники вошли в аэропорт Слатина (Приштина). Получилось это настолько для НАТО неожиданно, что вызвало шок. Сербское население поддерживало русских, они и объяснили десантникам, почему американцы – «пиндосы». Генерал Евтухович, командующий российскими миротворцами, обратился к офицерам и солдатам с призывом, в котором прозвучала следующая фраза: «Не называйте пиндосов пиндосами». Понятно, что тем самым он буквально намертво впалял обидное прозвище в американских военных. Теперь же оно прилипло и ко всем жителям этой страны.

Впрочем, есть версия, изложенная блогером с ником «Мастерок»:

«**Пиндос** – заимствование из древнегреческого. Этимологически слово происходит от названия хребта Пинд. Во времена расцвета Древней Греции слово “пиндос” (греч. Πίνδος) служило названием для жителей полисов, являвшихся членами Делосской лиги. Впоследствии Πίνδος стало одним из самоназваний греческих колонистов. В русской культуре имеет два значения. Первое пришло с Юга России, где с давних пор слово “пиндос” использовалось в качестве национального прозвища черноморских греков-поселенцев (“грек-пиндос – солёный нос”). Появление этого слова отражает историю довольно непростых взаимоотношений русских и греков на территориях совместного проживания. Об этом свидетельствует одна из тогдашних шуток: “Хохла обманет цыган, цыгана обманет еврей, еврея обманет армянин, армянина обманет грек. Грека же обманет только черт, да и то если ему Бог поможет”.

Так оно и вышло: уже в XIX веке пиндосами стали называть черноморских и азовских греков. Выражение “грек-пиндос” встречается в одном из рассказов Чехова. Далее самое забавное. В период между Первой и Второй мировыми войнами слово “пиндос” прижилось в американском сленге: так называли всех низкорослых и черноволосых выходцев с Балкан (греков, румын, болгар) и юга Италии.

На протяжении XX века слово утратило свое первоначальное значение национального прозвища практически повсеместно, кроме мест, граничащих с компактными проживаниями греков на Черноморском побережье, в Казахстане и в ряде других регионов СССР. Вновь обретенными и более распространенными значениями стали сначала “любой южный инородец”, а в дальнейшем, как следствие, и “слабый физически и морально, безынтересный человек, слабак, бестолочь”. Именно последнее значение этого слова (иногда в силу особенностей распространения сленга, звучавшее как “пендос”) и получило наиболее широкое распространение в русской речи.

В 1999–2000 гг. слово “пиндос” вновь возрождается в русском языке столь мистическим образом, что поневоле начинаешь верить в существование национальной памяти на генетическом уровне и проявляющей себя порой вот таким весьма загадочным способом. *Ходит такой американский вояка, переваливается, ноги гнутся плохо, голова в плечи втянута – пингвин пингвином. Вот их сербы и прозвали “пиндосы”. Пиндос на сербохорватском – “пингвин”.* Один из редких примеров, когда национальное прозвище, существующее столетия, сменило объект своей насмешки с одного народа на другой» (URL: <http://masterok.livejournal.com/1179564.html> (дата обращения: 10.12.2015)).

Не вдаваясь особенно в комментарии, замечу всё же, что по-сербски «пингвин» будет *пингвин*, а не *пиндос*. Скорее всего, косовские сербы использовали бытующее на Балканах слово в экспрессивных смыслах, перенесли его на американских морпехов, используя и приём фонетической (или, скорее всего, этимолого-фонетической) мимикрии: *пиндос* – *пингвин*. Такой вот обратный дериват.

Ещё один пример. Где-то в 2013 г. в Интернете появляется несколько странный вариант «этноклички» *хохлы – каклы*. Не устоялась ещё и форма единственного числа: одни пишут *какОл*, другие – *какл*. Мы не нашли объяснение этой форме, но звучит, несомненно, более оскорбительно (аллюзия к *какать*, *какашка?*), чем уже привычное и потому несколько утратившее свою экспрессивность *хохлы*. Экспрессивный потенциал слова, как известно, со временем заметно уменьшается.

Резюме. Имеющийся в нашем распоряжении весьма большой материал по ономастическим играм в пространстве российского Интернета, который полностью или хотя бы в более значительном виде представить и проанализировать в формате данной работы невозможно, позволяет сделать главный, на мой взгляд, вывод. Наш русский язык, «великий, могучий и богатый», более чем какие-либо иные европейские языки, креативный в игровом пространстве коммуникации на любом уровне.

3.4. Идеологема «Путин – лидер нации» в СМИ России и Франции

Информационная война ведётся на всех национальных и геополитических фронтах – с этим трудно спорить. Целью данной публикации является показать, как то, что выступает оружием информационной войны для французских политических сил, в данном случае – войны со сторонниками североамериканского политического блока, во внутренней информационной войне в России становится мишенью воздействия. Речь идёт о концепте национального единения под эгидой сильного лидера – ЛИДЕР НАЦИИ, который в последнее время устойчиво ассоциируется с концептом ПУТИН, формируя своеобразную идеологему. Рассмотрев дискурсивные стратегии и тактики использования данной идеологемы в качестве орудия разрушения доверия к западным политическим лидерам во французских СМИ, мы постараемся показать, какие стратегии и тактики используются в российских оппозиционных СМИ для разрушения как самих данных концептов, так и их устойчивой связи в русском национальном сознании для уничтожения национальной идентичности русских.

1. Понятие информационной войны: от метафоры к реальности

Термин «информационная война» был впервые употреблён в 1967 г. А. Даллесом («Тайная капитуляция») в контексте описания тайных сепаратных переговоров между США и Великобританией, с одной стороны, и рейхсфюрером СС Гиммлером – с другой,

в значении «личные, разведывательные, диверсионные действия по подрыву тыла противника» [Панарин 2008]. В дальнейшем терминологическое сочетание превратилось в одно из ключевых слов эпохи холодной войны, став манифестацией концептуальной метафоры в духе Дж. Лакоффа и М. Джонсона, где в качестве области-источника был использован ещё живой в опыте поколения образ реальных военных действий, а областью-мишенью стал новый феномен, рождённый в недрах постиндустриального общества, – обеспечение максимального контроля над определенной территорией, группой людей, обществом или его частью, которое достигается планомерным информационным воздействием через манипуляцию общественным сознанием и формирование «нужного» общественного мнения с помощью широкого спектра специальных средств и методов [Иванов 2015: 22]. Сегодня мы можем наблюдать то, что управление мнением индивидов приводит в действие совсем не умоглядные, а вполне материализованные механизмы агрессии, насилия, приводя к многочисленным жертвам. Информационная война становится реальностью материальной. Ален Д. Кампен, составитель сборника «Кибервойна: безопасность, стратегия и конфликт в информационную эпоху» [Campen 1992: 12], написал о вооружённом конфликте в Ираке: «Война в Заливе стала войной, в которой унция кремния в компьютере дала больший результат, чем тонна урана». Таким образом, сегодня семантическое движение термина «информационная война» идёт по пути реификации – опредмечивания метафоры.

Будучи рассмотрена на первых порах как явление внешнеполитическое, как противоборство двух конфликтующих государств, сегодня информационная война трактуется также и как совокупность действий, осуществляемых на внутривнутриполитической арене «против политики конкретного правительства приверженцами групп и движений, связанных, например, с религиозными вопросами, проблемами охраны окружающей среды или защиты гражданских прав» [Балуев 1998: 6].

Информационная война, являясь специфическим видом деятельности, имеет определённую структуру, номинация компонентов которой продолжает метафорическую линию: субъект информационной войны – общности людей (нации, государства, коллективы компаний) [Почепцов 2000а], объект – массовое сознание, сознание нации или какой-либо целевой группы [Сковородников, Королькова 2016], мишень – один из элементов той информационной системы, коей является объект, «имеющий потенциальные

ресурсы для перепрограммирования на достижение целей, чуждых данной системе» [Пискун 2010: 212]. Иначе говоря, в качестве мишени информационно-психологического воздействия может выступать та или иная структура массового, национального, группового сознания: концепт, фрейм, сценарий. В данной публикации мы сосредоточимся на том, какими дискурсивными средствами (речевыми, жанровыми, паратекстовыми) происходит воздействие со стороны субъектов внутренней информационной войны на такую мишень русского национального сознания, как идеологема ПУТИН – ЛИДЕР НАЦИИ. Продолжая перечисление компонентов структуры информационной войны, упомянем также оружие информационной войны – элемент, который внедряется в массовое, национальное, групповое, личное сознание, дабы разрушить или перепрограммировать одну из его составляющих, и приём информационной войны – то, каким образом упомянутый элемент внедряется для разрушения мишени (вербально, невербально, паравербально, с привлечением каких дискурсивных средств). В настоящей статье мы рассмотрим, как концептуальная амальгама ПУТИН – ЛИДЕР НАЦИИ становится оружием информационного воздействия на французской внутривнутриполитической арене.

При этом уточним, что под концептом мы понимаем «оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона» позволяющую хранить знания о мире, как «строительный элемент» концептуальной системы, способствующий «обработке субъективного опыта путем проведения информации под определенные категории и классы» [Краткий словарь... 1996: 90].

Под идеологемой, в свою очередь, понимается единица когнитивного уровня – особого типа многоуровневый концепт, «в структуре которого актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие в себе коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах» [Малышева 2009: 35].

2. Методология исследования

Стратегии и тактики политической коммуникации являются одним из основных предметов изучения в современной коммуникативной лингвистике, а способы организации воздействия в политическом дискурсе широко исследуются в рамках отдельного направления, выделившегося в проблемном поле дискурс-анализа, – политической лингвистики. Сегодня мы можем наблюдать разнообразие школ

и подходов к анализу политической коммуникации, политического дискурса. В рамках отечественной коммуникативной лингвистики – это ставшие классическими работы О.С. Иссерс по стратегиям и тактикам политической дискредитации в российских СМИ [Иссерс 1997]. В контексте Екатеринбургской школы политической лингвистики под руководством А.П. Чудинова политическая коммуникация изучается с использованием методологии когнитивного моделирования таким образом, что в фокусе исследования оказываются концептуальные метафоры, организующие политический дискурс [Чудинов 2006; Будаев 2007]. Однако нижеследующий анализ выполнен с опорой на методологию, разрабатываемую в недрах критического дискурс-анализа в том его ответвлении, идейным вдохновителем которого является Т. ван Дейк. Согласно исследовательской модели Т. ван Дейка [Dijk 1997; Dijk 2009], аналитическая процедура работы с политическим дискурсом должна ответить на вопрос, чья власть воспроизводится посредством данного дискурса и каким арсеналом средств это делается. Среди последних выделяется «этажированная» номенклатура: 1) макропропозиции – самые общие утверждения, которые отстаиваются «строителями» дискурса, в том числе при помощи моделирования структур знания; 2) схематические стратегии, представляющие собой 2а) темную и микротемную структуру дискурса, 2б) его композиционную организацию, 2с) средства локальной семантики, которые базируются, как правило, на имплицитных смыслах и семантических компонентах (имплицитные пресуппозиции, инференция, кореференциальные цепочки), 2д) лексико-грамматические средства (выбор действительного/страдательного залога, единственного/множественного числа, временных планов, лексико-семантических полей, тематико-семантических групп), 2е) риторические средства (тропы и фигуры), доминирующие виды речевых актов.

Просмотренные «по вертикали» все вышеперечисленные средства воспроизводят власть и влияние определённой политической группы. Отдельно выделяются такие разновидности дискурсивных стратегий, как когнитивные и схематические стратегии, а средства более «низкого» уровня представленности рассматриваются лишь как инструменты выявления первых. В данной публикации мы будем выделять не только когнитивные и схематические дискурсивные стратегии, но и семантические дискурсивные стратегии, подчёркивая тем самым, что зачастую в политических дискурсах «сила влияния» формируется как раз на уровне семантического сцепления,

фокусировки на имплицитном. Риторические и лексико-грамматические средства будут проанализированы «внутри» каждой из стратегий как инструменты их реализации.

3. Идеологема ПУТИН/ЛИДЕР НАЦИИ как оружие информационной войны на французской политической арене: дискурсивные стратегии и тактики применения

Осознав, пожалуй, раньше, чем многие другие государства, силу власти дискурса, Французская Республика традиционно много внимания уделяет формированию общественного мнения, воздействию на массовое сознание [Соловьёв 2010: 79]. Сегодня в центре информационной баталии находятся, если несколько упростить ситуацию, два противоборствующих лагеря: левые, считающие, как Андре Глюксман, что вольтерьянская схема развития человеческого общества исключительно через обмен и коммуникацию вне и без каких бы то ни было границ должна по-прежнему быть идеалом для Европы, которая в будущем станет местом самого свободного и безграничного обмена мыслями, благами, традициями, какое только может существовать [Glucksmann 2015]; и правые, утверждающие, вслед за идейным лидером Марин Ле Пен, что «деньги налогоплательщиков должны использоваться на благо самих налогоплательщиков и их регионов», что «Франция не отдаст ни копейки подпольным мигрантам», что страна нуждается, наконец, в сильном национальном лидере.

Именно для последних из упомянутых политических сил идеологема ПУТИН – ЛИДЕР НАЦИИ является сильнейшим оружием для разрушения в национальном сознании идеологием французской демократии и вольтерьянского «общего сада». В качестве материала для анализа дискурсивных средств внедрения данной идеологемы мы используем 8 статей, опубликованных в 2014–2015 годах в ведущих французских изданиях «LeFigaro», «L'Express», «Libération», «Paris Match», «Les Affaires» и посвящённых политической фигуре российского президента.

Схематическая стратегия «имитации культурно релевантных текстов»

Для мировосприятия французов, прошедших через все тернии строгого школьного и университетского образования, где чтение, интерпретация и запоминание цитат из классических текстов великих авторов, прежде всего античности, занимает наиважнейшее место (так называемые «традиции аналитического чтения»), намёк на античные образцы является очень узнаваемым и позволяет чита-

телям быстро категоризировать новую ситуацию, встроив в известный прецедентный контекст, коннотативно положительный. Так, в статье «Poutine, Orban: pourquoi les autocrates séduisent à l'Ouest» (Путин и Орбан: почему сильные лидеры так привлекательны для Запада») политолог и журналист Каролин Галактерос (Galactéros – F.), решая задачу внедрения положительно окрашенного концепта ЛИДЕР НАЦИИ, ассоциируемого с фигурой ПУТИН, в картину мира французов, использует композицию древнегреческой комедии, где сюжет зиждется на невероятном проекте, который хотят воплотить в жизнь пара смельчаков (например, в комедии Аристофана «Птицы» – создать царство птиц между небом и землёй). Естественно, что у реализации плана есть противники. Действие греческой комедии разворачивается на сцене, где хор, разделённый на две противоборствующие стороны (каждая по 12 человек), общается между собой и с актёром, который комментирует суть конфликта для публики. В середине пьесы наступает время «агона», когда противники вступают в открытый конфликт, начинается потасовка, свалка, смельчаки побеждают, их план оказывается осуществлён, а привычный порядок – перевернут. В дальнейшем раскрываются последствия этого переворота, как правило – благотворные.

Каролин Галактерос как раз и начинает текст с представления смельчаков, не называя их имён, но референциальный намёк предельно ясен благодаря заголовку и фото Путина и Асада в момент рукопожатия: *Comme les **grands fauves**, survivants incompris et **pourchassés** d'un temps révolu, **ils se sentent, se reconnaissent, se respectent**, même dans l'opposition farouche, et d'une certaine façon aussi **se serrent les coudes**. **Ils méprisent souverainement** la faiblesse de leurs interlocuteurs qui leur parlent morale pour masquer leur idéalisme impuissant ou leur cynisme au petit pied. **Ils tiennent pour indispensable la centralité de la décision et l'autorité** sur leur «peuple» qu'ils ne réduisent pas à une «population» mais entendent guider vers un horizon de **puissance** et d'**influence** peut-être contestable mais au moins défini et clair* (Выжившие, но так и не понятые, загнанные в угол сменой эпох, они, как сильные хищники, чуют друг друга, уважают, даже находясь в противоборствующих лагерях, и, так сказать, держатся вместе. Они, как и следует суверенам, презирают мягкотелость своих собеседников, рассказывающих им о нравственности и морали единственно для того, чтобы скрыть своё бессилие или цинизм. Они уверены в том, что решения должны приниматься единолично ими, а народ, – заметьте, не «насе-

ление», – должен осознавать силу власти, той власти, которая ведёт его к ясно различимым, хотя и спорным, с точки зрения некоторых, идеалам мощной и влиятельной нации).

Через сравнение, переходящее в развёрнутую метафору («как мощные хищники», «загнанные», «они чувствуют друг друга, узнают, уважают, держатся вместе»), создаётся предельно маскулинный образ диких животных. Маскулинность подчёркивается анафорическим повтором в начале нескольких предложений местоимения 3 л., множ. числа, мужского рода *ils*, а также субстантивными лексемами ‘управление’ (*décision*), ‘власть’ (*autorité*), ‘мощь’ (*puissance*) ‘влияние’ (*influence*).

Затем представляется другая сторона – западные демократии, олицетворяющие женское слабое начало, на что намекает, хотя и грамматически оправданное (демократии – женского рода), анафорическое употребление местоимения 3 л., множ. числа, женского рода *elles*: *Elles prétendent incarner le stade abouti du Progrès humain, du Vrai, du Juste et du Bon, mais sont en pleine crise sociale, morale et politique. Elles prennent de plein fouet l'affirmation de pouvoirs plus directs, confiants et déterminés qui leur jettent le gant et remportent la mise* (Им кажется, что они олицетворяют собой наиболее совершенную стадию человеческого развития, идеалы Истины, Справедливости и Добра, но сами они находятся в глубочайшем нравственном, социальном, политическом кризисе. Они ведут неприкрытую борьбу с государствами, где власть сильна, определённа и уверена в себе, и бросают этим демократиям вызов, который те принимают). Сходство с греческой трагедией ещё более усиливается благодаря абсолютизации и аллегоричности представления таких качеств, как Прогресс, Истина, Справедливость, Добро (*du Progrès humain, du Vrai, du Juste et du Bon*) через использование прописной буквы. Идея противоборства двух сторон актуализируется глаголами с семой противостояния, борьбы: ‘ведут неприкрытую борьбу’ (*prennent de plein fouet*), ‘бросают им вызов, который те принимают’ (*leur jettent le gant et remportent la mise*).

В центральной части статьи политолог всё более повышает «градус» накала страстей и даёт слово (при помощи несобственно-прямой речи) агрессивно настроенным западным политикам, с возмущением вопрошающим относительно сильных восточных лидеров, прежде всего Путина: *Comment font-ils pour rester au pouvoir en dépit de tant de morgue et deviolence? Pourquoi diable leurs peuples les soutiennent-ils avec ferveur? Arriérés sans doute, n'ayant pas encore vu la lumière!* (Как

им удаётся – так и оставаться у власти, несмотря на всё их высокомерие, на насилие, которое они применяют? Почему, чёрт возьми, их так поддерживает народ? Их, недоразвитых и тёмных?). Начинается «агон» античной комедии – свалка, перебранка конфликтующих сторон, как бы передаваемая голосом журналиста.

Об очевидной победе смельчаков – сильных лидеров восточных наций – свидетельствует перечисление тех благотворных последствий, которые имеет их видение мира и их поведение: *sa popularité ne faiblit pas (его (Путина) популярность не ослабевает), il a conscience que l'Histoire est la chair même d'une nation (он осознаёт, что История это плоть нации), il fait de la politique... en Russie et désormais au Moyen Orient (он вершит политику в России... и отныне на Ближнем Востоке).*

Заканчивается текст статьи, как и греческая комедия, так называемой второй парабасой, когда хор обращается к зрителям со своего рода моралью. В тексте статьи это призыв к изменению мировоззрения в сторону принятия идеи сильного лидера нации: *Chaque Etat, tous les Etats, ont besoin de figures politiques de l'autorité et de la responsabilité, imparfaites mais qui assument leurs choix et essaient d'incarner leur vision dans une action politique ambitieuse (Каждое государство, все государства нуждаются в сильных политических фигурах, способных взять на себя ответственность, несовершеннолетних, но имеющих смелость принять решение и без колебаний воплощающих свои амбициозные идеи в политической реальности).*

Два концептуальных признака – «сила» и «последовательность / продолжение национальных традиций» – рассматриваемой идеологии ПУТИН – ЛИДЕР НАЦИИ могут актуализироваться одновременно посредством дискурсивных стратегий разного типа. Так, в интервью политолога Жана-Франсуа Колозимо (Colosimo – F.) изданию «Фигаро» наблюдаем **изоморфизм семантической и схематической стратегий**: в тексте интервью неоднократно появляются лексические единицы с компонентами «последовательность», «повторяемость», «связность», «цельность»:

Le coup vient donc de loin. Une fois de plus, ce qui frappe est la détermination et la brutalité avec lesquelles Vladimir Poutine l'administre (Таким образом, этот удар имеет предысторию. И всякий раз удивляет то упорство и та прямота, с которой Путин его применяет).

<...> Pour ce faire, il démontre une capacité d'analyse et de réflexion froide, suivie d'une action stratégique menée avec une détermination systématique qui tranche avec les atermoiements des Européens et des

Américains (Чтобы этого достигнуть он (Путин) демонстрирует недюжинные способности к хладнокровному анализу и расчёту, сочетающиеся с активными действиями, систематически ведущимися в соответствии с избранной стратегией, что выгодно отличает Путина от европейских и американских лидеров);

<...> sa politique intérieure et sa politique extérieure sont en cohérence (его внешняя и внутренняя политика взаимосвязаны).

Одновременно в тексте статьи поступки В. Путина всегда даются в сопоставлении с исторической ретроспективой, начиная с внешней политики Екатерины Великой и заканчивая эпохой Советского Союза, периодом холодной войны, а затем перестройкой и крушением берлинской стены; таким образом намечаются логические цепочки, объясняющие те или иные поступки и решения национального лидера в соответствии с историческими траекториями развития России, а не в логике личных спонтанных резолюций или прихотей.

Семантическая дискурсивная стратегия «удвоения» образа сильного лидера путём создания ореола сексуальной привлекательности реализуется за счёт средств локальной семантики, имплицитной интертекстуальности и семантической фигуры каламбура. Например, газета «L'Express» помещает в номере за 04.11.2015 [Forbes–Ex.] информацию о том, что В. Путин в третий раз подряд стал самым влиятельным человеком в мире по версии журнала Forbes. Во французском языке лексема *homme* имеет два основных значения: 1) человек и 2) мужчина. В заголовке и лиде статьи кореференциальной номинацией В. Путина является *l'homme le plus puissant du monde* ('самый могущественный человек в мире'), но уже в первом абзаце статьи появление антонимичной пары *homme/femmes (des hommes et des femmes les plus puissants)* актуализирует второе значение лексемы 'мужчина', что получает семантическое продолжение во второй части фразы в интертекстуальном включении, заимствованном жёлтой прессой и популярными изданиями из текстов по зоологии: *«le président russe Vladimir Poutine reste le mâle dominant de la planète» (русский президент В. Путин продолжает оставаться доминантным самцом всей планеты)*. Актуализация этого второго значения лексемы *homme* ('мужчина') позволяет внимательному читателю увидеть второе значение в заголовке статьи, который может быть понят и как «По версии Forbes Путин – мужчина с самой сильной потенцией в мире...», поскольку предикативная лексема *puissant* имеет в современном употреблении и значение 'сексуально сильный'.

На когнитивном уровне внедрение положительно окрашенного концепта ЛИДЕР НАЦИИ происходит за счёт его аффилиации (**когнитивная дискурсивная стратегия аффилиации**), например, со сценарием ВИЗИТ ПРОСИТЕЛЯ К ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОМУ ХОЗЯИНУ, в который вовлечены Николя Саркози («Сарко», как зовут его французы) и Владимир Путин. Так, один из репортажей о встрече Н. Саркози и В. Путина помещается в рамку известного универсального сценария, вследствие чего каждый элемент описания встречи получает новое значение.

Следует подчеркнуть, что Н. Саркози является одним из тех политиков, кому французы симпатизируют в наименьшей степени. Накануне президентских выборов 2012 года всё тот же журнал Forbes писал о нём [Forbes – S.]: «Французам очень не нравился стиль правления президента – “сумасшедший” и “дерганый”. Им не понятна его слишком переменчивая позиция». В статье от 30.10.2015, рассказывающей о визите Н. Саркози в Москву, Шарль Жэг в «LeFigaro» [Jaigu – F.] следующим образом формулирует заголовок: «В гостях у Владимира Путина Николя Саркози хлопочет о разрядке международной напряжённости». Интересна в этом отношении роль визуального компонента статьи – фотографии, запечатлевший один из моментов визита. Как отмечает А.Я. Сарна [Сарна 2012: 164], «визуальный текст предстаёт как сложный организованный феномен, способный объединить различные средства репрезентации (знак, символ, образ, метафору, “визиотип” и пр.), которые воспринимаются как осмысленное сообщение, определённым способом доносящее информацию до реципиента с помощью изображений». На анализируемом изображении в фокусе находится фигура Н. Саркози, спокойно сидящего на стуле напротив В. Путина. Поза бывшего президента Франции напоминает позу послушного милого ребёнка в гостях: его руки сцеплены вместе и лежат на коленях, взгляд опущен, он застенчиво улыбается. Таким образом формируется макропропозиция дискурса: наконец нервный Саркози успокоился и присмирел пред очами Хозяина.

В дальнейшем тексте статьи актуализируются следующие этапы сценария: ожидание Хозяина (*il a attendu sept minutes – он прождал семь минут*), знание его привычек и характерных черт (опаздывать на встречи – это одна из путинских привычек: *le retard aux rendez-vous est une habitude poutinienne*; путинским вкрадчивым голосом: *de sa voix fluette*); получение оценки своих действий от Хозяина (В. Путин Н. Саркози: *Я видел, что все были под впечатлением*

Рис. 1. Фото из статьи Шарля Жэга (Jaigu – F.)

твоей речи...Она была высоко оценена как во Франции, так и за рубежом). Импликатура привлечения такого сценария для контекстуализации новости достаточно прозрачна: Франции нужен такой сильный лидер, перед которым даже взбалмошным политикам, подобным Саркози, приходится присмиреть.

Когнитивная стратегия рефрейминга реализуется в большинстве проанализированных статей. Рефрейминг – когнитивная операция трансформации уже сложившегося представления о некой ситуации, положении дел (его участниках, их действиях и качествах) в некое другое упорядоченное представление-схему, производимая, как правило, при помощи механизма концептуальной метафоры. Традиционно, начиная с эпохи перестройки, образ и деятельность российских политиков концептуализировались в западном политическом медийном дискурсе в рамках «неспортивных» фреймов РАЗВЛЕЧЕНИЯ ПРИ КОРОЛЕВСКОМ ДВОРЕ, ЦИРК, ДИКАЯ ПРИРОДА, поскольку Б. Ельцина, например, называли во франкофонных СМИ эхом, повторявшим слова американских изданий [Carley – V.], *le fou du roi* («дурачок при дворе короля»), а Путина, олицетворявшего собой Россию, изображали безжалостным агрессивным медведем, который, вырвавшись из-под контроля «западных дрессировщиков» (см. рис. 2–3), может разорвать на части Европу.

В то время как для концептуализации в массовом сознании деятельности западных политиков устоявшимся фреймом является фрейм ИГРА В ШАХМАТЫ, где политики и их соперники – игроки, просчитывающие наперёд свои решения, а ходы – политические акты, действия. Интересно, что, с момента начала активных

Рис. 2. Путин и Обама

Рис. 3. «Это просто самозащита»

действий России в Сирии, в рамках именно такого когнитивного контекста конструируется во французских СМИ и образ российского президента. Например, Андре Беркоф (Bercoff – F.) в «Фигаро» назвал свою статью «Пока Путин играет в шахматы, Олланд дуется в карты», тем самым играя на повышение российского президента, который хладнокровно и умно вершит мировую политику, и одновременно – на понижение Ф. Олланда, бесцельно тратящего время на ничего не значащие рокировки. Политолог и журналист Винсент Депорт начинает статью «Routine, le terrible» («Этот ужасный Путин») в газете «Либерасьон» (Desportes – L.) с предикатива: *Vladimir Poutine est un maître en stratégie, un champion au jeu d'échecs. Il excelle dans ces domaines où nous nous contentons du rôle de candides, incapables même de retenir les leçons de l'histoire* (Владимир Путин – мастер стратегии, чемпион по игре в шахматы. Он одерживает победы там, где нам уготована лишь роль простаков, неспособных

даже припомнить уроки, которые уже преподала нам история). Находим аналогичные аллюзии и в других статьях. Так, в уже упомянутом интервью политолога Жана-Франсуа Колозимо изданию «Фигаро» присутствует метафорический образ политика-шахматиста: *Là où Poutine profite de la faiblesse de la position occidentale et renverse habilement l'échiquier, c'est lorsqu'il demande si al-Qaïda est préférable à Daech (Когда Путин ставит вопрос о том, лучше ли Аль-Каида, чем ИГИЛ, он пользуется уязвимостью позиции западных политиков и умело меняет расстановку сил на шахматной доске)*. Однако следует признать, что в одних и тех же контекстах можно зачастую наблюдать конкуренцию двух метафор, восходящих к разным фреймам: ПУТИН – МЕДВЕДЬ, ПУТИН – ШАХМАТИСТ. Например, в интернет-издании «Деловой мир» журналист Франсуа Норман (Normand – Af.) начинает статью, называя Путина «гроссмейстером, терпеливо продвигающим вперед свои пешки вот уже 15 лет» (*Tel un maître d'échecs, Vladimir Poutine avance minutieusement ses pions depuis 15 ans*), однако в дальнейшем тексте, описывая поведение В. Путина на внешнеполитической арене, вновь возвращается к фрейму ДИКАЯ ПРИРОДА: *La donne a toutefois changé en 2014, quand l'ours russe blessé a sorti ses griffes (Политический расклад тем не менее изменился в 2014-м, когда раненый русский медведь выпустил свои когти)*.

Таким образом, мы можем наблюдать, как идеологема ПУТИН – ЛИДЕР НАЦИИ претерпевает рефрейминг, будучи перенесена из концептуализирующего дискредитирующего контекста дикой природы (Путин – медведь) в более привычный для концептуализации европейского политика, а потому – «повышающий» контекст интеллектуальной игры (Путин – шахматист).

Таким образом, в рассмотренных нами случаях схематические, когнитивные и семантические дискурсивные стратегии служат средством внедрения в массовое сознание французов идеологемы ПУТИН – ЛИДЕР НАЦИИ в целях дальнейшей её адаптации в национальной картине мира в позитивно-оценочный концепт СИЛЬНЫЙ ЛИДЕР НАЦИИ. Обсуждаемая идеологема служит оружием информационной войны правых политических сил против левых и центристов. При этом подчеркнем, что отмеченные нами дискурсивные стратегии затрагивают в основном уровень знаний потенциальных реципиентов текста – французов: знания о традициях построения античных текстов, знания о сценарии прецедентной ситуации «визит просителя к хозяину», ставшей, кстати, одним из «бродячих сю-

жетов» как фольклорной, так и классической литературы, типичные фреймы, в рамках которых структурируются действия политиков.

Идеологема ПУТИН – ЛИДЕР НАЦИИ как мишень информационной войны в российских СМИ

В отечественных оппозиционных СМИ наблюдается обратный процесс – процесс разрушения идеологемы ПУТИН – ЛИДЕР НАЦИИ. Рассмотрим несколько типичных дискурсивных стратегий на примере дискурсивного пространства оппозиционных изданий «Сноб» и «Новая газета», а также интернет-сайта радиостанции «Эхо Москвы»; в последнем случае проанализированные ниже тексты были взяты нами из рубрики «Блог», представляющей собой реакцию одного из обозревателей радиостанции на актуальные для новостной ленты события, высказанную в форме небольшого текста объёмом 2000–3000 знаков. Временные промежутки публикации проанализированных дискурсов очень значимы – один приходится на первую неделю, прошедшую после авиакатастрофы над Синайским полуостровом, а второй – на середину декабря 2015 года, когда В. Путин провёл ежегодную пресс-конференцию по итогам года.

Итак, в дальнейшем анализе мы постараемся показать, как идеологема ПУТИН – ЛИДЕР НАЦИИ, став мишенью информационной войны, последовательно разрушается в массовом сознании при помощи ряда дискурсивных стратегий разного уровня.

Одной из действенных **когнитивных дискурсивных стратегий** является стратегия «логической манипуляции», когда журналист вербализует серию логических посылок, из которых вытекают нужные автору и разрушительные для «мишени» выводы. При помощи такой стратегии достигаются одновременно две цели: 1) у читателя создаётся ощущение рациональности, логичности, а значит, благодаря универсальной концептуальной метафоре КОНТРОЛЬ (РАЦИО) – ВЕРХ, ЭМОЦИЯ – НИЗ [Lakoff, Johnson 1980], – правильности получаемого вывода; 2) автор защищает себя от юридических рисков – имплицитные им выводы формулируются самим читателем. Рассмотрим следующий фрагмент статьи «А зачем вам Путин?» из рубрики «Блог» под авторством Антона Ореха (Орех – ЭМ.):

Сказать по совести, я и не ждал от Путина никакой особой реакции на гибель десятков пассажиров самолета, в большинстве своем, кстати, его земляков. И не понимаю, почему кто-то так сильно на эту реакцию рассчитывал. Да и зачем она вам? Какие невероятные слова вы хотели услышать? Соболезнования, заверения?

Я не помню, чтобы Путин как-то регулярно по таким поводам выступал с обращениями. Во-первых, он не любит, когда его имя и его лицо возникают на фоне трагедий, поражений и просто неудач. Для таких случаев пригодятся министры, МЧС, премьер Медведев, еще кто-нибудь. А Путин будет ловить тигров, поднимать со дна амфоры или играть в хоккей. А во-вторых, люди его типа вообще не знают, как вести себя в подобные моменты. Это даже не какое-то отрицательное качество, а просто особенность характера. Не даются человеку искренние проявления доброты, сострадания, печали. Такие люди считают, что всегда должны выглядеть сильными. Что показать свои чувства – значит, проявить слабость, а слабыми они быть не имеют права. Просто такой человеческий тип. <...>

Вообще, пора уже перестать нам по всякому поводу ругать и хвалить президента Путина. Случилась беда – виноват Путин, он за все в ответе. Улыбнулась удача – спасибо ему за наше счастливое детство, без него и лыжники не пробегут, и стерхи не перезимуют, и России без него не будет, в конце концов. Погиб самолет. Погибли люди. И нам не слова Путина нужны, а скорейшее расследование. Нам надо знать точные причины крушения, чтобы другие самолеты не разбивались. Конечно, надо поддержать семьи погибших. Тем более что многие семьи потеряли сразу нескольких близких людей.

Проанализируем логику построения дискурса.

Имеются компоненты Z , не- Z , X и Y . Компонент Z задаётся на уровне прагматической пресуппозиции, фоновых знаний коммуникантов: Z (крушение самолёта) – это событие, которое каждого касается. Компонент не- Z определяется контекстуально относительно Z – это события, которые имеют значение только для конкретного «обычного» человека или его окружения (играть в хоккей, поднимать амфору и т. д.). Компонент X так же, как и Z , задаётся на уровне прагматической пресуппозиции – реакция, поступок, которые естественны для каждого человека в заданном типе ситуации. Y – это Путин.

Дальше автор употребляет череду внутренних предикатов (предикатов, фиксирующих некоторое положение дел, доступное наблюдению только самого субъекта, что, как правило, связано с внутренними мыслительными процессами) в конструкциях отрицания: *я не ждал, я не понимаю, я не помню*. Наличие таких внутренних предикатов сразу же позиционирует автора текста как некоего «пророка», вещающего сокровенные истины, доступные только его внутренне-

му «оку». В связи с этим можем отметить также наличие в дискурсе журналиста тактик ухода от правовых рисков, в частности, тактики манифестации субъективности [Дягтерёва, Осадчий 2012].

Далее развёртывается структура логической аргументации, построенная сначала на контрасте, проявляющемся в противопоставлении синтаксических конструкций по типу стилистической фигуры хиазма: «АБ; БА» (У обычно делает X, если не-Z; У никогда не делает X, если Z).

Я не ждал, что У сделает X, если Z;

я не понимаю, почему многие думали, что У сделает X, если Z;

я не помню, чтобы У сделал X, если Z.

Наоборот,

У обычно делает X, только если не-Z;

У никогда не делает X, если Z;

следовательно, У не способен на X, если Z,

значит, он атипичный человек,

может ли он быть нашим лидером?

Возникает извечный вопрос об атипичности лидера и о знаке (+/-) этой атипичности: если он не такой как все, то одно из двух: а) он имеет какую-то особенную власть над миром (+) или б) он просто аутичный маргинал (-). Ответ имплицитно содержится в последнем абзаце текста (*Вообще, пора уже перестать нам по всякому поводу ругать и хвалить президента Путина...*): ни Z, ни не-Z от У не зависят, У – просто маргинал без особой власти над судьбой и событиями, зачем нам такой лидер?

Ту же стратегию логической манипуляции мы видим в тексте «Зачем спрашивать Путина?» (блог Бориса Вишневецкого, депутата Законодательного Собрания Санкт-Петербурга (фракция «Яблоко»)), размещенном на сайте «Эхо Москвы» (Вишневецкий – ЭМ.):

Десять лет назад у Бориса Стругацкого поинтересовались: о чем бы он хотел спросить Владимира Путина?

«Ни о чем, – сухо ответил Борис Натанович. – У нас с ним нет общих тем для разговора».

Пару дней назад Михаил Соколов на радио «Свобода» в преддверии пресс-конференции Путина задал мне такой же вопрос. И получил такой же ответ: у меня нет вопросов к президенту. А к тем, кто смотрел пресс-конференцию, у меня один вопрос: каких ответов на заданные вопросы они ждали?

«Экономический кризис – результат внешней политики, которую я провожу?»

«Чайка будет уволен, как и Турчак»?

«За организаторами убийства Немцова уже выехали, и вы знаете, куда?»

«Правительство завтра будет отправлено в отставку, премьером будет Кудрин?»

«Закон о запрете иностранного усыновления мы отменим?»

«Я говорил неправду об отсутствии наших военнослужащих на востоке Украины так же, как раньше говорил неправду об их отсутствии в Крыму?»

«Военную операцию в Сирии я начал, чтобы отвлечь внимание от провала операции на Украине?»

«Сбор Ротенберга» – ужасная ошибка, мы его аннулируем?»

«Чемпионат мира по футболу мы получили за взятки функционерам ФИФА?»

Ах, на такие ответы никто не рассчитывал? Зачем тогда было вообще его спрашивать – если заранее было ясно, какими будут его ответы?

В центре дискурса – тема диалога. Неслучайно лексемы *спрашивать/отвечать, вопрос/ответ* встречаются в относительно небольшом тексте в общей сложности 11 раз. На уровне макропропозиции дискурса формируется следующее утверждение: «Диалог – это единственная форма коммуникации, свидетельствующая о существовании реальных отношений между людьми». Далее вводятся дополнительные пресуппозиции: диалог имеет смысл, если коммуниканты *A* и *B* (1) доверяют друг другу и (2) заинтересованы в обмене информацией. Первая пресуппозиция имплицитно означает то, что если *A* запрашивает у *B* информацию *X*, то он должен получить от *B* эту информацию *X*, а не *Y*, например, а вторая – то, что *A* ожидает от *B* запрашиваемую информацию *X*, а не *Y*, а *B* не стремится выдать за *X* какой-нибудь *Y*.

При помощи семантического механизма уравнивающей дистрибуции автор текста «уравнивает» себя и, бесспорно, авторитетного классика отечественной литературы (Стругацкий ответил *X*, «я» ответил *X*, значит Стругацкий = «я»), продолжая имплицитно: *A* («я» и Стругацкий) не может диалогировать с *B* (Путиным), поскольку отрицает возможность обеих пресуппозиций (не доверяем и не заинтересованы). Напротив, «народ» (вы) утверждает, что Путин – реальный лидер нации, что обоих субъектов связывают диалогические отношения, основанные на доверии и заинтересованности. Это ложь. Если «народ» (вы) спрашивает об *X*, но получает *Y*

(длинным списком даются «честные» ответы на поставленные вопросы, которые могли бы прозвучать, но так и не прозвучали), значит, ни о каком доверии между коммуникантами *A* и *B* речь идти не может. А если «народ» (вы) не ожидает честную информацию *X* в ответе на запрос об *X*, то тогда и никакой заинтересованности в обмене информацией нет. Следовательно, нет и диалога, а значит, ничего не связывает лидера и его нацию. Подчеркнём, что, как и в предыдущем проанализированном случае реализации стратегии логической манипуляции, автор в полной мере использует механизмы легевфемизации, стараясь максимально уйти от правовых рисков, опираясь исключительно на инференциальные механизмы выводного знания при реализации дискурсивной стратегии.

Развенчание идеи единства лидера и его народа в сочетании с утверждением макропропозиции **ДОВЕРИЕ НАРОДА К ЛИДЕРУ НЕ ПОДЛИННО** является целью целого ряда **семантических дискурсивных стратегий**. Так, в статье К. Мартынова в «Новой газете» «Не геополитик, но политэконом» анализируется пресс-конференция В.В. Путина по итогам 2015 года. Преимущественно лексическими средствами реализуется тактика контраста, когда противопоставляются три лексико-семантических поля (далее – ЛСП): «магия», «театр» и «технологии». Такой контраст, подобный нисходящей градации в стилистике, в три этапа низводит сакральный образ правителя и защитника своего народа через идею неискренности, лицедейства до сфабрикованного пиар-технологами имиджа.

Рассмотрим единицы ЛСП «магия»: *Ставки слишком высоки: тысячи аналитиков открыли свои **сигналоприемники** и готовы, словно **средневековые герменевты**, трактовать каждый слог – в буквальном, аллегорическом, гомилетическом и мистическом смысле; Сенсаций от президента не ждали, разве что **локальных чудес...**; Энергия той массы проблем, которая надвигается на Россию, используется для того, чтобы усилить личную **харизму** президента...; Экономика – вещь для этого большинства **темная, загадочная**, но подлая – когда **она вдруг наносит удар**, в карманах становится пусто. Большинству нужен человек, который **экономике не столько бы объяснил, сколько приручил.***

Образ лидера нации рисуется в контексте таинства и мифа. Именно эта сила приписывалась издревле королям и правителям: власть вызывать дождь, богатый урожай, бороться с тёмной силой (в данном конкретном случае – экономическим кризисом), приручать её [Bloch 1998].

Однако контрастное сопоставление с театром значительно снижает градус мистичности и сакральности, оставляя лишь флёр загадочности, компрометируемый семами «неискренность», «двуличие». Рассмотрим ЛСП «театр»: *Пресс-конференции Путина – особый и уже традиционный жанр российского политического **театра**...; Так что **импровизации** должны быть точными – и подкреплять собой именно тот **эффект**, который Путин хотел **произвести** на этот раз...; Ответы часто были уклончивыми, но здесь важнее факт новой **драматургии**...; Хорошая новость состоит в том, что **роль** кризис-менеджера все-таки предполагает меньше рисков, чем **роль** идеологического вождя «русского мира».*

Элемент загадочности, свойственный перевоплощению, и вовсе нивелируется и профанируется благодаря третьему ЛСП, участвующему в конструировании контраста, – «технологии»: *Кажется, он занялся **поисками-конструированием** своего нового **имиджа**...; и пытаются продемонстрировать политический **прием из арсенала восточных единоборств**...; и найти новые **рычаги для удержания** стабильно высокого рейтинга; Из подчеркнутой простоты Путина, его способности «рубить с плеча» состоит **второй элемент имиджа** решительного кризис-менеджера.*

Идея незаконности, неподлинности того влияния и той поддержки, которые имеет президент в стране, утверждается за счёт **конвергирующей** (по аналогии с явлением конвергенции в стилистике, когда в одном текстовом пассаже наблюдается высокая плотность стилистических приёмов различной языковой природы) **семантической стратегии «дискредитирующей пассивизации»**, когда посредством грамматических, семантических и интертекстуальных средств формируется образ народа – послушного безвольного большинства. Так, политик и правозащитник Н. Гулевская в публикации «Путин разрывает пути» отмечает: *Мы все больше начинаем походить на жителей-камикадзе, которых **создают и формируют** для основной цели всей пропагандистской **машины** Кремля и Лубянки – для референдной атаки на основы нашей Конституции, чтобы **разорвать** пути на ногах и руках Путина и **покончить** с демократической правовой светской идиллией цивилизованного мира. Лексема **камикадзе** актуализирует семы «идуший на смерть», «добровольно», «под влиянием правил, системы, идеологии» (лётчик, в боевой операции идущий на гибель вместе со своим самолётом, а также боевик, идущий на гибель для совершения террористического акта [Толковый словарь... 2010]). Неопределённо-личное предложение с формами*

глаголов в 3 л. мн. ч., в котором *камикадзе* с точки зрения семантических падежей Ч. Филлмора выполняют роль пациенса, претерпевающего действие (*камикадзе, которых создают и формируют*), усиливает идею недобровольности послушания при принуждении. Появление в одном контексте с *создают* и *формируют* лексемы *машины* создаёт интертекстуальные связи с прецедентными текстами романов «Мы» Е. Замятина, «Земля людей» А. де Сент-Экзюпери, где технологическая метафора ИДЕОЛОГИЯ (у Замятина) / ПОВСЕДНЕВНОСТЬ и НИЩЕТА (у Сент-Экзюпери) – МАШИНА ДЛЯ ОТУПЛЕНИЯ ЛЮДЕЙ (*machine à emboutir* во французском варианте) занимает центральное место, а лексема *камикадзе*, являясь кодовым (по И.В. Арнольд [Арнольд 1999]) интертекстуальным включением, апеллирует к прецедентной ситуации – участию империалистической Японии, страны с традиционно сильной идеологической машиной, во Второй мировой войне. Совместный эффект локальной семантики, грамматики неопределённо-личного предложения и интертекстуальных связей актуализирует в сознании реципиентов текста идею нерелексирующихся, отуплённых идеологией масс, послушно следующих за кем-то в силу то ли привычки, то ли принуждения, но только не сознательного выбора. Другой журналист того же СМИ, А. Мельников, заканчивает статью, посвящённую трагедии над Синаем, так: *Завтра траур закончится. Вздрогнувшая страна вновь двинется в свой упрямый поход к обрыву*. И здесь мы видим метафорическую аллюзию на прецедентную ситуацию, многократно обыгранную в фильмах («Тёмные силы», например), в художественных текстах (Мураками «Паразиты»), анекдотах, в которых овцы, бараны или олени бросаются один за одним с обрыва (*Сидит чукча на обрыве. К обрыву подходит стадо оленей. Один олень свалился в воду, второй... Вот уже все стадо упало с обрыва. Чукча задумчиво: – Однако, тенденция*). Таким образом формируется дискредитирующая импликатура – тот народ, который идёт за таким лидером, – бараны, овцы, олени, т. е. олицетворения глупости, послушности и стадности.

Другой лексической единицей, актуализирующей семы «пассивность» и «внушаемость», является слово *психотерапевт*, например в следующем контексте: *Год назад Путин был военным вождем, а теперь у него совсем другая функция – он психотерапевт и пытается всем объяснить, что все не так плохо, как им кажется*. Необходимо подчеркнуть, что лексема *психотерапевт* имеет в русской лингвокультуре отрицательную оценочность и неблагоприятный

коннотативный ореол (используем данный термин вслед за [Шулежкова 2013: 222], будучи ассоциирована с прецедентной для русских ситуацией – тяжёлым для страны периодом перестройки и деятельностью В. Кашпировского. Таким образом, формируется кореференциальная цепочка, последнее звено которой актуализируется имплицитно за счёт интертекстуальных и ассоциативных связей: Путин – не военный вождь – психотерапевт – Кашпировский. Данная кореференциальная цепочка может быть сокращена до «Путин – Кашпировский», а затем «синхронизирована» с другой кореференциальной цепочкой «Россия Путина – перестроечная Россия 90-х (время телесеансов Кашпировского)».

Наблюдая за дискурсивными стратегиями разрушения идеологии ПУТИН – ЛИДЕР НАЦИИ в той информационной войне, которую ведут отечественные оппозиционные СМИ, следует отметить две тенденции: 1) тенденцию к использованию преимущественно имплицитных средств для реализации дискурсивных стратегий, призванных разрушить анализируемую идеологию, и 2) тенденцию авторов подобных текстов избегать правовых рисков при помощи непрямого формирования общественного мнения, излишней субъективизации точки зрения.

При сравнительном анализе двух прямо противоположных тенденций – внедрение идеологии ПУТИН – ЛИДЕР НАЦИИ в массовое сознание французов и ее разрушение в массовом сознании русских, – характерных для внутренних информационных войн во Франции и в России, следует отметить следующие сходства и различия на уровне используемых дискурсивных стратегий и конкретных средств их реализации.

Различия на содержательном уровне.

Во французском медиадискурсе идеологема ПУТИН – ЛИДЕР НАЦИИ рассматривается как подлинное, истинное явление, подлежащее позитивной оценке и являющееся социально привлекательным. Основные концептуальные признаки, приписываемые данной идеологеме: маскулинность, сексуальная привлекательность, сила лидера, амбиции, отношения уважительного подчинения, ясные перспективы нации. Фоном для постулирования данных концептуальных признаков является образ слабой, безвольной, женоподобной власти во Франции и на Западе в целом. Функция обсуждаемой идеологемы – выступать оружием информационной войны правых с левыми, орудием внедрения в массовое сознание идеалов «сильной» власти.

В российском оппозиционном медиадискурсе идеологема ПУТИН – ЛИДЕР НАЦИИ предстаёт как нечто, не имеющее реального бытия, как миф, ложь, идеологический продукт, подлежащий разоблачению и высмеиванию. Основные концептуальные признаки, приписываемые данной идеологеме: «атипичность лидера как человека», «неспособность лидера и нации к коммуникации», «бессилие лидера», «неискренность лидера», «безропотность и серость самой нации», «наличие нескольких людей, которые понимают всё». Фоном для постулирования вышеописанных концептуальных признаков является общий пессимистический пейзаж экономической и социальной ситуации в стране. Функция данной идеологемы – выступать мишенью информационной войны, которую ведут оппозиционные прозападные партии с правящим блоком единокороссов.

Различия на уровне организации и построения воздействующего дискурса. Во французском медиадискурсе преобладают когнитивные и схематические стратегии организации дискурсивного воздействия для внедрения анализируемой идеологемы. Опора на прецедентность, на культурный фон, когнитивные структуры, сформированные в рамках системы образования и масс-медиаальных традиций, является характерной чертой дискурсивной организации. На таком фоне дополнительные нюансы добавляют семантические стратегии, основанные на определённом семантическом «рефрене», – повторяемости лексически и грамматически реализованных смыслов.

В русских оппозиционных медиа мы наблюдаем использование семантических дискурсивных стратегий, характерной особенностью которых является имплицитное формирование смыслов, формулировать которые в полной мере должен читатель, а также излишнюю субъективизацию мнений, суждений, оценок, которая может рассматриваться как продуманная стратегия избегания правовых рисков – легевфемизация. Опора на локальную семантику дискурса приводит к широкому использованию риторических приёмов аллюзии, семантического контраста, градации, хиазма.

Раздел II

Частные аспекты лингвистики информационно-психологической войны

Глава 4. РУССКИЙ ЯЗЫК КАК МИШЕНЬ ИПВ

4.1. Русский язык в контексте проблем национальной безопасности

Язык как один из базисных аспектов национальной идентичности в условиях постоянного информационного противоборства так же, как и образование, является мишенью информационно-психологической агрессии. Активная защита языковой среды является важнейшим аспектом национальной безопасности Российской Федерации.

А.М. Кушнир

Почему в таком большом и сильном государстве, как Россия, национальный язык русского народа становится почти чужим? Почему современная русская речь становится всё более примитивной, уродливой, стилистически неправильной и даже непристойной?

Л.П. Сидоренко, Н.Г. Гаврилова

В настоящем параграфе делается акцент на недостаточное внимание к проблеме безопасности русского языка, а зачастую и непонимание её сущности со стороны государственных органов, руководителей и работников системы образования и СМИ. Мишенью ИПВ стали образование и русский язык, а объектом – Россия как независимое государство, важнейший фактор информационной и национальной безопасности стран – участников СНГ и Евразийского сообщества, а опосредованно – гарант многополярности мира как необходимого условия сохранения геополитического баланса. Именно неосознание проблемы исторической миссии России, её судеб ведёт к самым неутешительным результатам.

Цель исследования – на основании анализа соответствующих текстов выяснить, какое место в проблемном поле защиты государственных интересов отведено русскому языку и насколько это место адекватно с точки зрения функций языка как государственного, международного и мирового с учётом его современного состояния и полифункциональной речевой реализации.

Термин «национальная безопасность» – калька с английского «national security», широко вошедшего в англоязычный дискурс с 1947 г. с принятием в США закона о национальной безопасности. В России термин пришёл на смену «государственной безопасности» после распада СССР, очевидно, на волне либерально-политической ориентации на ценности Запада и впервые был озвучен в Федеральном законе «Об информации, информатике и защите информации» в 1995 г. Определение термина было дано в первом Послании Президента РФ Федеральному Собранию «О национальной безопасности» (1996) как «состояние защищённости национальных интересов от внешних и внутренних угроз» [Общая теория... 2002: 21–22; Юсупов 2006: 96–98]. В качестве более однозначных синонимов авторы учебника Российской академии государственной службы при Президенте «Общая теория национальной безопасности» рекомендуют использовать «безопасность нации», «безопасность страны», «безопасность России». Произвольная синонимизация лишь подчёркивает непродуманность замены традиционного термина.

Прежде всего обратимся к понятийному содержанию базового термина. Относительно однозначно «безопасность» толкуется как «состояние, при котором не угрожает опасность, есть защита от опасности» [Ожегов, Шведова 1997: 41]. Толкований же «нации» великое множество. В отечественных источниках это, как правило, с вариантами в последовательности признаков, «исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» [Крысин 2000: 465]. Это почти дословное четырехчленное сталинское определение, от которого, как от «печки», начинаются все дискуссии по национальному вопросу. Одни, не лукавя, танцуют от этой печки, другие не замечают проблему толкования понятийного содержания термина «нация», третьи заменяют термин более утончённым термином «этнос», но при этом в дефиниции этноса фигурируют те же самые признаки [Крупник 1991: 307]. А в конечном счёте нация и этнос представляются синонимами: этнос – «исторически сложившаяся этническая

общность – племя, народность, нация» [Ожегов, Шведова 1997: 914]; этнос – «общее название национальных образований» [Крысин 2000: 841]. Или образуются гибриды «этнонациональный», «национально-этнический» без вынужденных объяснений.

Достаточно дифференцированно термины трактуются в аналитическом исследовании сербского философа и политолога Д. Симеуновича. Отмечая факт нередкого отождествления терминов, автор высвечивает общее и различное. И нацию, и этнос, заключает автор, «характеризует коллективная идентичность, которая подтверждается через один и тот же образ жизни и культуру, общий язык, судьбу, историю и традиции, общую территорию и вероисповедание. Но этнос обычно выступает как “предтеча нации”. Нация – это политическая общность. В отличие от этноса, нация обязательно располагает своими собственными институтами, своей письменностью и своей политикой. При этом духовные связи в нации много более развиты, нежели биологические». Итак, подытоживает учёный, нацию отличают от этноса её политические свойства, наличие государства или стремление создать его как национальный институт (в логике автора этнос можно представить как «недозревшую нацию»... – *А.Б.*). Таким образом, заключает философ, «нет нации без государства, а государства без нации. Они создают друг друга» [Симеунович 2013: 13–16]. В мире, уточняет автор, более 3600 этнических общностей и всего 179 государств [Там же: 103].

Различают две модели соотношения нации и государства. Один путь – от нации к государству. Нация, чтобы получить полное признание, часто в результате освободительной борьбы, создаёт собственное национальное государство. Второй путь: уже существующее государство формирует нацию как упрочивающий государственность институт. Так создаются «(гражданские) национальные государства». В них складывается общегосударственная, или гражданская, нация. Несмотря на различную этничность, гражданство определяет единую национальную принадлежность. Так западная этносоциология понимает нацию как совокупность граждан страны. В этом контексте, характерном в том числе и для ООН, происходит отождествление национального с государственным в словосочетаниях «национальная безопасность», «национальные интересы». Так объясняется понятие «американская нация». Любопытно, что в качестве примеров гражданского национального государства наряду с США, Австралией и Испанией в энциклопедии «Глобалистика» называется и Россия [Глобалистика... 2003: 678–681; 1279].

А.С. Панарин нацию, сформировавшуюся не на этнической основе, называет «политической нацией» [Панарин 1997: 44–45].

В мире доминирует вторая модель: политико-географическая и социальная, а не этническая общность («гражданская нация»); на первом месте по значимости культурно-цивилизационная идентичность страны [Кокошин 2014: 1093]. Такая ситуация сложилась уже в XVII веке: «понятие “нация” включало в себя жителей страны независимо от их этнонациональной принадлежности и было синонимом таких понятий, как “народ” и “граждане”» [Проблемы языка 2016: 162–163]. В России предпочтение отдаётся первому, этническому принципу формирования наций, что создаёт терминологические и смысловые проблемы. «В стране как бы сталкиваются две крайние точки зрения на прошлое: старая, русскоцентристская и новая этнонационалистическая...» [Диалог культур... 2013: 171].

Национальная политика Российской Федерации законодательно ориентирована на продолжение принципов политики СССР, которые были направлены на поощрение языкового многообразия, на правовое равенство всех языков страны, на формирование «социалистических наций». Исследователь А.В. Митрофанова назвала советские принципы языковой политики практикой «закладывания внутренних мин под советское государство». Такая практика «способствовала превращению этнических групп <...>, не претендовавших на самоуправление, во вполне сформировавшиеся нации...» [Проблемы языка 2016: 176]. После распада СССР начался разгул националистических тенденций и русофобия, в том числе по отношению к русскому языку. Так, профессор А.И. Халидов прямо заявляет, что «истинная угроза» для национальных языков Абхазии исходит от русского языка [Халидов 2013: 194].

Прямым выражением принципов национальной политики РФ является начальная фраза Конституции РФ: *«Мы, многонациональный народ Российской Федерации...»* В статье 68 утверждается: «1. Государственным языком Российской Федерации на всей её территории является русский язык. 2. Республики вправе устанавливать свои государственные языки».

Безусловно, наличие двух, а то и более (Дагестан) государственных языков в субъектах РФ стало решающим фактором ослабления позиции русского языка в стране и, соответственно, ослабило централизацию государства. Статусное равенство всех государственных языков на территории РФ изначально лишает русский язык прежде всего государствоформирующей, но и других высших функций.

Более трёх десятков (с учётом Республики Крым – 37!) ГОСУДАРСТВЕННЫХ языков в ОДНОМ ГОСУДАРСТВЕ – это нонсенс и прямой путь к дезинтеграции общества и государства. Государственное дву- и многоязычие, констатирует В.Ю. Михальченко, порождает новые серьёзные проблемы. Желание языковых общностей, чей этнический язык объявлен государственным, распространить этот язык на другие языковые общности может стать политическим средством давления и породить языковые конфликты. Например, стремление Башкортостана и Республики Марий Эл не регистрировать в качестве кандидата в президенты республик претендентов, не владеющих местным, республиканским языком. Ещё одно следствие, на которое указывают многие социолингвисты, – вытеснение русского языка из сферы образования с заменой его на республиканский государственный (Татарстан, Якутия, Тува) [Михальченко 2015: 46].

Найти безопасный путь между Сциллой и Харибдой – упрочением целостности государства и обеспечением притязаний национальных меньшинств – задача трудноразрешимая. Речь могла бы идти о некой «супернации», по аналогии с «суперэтносом» Л.Н. Гумилёва. Компромиссным решением было бы признание Российской Федерации *«российской нацией»*: Россия – национальное государство, российский народ – нация («гражданская нация»). Этим гасится этнический национализм меньшинств, т.к. уходит угроза русификации. По сути, это продолжение идеи советского народа как новой исторической общности людей, социалистической по содержанию и национальной по форме. Прямым текстом об этом говорит Д.А. Медведев: «<...> *Но идея российской нации абсолютно продуктивна...*» (цит. по: [Лаппо 2013: 125–126]). Положительным итогом было бы признание русского языка как единственного государственного и, как следствие, упрочение целостности и стабильности государства и, естественно, статуса русского языка. Но русскому народу пришлось бы поступиться наличием этнонима в самоназвании нации. А.Д. Васильев гневно называет это *дерусификацией* [Васильев 2013б: 229]. Политолог А.Г. Дугин проливает отрезвляющий душ на экзальтированную патриотичность, предупреждая: «Если Россия станет настаивать на своей русской этнической идентичности и православной культуре, то она обречена на распад: сепаратизм последует со стороны мусульманских народов Кавказа и Поволжья, других национальных меньшинств – и печальная судьба СССР повторится. Как русское этнокультурное государство Россия слишком велика». В целом прогноз политолога относительно России столь же неопре-

делён, сколь мрачен: «В нынешних своих границах и с существующей политической системой она не имеет исторического будущего» [Дугин 2014: 142].

Сохраняются две непримиримые позиции. Одни говорят о правомерности подхода, утверждая: «Россияне – это нация, причём сложившаяся естественным путём посредством длительного взаимодействия разных народов друг с другом и закреплённая конституционно» [Костин, Костина 2012: 163]. Основанием, согласно авторам, служит единство ценностей: всем народам России присуща ориентация на символические, а не материальные ценности, в отличие от Запада; ориентация на коллектив, общину в оценке своих поступков; щедрое гостеприимство, особое отношение к родственникам, стремление к обильным и многолюдным праздникам [Там же: 171]. О России как *единой нации* говорит также К.К. Колин, который пишет, что ядро национального единства страны составляют ценностно-смысловые основания. Именно духовная культура, духовное единство российского общества является важнейшим стратегическим фактором обеспечения не только национальной, но и международной безопасности России [Колин 2010: 32, 35]. О *российской нации* ведёт речь Е.М. Астахов [Диалог культур... 2011: 217], о создании *общей нации* – В.М. Ланцов. А.Е. Бусыгин говорит о необходимости усиления *общероссийской общности*, с горечью добавляя: «Беда в том, что сегодня у жителей республик Кавказа, например, нет даже общекавказской идентичности, не говоря уже об общероссийской» [Там же: 36]. Другие не менее категорично парируют: «<...> Россияне – не нация, а жители, граждане России» [Васильев 2013б: 174]. Третьи, например А.А. Гусейнов, избегают определённости, говорят о русской/российской нации [Диалог культур... 2011: 62].

Представляется, что пробным камнем в сторону общественности служат квазиговорки первых лиц государства: лингвистические алогизмы типа «*многонациональная российская нация*» (В.В. Путин). Примиряющим реверансом в сторону русских патриотов в речи представителей высшей власти служат дополняющие, а не взаимоисключающие перифразы типа «*русский человек, российский гражданин*».

Мощным фактором, объединяющим разные этносы, населяющие Россию, является русский язык и русская культура. Так, членкор РАН В.Ф. Петренко обозначает основные критерии «русскости»: «Русский этнос – не биологическое, а культурологическое понятие, объединяющее людей разных национальностей, принад-

лежащих русской культуре, думающих на русском языке и идентифицирующих себя с российской историей. <...> Русская идентичность ... формируется путём усвоения русского языка, истории, литературы, – всего того комплекса, который называется гуманитарным образованием» [Диалог культур... 2011: 119]. Эта позиция представляется убедительной. Она подтверждается многочисленными фактами участия представителей разных этносов, граждан России, в создании великой русской культуры, в достижениях российской науки. Факты этого рода начинаются с имён Пушкина, Лермонтова, Блока, Пастернака, Фета, Даля, Мандельштама, Бродского... Генетико-статистические данные говорят в пользу этой позиции. В русской классике символично высказывание чеховского персонажа из «Трёх сестёр». Действие первое. Тузенбах: «<...> Вы, небось, думаете: расчувствовался немец. Но я, честное слово, русский и по-немецки даже не говорю. Отец у меня православный...» Действие второе. Тузенбах: «У меня тройная фамилия. Меня зовут барон Тузенбах – Кроне – Альтшауэр, но я русский, православный, как вы! Немецкого у меня осталось мало...!» Знаковым является и тот факт, что мигрантов со всего постсоветского пространства за рубежом именуют русскими, а сами они (если это не гастарбайтеры) везут с собой чемоданы с лучшими образцами русской классики, сплачиваются вокруг русскоязычных органов СМИ за рубежом и признают: «Наша Родина – русский язык!»

Идея российской нации встречает отторжение со стороны патриотически настроенных русских граждан как из научной среды, так и представителей общественности, указывающих на ущемление статуса русского народа как государствообразующего, численно абсолютно доминирующего в стране (80–85% населения, по стандартам ООН – моноэтническая страна), создателя великой культуры. Татьяна Миронова: «<...> раньше имя «русский» вытеснялось безродным «советский», теперь оно изгоняется при помощи безродного «россиянин». <...> Нынешней власти как раз нужны именно «россияне», а не русские, потому что история не раз показывала, что с русскими иметь дело трудно и опасно, а вот «россияне» себя в ней ещё никак не проявили» [Миронова 2003].

Совершенно определенно возражает против идеи российской нации историк А. Фурсов: «Дело в том, что сам термин «российская нация» подменяет историю географией. Россия – это название страны, территории, а нация российской быть не может. <...> Когда я прочёл название «российская нация», я вспомнил историю другого

концепта – «новая историческая общность советский народ». Смотрите, что получилось с советским народом. Советскость довольно органично легла на русских и, отчасти, на белорусов и русское население восточной части Украинской ССР (которая никогда собственно Украиной не была). Им советскость была принята легко, поскольку соответствовала целому ряду архетипов и кодов. А что касается Прибалтики, Закавказья, Средней Азии – как показали события поздней перестройки и 90-х годов, там советскости в основном не было. Грузины остались грузинами, узбеки узбеками, эстонцы эстонцами. Они воспринимали советскость, которую отрицали, как русскость, обвиняя русских во всех грехах». И далее: «И попытка создать схему российской нации – это намерение ещё раз наступить на одни и те же грабли, только в ещё худшей ситуации. Прежде мы имели дело с разрушением Советского Союза, а ныне концепция, схема российской нации – это вещь, которая потенциально угрожает уже России. Дело в том, что в самом понятии “российская нация” заложена бомба замедленного действия, направленная на развал не только России, но и русского народа. Поскольку, если мы говорим “русская нация” – всё, здесь не может быть никаких уже внутрирусских членений. А вот если мы говорим “российская нация”, то здесь помимо русских, башкир, татар могут появляться и другие национальности внутри собственно русских. Например, поморы, сибиряки, казаки. То есть это был бы подарок нашим геополитическим противникам, которые и начали бы раскачивать Россию по этой линии» [Фурсов 2017].

Сторонники всех точек зрения единодушны в признании великой миссии русского языка. Для спасения русской нации даже в узкоэтническом смысле, для поддержания и усиления престижа Российского государства необходима опора на интегрирующую, системообразующую функцию русского языка в масштабе страны, стран – участников СНГ, Евразийского сообщества и всего межконтинентального русскоязычного Русского мира. Русский язык в этом громадном пространстве служит духовной скрепой; формирует относительно общий взгляд на мир, реализуя мирозозидающую/ориентирующую (Е.С. Кубрякова), или интерпретирующую (Н.Н. Болдырев), базовую функцию, наряду с коммуникативной и когнитивной; укрепляет информационную безопасность стран ближнего зарубежья; упрочивает международные позиции России; питает и сохраняет лингвокультурологические основы Русского мира. «Единое русскоязычное пространство – это наше национальное

богатство!» – настойчиво утверждает К.К. Колин. «Как это ни покажется парадоксальным на первый взгляд, – с уверенностью заключает автор, – но на современном этапе развития мирового сообщества одним из важных факторов обеспечения национальной безопасности России и окружающих ее государств является русский язык. Мало того, он является и весьма важным объектом системы национальной безопасности, который требует серьезного внимания и защиты на государственном уровне» [URL: рустрана.рф/article.php?nid=6783].

Существуют неопровержимые общепризнанные факты многочисленных угроз для состояния русского языка как объекта национальной безопасности России. Наиболее часто называются три: засорение русского языка терминами и словесными оборотами иностранного происхождения, не свойственными традициям русской словесности; активное сокращение русскоязычного информационного и образовательного пространства в ближнем зарубежье; вытеснение русского языка из зоны дальнего зарубежья и все большее ограничение его использования в качестве одного из мировых языков международного общения. Результатом может стать утрата русским языком статуса официального языка ООН, следовательно, резкое падение авторитета страны в мире и самое страшное – распад огромного цивилизационного пространства.

Одной из существенных угроз национальной безопасности России оказывается состояние делового стиля, используемого в текстах наивысшей государственной значимости. В.М. Ланцов, обобщая и, вероятно, в той или иной мере гипертрофируя, называет этот язык «антигосударственным». В этом языке процветает, по его выражению, «словоблудие»: *«Привязка рубля не к внутреннему товарно-денежному балансу, а к доллару и евро означает, что рубль – денежная единица русской колонии США и Германии»*. В результате анализа статей Конституции делается вывод о «несоответствии языка Конституции языку демократии». Помимо критики выражения *«многонациональный народ России»* автор обосновывает неправильное использование терминопонятий *коррупция, ипотека, собственность, право, патент, пенсионная реформа* и др. в текстах Конституции, законов, Гражданского и Жилищного кодекса РФ, указов. Он считает такое использование «антигосударственным». Так, просвещает автор, подменой термина «жилище» на кажущийся синонимичным «жильё» в ЖК РФ разработчики (называются их имена) «изымают у граждан России право на жилище, в котором находится жильё».

Жильё – это всего лишь жилые помещения, в это понятие не входят стены, перекрытия, земельный участок, элементы благоустройства территории домовладения. Такую подмену автор называет «юридической диверсией». В 2006 г. был принят закон «О дополнительных мерах государственной поддержки материнства и детства». Но определение *дополнительные меры*, добавляет автор, создаёт ложное впечатление о якобы уже существующих мерах [Ланцов 2015: 2–235]. Примером «антигосударственного» языка может служить в документах Конституционного Суда России откровенно плеонастическое словосочетание «*справедливое правосудие*»: «...ведь правосудие не может быть несправедливым», – комментирует доктор юридических наук М.В. Немытина [Диалог культур... 2011: 474–478].

В критическом анализе компетентного юриста и патриота вербальное оформление государственной документации оказывается средством манипуляции. Во всех случаях эффект речевого воздействия имеет не только моральное, но и прямое финансовое измерение. Ещё один пример таких эффектов, выходящих уже на геополитический уровень, когда выбор неверного слова оборачивается материальным уроном для национальной безопасности, – из дипломатического подъязыка делового стиля. Речь идёт о «методах лингвистической борьбы» как «разновидности информационно-психологического оружия, предназначенного для скрытого внесения неточностей и преднамеренных ошибок в ходе ведения переговоров, подготовки, подписания и выполнения договорных обязательств и соглашений между государствами, юридическими и физическими лицами за счёт использования особенностей семантики и переводов с одного языка на другой» [Новиков 2011: 244–247]. Эти приёмы активно использовались США для разоружения нашей страны. Результатом, например, была вынужденная ликвидация уже построенной Красноярской радиолокационной станции системы предупреждения о ракетном нападении. Материальный ущерб, нанесённый Советскому Союзу, по данным американских специалистов, составил 800 млн долларов. В миллиарды долларов обошлась России невнимательность в тексте Договора о ликвидации РСМД.

Таким образом, уже на подступах к решению проблемы чётко высвечивается её языковая составляющая, соответственно, весьма весомый лингвистический аспект. В данном случае речь идёт об угрозе образу государства в представлении граждан страны и её внешнего окружения, общемировой общественности, причём не только в плане имиджа, но и с точки зрения потенциально воз-

можных проявлений ИПВ, инициированных нечёткой вербализацией основополагающих понятий устройства государства. К тому же необразцовая речь высших эшелонов власти в определённой мере создаёт прецедент и оправдывает низкую культуру речи других носителей языка, что становится одним из факторов деградации языка.

Задача следующего этапа исследования – поиск ответа на вопрос: как рассматриваемая проблема представлена в публикациях лингвистов и представителей других гуманитарных областей. Мысль о связи языка с интересами нации нередко появляется в образовательном дискурсе, например: «Вопрос о состоянии русского языка напрямую связан с нашей национальной безопасностью» [Проблемы языка 2016: 170]; «Русская школа напрямую связана с задачей спасения нации. Ею определяются судьбы восприятия фундаментальных основ национальной культуры <...>. Фундаментальная наука закладывается в школе»; «Образование является основной сферой, связанной с обеспечением ключевых национальных интересов» [Диалог культур... 2015: 581–582]; «Образование – барометр состояния дел в обществе» [Диалог культур... 2011: 554; 146]; «Образование человека – это его самый ценный капитал, и в конечном счёте оно определяет его личность» [Геллнер 1991: 90].

Между тем, есть немало свидетельств неблагополучия нашего образования. Отмечается, что за последние 30 лет количество часов на литературу в старших классах уменьшилось практически вдвое [Диалог культур... 2011: 37]. Однако приводится поразительный факт: даже во время Великой Отечественной войны на оккупированных территориях в школах на изучение русского языка и литературы выделялось больше времени, чем сегодня [Колин 2007:141]. С горечью отмечается, что от культивирования человека-творца мы перешли к формированию «квалифицированного потребителя». Учителями жизни становятся не родители и педагоги, не Лев Толстой и Дмитрий Лихачёв, а Счётная палата и Следственный комитет. Рядом со старой великой российской культурой создана «культура гниения и распада» [Диалог культур... 2013: 69]. Дети мало читают. Но известно, напоминает В.Г. Костомаров, что «глубокое, прочное знание может возникнуть в сознании личности только в ходе чтения. <...> Экранные тексты явно противопоказаны для философии и поэзии, для души и религии <...> для всего, что формирует мировоззрение и самосознание личности» [Диалог культур... 2011: 91]. Ещё одной причиной неудовлетворительного состояния образования называется «бездарная реформа образования в РФ, связанная

с “болонизацией” и введением ЕГЭ». В итоге вместо образования – его имитация, симуляция. «Удавкой» стало излишнее администрирование, требование бесконечного и бесполезного бумаготворчества [Там же: 580].

Защита национальной системы образования, которая оказалась разрушенной в результате непродуманного реформирования, в условиях развёртывания ИПВ должна стать одним из приоритетных направлений деятельности государства по обеспечению национальной безопасности РФ. «Образование, в отличие от предметно-ориентированного обучения, – тонко замечает Н.В. Рудская, – есть, прежде всего, надпредметная, ценностно-ориентированная система знаний...» [Диалог культур... 2011: 580–581]. Важно при этом, замечает А.М. Кушнир, «создаёт ли образование “глубинный патриотизм”, встроенный в сознание архитектурной родного языка, или оно воспитывает потенциального эмигранта, который если не сам уедет в Канаду, то своих детей сориентирует на подобную жизненную перспективу» [URL: http://www.psj.ru/saver_national/detail.php?ID=13274]. «Экономя на образовании, – констатирует психолог В.Ф. Петренко, – мы уже получили «массу люмпенизированной молодёжи, которую легко зажечь националистическими лозунгами. Низкий уровень гуманитарной культуры, а также необученность иммигрантов отзовётся неизбежно межнациональным противостоянием, этническим терроризмом и известным русским бунтом» [Диалог культур... 2011: 119].

Отношение к языку – наиважнейшая, ключевая составляющая языковой безопасности страны и народа, так как информационно-психологическое воздействие на сознание человека и народа в целом осуществляется преимущественно через языковую среду и посредством языка. Информационно-психологическая безопасность страны обеспечивается в первую очередь «правильным русским языком». «Правильный» богатый язык способствует формированию абстрактного логического и ассоциативного мышления, когнитивных способностей. Агрессией по отношению к русскому языку, а через него и к государственным интересам РФ было предложение некоторых российских псевдолибералов положить в основу системы языкового воспитания первоочередное обучение не русскому, а английскому языку как международному. Это программа нивелирования особенностей русского менталитета, выхолащивания, утраты основ национальной идентичности, зафиксированной в родном языке. Это и утрата способности к самоидентификации [Юревич 2013: 1090].

Это опасный путь к «**переидентификации населения**». Таким образом, русский язык становится, пусть и неосознанно, мишенью ИПВ и сам используется как средство её ведения по отношению к подрастающему поколению.

Обучение родному языку должно быть первостепенной задачей обучения и воспитания, – бескомпромиссно настаивает философ К.М. Долгов [Диалог культур... 2011: 291]. Активная защита языковой среды должна стать важнейшим аспектом национальной безопасности РФ. Между тем – констатирует А.М. Кушнир, учёный, педагог и журналист, – имеет место резкое снижение ценностно-мотивационного рейтинга русского языка среди прочих базовых ценностей жизни. В современной системе – не щадит автор работников образования – «происходит убийство культурно-генетической способности к саморазвитию в языке. <...> Угасание духа – вот во что выливается грамматическая шагистика и литературоведческая анатомия». Необходима смена предметно-знаниевой парадигмы школьного языкового образования на парадигму любви к языку. Это формирование языкового чутья, «способности наслаждаться языком, смаковать умное, меткое и красивое слово» [URL: http://www.psj.ru/saveg_national/detail.php?ID=13274 (дата обращения: 20.09.16)].

Невольно вспоминаются и критика В.И. Далем русской системы обучения русскому языку, и философия языка школы эстетического идеализма Карла Фосслера, и итальянская неолингвистика, и «закон родного языка» Лео Вайсгербера. Это любовь к языку, о которой Н.В. Гоголь писал: «Дивишься драгоценности нашего языка: что ни звук – то и подарок; всё зернисто, крупно, как сам жемчуг, и право, иное название ещё драгоценнее самой вещи». И ещё: «Сам необыкновенный язык наш есть ещё тайна... Язык, который сам по себе уже поэт» (цит. по [Ильин 1993: 113]). Не менее проникновенная оценка самого И.А. Ильина: «Дивное орудие создал себе русский народ – орудие мысли, орудие душевного и духовного общения, орудие литературы, поэзии и театра, орудие права и государственности – наш чудесный, могучий и глубокомысленный русский язык. <...> Он выразит точно – и легчайшее, и глубочайшее; и обыденную вещь, и религиозное парение; и безысходное уныние, и беззаветное веселье; и лаконический чекан, и зримую деталь и неизречённую музыку; и едкий юмор, и нежную лирическую мечту» [Там же].

Важнейшую роль в воспитании молодёжи посредством родного слова, любви к родному слову, безусловно, играет **художественная литература**. В ней воплощается высшая форма развития языка – ли-

тературный язык. Русская литературная классика – лучшее, по словам М. Горького, что создано нами как нацией. «И на эту литературу сейчас идёт упорное, последовательное и целенаправленное наступление», – с горечью констатирует академик Н.Н. Скатов [Диалог культур... 2011: 146].

Даже идеологический противник, американский советолог Джеймс Х. Биллингтон не мог не признать: «Нация, которая смогла произвести на свет Достоевского и Толстого <...> не может не обладать глубинными внутренними ресурсами» [Биллингтон: 143]. Великий немецкий писатель Томас Манн в новелле «Тонио Крёгер» устами заглавного героя называет русскую литературу XIX в. «божественной». Академик В.А. Легасов, используя сильный метафорический приём, диагностирует: «Чернобыли взрываются от того, что нынешние “гении техники” стоят не на плечах Толстого и Достоевского, а на плечах таких же “технарей”, как и они сами» (Московские новости. 17.12.1987. С. 7). Неклассическая эпоха с постмодернизмом XX в. во многом утверждала себя на опровержении ценности классического наследия [Диалог культур... 2011: 389]. Философ Т.Б. Сиднева называет характерной чертой общества потребления **десакрализацию классики** [Там же: 390].

Парадоксально, но в этом богопротивном деле участвуют и наши писатели. Увенчанный лаврами писатель М.П. Шишкин: «...только став частью западной культуры, Петербург создал в XIX веке русскую литературу. Русские авторы той эпохи – это практически западные писатели, родившиеся в колонии европейской литературы на русской равнине. <...> Тургенев, Толстой, Достоевский – всё это колонисты» [Кучерская 2004]. К тому же, вешает Д.Л. Быков-публицист, «крупные русские писатели были в большинстве своём людьми неумными»; «В набор неизменных качеств великого писателя у нас всегда входит великая глупость». Следует целый ряд «разоблачающих откровений» с эпитетами в адрес Л. Толстого: «скудное, плоское и безблагодатное», «глупость», «дремучая, непроходимая глупость», титанически глуп». У Чехова – «персонажи ущербны, плосковаты: нет второго дна, есть удручающая одномерность и пошлость...» [Быков 2005: 112–115]. Уже эти откровения дают повод для заключения, что художественная литература не должна игнорироваться как активный канал информационно-психологической обработки сознания читательской аудитории.

Уровень владения русским языком как родным вызывает большую тревогу. Академик Я.С. Турбовской отмечает, что разрыв между

литературным языком и обиходным языком учащейся молодёжи так велик, что подчас возникает сомнение, родной ли ей русский язык. Причины видятся в недостаточно эффективной методике преподавания, в разрушительном влиянии СМИ, особенно жёлтой прессы, телевидения, рекламы. Автор с горечью констатирует «торжествующую и всё наглежащую агрессивность ненормативной и уголовной лексики», сленговой моды, ужасающую неправильность речи. Засорение русского языка сленгом, жаргонизмами, иноязычной лексикой превзошло, полагает автор, все допустимые масштабы. Безотлагательная необходимость поисков решения проблем диктуется неразрывностью связи русского языка и национальной безопасности. Язык – самый убедительный критерий целостности государства. Разделяя мнение А.М. Кушнира, автор считает, что «наиболее разрушительной сферой агрессивного воздействия, несущего в себе угрозу этнической, культурной, языковой и прочей переидентификации, являются СМИ и телекоммуникации» [Турбовской 2010: 68–69].

Русский язык как мишень ИПВ может быть рассмотрен и в контексте понятия «глобализации». Самым радикальным следствием англосаксонской глобализации стал трагический для человечества (не говоря уже для лингвистики) процесс вытеснения, исчезновения языков. Мощная агрессия англо-американского языка как международного ощущается в ослаблении статуса русского языка как международного и мирового и, как следствие, в ослаблении геополитических позиций России. Сильнейший способ культурно-лингвистической экспансии – иностранные фильмы и песни, иноязычные заимствования. Может быть, лингвисты недостаточно настойчиво объясняют, что обильные неоправданные заимствования – лексические, ритмико-интонационные, структурные – далеко не так безобидны. И ради экономии языковых усилий не всегда целесообразно обращаться к заимствованиям, ср.: *праймериз* и *предварительные выборы*.

Хорошо известно, что полный билингвизм, когда в сознании существуют две понятийные системы, две национально-языковые картины мира, а не две лексические и две грамматические системы, достигается редко, даже при условии многолетнего пребывания за рубежом. При общении на чужом языке нередко производится замена истинной коммуникации механическим процессом обмена информацией вместо обмена смыслами. «Глобанглизация» русского языка создаёт кентавра «русангл»/«рунглиш» – своего рода «англо-феню». Даже если нужное иноязычное выражение легко находится,

оно, в отличие от материнского, не вовлечено в многоярусную систему ассоциативных связей. Это не сложный языковой знак, а простая, примитивная этикетка. Чужое слово не многолико, не многокрасочно, не возбуждает мыслительные операции. Сегодня доминирует авербальная концепция мышления. Есть свои ментальные единицы. Но функция слова, языка отнюдь не сводится к формулированию готовой мысли. Ассоциативно-образно и убедительно роль слова в мыслительном процессе объяснили З.Д. Попова и И.А. Стернин: «Слово, как и любая номинация, – это ключ, “открывающий” для человека концепт как единицу мыслительной деятельности и делающий возможным воспользоваться им в мыслительной деятельности. Языковой знак можно также уподобить включателю – он включает концепт в нашем сознании, активизируя его в целом и “запуская” его в процесс мышления» [Попова, Стернин 2001: 38–39]. Вместе с чужими словами навязывается чужой взгляд на мир. Увлечение иноземными словами притупляет мыслительные способности.

Показательным примером переидентификации посредством языка стала закрепившаяся в органах СМИ модель именования без отчества: «Языковая агрессия подмывает корни национальной культуры, меняет традиционные для нашего народа правила и ценности. <...> Язык – это определяющий фактор национального самосознания, фундамент культуры любого народа, на котором поколение за поколением создают дом своей духовности. Разружьте фундамент, и рухнет дом», – пишет автор публикации «Отечество и отчество» В. Штыров, заместитель председателя Совета Федерации. «Ведь отчество не случайно имеет один корень с Отечеством. Выбрасывается одно, теряет прочность другое» [Штыров 2013]. Очень верно, но оформление его статьи («шапка») противоречит авторской мысли! На фотографии человек солидного возраста, солидный статус, но имя автора – «*Вячеслав Штыров*». Не заслужил отчества или хотя бы инициалов? Редактор, видимо, и не заметил курьёза. Что уж и говорить, если привычно звучат «Владимир Путин», «Дмитрий Медведев». Пример из речевой практики патриотического канала «Звезда». В постоянной рубрике «Русский мир» сообщается о памятниках выдающимся гражданам России разных эпох в разных местах планеты. В одной из передач речь идёт о немецком курортном городке Баден-Баден. Диктор: «<...> Немцы установили на аллее имени Гёте памятник *Ивану Тургеневу*. На памятнике надпись: “*Иван Сергеевич Тургенев*”. Далее годы жизни...» Заключительная фраза диктора: «Русский мир в Германии. Памятник *Ивану Тургеневу*».

Спасибо немцам за уважительное отношение к русскому национальному этикету. Можно подумать, что связь имени с отчеством характерна для культурного кода не русского этноса, а немцев! Привычно мелькают, например, в одном номере АиФ «великий физиолог *Иван Сеченов*», «биолог *Илья Мечников*», «губернатор *Виктор Толоконский*» и т.д. Демократично? Экономно? Мы сами подобострастно прогибаемся под чужие мерки, стандарты, стереотипы.

Общепризнаны угрозы чистоте и богатству родной речи со стороны современных технических средств коммуникации. Суть «новояза» техногенной цивилизации, констатирует философ Е.В. Серёдкин – упрощение грамматических конструкций. Стало модным писать на эрзац-языке, «с помощью шаблонов которого можно быстро выразить свою “как бы” мысль (или её отсутствие), не озадачиваясь знанием и соблюдением правил языка». Беда в том, заключает автор, что современные электронные средства, выполняя инструментальную функцию, «трансформируют субъект изнутри, меняя его ценности, <...> схемы и саму структуру деятельности». Мы используем, продолжает автор, технические устройства для преобразования внешнего мира, но вместе с внешним миром меняемся мы сами. Экспансия глобальных сетей в повседневность, в сознание человека неуклонно изменяет формы межличностного общения. Интернет-сленг переходит и в обиходный язык. «Слову как единице языка отводится второстепенная роль, её место занимают символы. Формируется “клиповое” сознание, приоритетной становится «краткая информация, лишённая многомерного смысла» [Проблемы языка... 2016: 135–136]. Поэтому «олбанский» язык [Кронгауз 2013] – в конечном счёте проблема национальной безопасности страны. Язык СМИ в целом способствует *деинтеллектуализации речи*, вербальной коммуникации «вплоть до социального идиотизма» [Гобозов 2013: 149–151]. В связи с этим высказывается опасение, не станет ли информатизация школы «троянским конём». У молодого поколения, не отягощённого знанием норм, не проникнутого чувством любви к языку, предпочитающего знакомиться с литературой не в оригинале, а проглатывая её в виде заготовленного «фастфуда», игра с языком превращается в его деструкцию, что ведёт к искажению языка, оскудению его творческого потенциала.

Как ни парадоксально, но опыт работы с научными текстами свидетельствует о том, что и язык научных публикаций далёк от совершенства. Теоретики языка, следуя за В. Гумбольдтом, подтверждают, что и язык науки привязан к ценностному коду нацио-

нальной культуры и к её формам вербального общения. Поэтому деструктивные тенденции проявляются и в этой функциональной сфере. Так, исследователи свидетельствуют, что в «Геологическом словаре», по сути, энциклопедии современной науки о земной коре, имеется более тысячи терминов, определённых нелогично. «Имеются ошибки всех мыслимых типов – и амфиболия, и полисемия, и тавтология, и плеоназм, и абсурд, и даже сумбур, но главный его порок – некогерентность» [Проблемы языка 2016: 127–134]. И если эти и подобные факты пусть напрямую и не связаны с ИПВ, тем не менее они являются величайшей угрозой национальной безопасности отечества.

В исследованиях лингвистов показана первостепенная роль языка в формировании национально-этнической идентичности и личностной самоидентификации, в сохранении государственной целостности и международного престижа, его роль как фундамента национальной культуры. Показаны положительные и отрицательные аспекты школы, образования и СМИ как основных механизмов обучения и образования и одновременно проводников опасных процессов **глобализации** и разрушения языка, **перендентификации общества**. Звучит тревожное предупреждение: «Основная опасность национальной российской политики – возможность утраты национальной идентичности» [Диалог культур... 2011: 118].

Русский язык как генетическое хранилище русской и общероссийской идентичности, ядро исторической культуры Российского государства, инструмент межреспубликанского общения, инструмент трансляции общечеловеческих культурных и информационных ценностей в субъекты РФ и ближнего зарубежья, как основа лингвокультурной идентичности Русского мира, что в целом обеспечивает международный политический авторитет России, безусловно, должен признаваться как один из важнейших и объектов, и факторов обеспечения информационной и, шире и значительнее, национальной безопасности Российской Федерации. Чтобы противостоять деструктивным воздействиям на язык, а через него на сознание носителей языка, необходимо – справедливо утверждает В.В. Химик – «реальное и официальное возведение русского языка в общенациональную ценность» [Химик 2008: 16].

Как представлены (и реализованы ли) эти ожидания в основном документе по национальной безопасности Российской Федерации? В Указе Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» национальная

безопасность определена как «состояние защищённости личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при которой обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан РФ, достойные качества и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие РФ. Национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией РФ и законодательством РФ, прежде всего, государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасности, безопасность личности».

Как видим, в перечне важнейших видов национальной безопасности языковая безопасность отсутствует. Не было упоминаний о русском языке как национальном или государственном в Указах 1996 и 2000 гг. в разделах о национальных интересах и угрозах национальной безопасности: нет его трактовки ни как мишени, ни как источника угроз, ни как объекта государственной защиты. В Указе 2015 г. в разделе III «Национальные интересы и стратегические национальные приоритеты» тема языка появляется только в подразделе «Наука, технологии и образование». Пункт 70: «Для решения задач национальной безопасности в области науки, технологий и образования <...> необходимо повышение *качества преподавания русского языка, литературы, отечественной истории...*» В документе нет термина «общероссийская нация», но появляется (п.п. 76, 77) терминопонятие *общероссийская/российская/общенациональная идентичность*. И здесь о языке ни слова. Также не отмечена роль русского языка в перечне традиционных духовно-нравственных ценностей. В перечне **угроз** национальной безопасности в области культуры **добавлено**: «...а также “*снижение роли русского языка в мире, качества его преподавания в России и за рубежом*”». Корректно, хотя и максимально лаконично сформулированы высшие функции русского языка, но ограниченные областью культуры (п. 81): «Особое значение для укрепления национальной безопасности в области культуры имеет проведение *государственной политики по реализации функций русского языка как государственного языка РФ, средства обеспечения государственной целостности страны и межнационального общения народов РФ, основы развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве...*». В разделе VI «Основные показатели национальной безопасности» тема языка отсутствует. Отсутствует указание на его роль, в том числе

его статус как мирового, а также на его роль в создании престижа страны в заключительном разделе «Стратегии». Нет признания языка как самостоятельной, высшей ценности, как средства идентификации (русской ли, российской ли) нации. В общем и целом текст документа абсолютно не отвечает представлениям о роли и функциях языка в гуманитарных науках. Наименованию документа «стратегия» не соответствует обтекаемое, формально-бюрократическое содержание. Нет, естественно, ориентации на выполнение каких-либо действенных мер по укреплению русского языка (кроме общих слов о школьном преподавании). Всё это свидетельствует об отсутствии чётких представлений о будущем страны.

Русский язык должен признаваться одним из основных объектов защиты в системе национальной безопасности, поскольку он в условиях информационно-психологической войны оказывается одной из основных мишеней этой войны.

4.2. Русский язык в контексте русофобии

То, что против России сегодня ведется информационная война, а точнее – информационно-психологическая война, не вызывает сомнения. Ведущими целями этой войны видятся следующие: 1) опорочить русский народ путем подрыва авторитета нации; 2) дискредитировать православие как основу русской национальной культуры; 3) минимизировать роль русского языка, указать на его отсталость по сравнению с другими языками, в первую очередь – английским; 4) продемонстрировать ущербность политики государства. На достижение указанных целей направлены разные средства и способы.

В средствах массовой информации, особенно электронных, подвергается сомнению факт наличия русской нации, русского народа. Приведу лишь отдельные примеры, подтверждающие этот тезис. Из газеты «Новые ведомости», автор статьи А. Васильева: «О том, что русский стыдится быть русским, говорят ученые-этнографы. Ни в прежние века, ни теперь практически *ни один русский* [выделено мной. – И.Е.] на вопрос: “Кто ты?” не отвечает: “Я – русский”.

Об этом не так давно ученые рассказали на круглом столе, посвященном вопросу: “Кто такие русские?” <...> Большинство представителей других национальностей на вопрос: “Кто ты?” отвечают: “Я – чеченец”, “Я – татарин” и так далее. И только русский пишет: “Я – бухгалтер”, “Я – инженер”. Отсюда ученые делают вывод – национальная самоидентификация стоит у русских далеко не на первом месте» [Васильева 2013. URL: <http://nvdaily.ru/info/12722.html> (дата обращения: 08.05.2016)]. Интересно, о каких ученых-этнографах пишет А. Васильева и какая задача перед ними стояла, если заведомо понятно, что ответы типа «Я – русский» или «Я – учитель» зависят от коммуникативной ситуации, в которой был задан вопрос.

Еще пример. Н. Усков на поставленный им же вопрос «Существует ли русская нация?» отвечает: «В этом я совсем не уверен». Эта идея развивается автором в книге «Неизвестная Россия. История, которая вас удивит» [Усков 2014. URL: <http://fanread.ru/book/10560413/?page=1> (дата обращения: 24.03.2017)], где история России признается мифологизированной. Автор претендует на разоблачение вымыслов и стереотипов. В ходе изысканий исторического развития и становления России он приходит к выводу о сомнительности существования нации русских.

Показательно также публичное высказывание Тины Канде-лаки, сегодняшнего руководителя государственного телеканала «Матч ТВ», в первом выпуске передачи «Нереальная политика» в 2009 г. (передача выходила в тот момент на интернет-телеканале «Post TV»). Видеохостинг YouTube разместил эту запись 25 апреля 2012 г. [<https://www.youtube.com/watch?v=R6zqWF-Lt7E>): *«Это давным-давно всеми доказанный факт, что российский этнос изменился, он не состоит из русских, он многонационален так же, как американский народ!»* Это высказывание поражает странностью мышления автора. О каком российском этносе речь? Есть русский этнос, русский народ, русская нация! А есть российский народ, к которому относятся и русские, и татары, и чуваша, и ненцы, и долганы и многие другие народности. Из них русские – это самая многочисленная и, следовательно, титульная нация в России, иными словами – это коренной и де-факто государствообразующий народ России. По результатам всероссийской переписи населения 2010 г. количество русских (людей, в графе национальность указавших «русский») превысило восьмидесятипроцентный барьер (см. данные Росстата, представленные в «Российской газете» [<https://rg.ru/2011/12/16/stat.html>]).

Фразами «Русский – это не национальность!», «Русской нации никогда не было и, надеюсь, никогда не будет!», «Русской нации, как таковой, нет!», «Русские, как нация, не состоялись», «Русские, как нация, уходят с исторической сцены» и тому подобными пестрят интернет-блоги. Авторы подобных высказываний, делая экскурс в историю, утверждают, что русские не биологическая общность, поэтому о существовании нации русских говорить нельзя; что термин «русский» должен характеризовать не нацию, а стереотип поведения людей (что касается стереотипов, то образ русского человека с позиции русофобов весьма специфичен [URL: <https://marketium.ru/7-zhutkih-stereotipov/> (дата обращения: 24.03.2017)]). В таких текстах суждение о нации порой складывается по отношению их авторов к представителям государственной власти, когда «недовольные» подстрекают против власти самыми изысканными способами.

Доктор филологических наук Т.Л. Миронова, рассуждая о том, что русских объединяет в народ, выделяет такие факторы, как наличие у русских общих единокровных предков, общих законов и истории, *укорененность в своем Отечестве*, принадлежность к православной вере, а также общий язык, который определяет национальный характер и мировоззрение народа [Миронова 2010]. Из них русскому слову отводится едва ли не главенствующая роль. В основе слова *укорененность* лежит базовая единица *корень*, и ближайшая ассоциация, возникающая в сознании на рассматриваемое сочетание-стимул, может быть выражена фразеологизмом *пустить корни*. Но возникает вопрос: можно ли под укоренением в конкретном Отечестве понимать факт рождения в определенном месте или, например, переезд на постоянное место жительства на какую-либо территорию? Вряд ли. Сейчас люди разных национальностей живут в России (армяне, киргизы, китайцы и др.), рожают детей, но их не воспринимают как людей, укоренившихся в нашем Отечестве, и себя они не относят к нашему Отечеству, в частности, к русскому народу. Сочетание «укорениться в своем Отечестве» может быть применено к тем людям, которые осознают и принимают наличие тесных культурно-исторических связей между всеми представителями народа данного Отечества, поддерживают эти связи и передают их потомкам, а также, что немаловажно, гордятся принадлежностью к этому Отечеству. При этом факт места географического рождения человека в этом случае не является определяющим, т.к. Отечество и Родина – не одно и то же.

Т.Л. Миронова, говоря о неустойчивости в современном мире отдельных факторов, определяющих нацию русских, а именно это позволяет антагонистам отвергать русских как нацию, пишет: «Да было, было уже подобное в русской истории, но откуда оставались хотя бы две скрепы – русское слово и русская кровь, – те последние вехи, которые труднее всего изничтожить, – нация восставала из пепла гибели» [Миронова 2010: 66]. Именно язык является одной из основных составляющих, которые определяют мировоззрение и национальный характер. Одним из эффективных средств борьбы с нацией является запрет на использование языка. Яркий пример такой борьбы с нацией русских мы наблюдаем сегодня на Украине, где единственным государственным языком согласно «Закону о языках», принятом в декабре 2016 г., определен украинский, при том что русский язык наряду с украинским является наиболее распространенным на территории этого государства. Показательны слова экс-депутата Верховной Рады, члена неонацистской партии «Свобода» И. Фарион, которая 17 ноября 2016 г. в эфире «Радио Свобода» заявила следующее: «Русскоязычные жители Украины, не желающие переходить на украинский язык, в перспективе будут лишены права на образование и работу» [Фарион: Русскоязычные не должны получать образование и работу. URL: <http://vesti-ukr.com/strana/210784-farion-rucckojazychnye-ne-dolzheny-poluchat-obrazovanie-i-rabotu> (дата обращения: 24.03.2017)].

Под сомнение ставится факт наличия русской нации, однако невозможно отрицать существование русского языка, но можно разными способами его опорочить. Далее речь пойдет о том, с какой целью русский язык становится мишенью войны.

Остановлюсь на отдельных публикациях известного филолога М.Н. Эпштейна, который получил образование в России (МГУ им. М.В. Ломоносова) и в 1990 г. эмигрировал в США, где в Институте Кеннана в Вашингтоне среди прочего выполнял исследование по теме «Советский идеологический язык». В последнее десятилетие он уделяет большое внимание теме творческого развития русского языка. Несмотря на привлекательность идеи о творческом подходе к развитию русского языка, его работы дают основание для критики. «Натворил он довольно много всего, – пишет Б. Костин, эмоционально отреагировавший на статью Эпштейна “Русский язык в свете творческой филологии разыскания”, – <...> этот антирусский пасквиль толкает самоуничижительную идейку, дескать русский язык деградирует – на фоне бурно развивающихся иностранных язы-

ков, особенно английского, – и в этом виноваты мы, рядовые граждане России, потому что мы-де не хотим развивать свою речь» [Костин 2013]. В конце статьи Б. Костин замечает: «Читатель может упрекнуть меня в том, что я, взявшись критиковать статью Эпштейна, скатился в критику, даже не критику, а поношение самого Эпштейна. Да, это так. Потому что человек, нагло попирающий все принципы научного исследования, заведомо враждебный к русскому языку и придерживающийся двойных стандартов в оценке рассматриваемого предмета, принципиально не может сообщить ничего научно значимого и практически полезного. Всё, что он сообщает, есть ложь от начала до конца, даже если его отдельные мысли приблизительно похожи на верные» [Там же].

М.Н. Эпштейн с 17 апреля 2000 г. запустил интернет-проект «Дар слова. Проективный лексикон» (вплоть до конца 2010 г. еженедельно осуществлялась рассылка статей с придуманными Эпштейном словами, а также пользователями сайта, подключившимися к проекту), в рамках которого автор призывает всех, используя средства русского языка, создавать новые слова с целью расширения словарного состава языка. Необходимость обновления русского языка Эпштейн объясняет в ряде статей и интервью. См. выдержки из статьи «Русский язык в свете творческой филологии разыскания»: «Состояние русского языка по итогам XX века вызывает тревогу. Кажется, что наряду с депопуляцией страны происходит делексикация ее языка, обеднение словарного запаса. Это бросается в глаза особенно по контрасту с динамичным развитием русского языка в XIX веке и взрывной динамикой ряда европейских и азиатских языков в XX веке»; «Будущее может описываться в самых разных жанрах <...> Но самый экономный, так сказать, минимальный жанр описания будущего – это новое слово, неологизм. Оно не только описывает возможное будущее, но **создает саму эту возможность**, поскольку **расширяет сферу смыслов, действующих в языке**. А что на языке, то и в уме; что на уме, то и в деле»; «Филология не просто любит и изучает слова, но и извлекает из них возможность для новой мысли и дела; расширяя языковой запас культуры, меняет ее генофонд, манеру мыслить и действовать» [Эпштейн 2006].

Однако создание Эпштейном новых слов направлено не на развитие русского языка, не на расширение сферы смыслов, а на демонстрацию того, каким образом можно, модифицируя лексику и грамматику русского языка, изменять ментальность и поведение российского общества.

Признаюсь, в 2009–2010 гг. сама была увлечена проектом Эпштейна. Не прочла на тот момент статьи, которые сопровождали проект, увлеклась «острыми» новообразованиями: *вампьютер*, *зомбоящик*, *трепорттер*, *беруша* ‘взяточник’, *длясебяки* ‘живущие только для себя’ и др. Дома устраивались обсуждения некоторых понравившихся единиц (кстати, ни одна из них так и не вошла в лексикон членов семьи), тоже пытались придумывать слова. Результатом такого увлечения явились несколько статей, в которых анализу был подвергнут состав «Новослова» (проективный словарь, который составлялся подписчиками проекта «Дар слова») с деривационных позиций [Евсеева 2010]; метод корнесловия, предложенный Эпштейном, был положен в основу развития лингвокреативной деятельности школьников и студентов при изучении словообразования [Евсеева 2012]. Затея создавать новые единицы из имеющихся ресурсов языка, на мой взгляд, привлекательная, но их создание должно быть лингвистически и культурологически оправдано.

А теперь давайте посмотрим на единицы, которые М.Н. Эпштейн стремится внедрить в лексикон россиян. Именно внедрить, т.к. неоднократно повторяет придуманные им слова в последующих выпусках, делает ссылки на ранее написанное, обращая вновь и вновь читателя к тем результатам словотворения, которые важны для решения задачи их автора. Он надеется, что «не все предложенное будет отвергнуто» [Эпштейн 2002].

Итак, Эпштейн начинает с самых главных, по его мнению, корней русского языка, корней мужского и женского естества – *-яр-* (*ярить*) и *-ём-* (*ёмить*). Это, как он пишет, альтернатива русскому мату. С опорой на первый корень Эпштейн предлагает 49 единиц (*по-ярить*, *заярить*, *отъярить*, *выярить*, *пояриться*, *ярка*, *ярный*, *ярильный*, *ярун* и др.), на второй – 30 (*заёмить*, *уёмище*, *ёмка*, *ёмщица*, *ёмница*, *емля*, *ёмие*, *ятие*, *поёма*, *ёмный*, *ёмность*, *въёмно* и др.). Интересно, кто-то взял на вооружение эти единицы? А вот еще сравните: *влюбь*, *любич*, *любля*, *любород*, *мертвоживчик*, *смертозюид*, *смерма*, *танатозой*, *достоевничать*, *огоголить*, *опутить*, *хронократия*, *хрономания*, *хренема*, *москвунья*, *москвушка*, *москвиха* и мн. др. Возникает вопрос о прагматической оправданности этих слов (какую семантическую лакуну они закрывают?) и их соответствии эстетическому критерию. Отмеченные единицы не могут претендовать на факты «языковой игры», понимаемой как процесс, когда человек не просто «играет» с формой слова и его смыслом, а когда «свободное отношение к форме речи получает эстетическое задание, пусть

даже самое скромное» [Земская и др. 1983: 172]. Языковая игра связана с разумностью создания нового слова, которое хочется повторить. Этого нельзя сказать о приведенных выше образованиях.

А теперь давайте посмотрим, каким образом М.Н. Эпштейн через язык характеризует наше общество. В интервью журналистке Е. Власенко Эпштейн говорит: «Русский язык – истерический, параноидальный. И он выражает состояние общества» [Власенко 2009]. Далее Эпштейн делится мыслью о том, что в России «кризис словотворчества связан с низкой рождаемостью» и что «Россия утратила свое имя». Из этого же интервью: «Российская особенность – слова с сильной экспрессией. В словах русского языка не только называется нечто, но и выражается отношение к предмету: либо сильно положительное, либо сильно отрицательное. Преобладание таких слов в речевом обиходе или среди слов-финалистов – характерная особенность российской ментальности. Среди слов года много жаргонизмов, опять-таки не нейтральных слов, а экспрессивно заряженных. К ним относятся та же *Медвенутия*, *зомбоящик*, *объЕГЭрить* (обмануть на сдаче единого государственного экзамена), *криминалиссимус* (высочайшее лицо преступного ранга типа Сталина или, с другой стороны, Иванькова), *евсюковщина*, *нанопрезидент* (маленький по росту и, может быть, по сущности президент, пропагандирующий нанотехнологии). Все эти слова – издевательские, с подковыркой. Таких слов действительно не так много среди лидеров подобного рода конкурсов в США или Германии. Это особенность русского языка – языка не столько мысли, рассуждения, размышления, сколько эмоциональных встрясок, эмоциональных отношений» [Там же]. Примеры, приведенные М.Н. Эпштейном, говорят о том, что русские не потеряли способность к словопроизводству, хотя это словопроизводство и отражает специфику времени.

Подчеркивая элитарность английского языка, Эпштейн последовательно продвигает мысль о скудости русского языка, его несостоятельности в плане лексикографического развития, обвиняет лексикографов в искусственном раздувании словарей, в частности, за счет включения в них диминутивов. Сравните выдержки из статьи «Русский язык в свете творческой филологии разыскания» [Эпштейн 2006]:

«Язык – это главный капитал информационного века, сосредотачивающий в себе большую долю национального богатства, чем нефть, газ и все полезные ископаемые вместе взятые. Не случайно *самое богатое и динамичное общество в мире* [выделено мной. – И.Е.]

может похвастаться и самым большим словарным запасом – и весьма озабочено его приумножением. Во многих ведущих американских газетах и журналах есть регулярные колонки и рубрики, посвященные состоянию английского языка. <...> Английский язык – в центре внимания американского общества и вызывает гораздо более широкий интерес, чем любой вид деятельности на этом языке, включая литературно-художественную» [Там же].

«Когда я спрашиваю своих филологически наблюдательных друзей, какими словами за последние годы обогатился русский язык, они начинают сыпать англицизмами. Нет, пожалуйста, с русскими корнями, – уточняю вопрос. Оживление быстро затухает, и с трудом из памяти извлекаются “озвучить”, “отморозок”, “беспредел”, “разборка”, “наезжать”, “париться” (“напрягаться”) и несколько других столь же неновых и в основном низкородных (блатных) слов, выскочивших из грязи в князи; список не меняется годами. Между тем за пять лет нового века английский язык обогатился тысячами новых слов (а значит, и реалий, понятий, идей), созданных на его собственной корневой основе» [Там же]. То, что русский язык сегодня пополняется в большей степени за счет единиц английского языка, является фактом. Это связано и с развитием информационных технологий, которые приходят в Россию часто уже вместе со словом, и с массовым изучением данного языка россиянами. Однако говорить о том, что из русских корней создаются лишь «низкородные» слова, вряд ли можно. Сравните, например: *архиватор* (производящее слово *архив* латинского происхождения, со времен Петра I освоено русским языком) – специальная программа для создания архивов путем сжатия файлов, *яблочный* – определение всех электронных устройств от фирмы Apple, *зожный* – от сокращения ЗОЖ (здоровый образ жизни), полезный, здоровый, *таблетка* – небольшая круглая батарейка (элемент питания), которая размещается на материнской плате. Кроме того, можно привести целый ряд сокращений разговорного характера: *операционка* – операционная система, *системник* – системный блок, *демоверсия* – демонстрационная версия, *админ* – администратор сети, *сисадмин* – системный администратор.

«Если английский язык в течение XX века в несколько раз увеличил свой лексический запас, то русский язык скорее потерпел убытки и в настоящее время насчитывает, по самым щедрым оценкам, не более 150 тыс. лексических единиц. При этом следует признать, что в словарях русского языка огромное число “дутых” единиц – суффиксальных образований скорее словоизменительного, чем

словообразовательного порядка. Как ни горько в этом признаться, представление о лексическом богатстве русского языка во многом основано на уменьшительных суффиксах, которые утраивают, а часто даже и упятеряют количество существительных, официально числимых в словарях» [Там же]. Подчеркивая элитарность английского языка, Эпштейн последовательно продвигает мысль о скудости русского языка, обвиняет лексикографов в искусственном раздувании словарей, в частности, за счет включения в них диминутивов. Отмечая обилие слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами, автор пишет: «<...> такой уменьшительный склад речи выполняет отчасти психотерапевтическую, компенсаторную функцию в российском обществе. По традиции здесь человек чувствует себя подавленным и униженным. Перед государством, крепостным правом, тоталитарной системой, милицией, начальниками и чиновниками всех рангов. Маленький он человек. А пользуясь уменьшительными суффиксами, он начинает чувствовать себя большим. Перед ним все маленькое: и водичка, и ножик, и песик, и улочка, и деревце, и лесочек... И даже начальник. <...> Русский язык, противодействуя русскому обществу, позволяет маленькому человеку создать свой уютный мирок, в котором он чувствует себя великаном. Гулливером этого лилипутского мира. И забывает, что сам он лилипут другого мира, который смотрит на него сверху вниз. Тем самым уменьшительный язык помогает ему восстановить свой достойный масштаб, почувствовать себя человеком если не в обществе и государстве, то хотя бы в мире словесных знаков» [Эпштейн 2009].

Действительно, в русском языке активны диминутивные модели. При этом многочисленные уменьшительно-ласкательные формы в речи воспринимаются негативно, особенно в ситуации официально-делового общения: *вот ваша платёжечка, подпишем договорчик, продлим арендочку*, обращения типа *Людочка Ивановна* и под. Однако использование диминутивов в речи не означает, что человек, чувствуя себя подавленным и униженным, хочет казаться более значимым. Диминутивы часто выполняют в речи важнейшие функции. Так, важную роль играет терапевтическое использование диминутивных форм, в которых значение уменьшительности отсутствует. Сравните коммуникативные ситуации у врача при обращении к взрослому человеку: *Откроем ротик / Поморгайте глазками / Посмотрим шовчик*. В данном случае врач, употребляя слова с суффиксами -к-, -ик-, -чик, выражает сочувствие пациенту. Подобные речевые приемы, выступая средством смягчения, сбли-

жают коммуникантов. Вполне уместны (а часто желательны) диминутивные морфемные формы при актуализации вежливых отношений в неофициальной сфере общения, в частности при обращении в семье: *Сынок, принеси воды / Мамочка, ты самая красивая / Папуля, купи вкусенького*. Сравните также распространенное сегодня слово *обнимашки*, которое образовано по малопродуктивной отсубстантивной словообразовательной модели с суффиксом -ашк-, по которой образуются как слова с уменьшительным значением типа *мордашка* (в нем происходит совмещение словообразовательного значения уменьшительности и формы субъективной оценки), так и слова с уничижительной семантикой типа *старикашка*. Слово *обнимашки* уже вошло в речь россиян (мы слышим его с экранов телевизоров, в речи окружающих), но не получило пока еще своей лексикографической фиксации.

В случаях типа *Ну что, муженёк, опять набрался?!* прослеживается ёрническая тональность. Негативное отношение к объекту речи подчеркивается не формой слова *муженёк*, а семантикой контекстного окружения. Важны для разговорной речи и так называемые «минимизаторы», используемые для снижения «социальной цены» предмета просьбы, о чем пишет Т. В. Ларина, приводя примеры: *Положить еще салат? – Только капельку / Подожди секундочку / Я только на минуточку* [Ларина 2009]. Диминутивные морфемные формы, выражающие субъективное отношение к предмету речи, несут чаще положительную оценку. Отрицательная оценка тоже, конечно, имеет место, ср.: *Так себе книжонка / Убери свои ручонки*. И именно контекст позволяет максимально точно определить функциональную роль диминутивной формы. И это, опять же, говорит о богатстве русского языка, а не о его бедности.

Мне близко мнение журналистки Н. Горячевой (Эпштейн, опровергая мнение журналистки, сам цитирует ее), отреагировавшей на статью М.Н. Эпштейна «Чик и ек. Как мир нас уменьшает, а мы его – в ответ» следующим образом: «Уменьшительно-ласкательные суффиксы не столько уменьшительные, сколько теплительные. Меняется не размер, а температура слова. <...> Теплительными суффиксами мы уравниваем температуру внутри себя и снаружи, в том, к кому, чему они обращены. Главное здесь – не избавление от страха путем уменьшения, а природнение путем согревания, утепления» [Эпштейн 2009].

Меньшее количество слов в русском языке (по сравнению с английским) рассматривается Эпштейном как его оскудение. Ведущий

научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН Л.Е. Кругликова в интервью Н. Кутыревой, журналисту сайта «Русский на 5», приводит факты, противоречащие тому, что «русский язык гниёт на корню», а английский «лопается от изобилия». Развенчивая миф и о миллионном слове в английском языке, и об оскудении русского языка, она замечает: «Я бы никогда не стала проводить такие сравнения, если бы меня не вынудили к этому те, кто правдами и неправдами хочет похоронить русский язык, а вместе с ним и русских» [Кутырева 2014].

Эпштейн скромно умалчивает, что, по мнению американских лингвистов (Б. Циммера, Д. Нунберга, Д. Шейдловера и др.), «нельзя точно подсчитать количество слов, так как для этого надо сначала определить, что считать словом». «Лингвисты (именно на них ссылается М.Н. Эпштейн, когда говорит о приходе в английский язык миллионного слова) не признают наличия миллиона слов в английском, а называют, по свидетельству издательской фирмы Merriam-Webster, цифру в четыре раза меньшую. Последняя совпадает с реальным числом слов в Оксфордском словаре английского языка за тысячелетнюю историю его развития» [Там же].

Не обходит стороной М.Н. Эпштейн и вопрос о латинизации русского языка, пишет об этом «как о пугающей, но вполне осознательной перспективе электронной словесности XXI века». Сравните фрагменты из его разных статей, в которых реализована тактика мрачных прогнозов, которая выделяется среди манипулятивных: «Стандарты письменного общения, нормы внятности задаются электронными средствами коммуникации, а кириллица мало того, что маленький островок в море электро-письмен, она еще сама раздробила себя на несколько кодировок, из-за чего многие русские переписываются на латинице. <...> Возможно, через сто лет кириллица останется именно азбукой художественного письма, отличительным эстетическим признаком, хотя одновременно появятся и произведения, созданные на “живой”, разговорно-деловой латинице (как Данте перешел от литературной латыни к живому, хотя и “вульгарному” итальянскому и стал одним из основоположников новоевропейских литератур). Латинская версия русского начнет эстетизироваться, появится дополнительная возможность многозначной игры со словами других языков... Говорю это с ужасом...» [Эпштейн 2000]; «Судьба русской культуры зависит от судьбы языка: останется ли он русским или, по прошествии нескольких веков, олатинится по алфавиту, или по лексике, или даже и по грамматике – вольется в мировой язык,

составленный, скорей всего, на основе английского и испанского. **Латинизация русского алфавита** – перспектива хоть и пугающая, но вполне осязаемая уже к концу нашего нового века, по крайней мере, для нехудожественной словесности» [Там же]; «Россия может дожить до того, что кириллица вообще за ненадобностью будет сдана в архив и забыта через одно-два поколения, так что Пушкина, Достоевского и Толстого нашим правнукам уже придется читать на латинице. Хорошо еще если не в английском переводе. Или на **“руслише”** (**“рус-ский инг-лиш”**), который станет одной из провинциальных версий английского» [Там же]. Обратите внимание: уже и название некоему новому языку взамен русскому предложено.

«Возможная латинизация – это лишь проекция ускоряющейся варваризации. Русский язык наводняется английскими словами, которые предпочтительно читать на латинице, где их корень и смысл прозрачны. Скажем, такие расхожие спортивные словечки, как **“арм-рестлинг”** (armwrestling), **“бодибилдинг”** (bodybuilding) и **“виндсерфинг”** (windsurfing), намного лучше выглядят на латинице, чем на кириллице, как и слова **“шоу”**, **“менеджмент”**, **“экаунтинг”**. По-русски они звучат и выглядят дико, мертво, как железобетонная конструкция в березовой роще» [Эпштейн 2006]. Вполне конкретное, незауавалированное предложение: сначала допустим, чтобы англицизмы писались на латинице, тогда графическая форма слова лучше воспринимается, а затем и при написании русских слов будем использовать латинский алфавит. Кстати, такие республики СНГ, как Азербайджан, Туркмения и Узбекистан, уже перевели национальные алфавиты на латиницу. Сегодня вопрос о переходе на латиницу стоит в Казахстане и, отчасти, в Кыргызстане. Предложение введения латинского алфавита в Казахстане обосновывается необходимостью сменить советскую идентичность, которая сейчас еще доминирует в национальном сознании казахских граждан.

Последствия перехода на латиницу вполне очевидны: подрастающее поколение не сможет в большинстве своем познакомиться с тем духовным наследием, которое было накоплено веками, в частности, русской культурой. Следовательно, произойдет утрата национальных культурных ценностей. Кроме того, абсолютно точно осуществить транслитерацию русского текста латинскими буквами невозможно (хотя бы потому, что в латинском алфавите меньше букв – 26 – по сравнению с кириллическим, где 33 знака), это обязательно приведёт к потере качества текста, а следовательно, в ряде случаев и к ошибочной записи с позиции национально-культурной специфики русского языка.

М.Н. Эпштейн в своих изысканиях дошел до фантастической мысли изменить не только русскую лексику, графику, но и грамматику, о чем ведет речь в статье «О творческом потенциале русского языка. Грамматика переходности и транзитивное общество» [Эпштейн 2007]. В ней он высказывает идею искусственного расширения круга переходных глаголов. И здесь Эпштейн вновь пытается уподобить русский язык английскому: в русском языке переходных глаголов всего треть от общего числа глаголов, в то время как в английском «есть множество глаголов, употребляемых и в переходном, и в непереходном значении, что придает им функциональную гибкость, поливалентность» [Там же].

Эпштейн обратил внимание на эту грамматическую категорию неслучайно. Он считает переходность не просто грамматическим свойством, а мыслительной категорией: «Преобладание непереходности в русском языке способствует становлению непереходного мировоззрения...» [Там же]. И дальше в статье встречаем традиционные для Эпштейна призывы, в которых он предлагает вырвать «глагольную систему из этого оцепенения непереходности, оживить каждый непереходный глагол его переходной функцией» [Там же]. В качестве примеров этот филолог приводит следующие конструкты, которые он желал бы видеть в русском языке: *гулять кого-то, хохотать кого-то, плавать кого-то, падать кого-то* и др. Здесь он ссылается на имеющиеся в русской разговорной речи фразы, в которых наличие переходных форм глаголов противоречит грамматике. Наряду с фразами сугубо детской речи (*Пана, полетай меня! Я люблю, когда ты меня летаешь*) приводятся редкие выражения, вошедшие в язык и употребляемые лишь со стилистической целью: *Кто за девушку платит, тот ее и танцует; Кто девушку ночует, тот ее и завтракает*. Однако приведенные им примеры нельзя считать фактом языка, это языковая игра. Мечты М.Н. Эпштейна совсем не выглядят безобидными: «Конечно, сейчас мы находимся только на подступе к этому океану новых возможностей русского языка. Если бы переходность вошла в сознание всего языкового сообщества как переменчивая функция любого глагола, то через одно-два поколения у нас, возможно, было бы другое общество. Общество, которое не претерпевает существующего положения вещей, а само существует вещи, делает так, чтобы они существовали такими, какими оно хочет их и делает их» [Там же].

По мнению Эпштейна, «чтобы выразить отношение Бога к людям и ко всему сущему, стоило бы использовать экзистенциаль-

ные глаголы (речь о глаголах *быть, существовать, становиться, жить, умереть* и др. – выделено мной. – *И.Е.*) именно в переходном значении, что запрещено нынешней грамматикой. Но мысль о Боге взрывает грамматику» [Эпштейн 2007]. Л.Г. Яцкевич, критикуя идеи М.Н. Эпштейна, замечает: «...в переводе на русский (до его «транзитивизации») *умереть кого-то* соответствует глаголам *уморить, убить, погубить*. Почему же не устраивают лингвистического революционера данные глаголы? Или слишком прямо называют эти слова то страшное, что скрывается за генетически измененным глаголом *умереть кого-то?* <...> И русский язык правильно сделает, если будет сопротивляться подобной операции над собой» [Яцкевич 2007]. В языковой системе, как отмечает Л.Г. Яцкевич, любое разрушение какого-либо типа слов приведет к грамматическому хаосу. Данный тезис лингвист демонстрирует сопоставлением двух синтаксических конструкций, выражающих разные типы модальности: *А ну-ка исчезни!* (исчезнуть – непереходный глагол, в ситуации подобного повелевания действие будет выполнено самим субъектом при его желании) и *Или мы сами тебя исчезнем!* (здесь уже глагол приобретает переходную форму, смысл меняется: угроза совершения насильственного действия над человеком). Л.Г. Яцкевич не без оснований считает, что «подобные проекты возможного генетического изменения русского языка нацелены на изменение не только грамматического сознания тех, для кого этот язык является родным, но и на преобразование национального сознания в целом. Автор проекта [Эпштейн. – *И.Е.*] считает, что русский язык до тех пор, пока он является “непереходным”, не может справиться с задачей “свободного мышления”» [Яцкевич 2007: 235]. Желание Эпштейна связано с изменением системы языка, но надо иметь в виду, что выражения типа *Или мы сами тебя исчезнем!* могут быть фактом языковой игры, и в таком случае они относятся к речи, а не языку.

В разделе «комментарии», размещенном к публикации Б. Костина [Костин 2013] в электронном варианте периодического издания «Российский писатель», встречаем одно из высказываний публициста Владимира Бондаренко: «Помню, мы полемизировали с Мишей [речь об М.Н. Эпштейне. – *И.Е.*] еще в студенческие юные годы, в советское время, когда нас обоих обругали и обвинили в антисоветизме в журнале “Коммунист”. Миша испугался, звонит мне, что делать?, – и сразу же уехал в Америку, а меня по-прежнему ругают у себя на Родине. <...> нисколько с той поры Миша Эпштейн

не изменился. Не нужен ему русский язык. Я уж не знаю, что он преподает американцам, для Америки его язык вполне приличен, и все его споры – они для американцев. Пусть и спорят. Только зачем Мише еще и русские премии дают и звания русских академиков?» [Бондаренко В. URL: <http://www.gospisatel.ru/kostin-epshtein.htm> (дата обращения: 24.03.2017)]. Видимо, за то, что М.Н. Эпштейн весьма преуспел в этом самом антисоветизме.

В книге «Великая Сось», написанной в конце 80-х гг. XX в., а изданной в России лишь в 2006 г., Эпштейн называет свое сочинение мифопоэтическим исследованием о великосовском этносе. До издания в России содержание этой книги Эпштейн уже в 1989 г. частично озвучил по радиостанции Би-би-си из Лондона. Им была прочитана глава, которая называется «Социальные группы», где автор характеризует так называемых *совков*. В следующем высказывании Эпштейна чувствуется восторженность, ликование из-за внедрения им в речевой оборот россиян слова *совки*: «Би-би-си в ту весеннюю пору гласности слушала едва ли не половина страны. Не исключено, что тогда-то слово и было подхвачено, во всяком случае, именно с этого времени оно стало распространяться для обозначения самого характерного, живучего, что было в советском человеке и что не исчезло даже с кончиной страны» [Эпштейн 2005].

Достаточно прочитать начало указанной книги, чтобы понять отношение Эпштейна к советскому строю и стране, хотя, как бы между прочим, автор замечает: «Это свиное племя нельзя путать с историческими народами, вроде России или Китая, в окружении которых оно живет, потому что само оно является доисторическим и сверхисторическим» [Там же]. Эпштейн пишет: «Все, кто имел трудное счастье жить в советской стране, навсегда прониклись чувством Великой Тайны. Солнце там никогда не стоит прямо над головой, но каждый предмет прячется в огромной тени, так что нужен особый прищуренный взгляд и бесшумный полет, чтоб проникнуть сквозь общественный сумрак и не потревожить спящих. Именно этого сейчас недостает тем, кто живет в свободных странах, при свете демократического полдня, когда предметы лишаются теней и укорачиваются до собственных малых размеров. <...> Задача книги – не просто исследовать законы советского мифосложения посредством сложения новых, еще более странных и объемлющих мифов, но и воссоздать **таинственную, нелепую прелесть этого ночного бдения в дебрях великосовской державы**» [Там же]. Чувствуется неприятие русской советскости как таковой.

Всех жителей так называемой Сови Эпштейн подразделяет на следующие социальные типы: *совцы́* («сидят на своих вершинах и все время наблюдают, какое дерево достаточно подросло, чтобы перелететь на него, пока об этом не позаботятся другие»), *совейцы* («эти гнездятся пониже, где попало, но у них другая задача – выглядывать незримое Солнце и оповещать о первых его лучах», это образцовые граждане Великих Сумерек), *совча́не* («обычно рождаются, чтобы умереть, и о них настолько ничего не слышно, что многие сомневаются в их существовании»), *сови́щцы* («ходят в серых халатах и занимаются продажей ранее убитых и замороженных мышей, предварительно расфасованных по целлофановым пакетам»). Выдуманные Эпштейном слова показывают его негативное, издевательское отношение к русско-советской действительности.

В качестве эпиграфа к ряду работ М.Н. Эпштейн выбрал слова В. Хлебникова: «Слово управляет мозгом, мозг – руками, руки – царствами». «Вбрасывая» в Интернет огромное количество новообразований (с демонстрацией того, как надо создавать новые единицы), Эпштейн, безусловно, наряду с другими факторами, повлиял на мышление многих граждан России, о чем говорит большое число подписчиков проекта Эпштейна «Дар слова», активно участвующих в словотворении «по заказу» автора проекта. Не случайным видится придуманный и обоснованный Эпштейном метод корнесловия для создания новых слов: это увлекательная интеллектуальная игра, в результате которой, с одной стороны, можно вскрыть существующие в обществе проблемы и ярко их подать, с другой – повлиять на сознание, заставить мыслить в нужном направлении.

Не с проектом ли Эпштейна связано сегодня столь активное приращение россиян (особенно в интернет-пространстве) к созданию слов? На этот вопрос нельзя дать однозначный ответ. Очевидно, однако, то, что явление, связанное с огромным количеством пестрящих на разного рода сайтах, в СМИ новообразований – слов, несущих большое эмоциональное напряжение, – характерно именно для последнего десятилетия. Семантика таких слов, многие из которых уже получили развитие в словообразовательных гнездах, как правило, негативно-оценочная. Ср.: *Путлер, путиноид, медвепут* (и вариант: *МедвеПут*), *путинизм, путинисты, путиномика, быдло-путло, опутить; нашисты, крымнашисты; либерасня, либерасты; поцреотня, поцреоты, поцреотицкое; ватос, ватник, ватная поцреотня, тандемократ, демокрадия, дерьмократия* и мн. др. Подобные единицы являются косвенным, но довольно ярким свидетельством идущей в России ИПВ.

Продемонстрированный материал показывает актуальность терминов «языковое насилие» и «языковая агрессия», под которыми понимаются формы речевого поведения, направленные на уничтожение языковой личности адресата, на манипулирование им в интересах автора высказывания [Эффективное речевое общение... 2012; Шарифуллин 2004]. Сегодня языковое насилие являет собой форму массового речевого воздействия на сознание людей (в частности – русских) с целью минимизировать значимость языка, дискредитировать его носителей и, как следствие, ослабить влияние в мире.

Использование русского языка против русских представляет довольно серьезную опасность, т.к. именно язык определяет национальный характер и мировоззрение народа. Самым неприятным является то, что эта опасность исходит изнутри российского общества, а также со стороны бывших соотечественников, которые, находясь за границей, дискредитируют утраченную родину, тем самым как бы оправдывая свою эмиграцию.

В наше время как никогда актуальны слова: «Потребность осмыслить свою национальную принадлежность у человека, как правило, возникает тогда, когда сама нация переживает сложные трагические потрясения. В нашей русской истории рост и подъем национального самосознания всегда был связан с войнами, нападениями захватчиков, которые ставили целью или порабощение нации, или уничтожение русских как национального образования» [Миронова 2010]. Русский язык сегодня, наряду с православием и другими факторами, остается тем мощным стержнем, который объединяет всех русских в народ. Ответственность за судьбу русской нации сегодня лежит на каждом ее представителе. И немаловажную роль в противодействии языковому насилию должны играть филологи.

Глава 5. РОССИЯ КАК МИШЕНЬ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

5.1. Художественный текст как пространство информационно-психологической войны (на материале романа/повести А.А. Зиновьева «Катастройка»)

Одной из ключевых задач ИПВ в западной геополитике является ослабление, а в идеале – исчезновение с карты мира России как самостоятельного государства. Это чётко прописано уже в Директиве Совета национальной безопасности США от 18.08.1948 в обширном разделе «Задачи в отношении России». Откровенно говорилось, что «максимальной целью» США является стремление «к полному распаду и исчезновению Советской власти» [Директива... 1948: 17–18]. Главным инструментом достижения цели в этой ИПВ естественным образом служит **язык**. Но при этом он и сам неминуемо становится объектом манипулятивных (деструктивных) действий. И это, уточним, являет собой и крайнее выражение дезэкологизации языка, – не меньшее преступление против человечества. Ответственная социальная миссия филологов – исследовать, разоблачать практику антироссийской ИПВ, как внешней, так и внутренней, вооружать граждан страны знаниями и способами противостоять деструктивной политике антироссийских сил.

Приступая к решению обозначенной в заглавии статьи задачи, необходимо прежде остановиться на правомерности самой постановки вопроса. На первый взгляд, понятия художественного творчества и войны интенционально несовместимы. Тем не менее представление об информационных войнах вначале появилось именно в худо-

жественной литературе, например у фантаста С. Лема [Расторгуев 2003: 106].

Художественное творчество относится, наряду с политикой, религией, правом, этикой, к ведущим семантическим сферам, обслуживающим идеологию [Политическая коммуникативистика 2012: 214–215]. В советском обществе художественная литература была «главным медиумом идеологии» [Кризис литературоцентризма 2014: 35]. В тяжёлый для России постперестроечный период художественное творчество под мощным влиянием идеологов и политтехнологов Запада нередко превращается в мощное средство антироссийской агрессии. В яркой форме это отражает так называемая «доктрина А. Даллеса»: «Посеяв в России хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые <...>. Литература, театр, кино – всё будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в сознание культ секса, насилия, садизма, предательства, – словом, всякой безнравственности. <...> Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу – всё это мы будем ловко и незаметно культивировать» [Лисичкин, Шелепин 2005: 82].

Подлинная литература должна служить реальным противовесом разлагающему влиянию на умы и души россиян СМИ и массовой культуры в целом. Не утратили ценности слова Сталина о том, что «писатели – инженеры человеческих душ», и Е. Евтушенко о том, что «поэт в России больше, чем поэт». Это напоминания о большой ответственности писателей за то, что они несут в сознание, душу, мораль потенциального читателя; за то, какую ценностную шкалу содержат их произведения, какую жизненную ориентацию дают и как в конечном итоге «слово наше отзовется». Наибольшей степени информационное воздействие – в произведениях ярко выраженной социальной направленности. В этой дискурсивной области не исключено явление, когда суммарный воздействующий эффект произведения оказывается во многом отличным, если не вовсе противоположным авторскому замыслу.

Автор анализируемого произведения А.А. Зиновьев (1922–2006) – учёный-логик, социолог и социальный философ, публицист, писатель. В 1976 г. за публикации в «Самиздате» и за границей, «не соответствующие идеологическим нормам», был выслан в ФРГ. Однако диссидентом себя не считал и в 1999 г., после восстанов-

ления в российском гражданстве, вернулся в Москву, мотивировав этот шаг невозможностью для него «находиться в лагере тех, кто уничтожает мой народ» (тема «западнизации» – одна из ключевых в послеемигрантский период творчества). «Катастрожка. Повесть о перестройке в Партграде» написана в Мюнхене в период эмиграции, в 1989 г. Литературный жанр этого произведения автор в предисловии к российскому изданию определяет как «*хроникально-социологическую повесть*». Многие исследователи его творчества относят этот труд к наиболее плодотворному для автора, как они полагают, жанру *социологического эссе*. Ю.Б. Балашова предпочитает говорить о «*социально-философском публицистическом романе*» [Балашова 2014: 188]. В автобиографической повести автор относит всё своё литературное творчество «с очень большими оговорками» к *социалистическому реализму*, полагая, что «довёл его до логического конца, придав ему вид сознательной литературно-логической концепции» и создав жанр *социологического романа*, отличного от *социальных* романов образца Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского [Зиновьев 2005: 260].

Неоспорима публицистичность «Катастрожки». Более того, при чтении возникает мысль о *палимпсесте*. Художественная словесная ткань с ярко выраженным пародийно-сатирическим характером неравномерно прерывается относительно небольшими фрагментами с ярко выраженными признаками аналитических жанров публицистики, подчёркнуто контрастирующими по стилистической тональности (эмотивно-экспрессивная нейтральность). Такой гибридный характер имеют даже разделы, озаглавленные как «Комментарий». Пример чисто публицистического стиля – раздел «Коммунистический кризис» (с. 59–62¹).

Сам автор в биографической повести так определил новый вектор своего творчества и стиля: «Высмеивать святыни марксизма и основы коммунизма стало моим призванием. <...> Но высмеивать со смыслом. <...> Мои шутки принимали обычно гротескно-сатирические формы» [Зиновьев 2005: 191]. И далее: «Критическое отношение к реальности и к любым идеалам переустройства общества стало доминирующим в моих умонастроениях. Дух разоблачительства, скептицизма [sic! – А.Б.] и насмешки завладел моими мыслями и чувствами» [Там же: 204]. Пейоративно-уничужительный модус

¹ Здесь и далее страницы приводятся по изданию: Зиновьев А.А. Катастрожка. Повесть о перестройке в Партграде // Зиновьев А.А. Смута. Келвори, Москва, 1995. С. 5–183.

«Катастрофки» заключён уже в контаминированной структуре названия повести. Авторское объяснение: «Кто-то узнал, что слово “перестройка” на греческий язык переводится словом “катастрофа”. На этой основе возникло новое слово “катастрошка”» [Там же: 69].

Символическое название места действия – «Партград» – указывает на то, что это модель всей «перестроечной» России. Все персонажи скорее маски, чем образы. Индивидуальные черты личности имеет разве только «Маодзедунька». Мишенями авторской агрессии стали представители власти, коммунистический строй, коммунистическая партия, реформаторы, либералы, демократы, консерваторы и оппозиционеры, партия зелёных, русский народ, его менталитет, национальные традиции, исторические события и мифология, православие, интеллигенция и диссиденты, КГБ и армия. Страница за страницей демонстрируют, что автор утратил всякое чувство меры, кощунственно обращая свой всеуничтожающий пыл и на ставшие святыми факты российской истории. На разрушительный эффект такого подхода указывает В.И. Самохвалова: «Информационно-смысловой удар дезориентирует человека; информационно-эмоциональный – разрушает его способность к адекватному восприятию <...>; информационно-нравственный – разрушает в человеке прежние нормативные представления о добре и зле, и, наконец, информационно-исторический удар приводит к тому, что человек перестаёт понимать, кто он, и начинает забывать свои корни. Человек теряет все свои оболочки, наращенные в нём культурой, и оказывается лишенным традиции и почвы атомом» [Самохвалова 2013: 203].

Факты далёкой и недавней истории России стали одной из ведущих мишеней агрессивной критики в сочинении Зиновьева. При описании исторических личностей и событий реализуется стратегия **дегероизации**. В коммуникативно-тактическом плане способом достижения замысла автор избрал *социально-нравственную деградацию* исторических личностей и событий. Для этого выгодно перевести обсуждение с высшей ступени социальной лестницы на общедоступную заземлённо-бытовую плоскость, уравнивающую Мастера и ученика, гения, пусть и заблуждающегося, и мещанина, пророка и преступника; с языка философской полемики на язык ярмарочного балагана. Это «**физиологизация**» как вариант бахтинской карнавализации: приём тактики «перевод социального, общественно значимого в бытовую плоскость». В понятийной системе Ю.И. Левина приём можно отнести к разновидности **модальных, или модусных преобразований**. Ареной беспощадного пародирования становится

бытовая сфера. Здесь можно разгуляться самому низкопробному натуралисту, дать волю физиологическим процессам. На языке тюремного криминала это задача «опустить» объекта социальной критики. «Опущенный» в криминальной среде навсегда теряет лицо, имя, становится «неприкасаемым», не достойным уважения самого ничтожного из людей; он навсегда вычеркнут из жизни социума. Это **десоциализация** личности. В качестве тактик используются также фальсификация исторических фактов, хронологические сдвиги, детабуизация. Используются приёмы окарикатуривания, шаржирования, гротеска, абсурдизации. Средством дегероизации служит и фольклор (иногда это довольно скабрёзные **анекдоты** о человеческих слабостях, низменных наклонностях вершителей российских судеб – Горбачёва, Брежнева, Хрущёва, Ельцина; **частушки** на злобу дня – сатира от имени «народа»).

В качестве языковых средств дегероизации выступают экспресивно-оценочные антропонимы и прозвища с пейоративной коннотацией. Деятели высшего эшелона фигурируют под собственными именами, партактивисты среднего звена представляют зооморфную лексику (*Сусликов, Пыжиков, Коровин, Тёлкина*) или имеют подчёркнуто бытовую этимологию (*Портянкин, Кобытов, Жидков, Горбань*). Есть персонаж с фамилией *Рылов*. Исторический персонаж князь Ярослав (или Святослав?) переименован в *Пустослава*. Р.М. Горбачёва именуется «*Горбачушкой*» (языковая игра на двусмысленности: с одной стороны, уменьшительно-ласкательный суффикс -ушк-, с другой – просторечно-грубое «чушка»). Бывшая колхозница Тёлкина «за пристрастие к волюнтаристским методам руководства» получила прозвище «*Маодзедуньки*». А потом «она стала поклонницей Бухарина, и её стали называть Бухариком, намекая на пристрастие не только к идеям Бухарина, о коих она знает понаслышке, но и к алкогольным напиткам» (с. 56).

До фарсово-анекдотического уровня низводится героическая страница освобождения от татаро-монгольского ига: «*Жители города открыли ворота <...> дружно наложили в штаны <...> и вынесли огромного размера хлеб-соль... Но татаро-монголы, устранившись зловония* [здесь и далее в цитатах выделено нами. – А.Б.], *исходившего из города и приняв хлеб-соль за Троянского коня, ускакали прочь*» (с. 26). Киевский князь Владимир «*колебался, принимать христианство или мусульманство, – он не знал, какая между ними разница. Узнав, что партградцы приняли христианство, он возмущился таким нахальством и присвоил приоритет себе*» (с. 25). Князь Игорь

«задолго до Петра Великого задумал прорубить окно в Европу. Но он ещё не знал, где эта Европа находится, и прорубил его не в ту сторону, а именно – в Азию» (с. 25–26).

Беззастенчивая фальсификация фактов далёкой древности сопровождается развязной тональностью народной байки. Пётр Первый именуется «Великим», «великим реформатором», но возвышение в имени лишь усиливает в силу контраста анекдотически комический эффект: *«До Петра Великого партградцы ходили без штанов. Пётр приказал покончить с этим варварством и прислал в Партград иностранцев. Партградцы иностранцев прогнали, сняв с них штаны и всыпав по голым задкам по сто ударов хворостинной. Пётр рассвирепел и погрозился отрезать у тех, кто будет ходить без штанов, половые органы» (с. 26–27).* Эпизод вымышленный (на самом деле Пётр срезал бороды). В понятийной системе «способов искажения истины, т.е. лжи и сходных с нею семантических явлений» – это фингирующий тип: введение в ситуацию «посторонних» предметов и/или событий, построение новой, фиктивной действительности [Левин 1998: 596–597]. Лишён героизма Иван Сусанин: поляков спас от партградской трясины *«безвестный крестьянин <...> Но было уже поздно. Поляки завязли в трясине социализма по уши независимо от Партграда» (с. 26).* Сатирический эффект сарказма создаётся за счёт хронологического сдвига, языковой игры на разных значениях лексемы «трясина».

Автор кощунственно-ёрнически глумится над партизанским движением в годы Великой Отечественной войны и над ролью партии в его организации: *«Во время войны 1941–1945 годов с Германией в Партграде подготовились к оккупации. <...> Создали мощные партизанские отряды. Для них построили на трясине капитальные базы, в которых партизаны могли бы просидеть всю войну, дабы потом рассказать потомкам о своих героических подвигах. Руководителем партизанского движения назначили Митрофана Лукича Портянкина. Для маскировки такого ответственного поручения Митрофан Лукич был назначен командиром гарнизонной бани и вошебойки. <...> Впоследствии Митрофан Лукич по примеру Брежнева написал книгу “В тылу врага”. Но его конкурент обратил внимание на то, что название книги двусмысленно, область оставалась в нашем, а не во вражеском тылу. И книгу потихоньку изъяли...» (с. 31).* Это не помешало автору стать лауреатом государственной премии за эту книгу (с. 54). Эффект достигается **стилистическим контрастом** между официально-деловой тональностью начальной части каждого микроблока и смеховой, иронически-сарка-

стической – финальной части тематического блока, ретроспективно опустошающей денотативное содержание первой. Ярко контрастируют выражения «*ответственное поручение*», «*героические подвиги*», с одной стороны (стилистическая нейтральность, положительная оценочность), и «*гарнизонные бани и вошебойка*» (лексика профессионально-армейской подсистемы языка с просторечноармейским неологизмом) – с другой. Мнимая достоверность создаётся сочетанием имени вымышленного носителя негативной информации и реального исторического персонажа (Л.И. Брежнев). В этом тематическом блоке автор позволил себе святотатство по отношению к великому подвигу женщин в ВОВ: тот же персонаж сделал карьеру тем, что «*устраивал высокому воинскому начальству попойки с “бабами” (т.е. с девчонками связистками, зенитчицами, санитарками) в особом отделении бани*» (с. 54). Пренебрежительно-просторечное «баба» и разговорные «девчонки», «попойка» неуместны: около полумиллиона женщин были участниками боевых действий. Героями Советского Союза стали 86 женщин, около 150 тысяч награждены орденами и медалями.

Используя приём **гибридизации реального исторического факта с вымыслом** (в концепции Ю.И. Левина – **фингирующий тип** искажения истины) и в фантазмагорически-гротескно-пародирующей тональности жанра буффонады передавая содержание якобы-спектакля по якобы существующей пьесе на материале эпопеи «Красное колесо» (переименованного в «Кровавое колесо») А.И. Солженицына, автор глумится и над Сталиным, и над ставшим символическим обращением Сталина к русскому народу в критический момент истории страны, зачёркивая его роль в победе над фашизмом: «*Сталин спрятался под землю, плачет, дрожит от страха, кричит “Братья и сестры, спасите меня!” <...> Гитлер... терпит поражение. Узнав об этом, Сталин вылезает из-под земли, присваивает себе плоды победы...*» (с. 158).

В этом фрагменте на агрессивно-сатирический эффект «работают»: **хаотическое перечисление** политических деятелей разных эпох и народов (на сцене «*помимо малоизвестных сталинистов фигурировали также Брежнев, Черненко, Громыко, Гришин, Робеспьер, Марат, Кромвель, Маодзедун, Хомейни и даже Гитлер*»);

деметафоризация: «*Сталин запихнул Ленина в гроб и заколотил крышку гроба огромными гвоздями*» (ср. метафору «загнать кого-либо в гроб», т.е. «довести до смерти»); фигура Сталина символизирует завершение ленинского этапа революции, начало искажения идей марксизма-ленинизма, переход к репрессивному периоду);

гипербола вплоть до гротеска: *«Робеспьер вместе с Берией катил на сцену гильотину и начали рубить головы ленинской гвардии. Головы катились со сцены в зрительный зал»; «Сталин приказал арестовать и расстрелять всех офицеров, генералов и маршалов Красной Армии, за исключением самых глупых»; о драматической паузе в конце спектакля, которая длилась полчаса: «Газеты потом писали, что это было самое сильное место не только в спектакле, но и в советской драматургии вообще».*

Лингвистическим маркером ИПВ в тексте служит лексика. Это преимущественно грубая, вульгарная **просторечная** лексика, неуместная по отношению к характеристике общественно-политических деятелей высокого ранга: играющие их актёры *«шлялись»* по залу, *«выволакивали»* пожилых людей; *«улюлюканье»* актёров; актёры *«вопили»; «вонючие артисты»*. *«Актёры были одеты в грязные и вонючие костюмы <...> От зловония многим зрителям становилось дурно».* Сталин – *«бандитская морда»*. Троцкий о нём: *«“Шляются тут всякие!” Сталин сверкнул жёлтыми глазами... и проворчал с акцентом: “Погодите, я вам покажу, где раки зимуют!”»; «Сталин вылезает из-под земли»; «Соратники “крутились” вокруг Ленина в гробу. Ленин “кричал” из гроба»; «Сталин спрятался под землю, плачет, дрожит от страха»; Сталин «стал корчиться и упал бездыханным».*

Горбачёв, главный творец «катастрофы», при первом появлении в книге иронически представлен не как политический деятель, а как лицо мужского пола, имеющее *«репутацию самого сексильного мужчины на планете и обладателя самой очаровательной улыбки, – по крайней мере в смысле улыбок мы догнали и перегнали США»* (с. 8). Далее уничижительная оценка генсека выражается в откровенной инвективе *«дурак»* (с. 59). Одним-единственным словом из анатомо-физиологической области представлен ничтожеством один из его сподвижников-карьеристов: *«Скорее всего город будет назван именем Сусликова, который прошёл в Партграде путь от рядового сперматозоида до Первого секретаря Областного комитета партии»* (с. 23). Убийственный сарказм усиливается торжественной тональностью клишированной структуры. *«Физиологизация»* социального как приём представлена историей с *«анальными речами»*: *«Более опасным врагом советского строя в области оказался слесарь-водопроводчик. Он ухитрился записать на кассету звуки, издаваемые руководителями области в туалете <...> В руководстве области началась паника. Одна Маодзедунька отнеслась к истории*

спокойно. – Пусть приходят ко мне после обеда, – говорила она, хлопывая себя по необъятному заду, – я им такую музыку выдам, что ихние Бетховены и Пикассы сразу заткнутся. <...> Начальник областного управления КГБ Горбань заявил, что если бы туалетные звуки высших руководителей предали широкой гласности, то советская власть не продержалась бы и года» (с. 47).

Карьера одного из персонажей романа М.Л. Портянкина пролегла через баню: «Портянкин устраивал высокому воинскому начальству попойки с “бабами”... чем завоевал популярность в армии. В портянkinской баньке не раз парился Брежнев. Войну Портянкин закончил с десятком орденов и в чине подполковника. После войны <...> был удостоен звания Героя Социалистического Труда. <...> Став во главе партии и государства, Брежнев вспомнил о том, как парился в портянkinской баньке, и взял его в аппарат ЦК КПСС. <...> В связи с тридцатилетием победы над Германией стал Героем Советского Союза за выдающиеся заслуги и личный героизм в войне» (с. 54). Так представлена в романе модель формирования властных структур советского государства. Попутно дискредитации подвергаются государственные символы – награды.

Ещё одна распространённая тактика попадания во властные структуры – «подкормить» безмерное тщеславие партийного босса **лестью**. Гарантированный успех сулит использование стилистической фигуры восходящей **градации – климакса**: «– На Западе, Михаил Сергеевич, Вас сравнивают с Петром Великим, прорубившим окно в Европу. Я думаю, что они Вашу роль преуменьшают. Вы **прорубаете не окно, а двери на Запад. Даже не двери, а ворота! А ещё точнее говоря – стену проламываете. Можно сказать, ломаете Китайскую стену...**» (с. 101).

Зиновьев следует двум укоренившимся **мифам о русском этносе** [Мединский 2012: 101]: **нечистоплотности и неискоренимости пьянства**. Картина мира «совка» – это «Партград с его грязными и серыми улицами, пустыми магазинами, бесконечными очередями, неистребимыми пропойцами и прочими **атрибутами советского образа жизни**» (с. 127). Одним из атрибутов мира «совка» была квартира в доме, построенном «ещё в хрущёвские годы в соответствии с принципами: **совместить кухню и столовую с туалетом и ванной, спальню с прихожей, потолок с полом**» (с. 150). Пародия доведена до абсурда.

«Западные люди» (понимай: цивилизованные народы!) могут поговорить о «коммунистическом земном рае», «но жить в этом

раю они предоставляют **народам внеисторическим, русским в первую очередь. Последние привыкли жить по-свински**» (с. 28). Мимоходом и ненароком, без каких-либо размышлений и обоснований, Зиновьев «заодно» лишает русский народ, Россию истории!

На заре перестройки появились слухи о том, что на Западе говорят о наступлении посткоммунистической эры в России. *«Рядовые партградцы остались равнодушными к ним. Им было безразлично, как называется то свинство, в котором они жили испокон веков и обречены жить до скончания века – крепостничеством, военным коммунизмом, развитым социализмом или посткоммунизмом»* (с. 168). Экономным и эффективным средством пейоративной выразительности выступает **синтактико-семантический приём перечисления**. «Свинство» представлено «общим знаменателем», собирающим в один синтаксически однородный ряд совершенно разные этапы общественно-политической истории России: у России нет истории, есть только грязь. Тот же эффект достигается с помощью **каламбура**: в области трубили об успехах сельского хозяйства, в то же время совсем **исчезли свиньи**, *«зато в области расцвело всеобъемлющее и всепоглощающее свинство»* (с. 35). Руководители области мечтали о том, чтобы на построенных иностранцами заводах работали иностранные рабочие: *«– А то наш брат-Иван и на западной технологии разведёт наше отечественное свинство»* (с. 146). Высмеивая традицию винить в русских трагедиях других, в том числе евреев, даже малочисленность которых в Партгградской области приписывали их хитрости: *«мол, в такую глушь, как Партград, они не хотят поселяться. Это, мол, только всетерпеливые русские могут жить в таких скотских условиях»* (с. 91). Используя несобственно-прямую речь («мол»), автор манипулирует восприятием адресата-читателя явно в духе ИПВ, подавая личное мнение как «глас народа». Покорившись «великому реформатору» Петру I, партградцы *«стали носить домотканые порты, не снимая их даже тогда, когда справляли естественную нужду»* (с. 27).

Пьянство представлено отличительной чертой этноса и русскоязычной картины мира. *«Только по перерытым улицам, по длинным очередям и по валявшимся на тротуарах пьяным Сусликов узнал бывший Партград»* (с. 13). Сталин якобы когда-то сказал, что *«если пролетариат перестанет пить, то социализма нам не видать, как своих ушей»* (с. 70). Когда партия начала борьбу с пьянством, *«трудящиеся пьяницы, однако стойко отстаивали свои позиции, завоеванные в течение многих десятилетий беспробудного пьянства. Их ряды*

неуклонно расширялись» (Там же). Едкая ирония создаётся нарушением семантической валентности в группе подлежащего, контрастом общей пафосной тональности высказываний и семантикой дополнения. *«Смерть Сталина партграды отметили двойным запоем. Первый запой был с горя. Длился он две недели. Второй запой был от радости. Длился он тоже две недели»* (с. 32). Синтаксический параллелизм двух микроблоков с антонимическими ремами (**антитеза**), с повтором второго высказывания в составе СФЕ создаёт ложный, но инициируемый автором эффект универсальности, неизбежности явления.

Государственные мужи отнюдь не были исключением из правил. **Абсурдизация** [Кравченко 2010] на основе **приёма алогизма**, а именно на базе отклонения от закона противоречия [Сковородников 2003: 36] как утверждения изначально провальной безалкогольной кампании – тост секретаря ЦК Сусликова: *«Ну, давай выпьем за трезвость!»* (с. 71). Тот же Сусликов, беседуя с Горбачёвым, отхлебнул глоточек чая и поперхнулся *«с непривычки к безалкогольным напиткам»* (с. 10). В шутовском комментарии автор в стилизованной под этот субжанр манере иронически признаётся, что допустил две неточности в описании персонажа. *«Первая неточность: Пётр Степанович на самом деле не пил чая, тем более – вместо водки. Он всегда пил водку вместо чая. И от этой привычки его не избавил и период Великой Трезвости»* (с. 11). Фигура **хиазма** и иронический окказиональный хрононим на фоне стилизованной бесстрастности придают ироническое звучание и лёгкость стилю авторской речи. Объявившие «Великую Трезвость» партийные боссы воспринимают её как личную и национальную драму: *«Доживи их отцы и деды до этого времени и узнай об этом, они сочли бы это изменой русским национальным традициям и происками масонов и сионистов»* (с. 8). Имплицируется мысль об отсутствии у русского народа положительных национальных традиций и о неготовности народа самим делать свою историю, не перекадывая вину за все невзгоды на внешних врагов и обстоятельства. Разрушительная сила идеи завуалирована шутовой тональностью.

В.Р. Мединский по поводу двух рассмотренных и других уничижительных мифов, «придуманных нашими недоброжелателями» и «со странным энтузиазмом подхваченных нами», пишет: «У нас заминированное сознание. <...> Мифы опаснее нашествия Наполеона и плана “Ост” Гитлера» [Мединский 2013: 19].

Магистральная стратегия повествования – **дискредитация**. Простейший способ дискредитации властных структур – едкая

ирония словосочетаний с определениями «великий», «выдающийся». Не поспешил автор и на экспрессивные оценки-пейоративы: обценная лексика (в том числе повтор перифразы «знаменитое русское слово из трёх букв»); бранная лексика: *мерзавцы, сволочи, дурак, стерва, дерьмо, идиоты, «партийные трепачи», «помойка»* (о России), *проходимец, бред сивой кобылы*. Мишенями дискредитации стали коммунизм, многие бытовые и идеологические реалии советской эпохи. Излюбленные тактики – пародирование, шаржирование, доведение пародии до абсурда, приём физиологизации.

Ключевым символом неизбежности крушения строя, изначальной порочности идеи коммунизма в повести выступает **образ трясины**. В главе «Освоение трясиновых земель» (аллюзия на освоение целинных земель) автор пишет: *«На территории области расположена самая большая в области (а может быть и в мире) болотная тряпина. <...> Внешне тряпина выглядит весьма привлекательно: трава, цветы, ягоды, кустарники, полянки. Прямо-таки природный рай. Но если вы по неведению или по неосторожности туда забредёте, вы обнаружите, что это райское обличье прикрывает бездонную вязкую грязь. <...> И вы исчезнете навечно и бесследно*. Пространственная конкретика имплицитно исключительность российского пути. Контраст формы и содержания, философских категорий явления (рай, райское обличье) и сущности (болото, тряпина, неминуемая гибель) внушает читателю мысль о том, что это был путь изначально ошибочный, неукоснительно ведущий к гибели. Фрагмент завершается саркастическим каламбуром: *«Все попытки освоения трясиновых земель глохли в тряпине бюрократизма*. Усиливая глубинный смысл метафоры, автор добавляет, что именно на этой тряпине строились планы построить *«ещё более грандиозное и светлое здание коммунизма, чем то, которое западные империалисты помешали нам воздвигнуть на сухом месте»* (с. 34–35). В завуалированной форме звучит мысль о преувеличении роли Запада в крушении советской власти.

Высмеивается принцип коммунизма «Каждому по способностям, каждому по потребностям» (К. Маркс). Жители города с гомерическим хохотом комментируют речь первого секретаря обкома партии: ухудшилось продовольственное снабжение, но *«оно всегда было хуже не придумаешь»*; упала производительность труда, но *«ниже падать ей уже некуда было!»* и, наконец: *«в области возросло пьянство. Тут уж партграды даже хохотать не могли.<...> – Чем они там вверху думают, идиоты, – хрипели они, когда спазмы веселья*

слегка ослабевали. – Пьянство в области давным-давно достигло высшего предела,... выше которого подняться нельзя даже при самом сильном желании. <...> Разве за счёт покойников можно чуточку выше подняться. Советские покойники действительно не пьют. Пока не пьют. Не пьют, поскольку им не подносят, хотя страна и шагнула в развитый социализм, до полного коммунизма всё ещё не докатилась. **Это при полном коммунизме всем покойникам будут выдавать по пол-литра водки на день**» (с. 65–66). Автор передаёт роль актора-информатора анонимному собирательному субъекту – «гражданам города» с целью подачи информации о пагубных явлениях в стране как объективной, используя тем самым особый прием ИПВ.

Лейтмотив перестройки как катастрофы и хаоса гротескно передаётся приёмом **хаотического перечисления** в конце повести. Бывшие лагеря для заключённых *«передали в концессию западным фирмам, которые наладили там производство наркотиков, проститутток, абстракционистов, демократов, народных депутатов и прочих атрибутов перестройки»* (с. 177). Можно сказать, последний гвоздь в идею перестройки и идею коммунизма в целом вбили *«труженики загробного мира»*. Включившись в *«перестройку... на порученном им участке строительства коммунизма»*, сотрудники Похоронного комплекса в ответ на решения ЦК КПСС *«взяли на себя социалистическое обязательство увеличить производительность своего предприятия вдвое»*. Скупив всех покойников в соседних населённых пунктах (аллюзия на «Мертвые души» Гоголя), они победили в общесоюзном социалистическом соревновании. На совещании были внесены ценные предложения: с целью экономии средств *«хоронить покойников в целлофановых пакетах, предварительно расчлняя трупы на мелкие куски»*; *«делать могилы не горизонтальные, а вертикальные»*; *«прессовать покойников»*, так что их *«можно будет помещать в спичечные коробки»* (с. 102–105) – абсурдизмы, достойные голливудского триллера! Пародированием стиля советских СМИ с набором определяющих идеологических клише вкупе с серией абсурдизмов автор создаёт уничижительно-пародийный образ советской, коммунистической идеологии и её носителей.

Окончательным уничтожительным вердиктом советскому строю звучит вывод, согласно которому *«коммунистическое общество организовано так и функционирует по таким объективным законам, что оно гораздо лучше справляется с проблемами имитации*

дела, чем с проблемами самого дела». Язвительная ирония достигает саркастического **эффекта обманутого ожидания** в его предельной степени **противоречия** между этим лейтмотивом раздела и его заголовком – «Великая история» (с. 178–179). Такой контраст ведёт к формированию, может быть, самого эффективного средства показать деградацию системы: к **десемантизации** и **десемиологизации** базисных лексем коммунистической идеологии. Помещённые в определённый словесно-смысловый контекст, они теряют смысл, обесцениваются, опустошаются: при сохранении означающего утрачивают означаемое. Знак становится односторонним, но ни на что не указывающим, символизируя бессмысленность реформ, власти, управленческой системы. Яркой иллюстрацией может служить описание истории очередной идеологемы «маяк перестройки»: «...заранее всем известно, что эти “маяки” сплошная липа» (с. 20). Понятийно-семантическая пустота заглавного слова «перестройка» ярко продемонстрирована посредством субжанра **политического анекдота**.

Появились намёки на то, что термин «перестройка» Горбачёв позаимствовал у Бухарина. «В связи с этой историей возник анекдот. На том свете встретились Хрущёв и Брежнев. Они спросили друг друга, строили ли они что-нибудь. Получив отрицательный ответ, они изумились: так что же перестраивают горбачёвцы?!» (с. 164). Та же идея передана описательно в ироническом предтексте: «Обсуждали меры по перестройке всего того, что ещё не начали строить» (с. 157).

В пародийно-ёрническом ключе автор расправляется с понятием **рабочей династии** (с. 47–49). В том же ключе автор злословит, частично справедливо, над **отечественными историками, псевдоучёными**, движимыми конъюнктурно-карьерными устремлениями и ухитряющимися на пустом месте сделать «эпохальное открытие». Ёрнически пародируя структуру научной аргументации, автор «снимает» последние сомнения в том, что именно в Партгграде «умер от укуса змеи» киевский князь Олег: «Во-первых... Во-вторых... В-третьих, змею могли подбросить враги Олега... А что касается железных штанов, то змея могла подкараулить князя в тот момент, когда он спустил железные штаны, чтобы справиться естественную нужду» (с. 21–22). Далее последовало «открытие», что именно в Партгграде принял крещение Игорь, внук Олега. «Согласно газетам, этот Игорь был реформатором вроде Горбачёва. <...> На дворце князя красовался лозунг: “Да здравствует феодализм –

светлое будущее всего человечества!»). А на первом христианском храме водрузили лозунг: «*Вперёд к победе крепостничества!*» <...> *Тогда-то впервые в мировой истории появилось слово “гласность”.* Его образовали от слова “голосить”, означавшего истошные вопли, от которых даже мёртвые ворочались в гробах» (с. 25). Средствами достижения пародийных эффектов служат приёмы физиологизации, перефразирования идеологических клише и ложная этимологизация.

Аллюзия на «Велесову книгу» – ещё один повод для уничижительной оценки российской науки как лженауки: «*Учёные расшифровали письма и выяснили, что письменность на территории Партграда возникла задолго до Древней Греции и даже Египта. Первыми словами предков жителей Партграда были ругательства <...>. Прогрессивные советские лингвисты (структуралисты) развили целую теорию, согласно которой русский мат является самым древним праязыком в истории человечества. Особо прогрессивные учёные пошли ещё дальше в своих дерзаниях: они обнаружили зачатки мата уже у партградских коров, овец и даже кур*» (с. 24). Сатирический эффект усиливается фигурой **градации (антиклимакс)**, интенсификаторами «особо», «даже», контрастом позитивно-оценочных слов «прогрессивный», «дерзания», общей тональности научного стиля и очевидной **абсурдностью** финальной части оценочного высказывания. Карикатурно-гротескно представлена тема идеологизации советской науки: «*Партградские историки выдвинули гипотезу, будто легендарный Илья [Муромец. – А.Б.] был на самом деле уроженцем не Мурома, а Партграда <...> Обком партии одобрил инициативу партградских учёных, и гипотеза превратилась в теорию*» (с. 139).

Неоднократному осмеянию автор подвергает псевдонаучный характер **отечественной статистики**. В многотомном труде дотошно перечислялось, «*сколько каши и щей сожрали партградцы с момента зарождения человека в этих краях до Октябрьской революции, сколько они износили лаптей и зипунов, сколько экскрементов исторгли из себя в окружающую среду*» (с. 27–28). Гротескно-сатирический эффект создаётся при помощи грубовато-просторечного глагола «*сожрать*» с далёкими от научной сферы объектами, сочетанием продукта жизнедеятельности живого существа с глаголом высокого стиля «*исторгать*».

Статистика используется и как средство пародирования типично советских рапортов об «очередных успехах» под девизом «догнать и перегнать»: «*При Хрущёве и при Брежневле поток всеоб-*

щего прогресса захватил и Партградскую область. Средний рост жителей увеличился на два сантиметра, а средняя высота домов – на два этажа. Такой темп роста города сопоставим с темпами роста Нью-Йорка, Токио и Нью-Мексико» (с. 32–33). Пародийность создаётся несоответствием тезиса (прогресс) и его смехотворным обоснованием (литота). Пример использования статистики как пародии на доказательство «тлетворного влияния Запада»: с Запада пришла мода на джинсы и бороды, как следствие «девицы стали терять невинность на три года раньше, чем до войны. При этом они в два раза реже беременели» (Там же).

Пародируя любовь властей к статистике, имитируя бесстрастную объективность регистратора фактов, автор в числах, строго следуя языковым шаблонам «деревянного» языка советской бюрократии, рисует картину первого дня перестройки: *«В этот день в городе было прогулено без уважительных причин 80 000 человеко-часов, допущено 50 000 случаев производственного брака, подобрано на улицах 2000 бесчувственно пьяных граждан, совершено 8000 хулиганских поступков и 400 крупных краж... сделано 800 аборт, осуждено 2000 граждан на малые и большие сроки, дано и взято 20 000 взяток, произнесено 10 000 партийно-комсомольских речей... Короче говоря, был обычный полноценный день советской жизни, полный радостей и огорчений, успехов и неудач, приобретений и потерь» (с. 64–65). Эффект пародирования создаётся использованием безличной страдательной формы глагола, дающей возможность исключить субъекта действия, тем самым представить все негативные события в стране как «стихийные», за которые никто не несёт ответственности; хаотичностью обширного перечислительного ряда, вобравшего явления самых разных жизненных сфер; гипертрофированной точностью и избыточной конкретикой. Завершающее высказывание связано с предыдущим по принципу эффекта неожиданности, представляя собой нагромождение подчеркнуто негативных, большей частью криминальных событий как типичную модель советских будней. Обобщающая финальная фраза с художественно безупречным перечислительным рядом, составленным из ритмических бинарных единств с антонимическим отношением, становится аттрактором, придавая агрессивно-пародийному залпу особую «изысканность».*

Положение в экономике страны лапидарно, уничижительно-ёрнически представляют два приёма ложной аргументации: *«До революции область в изобилии производила мясо, масло, овощи,*

фрукты и хлеб, в общем – была отсталой сельскохозяйственной. После революции всё это исчезло, и область поэтому стала считаться передовой промышленной» (с. 171).

В лейтмотиве фатального краха коммунизма звучит ещё один мотив: неоднозначная **роль Запада**. Во-первых, это миф об агрессии России по отношению к Западу: Горбачёва «скинули» «за то, что слишком узкую дверь открыл на Запад. **Танки через неё не проходили, ракеты застревали**» (с. 13); «В прошедший период разрядки международной напряжённости страна закупила в США завод по производству джинсов. И теперь она успешно конкурирует с США, правда – не по джинсам, а по чехлам для танков, самолётов и ракетных установок» (с. 33). Автор обвиняет СССР и в элементарном воровстве (**приём дисфемизации**): «Построили предприятие по освоению **сворванной на Западе** новейшей технологии» (с. 34). Ёрнически, имитируя стиль жанра бесстрастной статистической отчётности, с цифровыми выкладками (**приём жанровой стилизации**), автор делает заключение об отставании СССР от Запада «**в технологическом аспекте преступности**»: «Застойный период тут сказался сильнее, чем в других сферах строительства коммунизма. <...> Только за шесть месяцев накануне перестройки в городе было прибито кирпичом по голове 137 человек. Из них 50 не было добито до конца из-за плохого качества кирпича. За это время было заколото отвёрткой, ножницами, вилкой... 207 человек, задушено верёвкой, ремнём, чулком и другими предметами 48 человек... **И лишь один случай покушения с пистолетом!** <...> Одним словом, с точки зрения экономической эффективности и технологической оснащённости наших преступников, мы не можем конкурировать с Западом» (с. 112–113). Далее приводятся данные «**прогресса преступности**» в годы перестройки. Преступность объявлена одной из сфер строительства коммунизма. Этим не только обесценивается, но и обесмысливается целая эпоха российской истории.

Во-вторых, другим аспектом отношений между Россией и Западом автор называет психологию пресмыкательства перед Западом: вечная оглядка на него, **ощущение его превосходства и собственной неполноценности**. «В Партграде можно было открыть Америку или атом, изобрести велосипед или даже автомобиль, но человечество всё равно не обратило бы на это внимания. И сами партградцы знали это лучше других. <...> Даже открыв Америку или изобретя автомобиль, они сочли бы это пустяком в сравнении с изобретением приборчика для прокалывания яичной скорлупы

в <...> *Германии*» (с. 21). Как будто действуя по инструкции одного из идеологов информационно-психологической войны против России, А. Даллеса [Лисичкин, Шелепин 2005: 82], реформаторы с энтузиазмом принялись разрушать культурные достижения страны. Была поставлена задача «*вывести Паргград в число ведущих культурных центров страны. Решили предоставить артистам полную свободу творчества. <...> Пусть вытворяют, что хотят! Пусть критикуют кого и как хотят! Пусть голых баб и мужиков показывают! Пусть постельные сцены показывают! Чем бездарнее и грязнее, тем лучше*» (с. 155).

Партийные боссы присутствуют на просмотре фильма «*Пошёл ты в жопу!*», «*созданного в условиях полной свободы творчества. Само это название произвело сенсацию в мире искусства и его поклонников <...> критики объявили его самым выдающимся шедевром за всю историю советского кино. <...> Это был действительно шедевр, но шедевр бездарности, пошлости, скабрёзности, хамства, распушенности и претенциозности. <...> – Из устаревших западных достижений взято всё самое худшее. Всё это перемешано хаотически. Плюс к тому порнография, идиотизм, идейное убожество. Одним словом, не просто плохо, а мразь*». В итоге комиссия признала фильм «*дрянным*», «*но вполне в духе перестройки. <...> В зале после этого поднялся рёв восторга. Аплодировали стоя. На сцену вызывали создателей фильма. Их засыпали цветами*». А члены комиссии согласились на том, что «*если уж делать дерьмо, то в этом отношении мы можем **перегнуть Запад** в два счёта. Одним словом, **додерьмит и передерьмит Запад в культуре**...*» (с. 160). Перифраз стратегического лозунга советской идеологии «**догнать и перегнать**» с заменой нейтральной лексики окказионализмами с сохранением словообразовательной структуры, но с заменой нейтральной стилевой окраски на экспрессивно-бранную выступает эффективным средством сатиры в контексте культурной (вернее, антикультурной) политики эпохи перестройки. Организующим средством сатирического оценочного высказывания выступает **оксюморон** (*шедевр бездарности*...).

Более сложные способы дискредитации – использование специфических **композиционных приёмов**: сна, слуха (молвы). Онтологическая иррациональность сна легитимирует отмену всяческих табу: языковых, этических. Сочинение завершается описанием сна одного из протагонистов повести – Сусликова. С помощью композиционного приёма сна подытоживается повествование с целью ещё

раз, издевательски-абсурдистски, в чисто физиологических терминах, показать бессмысленность и противоестественность перестройки в России, её философии и идеологии, никчёмность её акторов. Стилизация под речь «человека из народа» (просторечная лексика, вульгаризмы) призвана придать авторскому заключению характер окончательного приговора всем реформаторски-перестроечным структурам и деяниям от лица всего российского народа. Рикошетом грязью обливается и философия коммунизма, и опыт его построения в России. Ещё раз звучит тема информационно-пропагандистской деструктивной роли Запада в подготовке катастрофы.

Сусликову *«приснился самый радостный в его жизни сон. Он увидел родной Партград, переименованный в Сусликовград. Город представлял собою гигантскую, розовую и пышущую здоровьем Жопу. На ней золотыми буквами блестел фундаментальный постулат суслизма, ставшего государственной идеологией вместо марксизма: “Жопа первична, голова вторична”. Поверх его высился бронзовый бюст Сусликова... На лысом лбу Сусликова красовалось знаменитое на всю Вселенную русское слово из трёх букв, признанное главным словом для всех языков. В центре Жопы зияла чёрная дыра, через которую на Запад исторгалось всё то дерьмо, которое накопилось в Партграде за все годы советской истории. Дерьмо исторгалось с тем самым **ускорением**, на какое и рассчитывали **инициаторы перестройки**. А на Западе с наслаждением глотали это дерьмо и прославляли перестройку и её вдохновителей – горбачёвых, сусликовых, крутовых, корытовых, маодзедунк»* (с. 181). Экспрессия беспощадно-агрессивной сатиры достигается совокупностью выразительных средств: абсурдистски-вульгарным сравнением; комично звучащим окказионализмом-топонимом; перефразированным философским постулатом; помещением философского термина «постулат» и ключевого термина перестройки «ускорение» в контрастирующий контекст со сниженно-стилевой окраской; перифразой известной инвективы; приёмом антономазии. На всей советской истории ставится оценочное, троекратно повторенное клеймо **«дерьмо»**.

Композиционный приём **слухов** выполняет в сочинении ряд функций в рамках стратегий дискредитации и дегероизации. Ранее приводились примеры использования автором приёма распространения слуха с целью представить источником информации анонимного коллективного субъекта, тем самым повышая достоверность и укоренённость информации хотя бы у части читательской аудитории. Способом «от противного» утверждается радикальность прин-

ципа лживости в СССР: «В советском обществе слух стал способом распространения правдивой информации. <...> К общечеловеческим функциям слухов здесь присоединяются специфически-коммунистические, а именно – они становятся формой коллективного сознания, творчества и поведения» (с. 188). Под маской слухов автор понижает до уровня скабрёзной байки героическую победу России в Первой Отечественной войне. Причиной позорного бегства Наполеона из Москвы неверным путём, ёрничает автор, стали-де «слухи, будто партградцы питаются сушёными тараканами, дают клопов и пьют их кровь. И это ещё более усиливало страх иноземных захватчиков перед неведомой Россией» (с. 27).

Патологическая ненависть автора к Горбачёву (отсутствие у этого деятеля твёрдых убеждений и принципов, склонность к соглашательству, неумелая политика, наконец, влияние на его политическую деятельность жены) ещё раз проявилась в описании его отношения к религии: «Наконец, пронёсся слух, будто Горбачёв окрестился, чтобы привлечь православную церковь на сторону перестройки, затем сделал обрезание, чтобы завоевать симпатии американских евреев и Израиля, и по настоянию супруги-мусульманки перешёл в магометанскую веру, чтобы завоевать на свою сторону весь арабский мир» (с. 101–102). Карикатурность изображения недавнего главы государства переросла в злобную инсинуацию.

Близкий к слухам приём, имитирующий достоверность событий и фактов, – намёк на наличие разных источников. Таким образом дискредитируется понятие «большевик»: «После окончания войны в Партграде появились большевики. **По одним сведениям** они пришли из голодающей Москвы, **по другим** – возникли из собственных дезертиров, прятавшихся в болотах ещё с 1914 года». Усиливая мысль об отсутствии за словом «большевик» идейного содержания, автор с иронией пишет, что в ответ на «ленинский призыв» в партию начали вступать все. «После окрика Москвы... все без разбора стали покидать партию» (с. 29–30).

Вершиной языкового абсурдизма, приписывающего россиянам коллапс сознания, утрату способности к здравомыслию как следствие перестройки, автор представляет отношения общества и церкви. «В ведение попов передали **монастырь имени Ленина**, в котором помещался **музей атеизма**». На его открытии «говорили о том, что пора начать перестройку в Ватикане, что пап надо выбирать... не обязательно из католиков и даже необязательно из верующих, что пора наконец-то на пост папы выбирать советского человека.

Все сошлись на том, что первым советским папой должен стать сам Горбачёв или в крайнем случае Ельцин. Последний даже лучше, так как он сейчас фактически безработный. А перестройку в Ватикане он устроит такую, что там через год забудут, как нужно креститься» (с. 101). Острота сатирического эффекта достигается рядом средств: абсурдностью самого события; сочетанием абсурдности события с именами реальных исторических персонажей и с тональностью объективного сообщения; противоречием, несовместимостью понятий; градацией по типу климакса; алогичностью аргументации; иронической гиперболой в финальной части.

Существенным инструментом язвительно-сатирической характеристики властных структур России эпохи Советов и перестройки, их представителей является **язык**, которым они пользуются. Прежде всего, острые сатиры направлено на советизмы – идеологические штампы: *прогнивший Запад; преданный идеалам коммунизма член партии; в ответ на решения ЦК КПСС; западное тлетворное влияние / тлетворное влияние Запада / продажная западная пресса; генеральная линия партии; оправдать высокое доверие партии и др.* Речь партийно-государственных мужей «по определению» безграмотна: «<...> Суликов за всю свою сознательную жизнь не произнёс ни одной грамматически правильной фразы. И дело тут не в некоей необразованности. <...> Говорить грамматически неправильно есть качество профессионального партийного работника» (с. 11). Евдокия Тимофеевна Тёлкина, «ставшая впоследствии заведующей сельскохозяйственным отделом обкома партии и прозванная Маодзедунькой <...>, высказала крылатую фразу<...>: “В нынешнем году, – сказала она, – наш урожай в США обещает быть хорошим”» (с. 33). Словесные «креативы» Маодзедуньки – выражения «**доильница страны**» (по аналогии с «житницей страны») (с. 53), «**ихние Бетховены и Пикассы**» (с. 47). Её же риторический перл: «**Кролики плодятся быстро, как кролики**» (с. 171). Пример риторической беспомощности в речи партийного босса, торжественно объявившего, что «**Партград находится в недрах народа, в толще народа, в гуще народа**» (с. 52).

Бывший секретарь по идеологии, назначенный деканом, пытается придать своей речи видимость научности, но оставаясь в плену привычного бюрократического «деревянного» языка, вещает о социалистическом соревновании «**за звание города, в котором произошло укушение князя Олега змеем и удушение бывшей царицы Марьи**» (с. 22). Речевой перл представителей органов правопорядка представлен цитатой из милицейского протокола: грабитель «**покинул мага-**

зин через “задний проход”» (с. 137). О невысоком интеллектуальном уровне главы областной парторганизации Корятова свидетельствует его потуга на речевую креативность, когда он иронически отзывается о работах партградских «ликассят» и «ликассих» (с. 155).

Низкий уровень владения русским языком, в частности, в области паремий, демонстрирует речевая ошибка секретаря обкома в ситуации поисков «козла отпущения»: *«На совещании в обкоме партии долго искали подходящую кандидатуру, такую, чтобы и волки остались целы, и овцы были сыты (так по ошибке перефразировал старую поговорку сам Крутов...)»*. Концовка фразы *«<...>но именно в такой форме она отвечала сути проблемы»* (с. 108) свидетельствует о том, что налицо не ошибка, а экономный и эффективный приём для создания образа коррупционной машинерии представителей разных правящих кланов.

Гротескно-пародирующей квинтэссенцией отношения партийно-государственной элиты к языку служит инструкция секретаря ЦК Корятова работникам пера. Автор, пародируя образцы «языковой политики» безграмотных и безнравственных идеологов, пусть и от их имени, не просто потешается, но глумится над русским языком. Ключевая идея: *«Раз мы начали мыслить и жить по-новому, то нам надо осуществить перестройку и в языке»*. Посоветовав назвать журнал не «Партградская тряпина», а «В жопе России», партийный идеолог сопроводил революционное предложение пространным «философским» обоснованием, избличающим российскую псевдоэлиту с её убогими представлениями о языке как главном инициаторе катастрофического падения культуры русской речи: *«В обычной жизни мы без мата и скабрёзностей шагу ступить не можем. Но стоит кому-то в печати или в публичной речи употребить невинное словечко вроде “жопа”, как подымается буря нравственно-го негодования. Во избежание обвинений в безнравственности нам приходится точные и выразительные слова... заменять ужасающе серыми, скучными и туманными их синонимами. <...> В этой связи слово “жопа” заслуживает особого внимания. В неофициальном языке оно достигло степени общности и универсальности, позволяющей поставить его в один ряд с такими философскими категориями, как “материя”, “сознание”, “пространство”, “время”, “движение”. <...> После того как мы реабилитируем слово “жопа”, можно будет взяться и за всемирно знаменитое русское ругательство из трёх букв. Я уверен, что оно войдёт во все языки мира наряду со словами “спутник”, “перестройка”, “гласность»* (с. 156).

В контексте заключительного перечислительного ряда слово «спутник», символизирующее всемирно признанные достижения СССР в области космонавтики, понятийно деградирует: ещё и ещё раз проявляется воинственная агрессия автора по отношению к стране, её истории и народу.

Косвенным выражением негативной реакции «народа» на реформы служит простейшая языковая игра: *«специфически перестроечные выражения вроде “морду перестроить”, “дать в глазность”, “пороть горбачушь”»* (с. 72).

В целом сочинение А.А. Зиновьева оставляет гнетущее впечатление. Русский народ объявлен *«внеисторическим»*. И героические мифы далёкой, и героика недавней истории подвергнуты безудержному осмеянию. Русский этнос представлен как безынициативный, безропотно принимающий во все эпохи, от крепостничества до «посткоммунизма», эксперименты властей всех мастей, изначально ведущий *скотский* образ жизни (доминирующие понятия *«грязь», «дёрмо», «свинство»*). Из всего цветового спектра представлены чёрный и серый. Обонятельная сфера представлена лексемой «вонь» (не патриотическое сопротивление, а она избавляет от татаро-монгольского ига). Наполеон избрал неверный путь отступления и потерпел полный крах из страха встретиться с людьми, которые, по слухам, *«питаются сушёными тараканами, давят клопов и пьют их кровь»*. Этот народ во все времена беспробудно пьёт от радости и с горя. Валяющиеся в уличной грязи пьяницы – опознавательный знак, доминанта мира русского этноса. Русский народ потихоньку ворует у Запада передовые технологии, пробирается на Запад в поисках вождельной жевательной резинки, без боя сдаёт свои великие национальные достижения, бездумно принимая навязываемые ему западные ценности за истинное мерило новой, «прогрессивной» культуры. У этого народа, этой страны не было настоящей истории, нет достойного настоящего, закрыт путь в лучшее будущее.

Любопытно, что в книге встречается осуждающая оценка автором избранного им способа представления давней и недавней истории России (насмешка, осмеяние, сатира): в смутное время перестройки началось *«такое мазохистское саморазоблачение и самобичевание, что даже самые злобные антикоммунисты и антисоветчики растерялись. <...> Все старались превзойти друг друга в оплёвывании прошлого и в очернении всего сделанного за после-революционные годы»* (с. 125–126). Молодые люди распространяли воззвание, начинавшееся эмфатическим риторическим вопросом

«Неужели всё пережитое нашей страной есть лишь чёрный провал в истории?!» и заканчивающееся призывом: *«Защитим дело Ленина и Сталина от предателей!»*. В основной части листовки перечисляются все те завоевания, которые хочется предъявить автору книги в ответ на его осквернение всего и вся. Создаётся впечатление, что появившееся на миг озарение и раскаяние автор заглушил, уничтожил, призвав на помощь... Нострадамуса! В ответ на воззвание юных неосталинистов не случилось никакой «контрреволюции». Только *«на толкучке стали продаваться уцелевшие бюсты, портреты и сочинения Сталина. Причём дороже, чем книги эмигрантских писателей... Дороже была лишь книга Нострадамуса, якобы предсказавшего перестройку, но почему-то забывшего предсказать, чем она кончится»* (с. 125). В ироническом резюме автора звучит безысходность: Россия не имеет будущего, т.к. её народ не способен сам вершить свою судьбу.

В художественных средствах комического нет юмора, разве что одиночные примеры чёрного юмора: *«Автобус промчался мимо магазина для слепых, называемого “Рассвет”, и магазина ножных протезов, называемого “Скорород”*. Люди не замечали мрачного юмора в них. <...>*Такой заботы о слепых и безногих, как у нас, вы нигде в мире не увидите»* (с. 144). Доминируют смеховые жанры абсурда, буффонады, пародии, гротеска, карикатуры, шаржа, иронии. Способами реализации главенствующих коммуникативно-прагматических стратегий дискредитации и дегероизации выступают тактики фальсификации фактов истории, доведения до абсурда, шаржирования, детабуизации, перевода социального, общественно значимого в бытовую плоскость приёмом «физиологизации», использование описаний снов, слухов и жанров фольклора. Сатирические эффекты усиливаются приёмом *интерстилевого тонирования текста* [Чудинов 2012: 118–120]. Знание биографического факта (Зиновьев занимался в качестве хобби изобразительным искусством, особенно в жанре сюрреализма) даёт ключ к объяснению идиостиля автора и позволяет определить его как «вербализованный сюр».

Дискредитация фактов, личностей, идей; нигилизм и очернительство всего, всех и вся; гротескно-пародирующая сатира без намёка на позитив порождают только пессимизм, апатию, парализуют волю к поиску истинного перелома и истинной перестройки образа мысли, к гражданской активности. Это яркий пример информационно-психологической агрессии, пробивающей брешь в созна-

нии читателей, порождающей сомнения в устойчивости критериев национальной самоидентификации народа. Поэтому к этому сочинению бесспорно приложимо понятие информационно-психологической войны. Пусть и не желая того, автор прочно встал в ряды тех, которые, по его же выражению, «целились в коммунизм, а убивали Россию» [Зиновьев 2007: 259]. Дело литературоведов – оценивать степень художественности сочинения. Но создаётся впечатление, что радикально-критическая публицистика А. Зиновьева проявила агрессию и по отношению к художественной литературе, воспользовавшись её выразительными ресурсами.

5.2. «ЖД» Д.Л. Быкова: информационно-психологическая война «против» или «за» Россию?

Д.Л. Быков – известный писатель, поэт, автор ряда высоко ценимых специалистами литературоведческих монографий, публицист, автор сатирических текстов на злободневные темы в оппозиционных СМИ. Роман Быкова развивает ценностно-содержательную концепцию, изложенную в его «Философических письмах» [Быков 2005: 7–187]. Без ознакомления с ними едва ли можно понять содержание и смысл произведения. Автор: «Концепция, излагаемая тут, лежит в основе моего романа “ЖД”, но обнародовать её я считаю важным раньше книги – ибо романы пишутся долго, а неумолимая деградация России происходит на наших глазах» [Быков 2005: 27]. При написании статьи публицистический оригинал используется в качестве шифровального ключа-кода: приводятся параллельные выдержки, чтобы избежать неверного истолкования концептуальных авторских смыслов.

Быков отводит роману исключительное место в своём творчестве и в жизни: «Я родился для того, чтобы написать эту книгу, и придумывал её в последние десять лет. В ней сошлись мои главные сюжеты и главные мысли, которые всегда были об одном и том же, а именно – о бесприютности – самом страшном моём страхе. **В моей стране мне тоже бесприютно** [здесь и далее выделено

мной. – А.Б.], и это не только моё ощущение» (с. 5–6)¹. Это объясняется тем, что «чем меньше ценится человеческая жизнь, чем невыносимее условия существования в **возлюбленном Отечестве** [явная ирония. – А.Б.] – тем ближе оно к идеалу. Смешно и странно, что эта **суицидальная садомазохистская концепция всё ещё смеет претендовать на роль государственной идеологии**. Однако она смеет. И любая **попытка ниспровергнуть её называется разжиганием национальной розни**» (с. 5).

На начальной странице предисловия, с троекратным использованием анафоры, автор предупреждает читателя о возможном неверном, с его точки зрения, восприятии идейного содержания книги: «Автор приносит свои извинения всем, чьи национальные чувства он задел. <...> Автор не хотел возбуждать национальную рознь, а также оскорблять кого-либо в грубой или извращённой форме <...>. Автор приносит свои извинения всем, чью межнациональную рознь он разжёл» (явная ирония. – А.Б.). Предисловие заканчивается признанием того, что автор предвидит негативную реакцию будущих читателей книги, её «не только идеологическое, но и эстетическое отторжение», но он сознательно мирится с этим, так как ему важно было написать то, что он хотел. В авторской аннотации (на обложке книги) автор предлагает считать её сказкой. Возразим: пусть и сказка. Общеизвестно, что сказка ложь. Но на что она намекает? И кому и какой урок сулит?

Сюжетообразующая стратегия сочинения Быкова – «альтернативная история» России. Согласно «альтернативной истории», коренное население России использует в качестве самоназвания «чужое» имя. Капитан-иерей Плоскорылов пишет лекцию к политзанятию в дивизии. «**Русские, или русы, – великий северный народ, согнанный с места похолоданием... Истинной причиной оледенения было то, что срединные народы, живущие в глубине материка, нуждались в просвещении. Это просвещение и принесли им арии – русоволосые, высокие воины, проводившие дни в овладении боевыми искусствами и магическими ритуалами. Под руководством вождя Яра, о котором сообщала Велесова книга, русы вышли из Гипербореи и устремились на плодородные земли, где жили дикие племена. Племена уже умели обрабатывать эти земли, но не знали зачем, то есть для кого**» (с. 54). Другого варианта истории России придерживаются в романе «хазары». Эту версию озвучивает в романе еврейский

¹ Здесь и далее страницы указываются по изданию: Быков Д.Л. ЖД. М.: Вагриус, 2006. 688 с.

идеолог Эверштейн в диалогах с русским историком и журналистом Волоховым. Согласно этой версии, *«русские не были коренным населением России»*. *«Кто такие русы – вообще никто до сих пор не знает. Так называли штук десять племён на юге, севере и востоке»*. Никакого татаро-монгольского ига не было и в этой версии. На Куликовом поле, поучает Эверштейн, бились не ордынский богатырь Челубей и легендарный русский герой, чернец Пересвет, а *«дрались там ваш Челом-бей и наш Пэрец-вет...»* (125). И победил хазар русского богатыря... Оценка совершённой агрессивной-информационной вербальной акции – *«дешёвая подтасовка»* посредством элементарной фонетической трансформации. В революции 1917 года *«речь шла о нации, возвращавшей себе своё»* (129). *«Коренным населением были хазары, они явились сюда вернуть своё, и в том, что туземцам [русским. – А.Б.] было теперь плохо, виноваты были только туземцы, слишком долго губившие землю ленью и беспхозайственностью»*. Эверштейн: *«Был, не скрою, небольшой процент идеалистов, искренне считавших, что это их земля. Любивших ёлочки, берёзочки. <...> И эта русская интеллигенция, кстати, всегда догадывалась о том, кто настоящее население России»* (133).

Итак, по одной версии русские – коренное население, поработанное «северным народом» (ариями, гиперборейскими титанами, называемыми также варягами, норманнами, русами, руссами) и принявшее имя этноса-поработителя. По другой версии, коренными жителями России были хазары – «могучий народ в низовьях Волги, исповедовавший иудейскую веру и в 965 г. побеждённый киевским князем Святославом Игоревичем». Хазарский Каганат был могущественным соседом и соперником Древней Руси [Гумилёв 2008: 7]. Русские-«захватчики» захватили хазарский Каганат. Гипотетическую Третью мировую войну хазары начали, чтобы вернуть свою родину. Согласно третьей версии, коренное население страны перманентно завоёвывалось то одним захватчиком – варягами (руссами/русами/россами), то другим – хазарами. *«Наиболее близка к истине, – просвещал Волохова Гуров, представитель “коренного населения”, – гипотеза Иловойского, впоследствии развитая Львом Гумилёвым: согласно ей, территория восточных славян делилась между двумя могучими государствами – варягами на северо-западе и хазарами на юго-востоке. <...> Славяне, в отличие от русов, знали множество ремёсел. В основе их культуры лежала идея круга: круглые жилища, “круговая керамика”, круглые головные уборы. Однако от “круговой”, циклической и концентрической культуры славян*

уцелело очень немногое <...>. Не в силах сопротивляться, **славяне стонали то под варяжским, то под хазарским игом.** <...> Варяги и хазары сражались... за славянскую территорию и **кроткое славянское племя, обслуживавшее их по очереди. От коренного населения России к началу двадцать первого века осталось очень немногое.** <...> **Но немногие уцелевшие славяне по-прежнему исповедовали культуру круга...**» Итак, согласно Быкову-романисту, в сегодняшнем государстве под названием *Россия* этноним «рус»/«русский» не является именем коренного населения. На этом настаивает и Быков-публицист: *«Хазария – результат завоевания, покорения исконных местных жителей одним из рассеянных иудейских колен, причём покорены были как тюркские, так и славянские народы, платившие хазарам дань. Этих славян (коренное население) как раз и следует раз навсегда отличать от руссов, то есть россов, то есть варягов – присвоивших себе в конце концов право называться истинно русскими»* (Хроники, 33). Имя (авто- или хотя бы аллоэтноним) этого народа остаётся и в «Хрониках», и в романе загадкой. Таинственный персонаж Гуров («свой» и у «коренных», и у варягов, и у хазар) обещает открыть тайну, но так и не делает этого: *«Самоназвание я тебе со временем скажу, а слово “славяне” забудь. Оно гнусное, клеймённое»* (204). Автор избирает из всех этимологических версий, гуляющих в Интернете, самую оскорбительную: *«Но воля волей, а... он был из тех самых, коренных, которые даже название своё утратили или утаили глубже, чем достигает человеческая память: славяне – название грубое, оскорбительное, долго бывшее синонимом рабства»* (609). Поскольку и этноним «русские», и макроэтноним «славяне» – актуальные этнографические термины, налицо явная **агрессия**, которая может рассматриваться как проявление ИПВ. Ещё большая агрессия – неназванность имени народа. Философ М.К. Мамардашвили: *«Есть закон названности собственным именем, закон именованности. Он – условие исторической силы, элемент её формы. <...> Что происходит на самом деле? Что есть? Если даже не названо... Невозможно узнать. Более того, неназванной вещи невозможно и стать. <...> Вот почему я говорю, что называние, именование вещей – один из первых актов культурного строительства и духовного здоровья нации...»* [Мамардашвили 2011: 43].

Лишённый имени народ государства *Россия* именуется в романе населением, туземцами, аборигенами, местными, коренными, парафразами *коренное население, туземное население, коренные жители*. Термин *народ* встречается редко, в специфическом, стили-

стически нейтральном или позитивно-оценочном контексте: «*Туземцы мыслили себя только вместе, только как единый народ...*» (244); «*порабощение коренного народа*» (246); «*порабощение народа*» (374); «*такой народ удивительный*» (521); «*русский народ не любит хазар*» (253); «*<...> он искал представителей своего народа, чистых, беспримесных, не опоганенных чуждой кровью*» (609); «*его народ бессмертен*» (616).

Лексемы «население» и «народ» нельзя считать синонимами. У них достаточно разная сочетаемость и, соответственно, разный ценностный потенциал. Корректно вести речь об истории, достижениях, ментальности, выдающихся представителях и т.д. народа, но не населения. «Население» понятийно-логически связано с пространством, численностью, акциями, деятельностью частного, конкретного характера. *Население*, в отличие от *народа* и его индивида *гражданина*, в языковом сознании современного носителя языка соотносится с оценочным, пусть и факультативным, компонентом «пассивность»: *Гражданское общество состоит... из людей, из граждан <...> Подход должен быть хозяйским. Гражданин – это хозяин, а если нет, то он население* (Михаил Федотов, глава СПЧ. Аргументы и Факты. 2015. № 29).

А.П. Сковородников отмечал как одну из семантических новаций конца XX века «возникновение в общественно-речевой практике ментальной оппозиции слов (понятий) *народ* (в смысле “нация”) и *население* (в смысле “безнациональная масса”), в которой первый член (*народ*) обладает положительной коннотацией (эмоционально-оценочным значением), а второй член (*население*) – отрицательной» [Сковородников 1997: 47]. В более позднем исследовании А.Д. Васильев указал даже на уход лексемы «народ» в пассивный лексический запас. Однако его наблюдение, что применительно к русским словосочетание «коренное население» вместо «народ», не употреблялось [Васильев 2013б: 154–159], роман Быкова опровергает. В «Хрониках» Быков по-своему разграничивает понятия народа и населения, лишая граждан России права называться народом: «*Отсутствие сознательной исторической воли к направленному движению – главный порок российского населения, которое именно в силу этого безволия и не является народом...*» (Хроники, 25). Разве это не беспрецедентная агрессия против своей страны, её международного имиджа?

Онтологическая и этическая неоправданность применения лексем «туземец» и «абориген» вместо «народа» выводима уже из сло-

варных дефиниций первых. «**Туземец**: 1. Уроженец и коренной житель **отдалённой от центров цивилизации местности или страны** (в противоположность приезжему или иностранцу). 2. устар. Коренной, местный житель любой области» [Ефремова 2000: 814]. Термин, как видим, употреблён некорректно: если русские не коренные жители, то почему они туземцы?; а если коренные, то так характеризовать страну их проживания – акт явной информационно-психологической агрессии.

«**Аборигены** – название коренных жителей страны или местности в противоположность прибывшим поселенцам (**обычно о коренном населении Австралии, Океании, Америки**); автохтоны» [Там же: 2]. Комментарии излишни.

Быков не соотносит «коренное население» России с понятием «нация». *«И только у нас ничего, потому что мы не нация. А не нация мы, Петя, по милости таких, как ты, жрецов-охранителей, охранителей, сплотившихся в едином строю, чтобы у страны не дай Бог не завелась история»* (414); *«Впрочем, в России единой нации не могло быть по определению: у захваченных и захватчиков не бывает общих принципов. <...> Их главная цель – взаимное истребление»* (181). В «Хрониках» автор непоследователен, ср.: *«“Русский” – это и национальность, и убеждения, и модель поведения»* (22). Но: *«<...> нации же “россияне” (или “русские”) не существует вовсе»* (Хроники, 25); *«...русской нации нет до сих пор»* (Хроники, 85); *«Пока же русские – никакая не нация, ибо нация есть не этническое, а философское [на с. 12 – «но этическое». – А.Б.] понятие»* (Хроники, 123). Итак, согласно Быкову, русские, россияне и не народ, и не нация. Далее из произвольного утверждения делается «глобальное» заключение, называются «истинные творцы» российской истории: *«Двести лет – а если верить Канделю с его “Книгой времён и событий”, то и гораздо больше – евреи делают российскую историю не вместе с русскими, а вместо них»*. И несколько ранее: *«Евреям пришлось стать в России и публицистами, и мыслителями, и революционерами, и контрреволюционерами, и комиссарами, и диссидентами, и патриотами, и создателями официальной культуры, и её ниспровергателями, – потому что этого в силу каких-то причин не сделали русские. <...> И царизм погубили евреи, и революцию – евреи же, и Советский Союз – они же. <...> Ну подумайте вы сами: революция, давно назревшая, да всё не получавшаяся, – мы. Контрреволюция, то есть большой террор, – обратно мы. Атомная бомба, водородная бомба, НТР, авторская песня, кинематограф и даже*

патриотическая лирика – всё мы. Кто двигает вперёд русский стих и модернизирует прозу? Да обратно же мы; сколько можно? <...> Да что же это такое! Почему Ельцина и Путина поддерживал еврей Березовский, а обличал еврей Шендерович? Вам что, безразлична судьба **вашего президента...**?» И, наконец, заключительный убийственный абсурдизм: «...евреи сыграли такую, а не иную роль в русской истории потому, что **в силу особенностей местного коренного населения им пришлось стать русскими**» (Хроники, 120–123).

Две ключевые координаты в представлении государства и армии: враждебность государства и «государственников» по отношению и к окружающему миру, и к своему «населению», своей земле, и отсутствие смысла в действиях правителей всех сфер жизни и всех рангов и в мирное, и в военное время. Эти смысловые координаты предопределяют доминанты в грамматике, лексике, выразительных средствах. Камертоном такого исполнения служит утверждение в предисловии, что «**чем меньше ценится человеческая жизнь, чем невыносимее условия существования в возлюбленном Отечестве – тем ближе оно к идеалу**» (5). На первом плане алогизм, отсутствие здравого смысла, усиленные безмерным гипертрофированием и неоправданным обобщением. «Хазар»-идеолог Эверштейн: «**Главное, что у вас происходит, истребление и колонизация народа <...> Так поступать с землёй, так истреблять народ, так выкорчёвывать любые ростки культуры, – коренное население не в силах**» (125). «**И ещё в одном был прав Эверштейн, – размышляет Волохов, – <...> почему задачей любой русской власти... было в первую голову **уничтожение собственного народа****» (179). В отношении контекстуальной синонимии ставятся слова с абсолютно разными значениями: «**Способность работать в отсутствии смысла как раз и была главной особенностью русского государственника, слова “государственное” и “бессмысленное” выступали синонимами**» (247). У губернатора Бороздина «**были все основания для успешной карьеры, кроме единственно необходимого – бездарности**» (299). Противоречие здравому смыслу ярко проявляется, усиливается в предложениях **пропорционального отношения** с союзом «чем – тем»: «**Истинно русскому чиновнику не полагалось задумываться о причинах и целях, и чем бесцельнее, бессмысленнее было дело, тем с большим жаром чиновник отдавался ему**» (247). На жонглировании этимологией слова «работа» (подмене современного значения историческим) устами «коренной» Аши русскому народу приписываются безволие, рабский менталитет, генетическая предрасположенность

не к созидательной, а к разрушительной жизнедеятельности: *«Вот все вы такие: сказали вам, что надо работать, – вы и работаете, как белка в колесе. Ну, бегают она, а зачем? <...> “Работать” – это вы придумали. Раб работает, он подневольный, у него палка вместо совести. Вы и сами работаете, как рабы, потому что всё тут не ваше»* (248–249); *«Ваша работа – убийство! Вы всё убиваете, что трогаете»* (246). Лишённый своего поста и гонимый губернатор доходит до самой сути российской государственной системы: *«Вот почему в России власть так редко менялась: правитель либо умирал, либо бывал убит его подданными... Кто же уйдёт по доброй воле из единственной сферы, где ничтожество было гарантией всемогущества, а неспособность к осмысленной деятельности – высшей добродетелью?»* (438). Объектом речевой агрессии становится вся история России, аннигилируются заслуги выдающихся государственных деятелей страны. В сознание читателей запускается мысль о бесперспективности будущего всей страны.

Главный инструмент истребления населения, конечно же, армия. Её кредо: *«Цель каждого истинного воина есть смерть»* (91); *«Главная добродетель русского солдата – готовность пасть не рассуждая»* (Хроники, 23). Впечатление ужасающего цинизма создаётся имитацией научного стиля: каждая фраза оформлена как строгая дефиниция. Установка на уничтожение главной общечеловеческой ценности – жизни – подчёркивается категоричностью высказываний, имитирующих положения воинского устава: *«У армии нашей нет никакой иной цели, как только перевод солдата в совершенное состояние <...>. Жизнь есть мерзостное существование, которое должно быть преодолено»* (90). Принцип деятельности, противоречащий главной общечеловеческой ценности – жизни, усиливается в конструкциях изъяснительно-противительной семантики: *«Высшая воинская доблесть не в том, чтобы точно рассчитать атаку и сберечь максимум людей, а в том, чтобы отважно положить всех»* (248). Экспрессия создаётся алогизмом и, как следствие, эффектом неожиданности, нарушением валентности (лексико-семантической) в словосочетании «отважно положить». Формируется гротескно-карикатурный образ идеального орудия истребления солдатских жизней.

Большое место занимают отрицательные частицы и приставки, отрицательные местоимения и наречия. Если принцип житейской логики и дидактики требует поощрения положительных качеств и действий, то в рисуемой автором российской действительности

всё наоборот. Нарушается причинно-следственное отношение. «Евдокимов... вообще **ничего не умел**. И он был некрасивый. <...> Блевотное он был существо, прямо говоря. Мало кто был хуже Евдокимова. **Варяги любили Евдокимова, ценили Евдокимова**» (46). «Офицер он был **никакой** – вялый, безынициативный, но именно полное равнодушие к судьбе солдат делало его **бесценным в глазах начальства**. <...> Фунтов был **никаким** строевиком, **ничего не смыслил** в геополитической подготовке, – но в нём с некоторой даже избыточностью было представлено главное офицерское качество, а именно **тупость**; <...> **и за это Здрок любил его отеческой любовью**... и даже Пауков сказал однажды, что Фунтов **способный офицер**» (67).

Яркий образ носителя идеологии уничтожения, разрушения, «обесчеловечивания» – капитан-иерей, политрук дивизии Плоскорылов. «Говорящая» фамилия действует как обертон, усиливая звучание в каждом конкретном контексте. Образ гротескный и вместе с тем узнаваемый в своей потенциальной реалистичности. Контуры абсурдистской карикатуры образ приобретает в ситуации общения с обожаемым шефом Гуровым: «Плоскорылов так **любил** его в этот момент, что, не колеблясь, послал бы на **смерть**» (60). В этом образе воплощается «норманнская концепция великой жатвы». Символ известный, международный, но здесь он деметафоризируется, опредмечивается в растительном образе винограда и процесса виноделия: «Солдат, солдат есть тот же виноград; не жать из него сока – не будет и прока, гласила армейская мудрость. Плоскорылов обожал **мёртвого солдата**. Только **мёртвый солдат**, установленный на площади в виде памятника... был абсолютным воплощением норманнского духа. <...> Единственное устремление маленькой, некрасивой воинской единицы в серой шинели, с неумело замотанными **портянками**... должно было устремляться к гибели, возможно более скорой... исключительно живой солдатской массой можно было одолеть любого врага... Дорогу к победе следовало мостить телами – это понимали немногие избранные военачальники» (34–35). Выразительные средства – повтор ключевого образа (мёртвый солдат), деперсонализация (солдат всего лишь абстрактная «единица», безликая в сером однообразии). Заставляет содрогнуться от ужаса психологический оксюморон «**обожать мёртвого солдата**». Две заключительные фразы – явные аллюзии, в том числе на Астафьева, маршала Жукова (весь быковский роман буквально нашпигован интертекстуальностью).

Командный состав армии печётся о своей сохранности. *«Элита не гибнет, она не вправе отступить от высшего долга – командовать жалким, не понимающим своего назначения мясом. Даже и в критической ситуации офицер обязан был первым делом думать о спасении собственной жизни, а уж потом – о своих людях; людей много, офицер один»* (26). Сарказмом звучат лживо-патетические, основанные на отрицании высших общечеловеческих ценностей наставления Плоскорылова, следующие за притчевой аналогией (в случае опасности для матери и ребёнка разумно пожертвовать не матерью, а ребёнком): *«Так и офицер, как истинная мать, не имеет прав оставлять солдата одного в полном опасностей мире, а должен прежде всего озаботиться собственным спасением, чтобы сохранить в неприкосновенности офицерский корпус!»*

Заключительным аккордом софистической аргументации от имени армейского политрука звучит «успокоительное» утверждение, что *«варяг как истинный воин Одина мог погибнуть на пирушке, на охоте, на бабе, как славный генерал Скобелев, но не в бою»* (27) – **тактика дегеронизации, приём физиологизации**. М.Д. Скобелев – личность историческая: герой русско-турецкой войны, освободитель Болгарии. Зачем понадобилось автору очернить образ, озвучив одну из многих версий его загадочной смерти? Ещё раз продемонстрировать свою недюжинную эрудицию? Понятно, что неискущённый читатель после такой детали не заглянет ни в одну энциклопедию, не получит информации о славной странице военной истории России, лишится возможности ещё раз почувствовать гордость за свою страну, её историю.

Обобщённо-негативный образ российской армии и генералитета дополняется языковой характеристикой армейского дискурса. Гротескно-абсурдистским и гипертрофированно безграмотным представлен фрагмент устава, описывающего обязанности дневального: *«– Дневальный есть военный солдат – бойко начал Плоскорылов, – которого первейшая обязанность есть надзирать, следить, досматривать и докладывать, а также поддержание порядка в расположении роты неусыпно. Дневальный есть принадлежность тумбочки, каковая есть принадлежность входа в расположение. Дневального долг есть натирать краники, стоять смиренно в ожидании кто есть любезный гость, а при появлении любезный гость производить отдавание чести и три выстрела. <...> Когда дневальный заступать, то наряд принимать...»* (62).

Писатель пытается взять интервью у солдата, отличившегося, будучи на посту, бдительностью и верностью уставу. *«– Ну, хорошо, –*

разочарованно сказал Курлович. – Вот вы стоите, и что? – И слышу шорох, – медленно выговаривал Краснухин. – Я кричу: стой, кто идёт? На это, **согласно устава**, мне должен быть **отзыв**: “**Конь в пальто**”. Но как я отзыва не получаю, то **произвожу досыл патрона** в патронник и вторично **задаюсь вопросом**: кто идёт?» (75). Неправильная падежная форма, нарушение принципа языковой экономии в аналитической конструкции, некорректная форма выражения семантики причинности, неуместная возвратная форма глагола и, наконец, просторечно-абсурдистский отзыв создают олигофренический речевой портрет солдата и шутовскую пародию на языковое оформление армейского устава.

В соответствии с представлениями о государстве и армии пересматриваются характер и итоги Великой Отечественной войны. «Во многих отношениях эта война была продолжением всё той же репрессивной политики – то есть массовым истреблением собственного народа: только при таком подходе к военному делу потери обороняющейся стороны могут быть примерно втрое (пусть вдвое, по мнению официальных историографов) больше, чем потери агрессора» (Хроники, 68). **Вброс информации**, искажающей картину и оскорбляющей живую память потомков: «– Как можно умирать за чужое? <...> **Во время последней войны ведь можно было поднять в атаку только при помощи заградотрядов**, – что, нет? <...> И героизм случался, нет слов, – но почему этот ваш героизм всегда такого самоубийственного толка? Вам не приходило в голову, что люди **бросались на амбразуры потому, что начинали ненавидеть свою жизнь**? Вы, может быть, не знаете, кто на самом деле был **Матросов**? <...> **Он был замученный русскими русский**. Детдомовец, маленький, плюгавый, которого в армии все били. Вот он и кинулся тощим животом на пулемёт, с отчаяния... Или ваш русский **Астафьев не писал о том, как люди искали смерти с голоду, с холоду, надеясь хоть в земле выспаться?**» (132).

Ожесточённую ненависть у автора вызывает маршал Жуков: «Не зря верховный национальный герой – маршал Жуков – славен прежде всего количеством загубленных жизней» (Хроники, 23); «Генерал-майор Пауков был горд, что у них с его **кумиром** родственные фамилии. Сходство по признаку насекомости казалось ему ничуть не забавным и даже символическим. В разнице же фамилий сказывалась новая тактика современной войны: **великий предшественник**, как жук, катил на **сияющую вершину победы** навозный шар солдатской массы, – генерал Пауков, как паук, сплетал и раскидывал

по стране хитрую паутину коммуникаций и ловил врага в сети **неисследимых** дозоров. Нынешний враг был коварен, и весь он был внутрененный. <...> Внутреннего врага следовало вычленять, окружать, оплетать, караулить, **обездвиживать** и **размозжать**. Так формулировались шесть науковских пунктов – главных правил, сформулированных им в новом боевом уставе» (24).

Фамилия Жукова отсутствует, но однозначно обыгрывается сравнительной конструкцией. В тематическом блоке ключевым средством выступает контраст: стилистически высокая тональность каждый раз «гасится» последующей лексикой («кумир» – «признак насекомости»; «великий предшественник» – как жук; **сияющую вершину побед** – «навозный шар»). Пейоративная экспрессия создаётся развёрнутой деперсонифицирующей метафорой «катить навозный шар». Во втором тематическом блоке фамилия персонажа и названа, и обыгрывается – сравнением, развёрнутой метафорой с синонимизацией («паутина», «сети»). Лексика последней части фрагмента, начиная с неуклюжего окказионализма «неисследимый», официально-бюрократическая глагольная словоформа «следует» и однородный глагольный ряд с бюрократическими окказионализмами создают речевую характеристику персонажа. Речь Паукова близка «плоско-рыловской водянистой, одышливой многоглагольности» (19).

Сравнение маршала Жукова с карикатурно-сатирическим вымышленным художественным образом даёт дополнительное основание говорить о проявлении ИПВ. Тем более что автор не имеет в виду исключение из правил, а, напротив, обобщает, говоря о том, как во время Великой Отечественной войны «из страха за собственную шкуру жертвовал этим солдатом высший генералитет» (Хроники, 68). Приёмом ведения ИПВ служит и циничная интерпретация одного из самых действенных плакатов военного времени, призывавшего к защите Родины: «<...> Родина-мать с известного плаката, немолчно зовущая в могилу вот уже которое поколение бессовестно расплотившихся сыновей» (36). Прописная истина, выраженная ассоциативно-образно: «Патриотизм без национальной гордости как свадьба без жениха. А национальная гордость без памяти о своих предках – свадьба без невесты» (Колонка «Диагноз Коклюшкина». Аргументы и Факты. 31.07.2015)

Не единожды звучит ирония автора по поводу мнимой, на его взгляд, особой миссии России: «Полная изоляция России от прочего мира, позволившая ей наконец без помех разыгрывать свою торжественную мистерию...» (38); Россия видит в себе «последний

оплот мирового духа» (37). Политический обозреватель Топтухин *«искренне, без тени спекуляции, верил сам и уверял окружающих, что Россия несёт свет миру, а заключается этот свет опять-таки в противостоянии торгошеской цивилизации юга»* (442). Но «в душе Топтухин полагал, что сама **Россия – довольно бросовый товарец.** Он оттого так и ярился, защищая её» (443). Говорится о *«выродившейся стране»* (309); *«Было похоже, что со всей страной случился синдром Василенко»* (530) – то есть в стране не народ, не нация, только бомжи, «васьки»...

Публицист Быков предрекает новую большую войну, необходимую, по его мнению, *«для легитимизации и оправдания»* начавшегося очередного заморозка. *«Что выигрывать эта война будет традиционным “репрессивным” методом, то есть максимальными жертвами, и главным стимулом генералов будет опять страх перед начальством – сомнений не вызывает. Главное же, – продолжает автор, – я сильно сомневаюсь, что сегодняшняя Россия в состоянии выиграть отечественную войну...»* (Хроники, 76). Нельзя не признать, что подобные пораженческие мысли едва ли способствуют оптимизму и боеспособности армии, что даёт основание расценивать их как компонент ИПВ.

Реальное время действия в романе – гипотетическая Третья мировая война. Подготовка к ней началась *«с восьмидесят девятого. Как дали сигнал, так и началось»*, – вещает Эверштейн (130). Это была последняя битва за возвращение «ЖД» на свою «историческую родину», в Россию. Она совпала с началом эры таинственного газа флогистона. Запасы флогистона обнаружались везде, кроме России и исламского Востока. Политрук дивизии, капитан-иерей Плоскорылов, горевал, что **Россия уже не могла помочь исламу**, а ведь это *«был наш форпост на юге, друг и партнёр, терпящий бедствие. <...> Из-за проклятого газа прекратилась столь перспективная было война на Ближнем Востоке, где Штаты увязли накрепко»* (38–39). *«И в этом смысле русско-исламская коалиция, направленная против Запада, отнюдь не утопия»* (Хроники, 187). Устами идеолога в романе подтверждается обвинение реальных политических врагов реальной сегодняшней России в антисемитизме, поддержке терроризма. Создание в Палестине государства Израиль – якобы очередной ход с целью окончательно погубить еврейский народ: *«Ступайте в вашу пустыню, на родину предков! <...> Не-ет, пусть сдохнут в пустыне... без воды, среди враждебных арабов! Но только не вышло! <...> Потом, конечно, ваши спохватились, сделали Арафата,*

стали тренировать у себя террористов... Не думайте, есть факты» (127). Это уже инсинуация на уровне геополитики, связанная с международным имиджем России, с созданием негативного образа страны.

Быков-публицист «преподносит» враждебному окружению России ещё два «подарка»: указание на слабость нашей армии и на Россию как причину «оранжевых» революций, в том числе на Украине: *«Отрекаются не просто от России, но от такой [выделено Быковым. – А.Б.] России. Страны, сделавшие прозападный выбор, не желают иметь ничего общего с опасным соседом. Опасен он прежде всего не своей агрессией – не та у нас армия, – а своей заразностью. Серая плесень ничуть не менее, а то и более заразна, чем оранжевая, красная, зелёная или любая иная»* (Хроники, 80). И все эти «откровения» можно с полным правом расценивать как **акты реального участия в ИПВ не «за», а против России.**

В романе есть фрагменты, свидетельствующие о том, что в картине мира автора, в его художественной мастерской присутствует представление об ИПВ, её стратегиях и тактиках. Одна из классических тактик в военное время – **вброс ложной информации, представленный как «утечка информации»,** направляющей действия противника по ложному пути: *«Оба военачальника в соответствии с тайной договорённостью правительств сдавали друг другу результаты своих секретных совещаний, перевирали их с точностью до наоборот <...> Организовав взаимную утечку, генералы удовлетворённо повесили трубки и потёрли руки»* (603–604). Жертвой **тактики вбрасывания ложной информации, оговора** становится один из центральных персонажей – губернатор Бороздин. Он бежал через всю Россию, на него началась настоящая охота. Ему и его спутнице *«старательно перекрывали все отходные пути, (если) в каждом городе уже был развешан фоторобот, (если) началась газетная кампания...».* Истинную причину опальный губернатор понимал: *«Он совершил главный грех – нарушил тайный уговор, покинул чиновничью касту, сословие государевых людей, куда и впускали туго, а выпускать избегали вовсе».* Но в развернувшейся газетной кампании *«его обвиняли в громадных хищениях и развороте»* (437). Другая ложь состояла в том, что инициатором обвинений представили народ («население»), и травлю вели от его имени, играя на стремлении простых людей к справедливости, на их ненависти к несправедливым властям. С этой целью использовали старый как мир **приём анонимки.** И беспробитным средством было предъявление анонимки,

написанной неграмотно, корявым почерком: *«Во первых строках моего письма доводим ваше сведение, что гублинатор живёт с девушкой как с жинной примите экстрыные меры»* (281).

Собственно, вся так называемая альтернативная история и есть ИПВ. *«В конце концов, каждый верит, как хочет. <...> Были хазары на Руси, кто бы спорил. <...> Да, были. Но Каганат преувеличивать не следует. Гумилёв уже на этом обломался, выдумав, по сути, целое государство. А у него любой школьник десять **подтасовок** на главу найдёт»* (147). Быков вносит свой немалый вклад, продолжая дело «альтернативщиков» на основе такого же приёма, например, вбрасывая в сознание неискущённого читателя мысль, что великий князь Владимир – *«мудрый варяг»* (53), а Пушкин (202), Ахматова (148), Пётр I и Меншиков (257) – *«хазары»*; *«чеченцы – последний отряд тех, настоящих хазар, наследники Каганата»*, и «добывает» читателя «историческим открытием», объясняющим, почему *«тихий советский лётчик Алексей Шварц вдруг взял себе псевдоним Жохар Дудаев? Что в итоге даёт нам столь знакомую аббревиатуру ЖД?»* (140–141). Ясно, что автор вошёл во вкус «альтернативной истории» и, выражаясь на языке жаргона, от души «прикалывается»: *«Как вы сами-то не догадались, честное слово? Посмотрели бы на эти носы и усы, послушали бы язык...»* (141).

Ещё пример стратегии «**произвольная интерпретация реальных событий и фактов**» на основе приёма подтасовок: «БГ» уже не просто «Борис Гребенщиков», а таинственный символ «Б-2» в еврейской транскрипции; его песня *«Пора вернуть эту землю себе»* – призыв к новой войне за возвращение хазар на свою родину (130). Излюбленная тактика перекраивания истории, с юмором демонстрируемая автором, – откровенная **фальсификация фактов**, содержащихся в письменных источниках: *«Знаете, как Владимир крестил Русь? Дело было в хазарской столице Цецар, километров на двести по Днепру выше нынешнего Киева. Загнали всех в воду – женицин, стариков, детей... И не выпускали, пока не согласились перейти в новую веру. Называлось “крещение”. Некоторые так и утонули. Волохов уже не знал, смеяться ему или плакать. Он отлично представлял себе **способы подгонки летописей и свидетельств под любую нужную версию...**»* (138).

На нескольких примерах автор раскрывает технологию информационной войны. Анекдотическая **фальсификация фактов** путём использования приёмов языковой игры на словообразовательном уровне, случайных звуковых сходств и на этой основе лож-

ной этимологизации – интерпретация былины об Илье Муромце, якобы хазаре, «продавшемся» русским: *«Всё не можете забыть, как наш Элия Эмур-омец перешёл на вашу сторону и предательски напал на своих. – Волохов расхохотался. – Среди трёх богатырей Илья-Муромец еврей, <...> – едва выговорил он сквозь хохот. Эверштейн смотрел на него невозмутимо. <...> Вы никогда не замечали, что Муромец начал свою деятельность только в тридцать лет и три года? До этого он сидел, стало быть, на печи <...> А знаете Вы, Воленька, что такое на древнехазарском “печь”? Степь, дорогой друг <...> Отсюда русский миф о путешествиях на печи <...> Отсюда и печ-эн-эг, степной житель»* (135–136). Достойным продолжением «гильотинирования» русского языка, авторского «прикола» стала история о том, что «чеченцы, с их рыцарственным и откровенным самурайским зверством, – последние остатки той стражи, которую предал Элия Эмур-овец. Один из них его и достал потом. Некто **Саул Ой-Вэй, в вашей транскрипции Соловей**. Свистом он был действительно знаменит, а вот насчёт разбойника – это ваши сказители погорячились» (141). Тот же приём на основе версий «альтернативной истории» иронически обыгран и на материале фразеологизмов. Вместо «*Не было ни гроша, да вдруг алтын*» – «*да вдруг “атлант”*» (206). В устойчивом выражении с интенцией угрозы – «*показать, где раки зимуют*», слова «раки» якобы восходит к древнехазарскому проклятию «*Рака!*» Отсюда же и название «*речных тварей, ползающих задом наперёд*», а впоследствии и страшной болезни (445–446).

Приём – **подмена понятия или термина**: «*<...> Давайте договоримся о термине “больные”. Волохов уже понял, что в этих дискуссиях договариваться о терминах надо с самого начала, иначе подмена произойдёт так, что моргнуть не успеешь»* (194). Пример стратегии **провоцирования**: путём хитроумных тактических ходов спровоцировать противника на нужное высказывание и интерпретировать его как добровольное признание своей неправоты или вины: «*Но, на его беду, антихазарский элемент никак себя не проявлял. Тут следовало воспользоваться любимой тактикой преждевременных родов, – что-что, а провоцировать противника хазары умели»* (398).

Особенно изощрённо эту стратегию использовал «*прирождённый смершовец, из тех, о которых слагались легенды: дзержинец, наследник подлинного чекизма, способный выбить из бойца любое признание, за три дня превратить здорового малого в трясущуюся, кающуюся мразь»* (45), – «элита элит» Евдокимов в процессе допросов ни в чём не провинившегося солдата Воронова. Солдат и был

избран в качестве жертвы, чтобы доказать, что «невиноватых нет. Задача исключительно в том, чтобы найти вину» солдата (46–52).

«– Рядовой Воронов по вашему приказанию прибыл! – чётко рапортовала жертва, ещё не подозревая о своём новом статусе. – Так-так, – медлительно сказал Евдокимов. – Так-так... (Это тоже была азбука смершевца – тянуть время, чтобы жертва пометалась.) – Ну, что же... ммм... Воронов, да? Значит, письмецо ждёте?». Начало – в деланно дружелюбном тоне, жертва расслаблена. Получив заранее известный ему ответ «письмо от матери», следователь спрашивает, почему солдат уверен, что мать ему сразу ответит. Вопрос неожиданный и выбивает жертву из равновесия, заставляя мучительно искать в вопросе какой-то неизвестный, непонятый смысл. Цель достигнута: **жертва приведена в состояние неустойчивости, реакция ослаблена. Палач ищет зацепку и, услышав, что естественная причина волнения матери – война, тут же переходит в наступление, подставив вместо «войны» как якобы тождественное понятие другое**, однако означавшее нарушение устава с вытекающими карательными последствиями: «– А вы сообщили матери, что находитесь в районе боевых действий? – Голос Евдокимова начал наливать свинцом». Уже предвкушая успех, смершевец чередой противоречащих друг другу вопросов-криков отвлёл внимание жертвы на уставные формальности речевого поведения. Жертва сбита с толку, потеряла самообладание, стала беззащитна. Смершевец заорал. «Воронов дошёл до кондиции. Момент для **пересмотра регистра** был выбран безошибочно. – Значит, сначала волнуем мать, доводим её, можно сказать, до нервного стресса, – а потом вот так запросто являемся в Смери за письмецом? Я правильно вас понял, товарищ рядовой? – Это тоже был любимый приём: **перечислить с грозной интонацией несколько невинных фактов, из которых сейчас будет сделан неожиданный и убийственный вывод**». Приписав жертве свою интерпретацию происходящего («Или вы полагаете, что в Смерше служат маразматик?»), палач уверенно вёл дело к концу. «Так, мысленно поворачивая перед собою Воронова, как деревянный шар, ища на нём зацепку, заусеницу, шероховатость, майор Евдокимов к концу второго дня был сполен вознаграждён. Воронов впал в истерику. Биясь в майорских сетях, как обречённая муха, рядовой был готов каяться в чём угодно». И, наконец, **спровоцировав жертву на употребление инклюзивной формы «мы» вместо «я» посредством ряда сбивающих с толку и таящих угрозу вопросов**, палач праздновал победу,

чтобы по всем правилам софистики сделать нужный вывод. «*Это была как раз необходимая Евдокимову проговорка. <...> Признался бы сразу: мы есть тайная организация, действующая в войсках противника для приведения их к небоеготовности! <...> – Проговорился, проговорился, – глядя в стол, словно жалуясь на чужое вероломство, заговорил следователь. – Предал мать. Всех предал. Себя предал. Но себя – что? Кто ты есть? Ты никто, понял? Но мать! Как ты смел предать свою мать!*». Ещё раз **подтасовка понятий и имён** (биологическая мать; Москва – мать русских городов – столица Русской земли) и заключение: предал Родину! – классический образец манипуляции сознанием противника. Последнее, что сломило сопротивление арестанта, была ложь: когда «*Евдокимов показал ему представление на арест всех его родственников, направляемое по месту жительства в связи с разлагающей пропагандой в военное время (представление было отпечатано на специальном бланке, такой метод воздействия официально разрешался Генштабом), Воронов признался в существовании тайной организации и назвал весь списочный состав своей роты.<...> – Встать! – приказал Евдокимов. – Что ж ты, гадина... дрисня... Своих сдал, да? Всех как есть? Всю роту? А ведь у всех тоже матери!*».

Кольцевой повтор «мать» стал венцом садистской изощрённости палача. Стратегия допроса выстроена на спекуляции контекстными значениями лексемы «мать». В финале коммуникативного события появляется сильный художественный приём: ассоциация бездушной военной машинерии с неким ненасытным плотоядным животным: «– *Унести это дерьмо, – брезгливо сказал Евдокимов. <...> – Завтра и употребим голубчика, – сказал себе Евдокимов. <...> По телу смершевца пробежала приятная судорога удовлетворения – не эротического, конечно, но что-то сродни пароксизму удовольствия, который испытывают крупные земноводные в момент насыщения. Интеллектуальная отрыжка, если угодно, – твёрдое сознание исполненного долга и лёгкая приятность полного, безостаточного поглощения. Жертва лежала в сарае. Сарай исполнял роль желудка.*».

За коммуникативным событием с фиктивными участниками плохо скрыты недавние исторические реалии: ЧК, её глава Ф.Э. Держинский (его портрет висел на стене) и СМЕРШ («смерть шпионам»: военная контрразведка в годы ВОВ: допрашивает *прирождённый смершевец, из тех, о которых слагались легенды: держиница, наследник подлинного чекизма*). Способом «отражённого рефлекса» осуществляется дискредитация обеих исторических реальностей.

Тема «коренного населения» выполняет в романе стратегическую задачу: дать гротескную иллюстрацию основной идеи произведения: цикличности, бесконечного повторения фаз, не позволяющих России движения вперёд, к прогрессу. Это художественная разработка идеи о крайне бедственном положении «коренного населения» сегодняшней России: *«Землю у них отняли, в города по-настоящему не пустили, так что коренное население России сегодня поистине низведено до статуса бомжей»* (Хроники, 44). В романе доминирует карикатура на «народ», его образ жизни, ментальное состояние, веру, язык. Некий учёный Василенко быстро выполнил государственный заказ, изобретя, дабы освободить власть от синдрома совестливости, неизлечимую болезнь, названную его именем – *«синдром Василенко»*, а «больных» стали прозывать уже не бомжами, а *васьками* и *машками*. На уроках биологии детям объясняли, что васьки *«не совсем люди»*: *«у них даже генный набор другой... Одни рождаются с умом, а другие без ума. <...> Они потому и бродяжничают и пьют, что ущербные»* (317). *«Судя по тому, что отец назвал Василия Ивановича человеком, он, кажется, был доволен приобретением»* (327). Заразиться синдромом от васек нельзя: *«это врождённое»*. *«Оставалось только понять, почему синдром Василенко так распространён именно в России»* (319). *«Васьки в основном и жили сбором вторсырья, и сами были таким вторсырьём...»* (102).

Так в русском языке появилось новое словообразовательное гнездо слов строго по законам морфологической деривации русского языка: *васька*; *васёк*; *васёнок* (ср.: телёнок, кукушонок и пр. из области зоонимов); *васята*; *васятник* (приют для васьков, ср.: «телятник», «свинарник»); *васеринар* (по аналогии с ветеринаром). Весь набор ассоциируется с самым популярным именем домашнего животного – кота. В рамках «гуманитарной программы» *«вымытых, подлеченных и стерилизованных бродяг стали разбирать по домам»* (317). Новообразования расширились, появилось целое лексико-семантическое поле, включающее:

типы действий с новым одушевлённым объектом: *после стерилизации можно безбоязненно брать домой; учить, приручать, «показывать с васьками удивительные штуки»; дрессировать («надрессировать можно любого, нужен только стимул и индивидуальный подход»); выводить гулять; отлавливать; вывезти из города и уничтожить («когда жрать нечего»);*

динамические признаки объекта (какие действия он способен производить): *кусаться; сдохнуть (от перекарма сладостями);*

заговорить; есть из рук; трудно приручаться; отвечать, сколько будет трижды пять; ловить на лету куски ливерной колбасы; в шоу «Мой Вася» соревноваться, таская тяжести и показывая разные штуки; прыгать через скакалочку; играть в резинку; влезть на стульчик и начать читать «Как ныне взбирается вещей Олег / Замстить неразумным базарам»; ничего толком не уметь;

виды взаимоотношений между одушевлённым субъектом Homo sapiens и одушевлённым, но не Homo: *питомец; обзавестись васьками; приобрести васька; выбрать любимца; «в троллейбусах и метро для васек выделили места в конце каждого вагона»; выезжать с васькой в отпуск; льготы и скидки для путешественников с васьками; привязаться к домашнему ваську; мода на васек; дать говорящему ваську имя; массовая зачистка (план «Антициклон»: «когда жрать нечего – так и убить, опять же из жалости»); пустить васьков на колбасу;*

признаки одушевлённого объекта: *бездомный, ручной, вполне обучаемый, ласковый, подержанный, смиренный, смышлённый, говорящий, грязный, зловонный;*

оценки объекта, отношение к нему: *беспомощные бродяги; пьянство, вырождение, грязь, безволие, безответственность; народ ленивый и хитрый; жадность в сочетании с тупостью: полная деменция; пассивность чёртова, неумение распорядиться своей судьбой; идиотская мечтательность; кроме как вечно гнить, ничего больше не умеет; от коренного населения тошнит; преданность кругу, циклу; болезненная тяга к езде по замкнутым траекториям; непобедимая инертность; упорное и неодолимое нежелание становиться нацией.*

Грязные, вонючие «васьки», кругами бредущие по России, олицетворяют авторскую идею бесконечной цикличности российской истории, «коренная» Аша – их языческую природу: не работать на земле, а договариваться с ней, чтобы она сама плодоносила, дегуниские бабы, «которые с одинаковой покорностью пускали на постой и в койку все воюющие стороны по очереди» (17) – аномальную покорность, неспособность к сопротивлению. Деревня Дегунино – своеобразная столица большого «васятника». В ней щедро круглый год плодоносящая яблонька; печка, сама себя топящая и без усталости пекущая румяные на все вкусы пироги; банька, наполняющаяся жаром, стоит местному сказать «Банька, топись!». До этого места «Гитлер в сорок втором так и не добрался, не то исход войны мог быть совершенно другой» (18).

Итак, до светлых времён «антивасийской» революции коренное население России – если и Homo, то уж никак не sapiens. Но Россия

всегда была славна своей культурой, литературой, дала миру плеяду писателей немеркнущей славы. Роман заставляет читателя усомниться и в этом. *«Мне одно непонятно, – размышляет Волохов. – Почему при такой истории – с её кругами, неверием ни во что, угнетением и прочая – такая культура? Уж никак не захватническая, верно?»*. С помощью другого ключевого персонажа, Гурова, «прозревший» оказавшийся «коренным» в каком-то колене Волохов делает сенсационное открытие: *«Культуру сделали раскаявшиеся варяги и передумавшие хазары, а наши – так, фольклор да сумасшедший Хлебников»* (384). Гуров – ранее: *«Вся так называемая великая культура стояла на раскаявшемся варяжестве и раскаявшемся хазарстве»* (202–203). О Пушкине иронично – *«наш прозорливец»* (171).

Итак, великая **русская** культура – блеф? Самые знаменитые русские, может быть, и не совсем русские: *«Кто писал по-русски лучше Бабеля и Зоценко, в чьём хазарстве не сомневалась Ахматова? А сама горбоносая, чёрноволая Ахматова? Мне от бабушки-хазарки были редкостью подарки»*... (148). К тому же, вещает Быков-публицист, *«крупные русские писатели были в большинстве своём людьми немумными»*; **в набор непеременимых качеств великого писателя у нас всегда входит великая глупость** (Хроники, 112; 115). Следует целый ряд «разоблачающих откровений». *«Книга Гоголя “Избранные места из переписки с друзьями” поражает именно глупостью. <...> Достоевский гениален, когда говорит о психологии, но стоит ему коснуться геополитики, правительства или Стамбула – выноси святых. Толстой – пример наиболее яркий: положим, в “Войне и мире” есть ещё здравые мысли, почерпнутые, впрочем, большей частью из Шопенгауэра... но все его земельные теории, его педагогический журнал “Ясная Поляна”..., его Евангелие... Трудно представить себе что-нибудь более скучное, плоское и безблагодатное, чем теоретические и теологические работы Толстого. Статья же его “О Шекспире и его драме”, равно как и трактат “Что такое искусство”, поражают такой дремучей, непроходимой глупостью, что поневоле уверишься: великий писатель велик во всём <...>. Этот великий знаток человеческой и конской психологии делается титанически глуп, стоило ему заговорить о политике, судах, земельной реформе, церкви или о непротвлении злу насилем. Вот почему толстовское учение и подхватывалось в основном дураками»* (Хроники, 113–114). Но известно, что одним из таких «дураков» был философ Л. Витгенштейн, освоивший русский язык, чтобы читать в подлиннике именно религиозно-философские работы Л. Толстого.

О Чехове в романе хазар-идеолог Эверштейн пренебрежительно-саркастически: *«этот их пресловутый Чехов, геморроидальный чахоточный медик»* (402). Более снисходительно и пространно Быков-публицист: *«Некоторым исключением выглядит Чехов... Но и он в своих прогнозах (и в оценках людей) бывал близорук, как и в жизни... Вот почему и самые симпатичные его персонажи ущербны, плосковаты: нет второго дна, есть удручающая одномерность и пошлость...»* (Хроники, 114). Не был обойдён попыткой развенчания и нобелевский лауреат Набоков. Интеллектуал Эверштейн в романе «просвещает» Волохова: *«Ну, не прикидывайтесь младенцем. Вы отлично знаете, что за Набокова писала жена. Он был типичный балованный аристократ, продукт многолетнего вырождения, а она его без памяти любила, дура, и дарила ему всю себя, весь свой талант»* (126–127). Публицист: *«Не стану напоминать, какую чушь периодически нёс Набоков, как субъективны и завистливы его литературные оценки...»* (Хроники, 114–115). Досталось писателю, публицисту, философу В.В. Розанову, когда Эверштейн говорил об обструкции со стороны «истинно русской» интеллигенции *«всяким мишигинерам вроде Розанова»* (133). Упоминаются «ужасный пан Твардовский» и «частушечный Исаковский» (126). Как выражение бездеятельностной природы народа интерпретируются русские сказки, *«в которых добро никогда не побеждало – его угнетали, а оно смирялось»* (119); *«Это был отголосок местной древней сказки – о том, что ничего не надо делать самому, скажешь волшебное слово – всё и сделается»* (252). А сказки Афанасьева – *«грубейшая фальшивка»* (391).

Агрессивный наскок на величайших представителей русской литературы поражает безапелляционностью крайне негативных оценок. И в публицистическом тексте, и в романе отсутствует какая-либо аргументация, нарушены принципы этики. Автор бравитует независимостью суждений, радикально отличающихся от принятых в международном табеле о рангах. **Оговор, дискредитация** великих в их немеркнущей славе? Мёртвые, как известно, сраму не имут. Какое послание автор – через культурологические фантазии – посылает современникам? Не знакомые с феноменами манипуляций и информационных войн читатели вовсе не защищены от подобных «спекуляций». Следовательно, это акт прямого проявления ИПВ.

В плане языковых средств вербальной ИПВ ярко активизированы **антитеза** (*гениален – выноси святых, великий знаток – титанически глуп*), **синонимический ряд пейоративно-оценочных**

слов, приём восходящей градации (глупость – дремучая, непроходимая глупость – титанически глуп), **ирония** (знарок человеческой и конской психологии; этот их пресловутый Чехов), **контраст литературной лексики и просторечья** («погиб на бабе»), **приём физиологизации** (геморроидальный чахоточный Чехов). Последний приём в романе используется неоднократно: генерал Скобелев «погиб на бабе» (27); «скучный бухгалтер Маркс, любитель вурста» (617); о Чаадаеве: «Нет, сумасшедшим он не был. У него геморрой был, потому он и смотрел на вещи так мрачно» (134); Д.И. Писарев – «шизофреник и аскет» (156); Ленин, «когда случилось похмелье, в одночасье помер от ломки, хотя враги и утверждали, что от сифилиса» (Хроники, 87).

Не менее категоричен и ироничен романист в вопросах веры. **Вброс идеи, отрицающей учение Христа**, находит место в дискуссиях персонажей на религиозные темы. «*Есть такая версия, – поучает настоятель Николай, – что христианство вброшено в мир хазарами, чтобы растлить воинский дух северян и прочих боевитых народов*» (499). Посредством тактики абсолютизации отдельных фактов происходит дискредитация всего христианского вероисповедания: «*Бродячие учителя, люди без нации, люди нечистой крови превратили бы весь мир, дай им волю, в царствие небесное. <...> Нечего лезть к нам с христианством <...> Зачем нам христианство? Что за учение? Или по Европе не видно, до чего оно довело? Или не его именем жгли и грабили коренное население несчастной Южной Америки, укрывавшееся за океаном от страшного старого мира? Или не христианские миссионеры разрушали последние островки блаженной первобытной идиллии? Не надо нам этого, не смейте вторгаться. <...> Это наш дом. Пусть захватчики не пытаются нам внушить, что в нашем доме плохо, а в доме отца хорошо. Знаем мы этого отца, и если у него такой сын, то и дом, вероятно, не лучше*» (610–611). Во внутреннем монологе Гурова, представителя «коренного населения», исповедующего язычество (двоебожие), Иисус и его апостолы называются иносказательно, парафразами пейоративной оценочности. Иносказательно-метафорически используются парафразы «наш дом» (мир коренных жителей с их идеей круга и верой в вечность) и «дом отца» (христианский мир). Сакральное «Бог-отец», «Бог-сын» заменяется пренебрежительно-уничтожительной парафразой с указательными местоимениями «этот», «такой».

Неоднократно используется **тактика десакрализации: перевода высокого, сакрального на бытовой уровень**. Святотатством для верующего звучат размышления «коренного» Гурова, интерпретирующего в духе обыкновенного адюльтера тайну рождения Иисуса и бегства богородицы Марии с младенцем в Египет: *«А что ж, не жалко мать с ребёнком? Жалко, очень жалко. Мы люди сентиментальные. Но разве мы не помним, как это уже было? <...> Нечего придумывать про ангелов: сама всё знала, схватила мужа, которому изменила, да и сбежала в пустыню, и в пустыне родила»* (610).

Как **способ тактики десакрализации** автор использует в вероисповедальном контексте **иронию**. Ирония может граничить с богохульством: *«Страдальческая фигура на кресте оскорбляла его [Плоскорылова. – А.Б.] душу, всецело посвящённую солнценосному учению. В подсобке хранился ведический знак... да двенадцать изображений варяжских божеств – почти весь пантеон, кроме Велеса, которого сожрали ненасытные мыши»* (61); *«...Господь, наш Господь, у которого с иронией туга, юмор скорее английский...»* (492); *«У хазар Иисус – какой-то диссидент, любящий выпивать в обществе приятелей и учеников, изрекатель афоризмов... У варягов – абсолютный диктатор, не признающий милосердия, непрерывно самоутверждающийся... Один в качестве идеала навязывает сверхчеловека, второй – недочеловека, но оба промахиваются»* (478). Парафраза распятия в сочетании с глаголом *оскорблять* по-настоящему оскорбляет чувства православного верующего. Просторечно-грубоватая ирония, переводящая духовную сферу в прозаически-обыденную, некорректна в религиозном контексте. В последнем примере десакрализация происходит с переводом возвышенно-духовного в общественно-политическую сферу. Кошунством назовёт верующий человек интерпретацию «Тайной вечери» как обыденно-житейской сцены с низведением символического акта в заурядную «выпивку», а будущих апостолов – в приятелей-собутыльников. Учение Христа представляется простым собранием афоризмов. Этимон агентивного окказионализма «изречь/изрекать» имеет словарные пометы «устар. и ирон». Верх кошунства для верующего – отрицание милосердности Христа, его неполноценности. Перевод сакрального в низменно-житейское дополняется неадекватными в данном контексте глаголами «навязывать» и «промахиваться». Наряду с милосердием отвергается ещё одна притягательная черта православия – самоотверженность в проявлении человеколюбия. Плоскорылов: *«...ненужная самоотверженность, навязанная нам хазарскими извращениями христианства»* (27).

Взамен милосердия и самоотверженности христианской вере приписываются диаметрально противоположные черты человеконенавистничества: «Для русского православного дискурса, **репрессивного по своей природе**, в высшей степени характерны именно эти две тенденции: **истребительная – во-первых...**» (Хроники, 22). «**Главное извращение христианства, которое воцарилось на Руси**, – утверждает отец Николай, представитель некоего сектантского христианства, – *всё – долг, никакого счастья. Кто-то наврал, что в монастырях должна быть казарменная дисциплина; да отчего же? <...> Только в варяжском монастыре могли придумать ни на что не похожий институт послушания – все эти бессмысленные дисциплинарные упражнения... Варяжество сделало из христианства какой-то, извините, бред – апофеоз долга, насилия, изобрело Бога-командира, перед которым все виноваты, и он всех периодически – в наряд*» (479). Мишень критики, точнее – злословия, извращающего сущность православия, – монастырский, вообще, церковный уклад. Основное средство манипуляции сознанием адресата – **гипербола**, перерастающая в **гротеск**. Основной **тактический приём – ассоциация с военной сферой**: *казарма, командир, наряд, насилие*. Та же ассоциация доминирует в размышлениях Волохова. В них фигурируют «*священник-мошенник*» и «*непреклонный русский Бог. Бог... ничем не отличался от сержанта*». Такого «*монстра с пронзительным взором*» могли породить только захватчики; «*ни один народ не в силах был бы молиться чёрной доске – закованному прообразу чёрного квадрата; а если вдуматься, русский Бог именно и был чёрным квадратом*». А «*в загробном пространстве... праведники маршировали на плацу, горланя строевые псалмы, а грешники... бесконечно чистили сортир, дежуря по роте*» (179–180). Под маской персонажа автор вторгается в святая святых православия (Бог – священнослужитель – молитва – икона) и глумится над верой и верующими. Ассоциация с «чёрным квадратом» Малевича добавляет агрессивному выпадку утончённой изощрённости. Агрессии подвергается визуальный образ православной архитектуры: «*Храм получился аккуратный, истинно воинский, с арктической устремлённостью вверх, с чисто декоративным, несерьёзным крестом и без всякой уродливой луковичи, этой неотъемлемой принадлежности православия*» (60). Все приведённые примеры свидетельствуют о том, что и в отношении вероисповедания, а именно православия, в романе наличествуют приемы открытой ИПВ.

Быков прекрасно владеет языком. В романе представлены выразительные образцы социолектов: бюрократического; армейского фольклора; бытового; богемного; специфического языка «коренного населения». Авторская речь – типичный современный литературно-разговорный язык. О его происхождении лаконично и чётко сказал в интервью философ М.К. Мамардашвили: «Понимаете, культура устроена всё-таки как пирамида. Широкие её нижние слои “окультуриваются” постепенно, проходя более высокие этажи и усваивая их язык. А в 20-е годы пирамида культуры полностью перевернулась. Язык низа, почти бессознательной массы, оказался стандартным, “нормальным” языком всей культуры. Язык “управдомов”, который описывали Булгаков и Зошенко. Но он со временем стал уже не предметом писательского изображения, а языком самой литературы» [Мамардашвили 2011: 191–192]. Как следствие, стала «нормой» оснащённость речи персонажей всех социальных кругов грубой, вульгарной, даже обценной лексикой. Концентрация такой «нормальной ненормативности» в романе Л.Д. Быкова представлена в образцах армейского фольклора полковника Здрока, генерала Паукова, но также и в авторской речи.

Помимо воли автора, язык становится и самостоятельным компонентом авторской концепции. Речь представителей «коренного населения» России теоретически должна представлять образец исконного, истинного русского языка, как известно, «великого и могучего». Язык – важнейший атрибут этноса. Крайнюю степень карикатурности представление о языке «туземцев» получает в явно пародийном фрагменте, посвящённом функции обценной лексики в языке «коренных». «Главным словом» объявляется всем известное трёхбуквенное: *«Она [Аша. – А.Б.] рассказывала ему, что самые священные слова они, захватчики, объявили запретными, грязными, хотя трёхбуквенное, которым были исписаны все заборы, – слово волшебное, призывное: в нём слышится вой западного ветра, его призывают волки, когда нужно принести удачу или унести врага; <...> и когда крикнешь волшебное слово – западный ветер примчится и всё за тебя сделает. <...> Губернатор хохотал. Это объясняло, конечно, почему все заборы и лифты были исписаны древним заклятием»* (245). Пародия завершается авторским хулиганским «шедевром» – *«заклинанием западного ветра “волшебным” трёхбуквенным словом»* (632–633). «Великий и могучий» представлен откровенно злой пародией.

Нельзя не отдать должное гражданскому мужеству автора, смело обличившего многие системные пороки общества, государственной

политики. Но позволительно ли произвольно манипулировать такими данностями, как *народ, нация, государство, его история, вера, язык*? Известно, что в либеральной пропаганде неоднократно озвучивалась мысль, что государство Россия может исчезнуть, ничего страшного, дескать, не произойдёт: появится новое, более демократичное. «По прогнозам ООН, через век россияне могут исчезнуть с лица земли» [Васильев 213: 215]. Философ Мераб Мамардашвили писал о якобы предусмотренном Провидением крахе России [Кара-Мурза 2008: 710]. Конец ей пророчит и публицист Быков: страна «*в современном мире нежизнеспособна, и никакая нефть не отсрочит её распада*» (Хроники, 97).

Обоснованность анализа произведения с позиции ИПВ определяется явно преобладающим **негативным модусом** содержащейся в материале романа информации о социально значимых составляющих национальной идентификации русского народа. Этот вывод согласуется с общим положением, ещё раз подтверждённым официальным представителем МИД РФ М. Захаровой: «Технология обработки сознания, используемая США, Евросоюзом в информационной войне против России, – отсутствие какой-либо позитивной информации о стране» (Вести-FM. 09.04.16).

Автор с блестящим остроумием продемонстрировал знание ряда тактик и приёмов ведения информационной войны. По замыслу автора, в силу его активной гражданской позиции, это война **за Россию**. Но это «за» так плотно окутано камуфляжем, что временами появляется сомнение: а не муляж ли таится за ним, не есть ли камуфляж самой сущностью, содержанием авторской идеи? Тогда это война **против России...**

5.3. Симптомы информационно-психологической войны в романе М.П. Шишкина «Венерин волос»

Очевидно, объектом анализа на предмет ИПВ может стать художественное произведение, отвечающее ряду условий. Это, прежде всего, наличие в его содержательной структуре общественно-поли-

тического компонента; исключительно или, по меньшей мере, преимущественно негативный модус представления всего, что составляет государственные устои: истории государства, национальной самоидентификации этноса, его языка, верований, ценностных ориентиров, государственных символов; внутренней и внешней политики государства, его международного имиджа; высших достижений в разных областях материального и духовного производства, выдающихся государственных, общественных, культурно-исторических личностей, – всего, что составляет национальную гордость граждан страны и обеспечивает устойчивость существования государства.

Писатель М.П. Шишкин позиционирует себя в ситуации войны: «Язык русской литературы – это оборона. <...> Это моя борьба, моя война», что отмечено в [Морев 2005]. Роман «Венерин волос» М.П. Шишкина отвечает большей части этих условий. Дополнительным аргументом в выборе материала исследования послужил и факт проживания автора за границей (с 1995 г. постоянно) и то, что творчество писателя пользуется широкой известностью: автор – «лауреат всех крупнейших литературных премий» [Чередниченко 2014: 233]; его книги переведены на 30 языков; анонсирована международная конференция, посвящённая его творчеству (Краков, май 2016 г.).

Представляется логичным начать анализ с вопроса об отношении писателя к покинутой родине. Одни читатели и исследователи творчества писателя заявляют о его космополитизме [Чередниченко 2014], русофобии, о том, что «он наслаждается российскими ужасами из сытой Швейцарии» [Оробий 2011: 186]. Критик Е. Ермолин утверждал, что автор «Венерина волоса» «ведёт дело к тому, чтобы доказать как аксиому: Россия – унылая и холодная страна насилия, жестокости, страданий – не может быть местом для жизни, её ресурс в этом качестве исчерпан» (цит. по: [Чередниченко 2014: 234]). Впрочем, ещё один участник дискуссий заявляет противоположное: «Осмелюсь предположить, что Шишкин любит Россию, и любит весьма сильно» [Шишкин М.П. Обсуждение. URL: <http://www.ljpoisk.ru/archive/2014/13817834.html> (дата обращения: 13.03.2016)]. Однако в интервью писатель откровенно откровенно отрешается от своей родины: люди в его стране были вынуждены дышать «спёртым советским воздухом»; «жить вообще в Советском Союзе было унижительным»; «в мире советской поганой лжи»; книги в библиотеках и книжных магазинах – «это же мертвечина»; сегодняшняя Россия – «страна возрождающегося шовинизма»; Россия – «монструозное отечество» [Михаил Шишкин: 2009: 131–137]. В другом интервью говорится

о «русском гетто», население называется «туземцами» и «дикарями» [Кучерская 2004]. Отказ представлять Россию на международной книжной ярмарке 2013 г. в Нью-Йорке писатель объяснил тем, что её политику считает гибельной, не приемлет её систему: «Страна, где власть захватил коррумпированный преступный режим, где государство представляет собой воровскую пирамиду, где выборы превратились в фарс, где суды служат власти, а не закону, где есть политические заключенные, где государственное телевидение занимается проституцией, где шайка узурпаторов принимает безумные законы, возвращающие народ в Средневековье, – такая страна не может быть моей Россией» [Чередниченко 2014: 235]. После таких откровений недоумение вызывает признание: «Мои тексты – это объяснение в любви к моей стране, моему языку». Но любить и охаивать – действия несовместимые. В антитезе тотально плохой России и себя хорошего свою миссию оценивает высоко: «Я... возвращаю русскому читателю его достоинство» [Шишкин 2009: 138].

Роман «Венерин волос» писался в 2002–2004 гг. в Цюрихе и Риме. Основные технологии письма – поток сознания в духе Джойса и постмодернистские интертекстуальность и интердискурсивность с бесконечными чудовищными перемещениями, смешениями лиц, голосов, времён, пространств, событий, реальностей и фэнтези. Эти технологии как нельзя более дают простор манипулированию информацией. В книге выделяются три сюжетных пласта: жизнь рассказчика («толмача»), рассказы беженцев и дневники певицы. Они объединяются «Венериной» темой через классические символы любви: Дафнис и Хлоя, Тристан и Изольда.

Название романа раскрывается в финале книги. Рассказчик любит историческими памятниками Рима. В потоке сознания возникает образ «травы-муравы»: *«Трава-мурава. Растёт себе. Пускает корни в каждой расщелине. <...> Всё дело в травке-муравке. <...> У нас – комнатное растение, иначе не выживет, без человеческого тепла, а здесь сорняк. Так вот, это на мёртвом языке, обозначающем живое, – *Adiantum capillus veneris*. Травка-муравка из рода адiantум. Венерин волос. Бог жизни. Чуть шевелится от ветра. Будто кивает, да-да, так и есть: это мой храм, моя земля, мой ветер, моя жизнь. Трава трав»* (с. 472–473)¹. Фрагмент возвращает к воспоминаниям рассказчика о школе. Проводником к теме школьного детства служит школьная учительница (преподавала ботанику и зоологию)

¹ Здесь и далее страницы указываются по изданию: Шишкин М.П. Венерин волос: роман. М.: Вагриус, 2006. 480 с.

Галина Петровна, на языке школьного жаргона «Гальпетра»: строгая, некрасивая, нелюбимая: «Её никто не любил. Ни дети, ни учителя» (с. 168). «Она... всё время повторяла: “Растения – живые, а называются на мёртвом языке. Вот видите, в южном климате это сорняки, растут где попало, а у нас это комнатные растения. Без человеческой любви и тепла они в нашей зиме не выживут”» (с. 169). Таким образом, «Гальпетра» становится соединяющим звеном темы любви (нелюбви) и темы России, покинутой родины.

В контрасте «для жизни необходима любовь» и «нелюбовь к учительнице», символу школьного детства, глубоко скрыта, но ощутима важная составляющая идейного содержания романа, объяснение нелюбви к родине: на этой родине не умеют любить (не растёт тут любвеобильная травка-муравка). Зато много бесчеловечности. Культ любви господствует в дореволюционных воспоминаниях певицы. В послереволюционные годы доминируют бесчинства, кровь, насилие, несправедливость. Атрофия чувств, эмоциональная глухота неоднократно подчёркиваются неадекватной смеховой реакцией участников и свидетелей событий. Подруга афганского солдата описывает «смешную» детальку из своего прошлого официантки в кафе: «Рассказывала, как выковыривала грязь из-под ногтей и добавляла в мороженое – рассказывает и умирает сама от хохота» (с. 65). Казаки старались колёсами с хрустом раздавить головы мёртвых красных. «Павел стал на них ругаться, а они... гоготали» (с. 321). В мирное послевоенное время школьник и школьница сидят на детской площадке, напротив памятника погибшим солдатам, едят вишни и от нечего делать выплёвывают косточки так, чтобы они «выстреливали и летели прямо в солдата... <...>. Она... один раз даже попала ему в глаз. На бельме вдруг появился вишнёвый зрачок, и получилось, что солдат косит одним глазом прямо на нас, мол, как же так, я за вас погиб. А вы в меня косточками! Мы расхохотались и пошли бродить по улицам дальше» (с. 368).

Представляется, что сам автор (писатель Шишкин) знает простую и надёжную формулу любви к отечеству или её красной черты. Устами (вернее, пером, т.к. это якобы дневниковая запись) героини одной сюжетной линии романа, явным прототипом которой послужила талантливая и популярная певица Изабелла Юрьева, автор свидетельствует: «И удивительное чувство – среди своих можно на Россию ругаться, сколько душевнее угодно, а тут, с чужими, которые начинают плохо говорить о моей стране, отчего-то сразу начинаешь её защищать» (с. 406).

Рассказчик-писатель не ностальгирует по оставленной родине, напротив, откровенно, в эмоциональном порыве, отказывается от неё. Но и новоприобретённой родине предпочитает другую страну: *«Если бы вы знали, с какой радостью я бросил Швейцарию и полетел в мою душеньку, в мою красавицу Италию. Она моя! Никто в мире её не отнимет у меня! Я родился здесь, Россия и Петербург, снега, подлецы, департамент, кафедра, театр – всё это мне снилось!..»* (с. 172). Этот текст – реминисценция слов Гоголя из его письма Жуковскому 30 октября <н.ст.> 1837 г.: *«Если бы вы знали, с какою радостью я бросил Швейцарию и полетел в мою душеньку, в мою красавицу Италию. Она моя! Никто в мире её не отнимет у меня! Я родился здесь. – Россия, Петербург, снега, подлецы, департамент, кафедра, театр – всё это мне снилось»* (<http://feb-web.ru/feb/gogol/texts/ps0/psb/psb-111-.htm?cmd=2>).

Дым отечества автору-рассказчику-писателю не сладок и не приятен, весна не радуется ни свежей зелены, ни ароматами обновляющейся природы: *«Уже была весна, и во дворе, забитом **ржавыми** “жигулями” и заляпанными **московской грязью** иномарками, вылез из-под снега весь собравшийся за зиму **мусор**. Код в подъезде был сломан, лифт не работал, и пришлось подниматься по лестнице, заваленной обломками кирпича от затянувшегося ремонта, газетами и **селёдочными головами**. Стоял **московский подъездный дух – пахло мочой, кошками и сырой побелкой**»* (с. 98). И в следующий приезд то же отторжение: *«Код был сломан. В подъезде пахло краской после только что оконченного ремонта, и к этому новому запаху уже примешивался **старый – кошек, мочи и сырой побелки**»* (с. 99). Дословный повтор ключевых слов передаёт уверенность автора в том, что на его родине не может быть никаких изменений к лучшему (у России нет будущего?). Вожденной Италии он прощает и то, что так отталкивает его на его малой родине: *«Запахи римской улицы: бензина, кофе из распахнутых дверей бара... **мочи и мокрой извёстки** из подворотни»* (с. 171).

В романе, написанном в далёкой, благополучной Швейцарии, слишком явно превалирует негативный модус представления России, так сказать, и анфас, и в профиль. Это, прежде всего, подбор сугубо негативных обстоятельств, действий, представителей современной России. Рассказчик выступает в функции переводчика («толмача»: автор, кажется, жонглирует филологическими, как, впрочем, и энциклопедическими знаниями, в данном случае намекая на происхождение немецкого эквивалента Dolmetscher от тюркского слова). Сфера его профессиональной деятельности – переводчик в миграционной службе Цюриха.

Во время дознания мигрантов из России автор-рассказчик-переводчик не только не сочувствует бывшим соотечественникам, даже не испытывает стыда за них, просто равнодушен, – так глубоко проникла в его мысли и чувства нелюбовь к стране его детства и юности. Девушка-адвокат, желая сказать коллеге-переводчику приятное, сообщает, что её брат женится на словачке: *«Ей казалось, что Словакия и Россия – это что-то похожее, близкое»*. Тот в ответ *«сделал вид, что ему это действительно приятно»* (с. 351). Ещё раз желая сделать коллеге приятное, она говорит, что *«никогда ещё не была в России и очень хотела бы проехать через Сибирь на поезде по Транссибирской магистрали»*. Переводчик опять из вежливости соглашается, мысленно удивляясь: *«Почему-то все швейцарцы хотят проехать через Сибирь на поезде. Толмач, когда жил в России, не хотел. Да и теперь предпочёл бы самолёт»* (с. 352). Полное отсутствие каких-либо ностальгических ощущений по отношению к России даже не оценивается им как психическая неадекватность.

В офисе миграционной службы проходит дознание русскоязычных лиц, подавших заявление о предоставлении убежища. Все эти лица исключительно беспринципные, социально ущербные, опустившиеся, физически отталкивающие; в надежде получить право остаться в европейском раю, они лгут, щедро раскрашивают картины чудовищно бесчеловечной российской действительности, от которой они бегут. Душераздирающие факты изнасилований детей, дедовщина в армии, беспредел на зоне, зверства русских и чеченцев, повсеместная коррумпированность и продажность всех государственных органов и ветвей власти, вплоть до ФСБ и судопроизводства, гонение на оппозиционеров... Истории повторяются, тиражируются; дознаватель, немец Фишер, знает все эти истории, скучает и сам раскрашивает их деталями, всегда попадая в точку. И заражение СПИДом в больнице при переливании крови, и переодетые милиционеры, *«которые норовят взломать дверь, ворваться в квартиру, перевернуть всё вверх дном, отбить почки, сломать руку или ребро»* (с. 26). И нянечка в детском саду: *«когда дети уехали на горшки, открыла окно, чтобы увеличить простуду и уменьшить посещаемость»* (с. 37). И зверски убитые родители. А кто-то *«и вовсе попросит занести в протокол, что у нас тут хорошо, и не холодно и не жарко, а у них четыре времени года: зима, зима, зима и зима»* (с. 24).

Ещё немного, и образы соотечественников подвергнутся кафковской инсектизации... Господин Фишер презирает этих грязных,

немытых, вонючих, бездарно изошряющихся в изобретении леденящих душу подробностей. Но вместе с тем верит: *«Пусть говорящие фиктивны, но говоримое реально. Хорошо, люди ненастоящие, но истории, истории-то настоящие! Просто насильовали в том детдоме не этого губастого, так другого. И рассказ о сгоревшем брате и убитой матери тот парень из Литвы от кого-то слышал. Какая разница, с кем это было?»* (с. 25). Дознатель уверен: цель всех этих безликих, безродных одна: остаться в иноземном раю, а потом *«воровать да скупать краденое. <...> Здесь в магазинах воруете, а у себя там в ларьках продаёте – вот вся ваша работа»* (с. 24). Господин Фишер демонстрирует, какое воздействие на него оказывает создаваемая писателем художественная картина русского, русскоязычного мира. Со всей определённости можно утверждать, что разменная валюта за негативный образ России в зарубежном мире принята, работает.

Картины российской повседневности одна страшнее другой; не люди, а сплошные варвары, озлобленные, не способные к состраданию. Вот *«пацаны»* планируют крушение поезда, чтобы потом *«собрать с людей драгоценности»*. В ответ на вопрос, не жалко ли им людей, *«парни ухмыляются»* (с. 58–59). В изображении России, русского народа широко используется приём генерализации, типизирования единичного: из отдельных эпизодов шьётся саван для всей страны. От имени какого-то проходного персонажа, попа, собака которого загрызла собственных щенят, звучит приговор: *«Что можно ждать от страны, где матери убивают своих детей?»* (с. 70). Из дневника будущей певицы: *«Махно – школьный учитель. В России как-то всё странно: почему учителя возглавляют банды и руководят погромами?»* (с. 300).

Антимилитаризм писателя направлен и на братское противостояние в период гражданской войны, и на военные операции в Афганистане. Неслучаен многократный повтор негативно-оценочного глагола *«озвереть»*. Примеры: на афганской войне *«все вконец озверели»* (с. 264); *«Господи, как же озверели люди!»* (с. 298); *«Озверели все, даже персонал»* (с. 312); *«Все кругом озверели»* (с. 320); *«Все озверели и бросались друг на друга чуть ли не с кулаками»* (с. 405). Равно бесчеловечными представляются зверства и «красных», и «белых»: *«Трудно было провести орудие и не раздавить человека: красные бежали, сдавались в плен, но казаки устроили резню. Ездовые старались наехать колесом на голову, и она лопалась под колесом, как арбуз»* (с. 321). Бесчинства «красных», отнюдь не из идеологических соображений, по отношению к инородцам-калмыкам: *«На их*

земли давно положили глаз крестьяне из русских сёл, поэтому и под- держали большевиков и уничтожали калмыков, вырезали целые деревни... Убивали всех, кто не успел убежать. <...> Пашиа фотографировал сожжённые буддийские храмы-хурулы. Всё загрязнено, из- мазано нечистотами. Разбитые изображения Будды. Разорванные священные книги. <...> В одном храме вырыли прах какого-то ламы, выбросили кости на дорогу» (с. 298).

В процессе опроса незаконных иммигрантов не раз всплывает трагичная история насильственного переселения немцев, чеченцев. Жителей Грозного согнали на главной площади, зачитали приказ *«и повезли на железнодорожные пути... где ожидали эшелоны с ва- гонами для перевозки скота»* (с. 288). Как достоверный историче- ский факт подаётся информация о так и не расследованных до кон- ца событиях в Хайбахе: их обстоятельствах, характере и масштабе. В качестве свидетельства достоверности используется имитация документальности: двухстраничный список якобы заживо сожжён- ных русскими жителей горного аула. Конкретика – имена и возраст жертв (от новорождённых до 108-летних старцев) – оказывает на чи- тателя сильнейшее эмоциональное воздействие. Описывается эпи- зод – то ли легенда, то ли быль, – когда пленные чеченцы предпочли героическую смерть: бросались в пропасть, увлекая за собой русских солдат-конвоиров.

В этой сюжетной линии реальность окончательно уступает ме- сто фэнтези путём причудливого переплетения истории гибели че- ченцев (1944) и истории бегства эллинов от персов (V в. до н.э.). Обе истории излагаются от имени Ксенофонта, древнегреческого писате- ля (ок. 430–355 гг. или 355 г. до н.э.), автора семитомной «Греческой истории». Чеченские беженцы встретились с отступавшими элли- нами. *«Жители аула обратились к ним, не могут ли они погреться у костров и получить что-то поесть. Греки поделились с чеченцами тем немногим, что у них было. Ксенофонт, как мог, объяснил этим замёрзшим, уставшим людям, не понимавшим эллинской речи, что он ведёт своих греков к морю. <...> И наутро они вместе отправи- лись дальше в путь»* (с. 288–293). Налицо приём героизации одной стороны трагически конфликтной ситуации и дискредитация дру- гой. Первые, чеченцы, оправданы самой историей, приняты в лоно великой греческой цивилизации. Вторая сторона, Россия, лишается даже права ссылки на смягчающие обстоятельства.

Автор педалирует больные темы войны в Афганистане и Чечне. Не соперживает обманутым, брошенным в пекло несправедливой

войны, плохо подготовленным вчерашним мальчишкам, физически и нравственно искалеченным. Насмотревшись и наслушавшись о зверствах душманов над российскими пленными, русские солдаты отвечали тем же. Натуралистически живописно описываются зверства афганских душманов, чеченцев, но зверства русских и там, и тут – приоритетно. *«И вот мы их клали под колёса или топили, как раз то, чего они боялись. Тут уж начинали визжать, кричать что-то, вырываться. А это только раззадоривало. Руки ему скручивали и сажали на “ласточку” – это когда чалмой свяжешь его сзади так, чтоб он не мог ни рукой, ни ногой пошевелить»*. По ошибке расстреляли *«караван с гружёными ослиами. А это жители кишлака везли яблоки на рынок»* (с. 55). То же в Чечне: *«А мы до этого насмотрелись на то, что они с нашими ранеными сделали <...>: двое ребят – глаза выколоты, уши отрезаны, все суставы в обратную сторону вывернуты. Мы обозлились, привязали его к БТРу и потаскали по засохшей глине влась. Потом бросили на пустыре, хотели оставить подышать на солнце»* (с. 264); *«Мы поймали гранатомётчика, который стрелял по ребятам нашей роты. Прикрутили его проволокой к гранатомёту, облили бензином и подожгли»* (с. 265). Немец-дознаватель добавляет факты гибели чеченских детей: *«Как на улице играл ребёнок и вдруг у него голова разлетелась вдребезги – это русский снайпер. Или про бомбёжку в Шали, как девочка трёх лет играла на дороге около своего дома, тут пролетел самолёт, и её не стало – <...> – вместо ребёнка захоронили её зимнюю шубку»* (266). Мать русского солдата, пропавшего без вести, ходит по деревням, показывает фотографию сына и спрашивает: *“Не видела ли ты, мать, моего ребёнка?” <...> “Видела, – отвечает, – это тот, кто моего сына убил”*» (с. 267). А русский солдат, убивший чеченского мальчишку, оправдывается: *«Ещё совсем пацан, но знает, что это мы, русские, убили его отца. Он подрастёт и будет мстить. И он нам не простит. <...> Этот пацан... не вырастет и не будет стрелять в моего сына»* (с. 266). Один опрашиваемый рассказывает, как их встречали чеченские дети: *«Мы им улыбались, пытались рассмешить, строить им рожи – никто из детей не улыбнулся. Ещё были оголодавшие собаки на цепях у брошенных и сожжённых домов. А в Грозном собаки были, наоборот, толстые, отъелись мертвечиной»* (с. 263). Беженка-чеченка *«подошла к тому, что осталось после её дома, и молча стояла. <...> Потом на меня посмотрела и так же молча ушла»* (с. 264). Известно, что молчание как коммуникативный акт – сильное выразительное средство (Цицерон: «Самый сильный крик содержится

в молчании»). Ещё в памяти осталось, что везде в Чечне были *«надписи на стенах, на разрушенных домах: русские свиньи»* (с. 265).

Это клеймо всплывает в контексте депортации этнических немцев Поволжья: *«Во время войны русских немцев везли на барже в ссылку по Каспию, жара, к цистернам с водой очередь, ругань, драка, а одна женщина говорит: перестаньте, вы же не русские!»* (с. 420). В швейцарской квартире толмач показывает видеозаписи чеченских операторов с картинками нечеловеческих пыток русских в Чечне: юношей, стариков, беременной женщины (с. 212–213). Никто из гостей не смог досмотреть их до конца. Зверства в Чечне совершались с обеих сторон. Но позицию толмача, как представляется, и писателя Шишкина, коротко и безжалостно формулирует, как выносят приговор, немец Фишер: *«Но только это вы там, у себя, герои и жертвы, а здесь вы – захватчики и убийцы. И война не чужая, а ваша»* (с. 54).

Peter Fischer (по-русски – Пётр Рыбаков) – фигура знаковая, символическая: аллюзия к библейскому апостолу Петру, изначально простому рыбаку Симону, уверовавшему в идеи Христа и посвящённому им в искусство улавливания в сети души людские; он же – хранитель ключей Царства Божьего. Поэтому приговор «окончательный и обжалованию не подлежит». Казнить. Нельзя помиловать. Суд не мирской, а Божий. В языковом плане микротекст оформлен в соответствии с правилами судебного дискурса. Сила его воздействия достигается контрастом подчёркнутой лаконичности и смысловой однозначности на фоне предыдущей многословности, лексической и синтаксической многослойности, многоступенчатости. Итак, перед нами обращение к библейским сюжетам на службе ИПВ в пространстве художественного слова.

Удивительно, что при большом спектре исторических экскурсов и акценте на жестокости, преступлениях против человечества, творимых в мире XX века, нет ни единого упоминания о зверствах фашизма. Немцы лишь упоминаются как противники в эпизодах Первой мировой войны. Но тут же – дифирамбы: *«Воевали-воевали, а как пришли немецкие каски на улицы Ростова – так уже не враги, а чуть ли не освободители! И как все в момент преобразились! <...> Просто стыдно было смотреть, как все немцам обрадовались! Сразу спокойствие и порядок. <...> Как это позорно и унижительно, что порядок и освобождение русским могут дать только немцы! Я до сих пор всё это не могу понять, как так получается: воевали против немцев за порядок и довольствие в своей стране, а смогли*

получить это, только когда немцы нас победили. <...> Просто поражает, с какой радостью все были готовы принять порядок – немецкий, с германским флагом, веющим над городом, – и не способны ничего сделать сами!» Ответственность за эти дифирамбы автор перекладывает на якобы владелицу дневника. Более того, устами её отца писатель Шишкин озвучивает сакраментальную фразу, которая может служить идентификатором самой яркой враждебности в отношении России тех, кто хотел бы стереть даже саму память о Великом государстве Россия: *«Россия никакая не великая, а просто очень большая рабская страна и должна быть немецкой колонией...»* (с. 319–320).

В романе М.П. Шишкина, при всей литературно-жанровой специфике, немало общего с сочинениями А.А. Зиновьева и Д.Л. Быкова, начиная с проблемы самоидентификации народа, языковой и этнокультурной. Как и Быков, Шишкин пытается лишить этнос исторической достоверности. Реанимируется, как и у Быкова, околонучная (мифическая) гипотеза «гиперборейского» происхождения русского этноса. Вопрос всплывает, когда автор-рассказчик в шуточной форме отвечает на вопросы своего якобы не проживающего с ним сына о стране («империи»), в которой тот родился: *«Главный вопрос, занимающий имперские умы уже не одно поколение, – кто мы и зачем? Ответ на него, при всей кажущейся очевидности, невнятен. В профиль – гиперборей, анфас – сарматы, одним словом, то ли орочи, то ли тунгусы. <...> Верования примитивны, но не лишены некоторой поэтичности. Иные убеждены, что мир – это огромная лосиха. <...> Этакая рогатая хозяйка вселенной»* (с. 14–15). Шуточный тон, эпистолярный жанр неофициального письма якобы сыну не могут оправдать такое залихватски-пренебрежительное обращение с одним из крупнейших и древних этносов.

Самая главная родовая черта, «основание для сравнения» всех трёх сочинений – насыщенно-негативный образ России с её народом, её внутренними драмами и трагедиями и её внешней политикой. Широко используется приём гиперболизации, например, противоречащее фактам утверждение, что в трагические годы департации ряда народов в Сибирь, Казахстан местные жители *«ничего не продавали эвакуированным, а молоко, которое оставалось, демонстративно выливали на землю»* (с. 420). В арсенале манипулятивных способов используется дискредитация, принижение известных представителей России посредством композиционного приёма физиологизации – показа в сугубо приземлённых бытовых контек-

стах. Подобно боевому генералу Скобелеву, якобы, согласно Быкову, скандально закончившего жизнь «на бабе», писатель Шишкин смачно, вульгарно-натуралистически рисует уход из жизни певицы, за которой узнаваемо кроется Изабелла Юрьева. По словам её прислуги (или экономки), *«не могла покойница последнее время никак поспать – что вы хотите, в сто лет! И тут я ночью слышу как гром. Прибегаю, лампа на тумбочке стояла – валяется на полу разбитая, а Белла Дмитриевна с кровати упала – вся, прости Господи, обосралась»* (с. 99). В потоке сознания автора-рассказчика всплывает так «нужная» миру искусства, меломанам, сомнительно объективная информация: *«Известный в Москве доктор-гипнотизёр Даль излечил Рахманинова от пьянства, убедив его в том, что водка – это керосин, и из чувства благодарности композитор посвятил ему свой Второй концерт»* (с. 422). Далее идёт вброс сомнительной бытовой информации, косвенно затрагивающей А.С. Пушкина: *«Среди гостей кто-то привёл двух древних старух, называли их внучками или правнучками Пушкина и почему-то Вальтер Скотта вместе – ели обе очень усердно и жадно»* (с. 425). Не обойдён «важной» информацией и Н.В. Гоголь: *завернув в глухой переулок, «принялся петь разгульную малороссийскую песню, наконец пустился просто в пляс и стал вывёртывать зонтиком на воздухе такие штуки, что не далее двух минут ручка зонтика осталась у него в руках, а остальное полетело в сторону»* (с. 428). Подобно тому, как А.А. Зиновьев оклеветал бесценный подвиг женщин – участниц ВОВ, Шишкин сделал то же самое с памятью об участии женщин-россиянок в Афганской войне, выдавая отдельные факты за всеобщую правду: *«Туда ведь ехали охотно – за граница, и платили чеками. Можно было накопить на квартиру, привезти что-то – одежду, телевизор – ничего же не было. <...> Вот и ехали за чеками на войну – работали в госпиталях, при складах, на прачечном комбинате. Сходились с каким-нибудь полковником. Или с прапорщиком – это приравнивалось, потому что у прапорщика склад...»* (с. 65).

И на войне есть обязанности, требующие участия женщин. Но мины и пули не знают гендерных различий. И не все ехали с риском попасть под пули лишь ради сомнительных материальных благ. Об этом говорит Мавлюда Турсунова – «женщина-легенда афганской войны», награждённая орденом Почёта и медалями. Она «служила спецпропагандистом. Кто не знает – это специальная структура по психологическому воздействию на войска противника и население с целью их деморализации и склонения к прекращению

сопротивления. В Советской армии этим занималось 7-е управление Главного политического управления СА и ВМФ. В 1992 году, захватив власть, демократы по требованию США наряду со стратегическими вооружениями уничтожили и органы спецпропаганды» [Независимая газета. URL: www.ng.ru/style/2015-02-13/12_afgan.html (дата обращения: 13.03.2016)].

Подытоживая анализ и отвечая на задачу, обозначенную в заголовке статьи, суммируем. В романе явно представлены признаки ИПВ против России. Продукт «военно-невоенных» действий – однозначно негативный, монохромный образ России, особенно послереволюционной, её истории, её народа. Главный инструмент создания этого образа – ничем не ограниченная манипуляция: односторонний отбор информации, гиперболизация, детализация, неясный абрис, усиление путём повтора или, наоборот, замалчивание. Технология потока сознания представляет идеальные возможности комбинирования, соединения несочетаемого, реального и фантастического, принадлежащего разным историческим пластам, эпохам, событиям, персонажам. Использование жанра дневниковых записей, эпистолярного жанра, документалистики, цитирования фрагментов исторической прозы создаёт эффект полифонии, многоголосья – ширму, за которой скрывается всё тот же актер антироссийской подоплёки художественного творения. Продукты манипуляций разбросаны по пространству романа. Их можно и не заметить. Но они подвержены принципу аккумуляции, обладают эффектом, названным в нейролингвистике эффектом 25-го кадра, и могут оказать воздействие на читателя в определенном направлении.

Рафинированный читатель романа – а именно на него рассчитан текст [Чердниченко 2014] – сочтёт предпринятый анализ проявлением элементарного невежества, обвинит в непонимании философии автора, стремящегося показать диалектику жизни и смерти, высокого и низкого, возвышенного и низменного, прекрасного и безобразного, величественного и жалкого, достойного и порочного, идеала и его воплощения. Однако создаваемая частностями общая картина государства, народа, подкреплённая высказываниями самого автора, подтверждает объективность сделанного заключения. Старая истина: целое больше суммы его частей. И не отменён закон перехода количества в качество.

Писатель Шишкин создаёт образ России в серо-чёрной гамме, используя при этом всё выразительное богатство русского языка.

Наверное, автора можно назвать виртуозом литературной формы. В дискуссиях о творчестве М.П. Шишкина нередко говорится о переносе центра тяжести текста с сообщения на язык, который, по замечанию самого автора, есть его «тропинка к Богу». На это последнее заявление нельзя не возразить. Язык, ведущий к Богу, принадлежит людям. Ничьих языков не бывает. Отказ от своей родины, народа, его истории и его будущего не приведёт к Богу. Язык, оторванный от его традиционных носителей, мёртв. Когда в потоке сознания просто идёт вереница русских пословиц и поговорок (428–429, 472 и др.) – «великий и могучий» умирает. Вне контекста устойчивые сочетания лишены смысла. Оторванные от носителей и строителей этого языка, которых автор рисует грязными, далёкими от цивилизации, с их якобы «глупой» верой, тупостью, безраздельной жестокостью, паремии, фразеологизмы лишаются своей основной функции: быть выразителями национального менталитета, сокровищницей мудрости народа, хранителями его истории, его славных – и бесславных тоже – деяний. Филологам (филолог и писатель М.П. Шишкин не исключение) это хорошо известно уже в изложении В. фон Гумбольдта: «Язык и духовные силы развиваются не отдельно друг от друга и не последовательно один за другим, а составляют нераздельную деятельность интеллектуальных способностей. Народ создаёт свой язык как орудие человеческой деятельности, позволяя ему свободно развернуться из своих глубин... <...> Духовное своеобразие и строение языка народа пребывают в столь тесном слиянии друг с другом, что коль скоро существует одно, то из этого обязательно должно вытекать другое» [Гумбольдт 2001: 67–68]. Русский язык впитал в себя великое и смешное, факты исторических побед и поражений, великих научных открытий, взлёты творческой мысли гениальных учёных, литераторов и художников, вписавших нетленные страницы в мировую науку и во все виды мирового искусства. При всём уважении к «малым» народам, ороцкий, бесписьменный, и эвенкийский (тунгусский) младописьменный язык (ср. с. 14–15) не могут сравниться по силе выразительности с действительно великим и могучим русским языком – родным языком писателя Шишкина.

Негативный образ России, вылепленный в анализируемом романе, способен порождать упаднические настроения, дезориентацию в мире моральных и эстетических ценностей, растерянность, неуверенность в лучшем будущем, деморализацию и дегуманизацию отечественного читателя и убеждённость внешнего читателя в том,

что ведущаяся ИПВ против России оправданна. И это позволяет говорить о наличии в романе – не по замыслу, но по результату – черт, признаков, симптомов ИПВ против России, хотя предмет и задача предпринятого исследования ни в коей мере не есть предложение пересмотреть, тем более оспорить, художественные достоинства произведения.

Предпринятый опыт анализа трёх произведений в целом свидетельствует о том, что художественная литература при определённых условиях – один из мощных каналов ведения ИПВ. И эта сфера культуры оказывается непосредственно связанной с понятием информационной и, следовательно, национальной безопасности государства.

Глава 6. ПРАВОСЛАВИЕ КАК МИШЕНЬ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

6.1. Причины выбора православия в качестве мишени информационно-психологической войны и некоторые способы его дискредитации

Судьбы православия слиты с назначением России.

Ф.М. Достоевский.
Дневник писателя

Выбор православия в качестве мишени ИПВ не случаен. Он объясняется следующими причинами.

1. *Основным «полем битвы» в ИПВ является сфера ценностей.* Исследователи отмечают, что «...традиционные православные ценности противостоят «цивилизаторским» ценностям современного Запада» [Калмыков 2015: 64] и что для православной традиции главным является вопрос не прав человека, как на Западе, а поиск смысла жизни [Национальная идея России, 2012а: 69]. Именно поэтому сейчас как никогда актуальны слова князя Мышкина из романа «Идиот»: «...о, нам нужен отпор, и скорей, скорей! Надо, чтобы воссиял в отпор Западу наш Христос, которого мы схоронили и которого они не знали!» [Ф.М. Достоевский. <http://ilibrary.ru/text/94/p.45/index.html>].

2. *Православие – препятствие на пути к глобализму:* «В современной России, как и в былые переломные моменты отечественной истории, таким непреодолимым препятствием пока остается православие – основа национального менталитета, движущая духовная сила русской истории, русской идеи. Уже стали программными и даже хрестоматийными известные слова Зб. Бжезинского: “После СССР главным врагом Америки остается

русское православие”¹. Весь наблюдаемый сегодня либеральный процесс по переустройству России является реальным воплощением данного словесного тезиса» [Цеханская 2013: 88].

3. В истории России на протяжении многих веков именно *православие выступает одним из ценностных компонентов национальной идеи* [Национальная идея России, 2012а: 62, 70]. «...В метаисторическом контексте национальная идея тесно увязана с основными ценностями государственности, опирающимися в свою очередь на ценностные ориентации народа. В частности, высшими ценностями Российского государства являются государственная суверенность России, накопленные в веках и поколениях ценности культуры, религий, традиций, духовное достоинство <...>. То есть содержанием национальной идеи являются живые архетипы, в которых укоренена иерархия ценностей, определяющих установки, модели поведения и идеалы народа» [Там же: 69].

4. *Православие – основа русского менталитета*. Доктор психологических наук, профессор Н.М. Ракитянский пишет: «Издревле православная вера была не только стержнем социального и политического единения народа, она была той основой, на которой формировались такие особенности русского национального менталитета, как соборность и государственность. Именно православие укрепляло не только вертикальные связи между элитой и народом, оно же связывало людей и в горизонтальные общности, постепенно образуя из многочисленных племён и народностей русскую нацию и российское государство» [Ракитянский 2009, с. 29]. Воцерковленных людей в России лишь 7–8 % (по данным ВЦИОМ, ноябрь 2009 г. [Национальная идея России 2012в: 477]), что не означает неправославность остальных. Для большинства православие является «символом русского своеобразия и его духовной ценности, одним из маркеров культурной, этнической или идеологической идентификации» [Национальная идея России 2012а: 73].

5. *Православие – «скрепа страны»*. «Немаловажно и то, что в России помимо славянских народов православными является большинство верующих коми, карелов, марийцев, мордвы, осетин, чувашей, хакасов, якутов и ряда других» [Национальная идея России 2012б: 948]. Это позволяет православию «выступать одной из цивилизационных основ огромной конфессиональной полиэтнической общности, сближать культуру, быт, помогает ощущать солидар-

¹ В другом варианте: «Православие – главный враг Америки» (по [Якунин и др. 2013: 49]).

ность этих народов друг с другом» [Там же], быть «скрепой страны» [Национальная идея России 2012а: 134]. Разрушение этой скрепы приводит к снижению «жизнеспособности государства» [Якунин и др. 2013: 6].

В России не было религиозных войн, поскольку православие несет идею уважительного отношения к представителям других различных народов и конфессий: «Все народы России когда-то входили в ее состав, под защиту “белого царя”, обретая защиту, а иногда и алфавит и культуру, сохраняя при этом свои традиции и культурные корни. И это в принципе отличает Россию от всех иных исторических имперских историй, в которых чаще всего автохтонные народы в ходе складывания единого государства истреблялись. В России это принципиально не так. Это ее скрепа. Именно поэтому “известные” СМИ, пропагандисты и манипуляторы бьют по этой скрепе» [Национальная идея России 2012а: 135].

6. *Православие – это душа российской армии.* Даже в период Великой Отечественной войны, когда преобладали атеистические установки, государство вынуждено было обратиться за поддержкой к православной церкви. 3 июля 1941 г. Сталин обратился к народу, используя православное обращение «Братья и сестры!» [Сенявская 1999]. Отмечают, что в большинстве случаев крупные победы в истории России «одерживались при наличии меньшего количества людских и технических ресурсов, чем те, которыми располагал неприятель <...>. Что как не идейно-духовное состояние российских солдат вместе с полководческими талантами военачальников обеспечивало в данном случае общий успех. Именно с этим фактором связывается, прежде всего, способность социума к самомобилизации» [Якунин и др. 2013: 123]. Поэтому в наше время ведется работа по возрождению в Российской армии института военного духовенства, который существовал в России еще до революции [Пчелинцев 2011; Митрополит Волоколамский Иларион 2016 и др.].

7. *Религия влияет на многие сферы жизни общества,* включая политику. Русская православная церковь сейчас принимает активное участие в жизни общества как самостоятельный, независимый субъект. Она имеет поддержку власти, о чем свидетельствуют многочисленные факты. Например, присутствие Президента страны на церемонии открытия памятника святому равноапостольному князю Владимиру на Боровицкой площади в Москве (04.11.16), на церемонии открытия XV Церковно-общественной выставки-форума «Православная Русь» (04.11.16) и других мероприятиях; заседание Съезда

Общества русской словесности под председательством Патриарха Московского и всея Руси Кирилла (25–26.05.16).

Таким образом, социальная значимость Русской православной церкви в современной России, как и роль православия в становлении и развитии государства, велика, что и определяет ее выбор как мишени ИПВ.

Доказано, что борьба с православием была одним из направлений работы идеологов по расколу советского общества в хрущевский период [Лисичкин, Шелепин 2005: 146] и что в США был разработан и реализован «план раскола РПЦ и вытеснения ее с постсоветского пространства» [Бражников 2008: 56].

План «раскола РПЦ» и ослабления православной церкви продолжает реализовываться и в наше время. Для этого используются различные психологические операции, часть из которых подмечена исследователями и журналистами. Так, акторы войны успешно осуществляют популяризацию экстрасенсорных возможностей человека [Якунин и др. 2013: 426]. Активно идет глумление над святынями, развенчание святых образов, доказательством чего является целый ряд событий. Например, 11 сентября 2006 г., в день Усекновения главы Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, в Москве состоялся концерт Вероники Луизы Чикконе (псевдоним «Мадонна»), на котором во время исполнения одного из номеров певица предстала «распятой» на гигантском кресте и с терновым венцом на голове [Бражников 2008: 51]. Случай с пляской в храме, получивший широкое обсуждение в СМИ (имеется в виду пляска Pussy Riot в Храме Христа Спасителя в 2012 году), уже не является единичным. В частности, 8 мая 2016 г. на амвоне Храма св. пророка Илии (г. Апрелевка, Московская область) при одобрении священника Антония Шугалей состоялось концертное выступление (церковным хором исполнялся шлягер «Let my people go!», сопровождающийся подтанцовкой), которое было названо «подмосковным аналогом Pussy Riot» [О кошунственных плясках... 2016]. А вот акция уже в светском заведении: 3 октября 2016 г. на открытии в Тарту национального музея посетителям предлагали пнуть основание устройства, на котором было дано виртуальное изображение Девы Марии, подобное голограмме; после удара изображение исчезало. Тем самым якобы «...человеку предлагается понять, как действовали исторические иконоборцы, и попробовать к ним в духе приобщиться» [Протоиерей А. Ткачев 2016].

Информационно-психологические атаки осуществляются на все компоненты модели культуры, представляющей собой (по Г. Хофстеду)

«целостность четырех основных проявлений любой культуры: символов, героев, ритуалов, ценностей» [Куликова 2009: 74]. Эти атаки зачастую являются частью т.н. «организационной войны».

В Аргентине создали кукол Барби и Кена в образе Девы Марии с младенцем на руках и распятого Иисуса, которые 11.10.2014 планировалось художниками представить в Буэнос-Айресе на выставке под названием «Барби, пластиковая религия». Как сообщили «Новости.ру», 12.10.2014 выставка «Барби: пластиковая религия» не состоялась, «однако аргентинские художники добились главного – повышенного внимания к их персонам» [<https://novosti.ru/community/16873-barbi-deva-mariya-i-ken-iisus-oskorblenie-chuvstv-veruyushhih-ili-vyisokoe-iskusstvo.html>]. Кроме того, на наш взгляд, был осуществлен «вброс» идеи, дискредитирующей религию как таковую («пластиковая религия») с целью проверки духовного состояния общества, его готовности противостоять подобным акциям. Создание аргентинскими художниками названных кукол «вписывается» в ряд других кощунственных акций, к которым можно отнести издание книги, изображающей Господа в виде бумажной куклы в нижнем белье, которая вырезается для игры, а также выпуск интернет-игры в дартс, в которой в качестве мишени используется образ Спасителя.

Замалчивание побед, главными героями которых были православные люди, – часть ИПВ: «Фактически святыми почитаются в народе непобедимый “Ангел Суворов” и воин Евгений Родионов – русский солдат, попавший в 1996 году в плен к боевикам и принявший лютую смерть за отказ снять свой нательный крестик и принять ислам. <...> У всех этих людей помимо множества воинских качеств было и ещё два вполне на первый взгляд мирных, отринутых современниками – терпение и смирение. Смирение (не перед врагом) перед волей Божьей – судьбой, когда, например, выбор командира остаться прикрывать отход остальных падает на тебя. Ведь будучи фактически приговорённым к смерти, продолжать вести бой до последней капли крови можно, только смирившись с мыслью о смерти. <...> Эта загадка жертвенной стойкости русского солдата, которая восхищала всех подряд наших противников, имеет только одно объяснение – евангельское: “Нет больше той любви, кто положит душу за други своя” [Илющенко 2015]. Замалчивание побед и героев направлено на их забвение (о концепте «забвение» как информационном оружии в войнах XXI века см. [Любимова 2008]).

Архимандрит Тихон (Шевкунов) говорит, что «герои – это носители тех самых главных, вечных ценностей – народа, культуры, цивилизации, как раз того, о чем с вами говорим. Но, что очень важно, они больше чем просто носители. Именно на них в обществе возложена непосильная ни для кого другого задача – действенной передачи этих ценностей от поколения к поколению, от сердца к сердцу. Никакие морализирования, нравоучительные проповеди, семинары и селигеры без этих подлинных носителей высших ценностей с такой задачей не справятся. Педагогическая функция героев – продолжение их особого служения даже спустя много веков после их смерти» (Российская газета. 2013. № 55).

Атака на героев – это атака на ценности, которую порой сразу и не заметишь. Так, доктор исторических наук, профессор В.В. Фомин пишет о том, как весной 2012 г., когда исполнилось 770 лет победе Александра Невского на Чудском озере над немецкими рыцарями, по одному из радиоканалов запустили такую «хохму»: «После Александра Невского западные инвесторы опасаются приходить в Россию». «Выходит, – пишет ученый, – все завоеватели, шедшие на Россию с мечом, не исключая ни Мамаю, ни Наполеона, ни Гитлера, вовсе не агрессоры, а щедрые инвесторы, спасители этой никчемной и чересчур воинственной страны? <...> ...смуты, разруха, раздрай всегда начинаются вроде как невинно, с анекдотца, с усмешки над тем, что на протяжении столетий народ почитал как святыню, с безобидного, прямо-таки кавээновского, притопа, прихлопа, балагурства» [Фомин 2012: 7–8]. Как видим, ученый разоблачает один из приемов референциальной манипуляции, состоящей в использовании слов, контекстуально искажающих образ референта.

Огромную опасность несет искажение понятий, обозначающих добродетели. Например: – <...> *С точки зрения психологии смирение ограничивает потенциальные возможности человека, лишает его способности совершать великие дела. Можно с полной уверенностью сказать: если бы Колумб, Магеллан, Пушкин, Сальвадор Дали или Джордж Сорос еще в молодости пропитались бы добродетелью смирения, то сегодня о них никто бы не знал. Мне симпатичны, к примеру, слова Дали в его мемуарах: «В шесть лет я хотел быть Колумбом, в семь – Наполеоном, а потом мои притязания постоянно росли». Именно амбиции – топливо любых великих свершений, а смирение – тормоз для них* (Комсомольская правда. 15.02.2010). В приведенном ответе на вопрос журналиста используется целый ряд манипулятивных приемов, позволяющих говорящему создать види-

мость доказательности его позиции и представить суть добродетели в искаженном виде: ссылка на «научность» позиции (*с точки зрения психологии*); включение в однородный ряд с именами великих людей Джорджа Сороса, о пагубном воздействии фонда которого в России неоднократно писали; претенциозное цитирование; антитеза, в которой добродетель характеризуется при помощи негативно-оценочной метафоры (*смирение – тормоз для них*), в отличие от противопоставляемого понятия (*Именно амбиции – топливо любых великих свершений...*).

Происходит «переворачивание» информации, когда «белое» становится «черным», социально одобряемое подается как осуждаемое, добродетель – как порок, норма – как антинорма, например при помощи постановки дискредитируемого понятия в один ряд с понятиями, обозначающими негативное, социально неодобряемое явление: *Гомофобия, православие, нацизм, путинизм – боюсь, эти пороки уничтожат Россию...* (<http://ivansim.livejournal.com/543535.html>). Интересна постановка в этот ряд и «гомофобии», уже открыто приписываемой православию в следующем высказывании: *«Гомофобия – преступление против человечности, наряду с расизмом, антисемитизмом и фашизмом. Источник гомофобии – мракобесие церковников. В современных условиях – это Православие»* (<http://hram-troicy.prihod.ru/articles/view/id/1161378>). А ведь словом «гомофобия» (в одном из его употреблений) обозначается негативная реакция на проявления гомосексуальности, ее осуждение. Поскольку в России большая часть людей относится с осуждением к секс-меньшинствам, то смысловая амбивалентность слова «гомофобия» (от негативной реакции до враждебности и ненависти к сексуальным меньшинствам) позволяет манипуляторам нормальное поведение православного христианина выдавать за психическое отклонение и организовывать публичные акции типа «Неделя против гомофобии». Так, 30 марта 2009 года гей-активисты Рязани вышли на улицы города с плакатами «Гомосексуальность это нормально» и «Я горжусь своей гомосексуальностью. Спроси меня об этом», причем акция проводилась около школ Рязани, а также около Рязанской областной детской библиотеки (см. об этом: <http://hram-troicy.prihod.ru/articles/view/id/1161378>). И вот уже А. Невзоров в книге «Отставка господ бога. Зачем России православие?» пишет: *«Хотя мне совершенно непонятно, в чем принципиальное отличие гей-парадов от крестного хода?»* (дискредитация православного обряда осуществляется путем его приравнивания к явлению, направленному

на уничтожение традиционных ценностей). Придуманы «креативные» сочетания *православная гомофобия, путинская гомофобия*. Например: *Times: Путинская гомофобия настроила Меркель против России* (заголовок: <http://www.pravoslavie.ru/75555.html>).

Неоднократно в интернете встречается прием, состоящий из перечисления в высказывании негативных явлений с последующим приписыванием их православию, например: *Тотальная коррупция, олигархия и всевластие спецслужб напрямую связаны с возрождением русской православной церкви (РПЦ)* (<http://blogunion.ru/blog/2012-05-13-24>); *Толпы погромщиков, дезертиров, расстрельщиков, убийц и насильников воспитала именно церковь, в руках которой до 1917 года были все педагогические функции* (<http://www.mk.ru/social/2012/09/24/752409-osobaya-forma-lyubvi-k-detyam.html>).

В ИПВ против православия идут в ход и другие манипулятивные речевые приемы. Так, манипулятивны «метафоры болезни» типа *православие головного мозга (ПГМ), гнойник православной духовности*:

ПГМ может существенно прогрессировать, ведь нет границ у человеческой глупости. Тем более, что эта религия претендует на весь мир (URL: <http://www.shapovalov.org/publ/7-1-0-102>);

В чем же суть той мессианской идеи, которую он проповедовал?

Прежде всего, в том, что гнойник православной духовности должен лопнуть так, чтобы забрызгать собою весь мир. Зачем вообще мир надо забрызгивать, Достоевский не уточнил, поскольку, вероятно, и сам этого не знал (А. Невзоров. Антрекот Михайлович Достоевский. URL: <http://echo.msk.ru/doc/1927004-echo.html>).

Одним из приемов, дискредитирующих то или иное понятие, является также включение обозначающего его слова в сочетание с другим словом, несущим негативно-оценочные коннотации: *показное православие, православный тоталитаризм, православная истерика, игилоподобное православие, «протухшее» православие, православное отродье* (о священниках), *ядерное православие, православный фашизм, мракобесная православная церковь, православно-нацистские скоты, православный гей-парад* и т.п. Созданные словосочетания используются, например, в таких контекстах:

*Почему Россия пришла к тому состоянию, когда снаружи – только враги, внутри – духовные скрепы и **показное православие**, как один из столпов государства?* (<http://politolog.net/analytiks/nevzorov-nikakie-ne-bratya-v-etom-nado-otdavt-sebe-otchet/>);

*После того, как от ядерного оружия на своей территории, под сильнейшим обманным нажимом извне, вынуждены были отказаться Украина и Беларусь, Россия вместе с РПЦ стали единственными обладателями ядерного оружия в православном мире. Московское православие, таким образом, в одиночку, стало **ядерным православием**. Именно отсюда берут свое начало и невероятно возросшие ее мировые амбиции.*

Теперь суть герба России полностью отражает и суть ее агрессивной политики (http://24tv.ua/ru/yadernoe_pravoslavie_rossii_n703309).

*Русский рейх: обыкновенный **православный фашизм** [заголовок. – Г.К.]. Удивительное дело – полное совпадение: нынешний, путинско-олигархический режим в России, величающий себя, как «Третий Рим», вслед – вслед, по шаблону, шагает тропой гитлеровского «Третьего Рейха», приняв хоругвь глобальной войны, цинично называясь при этом «Русским миром» (<http://mistaua.com/>).*

Некоторые из приведенных выше сочетаний используются в качестве наименования групп, организаций, движений определенной направленности, не имеющих на самом деле ничего общего с Православием и его ценностями. Опасность таких сочетаний слов состоит в том, что они быстро подхватываются, распространяются, используются с манипулятивными целями.

На сайтах можно встретить подборки текстов, названия которых направлены на дискредитацию православия и Русской православной церкви. Приведем названия некоторых публикаций на сайте <http://religioznik.ru> (дата обращения: 11.05.2017): «Русская весна» и маргинальность православия; Православие как основа религиозного дебилизма; Разве проблема РПЦ только в «голубизне» ее иерархов?; Христианство (православие) как апофеоз рабства?; Православный биомусор; Православная церковь как говно.

Незнание народом элементарных основ православия и наличие о нем искаженного представления способствуют успешной реализации информационно-психологических атак.

6.2. Критика Русской православной церкви или информационно-психологическая война против нее: проблема разграничения

Исходные предпосылки

Исследователи отмечают, что «в современном обществе существует устоявшаяся тенденция критики всех направлений взаимодействия религии и государства, ведется массированная критика социальной и воспитательной деятельности Русской православной церкви» [Национальная идея России 2012б: 818]. Возникает вопрос, при каких условиях эта критика становится фактом ИПВ, одна из задач которой состоит в том, чтобы «столкнуть церковь и государство, ослабить православную церковь» [Лисичкин, Шелепин 2005, с. 147], лишить народ веры в нее.

Сотрудник Центра оборонных исследований Российского института стратегических исследований (РИСИ), кандидат технических наук Игорь Николайчук говорит, что «если число негативных публикаций за единицу времени превышает в пять раз число нейтральных, то мы начинаем рассматривать ситуацию как информационную войну» [Индекс агрессивности 2014]. Мы взяли печатные выпуски двух газет, противоположных по идеологии, и посмотрели, какое количество критических публикаций, связанных с освещением событий в России, в которых принимали участие представители РПЦ, в октябре 2016 года в них представлено. Результаты приводим в виде таблицы.

Как видим, и «Новая газета», и газета «Завтра» опубликовали аналитические статьи, посвященные открытию памятника Ивану Грозному в Орле (заметим, что оценка этому событию в них дается прямо противоположная); в обеих газетах был опубликован критический материал, связанный с деятельностью банка «Пересвет». Можно обратить внимание и на тот факт, что в октябре «Новая газета» обошла вниманием значимое для Русской православной церкви событие – визит Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла в Сурожскую епархию (Великобритания). В рамках этого визита 18.10.16 в Лондоне в Букингемском дворце состоялась встреча Патриарха с Королевой Великобритании и Северной Ирландии Елизаветой II.

В октябре были и другие события с участием РПЦ, отраженные в новостном формате в «Российской газете» и газете «Известия»:

Таблица 1

**Освещение в «Новой газете» и газете «Завтра» событий в России,
в которых принимали участие представители Русской
Православной Церкви, в октябре 2016 г.**

(в числителе указывается кол-во критических публикаций,
в знаменателе – нейтральных или с преобладающей позитивной оценкой)

Событие, дата его проведения	Газеты	
	«Новая газета»	Газета «Завтра»
О подписании 27.09.16 предстоятелем Русской православной церкви патриархом Кириллом петиции за законодательный запрет абортов в России	–	1/0
Открытие памятника Ивану Грозному в Орле (14.10.16). Освящает памятник духовник патриарха Старец Илия	1/0	0/1
Визит Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла в Сурожскую епархию (Великобритания), посвященный 300-летию присутствия Русской православной церкви на Британских островах (15–18.10.16)	–	1/0
Церемония открытия кафедрального соборного храма Живоначальной Троицы и/или Российского духовно-культурного центра в Париже (19.10.16)	1/0	–
Серия событий с банком «Пересвет» (ограничение банком выдачи вкладов физическим лицам; назначение 21.10.16 временной администрации по управлению банком и др.)	1/0	1/0
О готовящемся 30.10.16 митинге против митрополита Казанского и Татарстанского Феофана (Ашуркова)	1/0	
Итого	4/0	3/1

VII Международный фестиваль «Вера и Слово» (24–26.10.16); II Международный православный студенческий форум на ВДНХ (13.10.16); начало исследования гробницы Христа в Иерусалиме и др.

Таблица показывает, что критические статьи имеются в обеих газетах, но их соотношение с нейтральными или позитивно-оценочными публикациями различно: 4/0 в «Новой газете» и 3/1 в газете «Завтра». Возникает вопрос, можно ли на основании только этих, чисто формальных, показателей критические считать статьи текстами ИПВ? Ведь, как говорится, критика критике рознь. Для решения поставленного вопроса необходим содержательный критерий.

Считаем, что критика переходит в противостояние, крайней формой которого является ИПВ, только при совокупности определенных условий.

Применительно к художественному произведению А.А. Бернацкая формулирует два условия, позволяющие анализировать его на предмет ИПВ:

1) «наличие в его содержательной структуре общественно-политического компонента»;

2) «исключительно или, по меньшей мере, преимущественно негативный модус представления всего, что составляет государственные устои: истории государства, национальной самоидентификации этноса, его языка, верований, ценностных ориентиров, государственных символов; внутренней и внешней политики государства, его международного имиджа; высших достижений в разных областях материального и духовного производства, выдающихся государственных, общественных, культурно-исторических личностей, – всего, что составляет национальную гордость граждан страны и обеспечивает устойчивость существования государства». Если эти условия соблюдаются, то широкомасштабная явная и скрытая деструктивная критика перерастает, по мнению исследователя, в войну [Бернацкая 2016б, с. 242–243].

Добавим к названным условиям еще одно – публичный характер текста. Дело в том, что «в отличие от межличностных манипуляций сознанием, объектом воздействия в информационной войне является массовое сознание противника, учитываются коллективные особенности больших групп людей, являющихся объектами воздействия, а также видовые особенности человеческого сознания» [Якунин и др. 2013: 276].

Поскольку тексты СМИ имеют публичный характер и оказывают большое влияние на общественное мнение, считаем, что сформулированные выше условия нужно принимать во внимание и при анализе публицистического текста. Рассмотрим с заявленных позиций четыре текста «Новой газеты».

Краткий анализ газетных публикаций

I. Посмотрим, в каком модусе – позитивном и/или негативном – оценивается деятельность Русской православной церкви в критической статье «Царебожники. Почему православная церковь простила И. Грозного?» (№ 118, эл. вариант см. <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/10/1870219-oprichnoe-bogoslovie>).

Поводом для написания статьи послужила установка памятника государю Ивану IV в Орле как основателю этого города. На памят-

нике так и написано: «Царь Иван Васильевич Грозный. Основатель города Орел. 1566 г.». Присутствие на мероприятии Старца Илии, духовника Патриарха, осветившего памятник, и других представителей Русской православной церкви позволило автору статьи осуществить смещение предмета обсуждения с царя как основателя города на царя – жестокого правителя и поставить вопрос об отношении РПЦ к его деятельности в целом: «...Насколько появление нового монумента соотносится с настроениями в Русской православной церкви?». Освещение памятника и участие в событии других представителей церкви квалифицируется автором статьи как одна из «попыток реабилитации Ивана Грозного».

Автор рассматривает «аргументы в пользу почитания Ивана Грозного», которые «проговаривались в церковной среде» 20 лет назад, когда осуществлялась «канонизация Ивана Грозного» (хотя осуществлялась ли?). Обратим внимание на использование им речевых конструкций, позволяющих умалчивать о какой-либо информации: (о книге «Самодержавие духа») *«настоящим автором книги считается референт Сычева – Константин Душенов»* (автор умалчивает о том, кто так считает и на основании чего, поскольку вопрос авторства книги остается до сих пор дискуссионным); в «апологии Ивана IV» его *«карательный облик не отрицается, а, наоборот, оправдывается», «оправдывался опричный террор»* (кем конкретно оправдывается «террор» и какова аргументация?); *«апология жестокости Грозного с религиозной точки зрения предлагает видеть особую ценность самих пыток и мучений...»* (метонимия, позволяющая не приводить факты); *«высказывалась точка зрения (кем?), что опричнина – это вроде “монастыря в миру” и что неплохо было бы такой монастырь возродить»*. Умолчание информации (или сокрытие ее отсутствия?) сопровождается использованием таких негативно-оценочных слов и оборотов, характеризующих сторонников апологетики царя, их действий, как *«симпатизанты тирана», «опричное богословие», «опричная иконография»* (речь идет об иконах с образом Ивана Грозного), *«опрично-монастырскому уставу»*. Называется имя одного апологета И. Грозного (Л.Д. Симонович-Никшич), из текста которого приводится цитата, представляющая собой слова, вносимые им в уста образа Ивана Грозного на иконе о том, что смерть и «страдания, принятые от карающей Царской десницы, есть очищение и искупление». Тем самым конструируется несуществующая реальность: Ивану Грозному приписываются слова, достоверность которых в тексте не доказывается.

Далее в статье говорится о том, что «Патриарх Алексей» сказал о невозможности «одновременно прославлять в лике святых мучеников и их жестоких гонителей». Автор публикации отмечает также, что в октябре 2004 г. на Архиерейском соборе митрополитом Ювением Крутицким и Коломенским, председателем Синодальной комиссии по канонизации святых, было оглашено «постановление против прославления и какой бы то ни было реабилитации царя». Таким образом, в газетной статье показывается отсутствие единодушия среди служителей церкви в оценке И. Грозного, их разделение на тех, кто осуществлял, по мнению автора, пропаганду канонизации царя, и тех, кто противостоял этому процессу.

Вторая половина статьи – это ответ автора на вопрос «Что же происходит сейчас?», который заключается в том, что противостояние сторон продолжается. Не рассматривая изложенные в статье аргументы сторон, отметим, что все они «крутятся» вокруг обсуждения действий царя, связанных с его жестокостью, в том числе с убийством сына, т.е. характеризуются односторонним подходом в оценке деятельности Ивана IV. Между тем «в Европе за период, который по времени совпадает с правлением Ивана IV, было убито 378 тыс. чел., большей частью безвинных. Это почти в сто раз больше казненных Иваном IV Грозным», но именно Ивана IV называют «тираном» (по [Авцинова 2011: 45]).

Автором статьи намечены три «линии» апологетики царя: 1) «почитателей Грозного», считающих, что царя оклеветали; 2) тех, кто смягчает образ царя, придерживаясь «мифически-примирительной позиции»; 3) тех, кто «держит курс на оправдание террора». Называя Всеволода Чаплина «пресловутым священником» (негативно-оценочный эпитет), автор пишет о том, что, по мнению этого священника, установка памятника царю поможет реализовать идею «массовых христианских репрессий против бунтовщиков и заговорщиков». Причем существование этой идеи не ставится под сомнение. Наоборот, эта «опричная идея» приписывается Изборгскому клубу, один из членов которого, епископ Августин (Анисимов), «откровенно высказался в пользу заслуг Сталина, то есть защита тирана имеет своих сторонников среди высших чинов церковной иерархии». Происходит подмена тезиса: имплицитно Иван IV по сути ставится в один ряд со Сталиным без каких-либо доказательств, кроме обвинений в «тирании». Далее идет противопоставление сторон информационного противостояния, маркированное противоположными по оценке лексемами:

«В церковной среде 90-х был достаточно большой спектр мнений. Были миллениаристские конспирологические настроения, мистически оформлявшие образы России как осажденной крепости, но ведь и немало гуманистических настроений, ориентированных на развитие гуманитарного образования, на культурный обмен и гуманизацию общества в целом». Получается, что те, кто не видит в царе Иване Грозном в первую очередь жестокого тирана, и те, кто сравнивает Россию с осажденной крепостью, не являются гуманистами и сторонниками гуманитарного образования, думающими о культурном обмене? Так вот ради чего было все изложенное выше: внушить читателям мысль о необходимости быть на стороне тех, кто видит в правителях России (Иване Грозном и Сталине) исключительно «тиранов».

Автор статьи приходит к выводу: *«Получается, что в политическое и медийное поле прорвались именно **крайние формы фундаментализма**».* И продолжает: *«А христианский гуманизм <...> стал сегодня малоприемлемым понятием».* И далее: *«Слово “гуманизм” теперь чуть ли не ругательное в церковном лексиконе».* Это выводы, которые не следуют из дискуссии, изложенной автором.

Читатель узнаёт, что, оказывается, в традиции православия *«было называть Грозного “новым Иродом”»* (прием «навешивания ярлыка»). Он узнаёт также то, что *«под воздействием конспирологических идей создается некая оппозиционная принятой в науке история»* и что появление этой истории *«возможно благодаря религиозному обоснованию».* Очень умело автор избегает утверждений о фактах, заменяя их высказываниями, выражающими мнение, в частности гипотетическими высказываниями. И в заключение он наклеивает ярлык на тех православных деятелей, которые не видели в И. Грозном «тирана»: *«Поэтому даже если полагать, что в основе сегодняшнего почитания Грозного лежат политические причины, нельзя списывать со счетов то, что предпосылки для этого почитания заложили **религиозные поклонники черносотенных идей**».* (Об истории ярлыка «черносотенцы» см. в кн. [Кожин 1998].)

В тексте аналитической статьи есть врезка (интертекст) со словами Патриарха Кирилла, которые он произнес 9 января 2014 г. на службе в Успенском соборе Кремля и в которых он осуждает жестокие действия Ивана Грозного, окружившего себя опричниной и творившего «дела незаконные». Очевидно, по замыслу газеты или автора статьи, это должно наталкивать читателя на мысль о проти-

воречии слов патриарха делу – благословлению своего духовника на освящение памятника Ивану Грозному. В этом мы усматриваем прием скрытого воздействия – прием так называемого причинно-следственного моделирования, или прием «подразумеваемой причинности» [Харрис 2002: 145].

Последний абзац, вероятно, и есть ответ на поставленный изначально вопрос: *«Итогом становится фактически неразрешимая ситуация: гуманизм опирается исключительно на пространство светского, а сторонники тоталитарной архаизации получают в свои руки весь арсенал религиозной аргументации. В этой связи объяснимо, почему последние побеждают».* Если это ответ на вопрос «... Насколько появление нового монумента соотносится с настроениями в Русской православной церкви?», то вывод автора по сути таков: представители современной Русской православной церкви являются «сторонниками тоталитарной архаизации» и далеки от гуманизма. Безусловно, эта оценка сугубо негативная.

Приведенный краткий анализ газетной статьи можно было бы усилить контраргументацией, но полагаем, что уже отмеченного (односторонний подход к анализу деятельности правителя; умолчание информации; «навешивание ярлыков» и другие приемы скрытого воздействия) достаточно, чтобы констатировать манипулятивный характер текста. Наличие приемов речевого воздействия, характерных для манипуляции, может служить еще одним критерием, позволяющим анализировать текст в аспекте лингвистики ИПВ (о манипуляции как основной технологии ведения психологической войны см. главу 7 «Философия информационной войны» в кн. [Василенко 2010: 151–165]). Таким образом, статья «Царебожники. Почему православная церковь простила И. Грозного?» – яркий образец текста информационно-психологического противоборства крайней формы, в котором автор занимает одну из сторон.

II. Рассмотрим далее статью «Париж остался без мессы» (URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/10/14/70183-parizh-ostalsya-bez-messy>), опубликованную 11.10.2016 и посвященную открытию Российского духовно-культурного центра в Париже. Вот какую оценку этот центр получил в статье: *«весьма спорный с архитектурной точки зрения объект, увенчанный пятью куполами», имеющий «несколько запутанный статус».* Эта негативная оценка, на наш взгляд, «прочитывается» и в таком фрагменте, состоящем из нейтральных слов и сочетаний: *«...без всякого аккомпанемента*

многопудовых русских колоколов, под который теперь просыпаются жители VII округа Парижа».

Автор статьи отмечает, что *«Москва рассчитывала именно в Париже разместить опорный пункт своей “цивилизационной экспансии” в Западной Европе».* Обратим внимание на слово *экспансия*, которое в русском языке имеет два значения: 1) «политика, направленная на экономическое и политическое подчинение других стран, на расширение сфер влияния, на захват чужих территорий», 2) «расширение, распространение чего-н. за первоначальные пределы» [Ожегов, Шведова 2003: 907]. Учитывая контекстуальное окружение, можно говорить о том, что это книжное слово используется в первом значении и несет негативную коннотацию, характеризующую намерения Москвы: *«Москва рассчитывала»* (прием метонимии + прием «чтение в сердцах», имеющий функцию выражения мнения автора).

Негативный модус характеристики Российского духовно-культурного центра прослеживается также в следующих высказываниях: *«Французские власти опасались появления рядом с правительственным кварталом загадочного объекта с неограниченными шпионскими возможностями, а парижская культурная общественность доказывала, что уродливый собор в стиле «хай-тек» с золотыми куполами разрушит архитектурный облик исторического района города»; «Но старым русским эмигрантам совсем не по душе то, что затеяли российские власти. Постсоветская гигантомания, с их точки зрения, – только позорит русскую идентичность; Российские власти тоже признают, что для удовлетворения собственно религиозных нужд русских в Париже столь гигантский комплекс не нужен»* (последнее высказывание противоречит идее экспансии). В этих высказываниях используется одновременно два приема речевой манипуляции: 1) прием «нагруженного языка», состоящий в скоплении в узком контексте экспрессивно окрашенных слов, в данном случае – с негативной коннотацией (*загадочного объекта, неограниченными шпионскими возможностями, уродливый собор в стиле «хай-тек», постсоветская гигантомания, позорит русскую идентичность*); 2) прием «неопределенного референтного индекса», который заключается в использовании слов, не указывающих, о чем или о ком конкретно говорится в предложении, в сочетании с нефактивными глаголами и существительными (*французские власти опасались, парижская культурная общественность доказывала, старым русским мигрантам*

совсем не по душе, российские власти признают), и переводит высказывания в разряд субъективных.

Наблюдаем в статье и прием косвенного цитирования, дискредитирующего духовно-культурный центр: *Вслед за мэром Парижа Бертраном Деланоз, который назвал стройку века «показухой», представитель знаменитой эмигрантской фамилии Даниил Струве признался, что испытывает стыд за «распальцовку» своих соотечественников.* Жаргонные слова, именующие центр, являются частью того «нагруженного языка», который позволяет автору статьи создать видимость негативной оценки центра всем парижским сообществом. Кроме того, необходимо доказать, что эти фразы имели место в действительности.

В статье содержатся также утверждения: *Наиболее ярким идеологом «русского мира» был именно патриарх Кирилл, а потом эта идеология стала основой для войны на Донбассе* (между тем причиной войны на Украине не является идеология «русского мира»); *За последние 25 лет прошло быстрое перерождение официального православия в России из гонимого в воинствующее, причем в прямом – милитарном – смысле этого слова. Сотни людей погибли во время войны между православными Россией и Грузией, тысячи – во время войны между православными же Россией и Украиной, потеряв счет жертвам бомбардировок Сирии. И никаких миротворческих усилий со стороны РПЦ МП!* (автор, как мы понимаем, проводит ложную мысль о войне между Россией и Грузией, Россией и Украиной, хотя таких войн не было, а была защита русских подданных и близких им людей от геноцида). Одновременно в статье идет дискредитация не только православия, но и Президента России: *Напротив – слова о «священной войне», очистительном «ядерном апокалипсисе», обличения гнилого «западного пацифизма»... Естественно, усвоившему такое «ядерное православие» (выражение одного популярного православного публициста) Владимиру Путину не понять, почему Франсуа Олланд не хочет слушать звон колоколов и пить кагор с красной икрой, когда в Алеппо или Широкино гибнут люди...; Говорят, именно нежелание Олланда участвовать в открытии нового опорного пункта «русского мира» разозлило Путина настолько, что вынудило вообще отказаться от визита во Францию.* Снова используются «неопределенный референтный индекс» *говорят* и прием «чтение в сердцах», позволяющие уйти от правовых рисков и необходимости приведения доказательств.

Как видим, статья «Париж остался без мессы», предназначенная для широкой аудитории, характеризуется крайне негативным модулем представления православия как религии, деятельности Русской православной церкви и действий руководства страны, а значит, является текстом ИПВ.

III. Следующая статья опубликована в рубрике «Расследование» № 119 (23.10.2017) под названием «“Пересвет” ослаб» (URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/10/23/70276-peresvet-oslab>). Выводы расследования представлены чередованием утверждений о фактах (к ним законом предъявляется требование истинности) и высказываний, выражающих мнения и не требующих верификации (следовательно, не влекущих наступления какой-либо правовой ответственности). Проверка фактов не входит в нашу компетенцию, поэтому обратимся к тем высказываниям, в которых выражается мнение автора, носящее резюмирующий характер.

На мнения указывает модальность предположения (гипотетичности) в высказываниях: *«Мы, в частности, сообщали, что **есть основания предполагать** сознательные действия патриархии по ослаблению двух других российских банков с церковным участием ради усиления «Пересвета» и сосредоточения в нем всех церковных капиталов»; «Судя по всему **можно предположить**, что начался внезапный и быстрый вывод капиталов из банка...».* Если в первом высказывании предположение напрямую касается действий патриархии, то во втором субъекты «вывода капитала» не названы, тем не менее контекст статьи позволяет говорить о том, что и это предположение касается действий церкви. В частности, выводу капитала посвящено такое рассуждение автора: *«Основная интрига на сегодня формулируется так: **было ли случившееся с «Пересветом» сознательной акцией руководства РПЦ по выводу остатков церковных капиталов, или внезапные недобросовестные действия застали патриарха и его окружение врасплох так же, как и простых вкладчиков банка? Интуиция и здравый смысл склоняют к первому варианту ответа, хотя, конечно, в условиях экономической паники **всякое может быть**...».*** Маркерами рассуждения являются вопросительная модальность первого предложения и наличие во втором предложении лексических показателей предположения (*склоняют*) и одновременно уверенности (*конечно*) и сомнения (*может быть*), делающие его алогизмом. Ход авторской мысли эксплицирован и в конце статьи: *«Итак, бегство*

*церковных капиталов из России началось? Если это так, то патриотическая риторика патриарха, продолжающего возрождать «русский мир» и поднимать Россию с колен, – звучит все менее убедительно». Перед нами «прием экспликации рассуждения», о чем свидетельствуют подача утверждения в форме интерпретирующего вопроса (формальный показатель *итак*) и употребление союза *если* с коррелятом *то*. Таким образом, автор, чтобы избежать правовых рисков, намеренно маркирует в тексте свою субъективную позицию, обвинения облекает в форму предположений.*

Прием неоднократного повторения мысли о возможном выводе капитала из России используется для ее внедрения в сознание читателя с целью убедить в наличии у Русской православной церкви жажды наживы. Причем повторение сопровождается заменой нейтрального глагола «вывод» (капитала) экспрессивным «бегство», что ярко выражает негативную оценку происходящего. Эта замена используется в приведенном выше высказывании, а также в вопросительном предложении, которое дано не только в самом тексте, но и в качестве врезки в текст, т.е. повторяется дважды: «*Что это – начало бегства церковных капиталов из России или решительный удар властей по церковному карману?*». Этот вопрос ограничивает выбор читателя только двумя вариантами, каждый из которых настраивает на негативное отношение к РПЦ (манипулятивный прием «выбор без выбора»).

Анализируя текст в логико-аргументативном аспекте, нельзя не отметить в нем смещение акцентов с деятельности банка на руководителя Русской православной церкви (подмена тезиса как прием), позволяющее нам говорить о том, что патриарх выступает мишенью воздействия. Рассмотрим высказывание: «*“Пересвет” обслуживал ряд коммерческих схем 90-х, на который [очевидно, на которых. – Г.К.] нынешний патриарх РПЦ МП нажил свой капитал...*» В нем утверждается, что патриарх «нажил свой капитал» при помощи коммерческой деятельности в 90-х годах, т.е. занимался получением прибыли нечестным путем (*нажива* – «нечестно полученная прибыль» [Ожегов, Шведова 2003: 381]). Учитывая, что о положительной стороне деятельности Русской православной церкви и банка «Пересвет» в статье не говорится, приведенное утверждение можно считать дискредитирующим.

Как дискредитацию можно рассматривать и начало статьи: «*Создавая заново, практически “с нуля”, Московскую патриархию осенью 1943 года, Сталин давал наставления своему “обер-*

прокурору” Г.Г. Карпову – полковнику НКВД–НКГБ, назначенному первым председателем Совета по делам Русской православной церкви. Одним из наставлений было классическое: “Не заглядывай в карман к попу”. **В обмен на обслуживание интересов власти “воссозданной” официальной церкви разрешалось не особо отчитываться о своем финансовом положении. Даже церковные хористы или сторожа помнят, как зарплата еще в советские времена выдавалась им в конвертах и существенно отличалась от зарплат врачей и учителей...**» По сути дела, в этом фрагменте реализуется тактика обвинения Русской православной церкви в корыстной поддержке власти. Жанр расследования позволяет автору не сообщать источник получаемой информации, а именно не документировать сомнительные сведения о наставлениях Сталина (упоминание которого не случайно в связи с существованием «черного» мифа об этом правителе как тиране), о разрешении не предоставлять церковью финансовые отчеты, в результате чего читатель не может проверить достоверность информации. Прием генерализации (обобщения) в последнем предложении (*Даже хористы и сторожа помнят* – обозначение социальной группы вместо указания конкретных людей) также не позволяет судить об истинности сообщаемого и придает суждению субъективный статус: хотя в глаголе *помнят* есть сема «фактивности», частица *даже* расширяет объем социальных групп до неопределенности. Прием «генерализации» создает «множественность именной группы» и направлен на моделирование уверенности читателя в истинности сообщаемого [Доронина 2012]. Казалось бы, этот же прием используется в отрывке «...*специалисты говорят, что часть денег иерархи успели вывести*», однако здесь уже дается качественная характеристика источника получаемой информации (*специалисты*) (см. о наличии фактивного компонента значения у лексемы *эксперт* [Там же]).

В лингвистическом аспекте интересна также фраза о том, что банк «*имел и неплохое госприкрытие в лице второго акционера – Торгово-промышленной палаты РФ*», т.е. находился под прикрытием, где *прикрытие* имеет значение «сокрытие чего-н. за чем-нибудь». В утверждении о факте (Торгово-промышленная палата РФ является вторым акционером банка «Пересвет») происходит наведение семы ‘сокрытие (маскировка) финансовых операций’ РПЦ. Как намек на сокрытие информации церковью может рассматриваться фраза «с *загадочного исчезновения главы правления*

банка Александра Швеца 13 октября», в которой экспрессив *загадочного* переводит утверждение о факте исчезновения в разряд субъективного.

В тексте в качестве аргумента приводится цитата из комментария Всеволода Чаплина к ситуации с банком «Пересвет», в котором он говорит *«о столь масштабном участии церковных структур в ростовщических схемах»*. Прилагательное-экспрессив *ростовщический* используется в переносном значении «такой, как у ростовщика, грабительский, разорительный» [Ожегов, Шведова 2013: 685]. Поскольку комментарий дается к ситуации с банком «Пересвет», то контекст позволяет сделать вывод о субъективности мнения Всеволода Чаплина.

Все вышеотмеченное позволяет нам говорить о том, что в статье «“Пересвет” ослаб» реализуются две стратегии: на содержательном уровне – стратегия дискредитации Русской православной церкви и патриарха, на уровне языкового и речевого оформления – стратегия ухода от правовых рисков (легевфемизации). Выражение в публичном тексте сугубо негативного мнения автора о Русской православной церкви при помощи определенного рода приемов субъективизации этого мнения говорит в пользу квалификации статьи как текста ИПВ.

IV. В рубрике «Расследование» 28.10.2016 (№ 121) опубликована статья «Икона стиля: золотой оклад» (URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/10/28/70334-ikona-stilya-zolotoy-oklad>). На сайте газеты после названия статьи дан подзаголовок *«Почему православные Казани взбунтовались против своего митрополита Феофана»*, который представляет собой утверждение под видом вопроса (*почему*) с использованием приема генерализации (*православные Казани*). Предикат *взбунтовались* содержит сему фактивности (*взбунтоваться* – ‘поднять бунт, принять участие в бунте’, бунт – ‘стихийно возникшее восстание, мятеж’ [Ожегов, Шведова 2013: 63, 79]). Поэтому можно сделать вывод, что в высказывании содержится утверждение о факте: бунт в Казани против митрополита Феофана подается как свершившееся или актуально совершающееся событие, которое может быть верифицировано. Другими словами, подзаголовок-высказывание может быть разложен на два: *Я знаю, что православные Казани взбунтовались против своего митрополита Феофана, и хочу разобраться почему*. Однако в печатном номере газеты подзаголовок уже другой: *«30 октября православные Казани выйдут на митинг против своего митрополита*

Феофана – одного из приближенных к патриарху Кириллу» (в нем нет уже лексемы *взбунтовались*, а есть *митинг*). Это высказывание относит событие к будущему, т.е. является прогностическим, а не утверждением о факте.

Вариант подзаголовка в электронной версии статьи интенционально противоречит лиду (паралогический прием для привлечения большего внимания к публикации), в котором цель статьи сформулирована так: *«Сегодня наш рассказ – об одном из самых ярких представителей патриаршего «кадрового резерва» – митрополите Казанском и Татарстанском Феофане, против которого собственная паства – с согласия властей республики – собирает масштабный митинг 30 октября»*. В соответствии с целью читатель ожидает рассказ о митрополите Феофане, однако в тексте речь идет не только о нем, но и о других, более значимых фигурах современной российской действительности – Святейшем Патриархе Московском и всея Руси Кирилле (в миру – В.М. Гундяев) и Президенте РФ В.В. Путине. Обратимся к некоторым контекстам, в которых о них говорится.

Характеристика *«золотого кадрового фонда»* Святейшего Патриарха Кирилла характеризуется при помощи высказываний о состоянии других лиц (прием «чтение в сердцах»): *«У патриарха Кирилла есть свой «золотой кадровый фонд», представители которого не только стремятся воспроизводить царский образ жизни своего владыки (вплоть до дворцов, самолетов и личной охраны), но и обладают определенной неприкосновенностью. Они считают себя представителями новой российской элиты и даже формируют особую философию – гедонизм на почве идей личной богоизбранности»*. Высказывания о внутреннем состоянии лица относятся к разряду субъективных (нефактивных). Думаем, что, по замыслу автора, негативную субъективную оценку приближенных патриарха читатель должен перенести на самого патриарха, что тропеически выражено оборотом *золотого кадрового фонда*.

Характеристика В.М. Гундяева дается с использованием приема «чтения в сердцах» и в таком высказывании: *«Очевидно, стареющий патриарх Алексей II искал какой-то противовес слишком жестко рвавшемуся к высшей церковной власти Кириллу и спустя 10 лет, в 2009-м, именно Климент стал единственным соперником Кирилла на заключительном туре патриарших выборов»*. Тем самым негативная оценка приписывается патриарху Алексею II. Лексема

очевидно в начале предложения амбивалентна: ей можно приписывать значение и достоверности (*явно, безусловно* и др.), и предположительности (*кажется, по-видимому* и др.).

В следующем фрагменте текста с целью характеристики В.М. Гундяева, исполнявшего обязанности председателя Отдела внешних церковных сношений, используется эпитет *напористый*, имеющий разговорную окраску [Ожегов, Шведова 2013: 389]: *«Начало бизнес-успеху Феофана было положено в начале 90-х в Отделе внешних церковных сношений (ОВЦС) Московской патриархии, когда **весь отдел, вдохновляемый напористым председателем Кириллом, почти только бизнесом и занимался**»*. В выделенном тексте, представляющем собой оценочное субъективное суждение, используется прием «чтения в сердцах» (отдел вдохновлял Патриарх). Сочетание *почти только* в суждении *«весь отдел <...> почти только бизнесом и занимался»* является показателем количественного свойства утверждения, определение коммуникативного статуса которого (факт или мнение) не верифицируемо.

Следующий фрагмент текста: *«Неудивительно, что после победы преданного Феофаном Кирилла опять последовала опала и череда перемещений из епархии в епархию. Немалых сил и средств стоило нашему герою восстановить добрые отношения с новым патриархом: <...> затем **организовал визит патриарха в Ульяновск с такой помпой и роскошью, что сразу же получил назначение в престижную Казань.** <...> В РПЦ все устроено как в средневековой системе кормлений: **такая система гарантирует высокую степень неприкосновенности верным поставщикам патриаршего двора**»*. Модальное вводное слово *неудивительно* является маркером субъективности высказывания: немилость (значение слова *опала* [Ожегов, Шведова 2013: 453]) Кирилла по отношению к Феофану автор статьи считает ответным действием на его поддержку другого на выборах Патриарха всея Руси. Далее автор использует количественное суждение (*организовал визит патриарха в Ульяновск с такой помпой и роскошью*), которое содержит указание на причину назначения Феофана митрополитом Казанским и Татарстанским и также относится к разряду интерпретационных. Следующее высказывание, выражающее негативную оценку РПЦ автором текста, является аксиологическим, поскольку в нем используются прием генерализации (*все устроено*), сравнение (*как в средневековой системе*

кормлений), статусно-временной перенос в сочетании *патриаршего двора* (с царских времен на современность), значимое умолчание-намеки (*поставщики* чего? – намеки на финансовые потоки). Таким образом, автор не говорит о фактах объективной действительности, а интерпретирует их.

Имя Президента упоминается в ироническом контексте, характеризующем митрополита Феофана: «Он – пылкий патриот России, сторонник ее сближения с исламским миром и **бесконечно предан лично Владимиру Владимировичу Путину**. Будучи Челябинским митрополитом и освящая храм в копейской колонии, **назвал Путина своим «хозяином»**, а в конце 2011-го — начале 2012-го призывал остановить «болотный майдан» и гарантировал законность тогдашних выборов». Эпитет бесконечно (гипербола) в сочетании с предикатом *предан* и стилистически окрашенное (просторечное) *хозяин* в сочетании с местоимением *своим* создают образ слуги. Учитывая, что приведенный фрагмент текста идет в статье после информации, негативно характеризующей деятельность митрополита, словосочетание *великий патриот России* приобретает противоположное значение (антифразис). Упоминание имени президента в ироническом контексте способствует снижению его образа.

Не рассматривая фрагменты статьи, посвященные биографии и деятельности митрополита Казанского и Татарстанского Феофана, резюмируем сказанное: в газетной публикации «Икона стиля: золотой оклад» прослеживаются тактики дискредитации РПЦ и тактика снижения образа Президента РФ, имеющие на уровне языкового выражения легевфемистический характер, что, вероятно, вообще характерно для пейоративных (уничижительных) текстов ИПВ. Для снижения порога критического восприятия читателем текста широко используются прием генерализации и прием «чтения в сердцах».

Вывод

Проведенный нами анализ газетных публикаций позволяет говорить о существовании особого пейоративного типа текстов ИПВ, для которого характерна стратегия легевфемизации, выражающаяся в приемах субъективизации повествования и позволяющая без правовых рисков публично представлять в негативном свете (дискредитировать) то, что составляет государственные устои общества, в нашем случае – православие, проводником которого выступает Русская православная церковь.

6.3. Посягательство на церковнославянский язык

Российский язык в полной силе, красоте и богатстве переменам и упадку не подвержен утвердится, коль долго Церковь Российская славословием Божиим на славянском языке украшаться будет.

М.В. Ломоносов

Если мы истинно любим свою Родину, свою веру православную и свой язык – этот духовный цемент, связывающий миллионы русского народа в одну семью, то мы не можем не заботиться о том, чтобы сохранить от забвения драгоценное наследие церкви и наших предков – церковнославянские и древнерусские слова – источник обогащения в лексическом и синтаксическом отношении современного литературного общерусского языка.

Протоиерей Григорий Дьяченко

Действительно, церковнославянский язык, в истории русского литературного языка сыгравший основополагающую роль и в наше время тесно взаимодействующий с ним, является одним из источников его обогащения и развития. Удачно, на мой взгляд, сказал о роли церковнославянского языка для русской цивилизации профессор А.Л. Казин: «В основе отечественной цивилизации лежит устойчивая духовная структура, которая воспроизводит себя под разными именами и знаменами на протяжении вот уже тысячи лет. Внешне она напоминает знаменитую матрешку, в сердцевине которой находится религиозно-языковое ядро – православная вера и славяно-русский язык. Вокруг этого ядра с течением времени наращиваются цивилизационные оболочки – культура, государственность, технологии» [Казин 2013].

Перед нами довольно точное определение ядра русской православной цивилизации: православная вера и славяно-русский язык. А поскольку Запад и его российские единомышленники ведут информационно-психологическую войну против Русского мира, то ядро русской православной цивилизации оказывается мишенью этой войны. О том, что такая война против православия ведется, и очень интенсивно, свидетельствует множество фактов. Назовем некоторые факты: организация антиправославных выставок

и прочих якобы культурных акций [Фефелов 2015; Басинский 2005], попытки высмеять или даже осквернить православные святыни [Гордеев 2014], организация антиправославных информационных кампаний [Кротов 2014; Бондаренко 2015]; диффамация исторических деятелей, утверждавших в России православие, например Александра Невского [Ужанков 2000], поощрение сектантства, неоязычества, оккультизма [Жуков 1995; Жириновский 1996]; препятствия, чинимые на пути в школу предмета «Основы православной культуры» (Завтра. 2007. № 32; см. также: Образовательный портал «Слово». 25.01.2013 (URL: www.portal-slovo.ru/news/46355.php (дата обращения: 21.12.2016)); изображение РПЦ как «союзника класса эксплуататоров-угнетателей, действующих против народа» (см. «Открытое письмо Межрегиональной общественной организации “Третий Рим” министру образования О.Ю. Васильевой». URL: ruskline.ru/news_rl/2016/11/30/uchebnik_po_istorii_formiruyt_potencialnyh_ekstremistov (дата обращения: 21.12.2016)).

Выдающийся русский социолог и философ А.С. Панарин говорил, что «Православная церковь отныне претерпевает небывалый натиск внешних сил. На наших глазах она заново становится гонимой – теперь уже на глобальном уровне» [Панарин 2002: 219]. Как показывают факты, она становится гонимой и на внутрироссийском уровне со стороны определенной части российского общества. В контексте этих нападок на РПЦ, по-видимому, и нужно рассматривать проблему церковнославянского языка. Причем как светские, так и внутрицерковные противники церковнославянского языка подчас не гнушаются манипулятивного приема подтасовки фактов. Так сообщается, что «на основе некорректно проведенного социологического опроса на одном из сайтов популярной газеты “Комсомольская правда” появилась статья с провокационным заголовком: “Россияне требуют реформу церковного языка”. <...> Правда, в самой заметке все те же данные социологического опроса, которые были приведены и на сайте Московской Патриархии, свидетельствуют, скорее, об обратном, но ведь многие люди читают только заголовки. Так при помощи известного приема политтехнологий современные СМИ пытаются воздействовать на общественное мнение» [Петрухина 2011].

Еще пример. Священник Александр Борисов, чтобы доказать непонятность церковнославянского языка современному православному человеку, специально подбирает трудный для несведущего человека такой фрагмент текста: «Братие, святяй и освещаемии от единого вси – еяже ради вины не стыдится братию

нарицати их глаголя: Возвещу имя твое братии моей, посреде церкви воспою тя. И паки: аз буду надеяся нань. И паки: се аз и дети, яже ми дал есть Бог. Понеже убо дети приобщися плоти и крови и той приискренне приобщися тех же, да смертию упразднит имущаго державу смерти, сиречь диавола...» [Борисов 1994]. Действительно, даже филологически подготовленному человеку сразу трудно в полной мере понять этот текст. Но, во-первых, никто и не спорит с тем, что трудные места церковнославянского текста можно и нужно прояснять посредством церковнославянских же синонимических замен или слов собственно русских, но стилистически не противоречащих церковнославянскому тексту. Во-вторых, в массовом случае, повседневно, православные люди имеют дело с молитвенными текстами, хорошо понятными и без перевода (об этом речь пойдет дальше).

Поскольку сторонники замены современным русским языком церковнославянского оперируют одним и тем же аргументом, объявляя церковнославянский язык мертвым и непонятым, препятствующим привлечению в лоно православия новых последователей, есть смысл ознакомиться с аргументами сторонников сохранения церковнославянского языка как языка богослужения. Сначала рассмотрим аргументы служителей церкви.

• Протоиерей Александр Камчатов: «...Единственный аргумент такого нововведения: славянский язык непонятен! **Не подлежит сомнению, что этот аргумент является выражением буржуазного, мещанского требования: сделайте мне удобно!** [здесь и далее выделено мной. – А.С.]. Непонятность славянского языка по большей части мнимая, и сетования на его непонятность изобличают в христианине ленивого раба, не пожелавшего приложить и малого усилия для того, чтобы приобрести сокровище» [Камчатов 2009].

Протоиерей Сергей Точеный об интеллигентах, требующих богослужения на современном русском языке: «...Разобраться с пониманием текстов на церковнославянском языке (при умении читать и наличии изданий с параллельными текстами) далеко не самое трудное дело; **гораздо труднее любить врагов своих, чем к двум иностранным языкам прибавить знание нескольких слов на церковнославянском.** <...> Вот и церковнославянский язык – он не сложный, не тяжелый, и **благодаря ему сохраняется связь поколений, а самое главное – сохраняется духовная высота богослужебного, богооткровенного текста**» [URL: <http://www.hram-ks.ru/ts-slav8.shtml> (дата обращения: 21.12.2016)].

Близкую мысль высказывает профессор Н. Покровский: **«В русском переводе богослужбное слово утратит неизбежно по местам силу экспрессии и возвышенность характера**, подобно тому, как это бывает в случае переложений стихотворно-поэтической речи на обыкновенную прозаическую речь. <...> Молитва церковная не есть обыденное житейское занятие, она переносит нашу мысль и чувства из мира прозы и житейской суеты в область возвышенного, идеального, в горний мир» (цит. по [Богослужбный язык... 1999: 83–84]).

Протоиерей Александр Ильяшенко считает, что «дискуссии о богослужбном языке вызваны обычно <...> недостатком образования» и **замена церковнославянского языка современным русским языком приведет к смешению возвышенного со сниженным**, что недопустимо, «как, например, недопустимо использование богослужбных сосудов в обычной трапезе» [Священнослужители о языке богослужения. URL: www.bogoslov.ru/text/740472/index.html (дата обращения: 21.12.2016)].

Архимандрит Рафаил (Карелин): «В переводе на современный язык богослужбная гимнография будет вульгаризирована и опошлена; это будет только пересказом, который мало что даст душе. **Для богослужения нужен особый сакральный язык, отличающийся от обыденного языка, как храм отличается от простых домов**» [Архимандрит Рафаил. URL: <http://www.hram-ks.ru/ts-slav9.shtml> (дата обращения: 21.12.2016)]. И еще: «Вообще **форма не может быть совершенно абстрагирована от содержания**. Новый язык, хотим мы того или нет, будет нести в себе новое содержание. <...> Проповедь в храме произносится на современном языке. **Но молитву нельзя смешать с проповедью или богословием. Проповедь рассказывает о духовном мире, а молитва включает нас в этот мир**» [Архимандрит Рафаил. URL: <http://www.hram-ks.ru/Karelin1.shtml> (дата обращения: 21.12.2016)]. Это суждение поддерживает профессиональный филолог В.А. Гречко, утверждая, что смыслы и образы, стилистические тональности, выраженные на церковнославянском языке, не могут быть адекватно переданы на современном русском. Здесь «форма органически слита с содержанием, и с разрушением этого соответствия рушится весь строй речи» [Гречко 2000: 152].

Протоиерей Леонид Роддугин замечает, что «многие церковные тексты положены на ноты, они поются, они должны петься. **Если перевести их на разговорный русский язык, то исказится или невосполнимо пропадет целый слой церковного богослужбного**

пения». Он же высказывает здравую мысль о том, что переводить на русский нужно только то, что с большой долей вероятности может быть неправильно понято. Например, «Раб же Твой глумяшеса во оправданиях Твоих». В современном русском «глумиться» значит «издеваться», а в старославянском этот глагол имел еще и значение «размышлять», углубляться умом (см. [Полный церковнославянский словарь 1993: 124]). «Такие замены возможны и даже необходимы. Но подобных мест в богослужебных текстах не так уж много» [Ролдугин. URL: www.hram-ks.ru/ts-slav6.shtml (дата обращения: 21.12.2016)].

Магистр богословия, профессор Ленинградской духовной академии Л.Н. Парийский обращает внимание на то, что большая часть слов у русского и церковнославянского языков являются общими. «Из общего количества слов, употребленных в самой трудной славянской книге – Псалтири – найдется не более ста слов, нуждающихся в переводе. К ним принадлежат слова: абие, аще, брение, буйи, вскую, ганание, гобзование, егда и т.п. В это число входят и иностранные слова, оставшиеся в церковнославянском языке без перевода: онагр, скимен, скrania и т.д.» [Парийский. URL: www.hram-ks.ru/Parijskij.shtml (дата обращения: 21.12.2016)].

Протоиерей Владимир Чувикин отмечает, что «если начать новую книжную справу и реформу церковнославянского языка, то вполне может повториться история XVII века (имеется в виду церковный раскол, возникший в результате реформы богослужебных книг, проведенной Патриархом Никоном. – А.С.). Целостность нашей Русской православной церкви должна оставаться главным приоритетом и для пастырей, и для ученых-богословов, и для всех прихожан» [Чувикин. URL: www.hram-ks.ru/ts-slav7.shtml (дата обращения: 21.12.2016)].

Убедительными представляются аргументы диакона Андрея Кураева: «Отчего это язык, который был понятен неграмотным крестьянам XVIII в., вдруг стал непонятен кандидатам наук XXI в.? В церковнославянском (старославянском) языке всего лишь десяток корней, которых нет в современном русском языке. За последние десять лет мы с вами выучились словам типа “ваучер” и “фьючерс”, “сайт” и “провайдер”, “хоббит” и “квиддич”. Неужели трудно понять, что означают слова “живот”, “присно”, “выну” и т.д.? Для образованного человека, я думаю, проблемы это никакой не составляет. А необразованной молодежи в храмах сейчас просто нет» [Дьякон Андрей Кураев 2006: 110]. Кураев убедительно доказывает, что

понятность или непонятность церковнославянских текстов не только и не столько в языке, сколько в «посещаемости церковно-приходских школ, в том, насколько мы знаем библейские события и соотносим их со своей жизнью». Свою мысль он подтверждает рядом примеров. Вот один из них: «...из Чина исповеди: “Боже... Иже пророком твоим Нафаном покаявшемуся Давиду о своих согрешениях, оставление даровавый”. Перевели на русский: “Боже... Который через Своего пророка Нафана даровал оставление грехов покаявшемуся Давиду”. Ну и что? Для того, чтобы понять эту фразу, надо знать не церковнославянский язык, а то, кто такие Давид и Нафан, что произошло между ними (см.: 2 Цар. 12) и в чем был грех Давида» [Дьякон Андрей Кураев 2006: 115–116]. <...> «Не понимать Евангелие – стыдно. Если душа бежит от “непонятной” православной службы, значит – душа нездорова. “Непонятно” – это приговор, выносимый Евангелием современной цивилизации, а не констатация “болезни” и “отсталости” церкви <...> В церковной жизни и молитве “все непонятно” людям, живущим вдалеке от Церкви, но при этом почему-то желающим реформировать не свою, а чужую среду обитания» [Там же 2006: 122–123].

Иногда в пылу полемики по вопросу о языке богослужения используются аргументы не только недостаточные, но и не выдерживающие критики с позиций логичности и фактологичности. Так священник Николай Балашов выдвигает такой тезис в виде риторического вопроса: «Можно ли найти в Священном Писании и Священном Предании Церкви какие-нибудь данные, подтверждающие необходимость существования особого сакрального языка богослужения, отличающегося от языка проповеди, научения вере, христианского общения и богословия? Полагаю, что нет» [Балашов 2000]. Возникает контрвопрос: почему в Священном Писании и Священном Предании Церкви должны содержаться указания по очевидным, само собой разумеющимся положениям? Разве тем, кто создавал Священное Писание и Священное Предание, могло прийти в голову, что с Богом следует говорить тем же языком, что и с приятелем?

Или еще одно утверждение в форме риторического вопроса: «...Можно ли вообще считать оправданным, с точки зрения веры в Боговоплощение, то противопоставление сакрального и профанного языков, которое характерно скорее для нехристианских религиозных традиций» [Там же]. Ну, во-первых, при чем здесь Боговоплощение? Главное же в том, что оппозиция сакрального (священного, религиозно-культурного) и профанного (мирского, повседневного) –

это реальный факт человеческого бытия, нашедший отражение в соответствующих философской и культурологической категориях (см., например [Современный философский словарь 1998: 757; Теоретическая культурология 2005: 424]). В стилистике этой оппозиции соответствует противопоставление «высокого» и «низкого» (сниженного), «книжного» и «разговорного».

Церковное руководство тоже выступает против революционной смены в богослужении церковнославянского языка современным русским. Так Патриарх Кирилл, будучи митрополитом Смоленским и Калининградским и отвечая на вопрос журналиста, сказал: «На волне демократических преобразований очень многие стали от Церкви требовать революционных изменений. Но Церкви чужд путь радикальных реформ и революций. Что касается богослужения, то уже в начале века наша Церковь пошла не по пути внедрения русского языка, а по пути редактирования славянских текстов, приближая их к пониманию современного человека. Для этого была создана специальная Богослужебная комиссия. Существует она и сегодня. <...> Конечно, надо сделать богослужение понятным нашим людям, но без сотрясения церковного единства радикальной литургической реформой» (Аргументы и факты. 1998. № 1–2).

В том же духе высказался и Владимир Легойда, будучи председателем Синодального информационного отдела РПЦ: «Безусловно, человеку в храме должно быть понятно богослужение, но опыт воцерковления наших современников с убедительностью показывает, что большинство из тех, кто начинает регулярно ходить в храм, уже через полгода-год прекрасно понимают весь ход богослужения и его язык. Я как-то видел один современный перевод на русский язык первого псалма, который начинается словами: “Хороший мужчина – это тот мужчина, который не ходит на собрание плохих мужчин” (в славянской Библии: “Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых”). Как говорится, комментарии излишни» (Аргументы и Факты. 2010. № 4).

Филологическая точка зрения по рассматриваемому вопросу во многом совпадает с суждениями служителей церкви, но рассматривает проблему прежде всего в аспекте экологии русского языка и культуры русской речи.

Для филолога-русиста проблема церковнославянского языкового наследия приобретает в наше время особую остроту в связи с заметным снижением речевой культуры россиян и ухудшением «среды обитания» для русского языка в целом. В этой ситуации важно

понять непреходящую позитивную роль церковнославянского компонента в развитии русского литературного языка и речевой культуры нашего народа. Попытаемся показать это на конкретных примерах.

Начнем с наиболее наглядного – с проблемы фразеологии в широком ее понимании.

Выдающийся русский философ А.Ф. Лосев придавал большое значение в культуре русского языка устойчивым библейским оборотам: фразеологизмам, афоризмам, крылатым словам и т.п. В статье «Русская философия» он пишет: «Рассудок создает только схемы. Живую связь бытия и его скрытую сущность нельзя постигнуть с их помощью. Только в образах можно достичь истинного познания». Он обращает наше внимание на Библию как на важнейший источник таких образов и символов [Лосев 1991: 218–219].

Посмотрим, как владеет этими символами наше молодое поколение, окончившее полную среднюю школу. Мы провели пилотажный эксперимент со студентами первого курса гуманитарных институтов Сибирского федерального университета (102 участника в возрасте 17–20 лет), которым был дан список из 20 библейских фразеологизмов: *петь аллилуйю, ардевы веки, взыскующие града, глас вопиющего в пустыне, каинова печать, альфа и омега, петь Лазаря, бесплодная смоковница, блаженны миротворцы, блудница вавилонская, вавилонский плач, вавилонское столпотворение, бросать камень, валаамова ослица, ветхий Адам (ветхий человек), вложить персты в язвы, выпить чашу до дна, идти на Голгофу, гробы поваленные, блудный сын* – и предложено составить с каждым фразеологизмом осмысленное высказывание (предложение). В результате было обнаружено, что только единицы более или менее справились с этим заданием. Фразеологическая компетенция испытуемых была оценена по пятибалльной системе в 0,17 балла (см. таблицу 2).

С результатом такого эксперимента соотносимы показания фразеологических словарей русского языка, например «Энциклопедического словаря библейских фразеологизмов» К.М. Дубровиной. Автор этого словаря справедливо замечает, что «судьба библейской фразеологии русского языка довольно драматична. В православно-христианской России изучение Закона Божьего было обязательным во всех русскоязычных учебных заведениях. Поэтому не только высокообразованные, но и просто грамотные люди (например, учившиеся в сельских приходских школах) хорошо знали многие библейские притчи, изречения, афоризмы. Русская интеллигенция была

Таблица 2

Количество правильных ответов из 20 максимально возможных в каждой анкете	Количество студентов
12	1
11	1
10	1
8	3
7	3
6	7
5	6
4	9
3	11
2	18
1	21
0	21

буквально “пропитана” библеизмами, широкое распространение которых в русском языке может быть подтверждено многочисленными примерами из художественных, публицистических и эпистолярных произведений.

Будучи весьма распространенной во всех сферах русской речи до 1917 г., библейская фразеология значительно сократилась в объеме и утратила былую употребительность за годы советской власти, когда Библия находилась под запретом. <...> Естественно, что подавляющее большинство людей, родившихся и живших в советскую эпоху и получивших атеистическое воспитание и образование, не было знакомо с книгами Священного Писания» [Дубровина 2010: 7–8].

Драматизм ситуации еще и в том, что в так называемое постсоветское время Священное Писание так и не допущено в школу не только в виде Закона Божьего, но и в качестве компонента светского филологического образования хотя бы в рамках программ по изучению русского языка и литературы. Поэтому неудивительно, что в языковом сознании нескольких поколений большой (скорее всего – бóльшей) части нашего народа библейский компонент отсутствует.

Вернемся к показаниям словаря К.М. Дубровиной. Из 538 фразеологических единиц устаревшими признаны 119. Все они иллюстри-

рованы примерами из художественной литературы и публицистики. Для большей показательности мы взяли только те фразеологизмы с пометой «устар.», которые снабжены тремя и более речевыми иллюстрациями из русской художественной литературы и публицистики (в том числе – современной). Таких фразеологизмов – 49, например:

во время оно [во времена оны]: примеры из произведений В.В. Жукова, В.В. Крестовского, М.Ю. Лермонтова, Д.В. Григоровича, П.И. Мельникова-Печерского, Ю.С. Крымова, Н.С. Лескова, А.П. Чехова (два), Ф.М. Достоевского;

возвышать [возвысить] *голос*: примеры из произведений М.Ю. Лермонтова, В.Г. Короленко, Ю.Н. Лебединского, газеты «Сегодня»;

все в руке Божией: примеры из произведений В.Ф. Тендрякова, Ю.П. Германа, В.С. Шефнера, газеты «Правда»;

геенна огненная: примеры из произведений П.И. Мельникова-Печерского (два), А.П. Чехова, И.И. Гарина, Ю.П. Германа, В. Еременко, В. Славянина, А.Н. Островского, газет «Трибуна» и «Правда»;

гроб поваленный [гробы поваленные]: примеры из произведений В.Г. Белинского, Г.И. Успенского, В.И. Ленина, М.Ю. Лермонтова, Н. Карташёва, газет «Петербургский Час Пик» и «Итоги»;

египетская работа [египетский труд]: примеры из произведений С.Т. Аксакова, А.А. Марлинского, А.П. Чехова (два), Ф.А. Абрамова;

как птица небесная (Божия): примеры из произведений М.Ю. Лермонтова, Д.Н. Мамина-Сибиряка, Н.Д. Телешова, Н.С. Лескова;

медь звенящая, кимвал бряцающий (звенящий, звучащий): примеры из произведений В.Г. Белинского, В.А. Жуковского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.С. Пушкина, Ив. Иванова, В.В. Ерофеева;

ныне отпущаеши: примеры из произведений М.Е. Салтыкова-Щедрина (три), А.И. Герцена, В.В. Маяковского, В.В. Ерофеева;

грех тебя (меня, его, ее, нас, вас, их) возьми (побери, дерь, подери): примеры из произведений А.С. Грибоедова, А.Ф. Писемского (два), М.А. Шолохова;

раб Божий [раба Божья]: примеры из произведений А.С. Пушкина (два), И. Шульженко, М.Е. Салтыкова-Щедрина, П.А. Вяземского, журнала «Огонек»;

хамово отродье (племь): примеры из произведений А.Ф. Писемского, И.С. Тургенева, А.И. Эртеля, А.П. Чехова, А.С. Грибоедова, К.Г. Паустовского;

чающие движения воды: примеры из произведений В.Г. Белинского, М.Ю. Лермонтова, А.М. Герцена, М.Е. Салтыкова-Щедрина (два), В.В. Стасова, Д.Н. Мамина-Сибиряка, А.А. Соколова (подробно см. [Дубровина 2010]).

Особенно спорным представляется отнесение к устаревшим фразеологизма «Ныне отпускаеши», который известен миллионам верующих как начало «Песни Симеона Богоприимца», вошедшей в состав молитв всех основных христианских церквей: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ...». Важно также отметить, что помету «устар.» в этом словаре получают главным образом фразеологизмы, имеющие в своем составе церковнославянскую лексику и/или грамматические формы, а также то, что в состав устаревших фразеологизмов попали такие прецедентные высказывания, как «заповеди блаженства», составляющие суть учения Иисуса Христа: *«А я говорю вам: не противься злему, но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую»; «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими»; «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное»* (Библия: 307–308).

Трудно представить, что люди, владеющие полнофункциональной (элитарной) речевой культурой, не знают и не употребляют упомянутых выше фразеологизмов. Скорее всего, помета «устар.» часто (в том числе и в данном случае) является показателем деградации языкового сознания значительной части русскоязычного социума, а также свидетельством недооценки категории полнофункциональной речевой культуры как ориентира в деле повышения языковой и речевой культуры общества.

Ответа на вопрос, почему такие фразеологизмы считаются устаревшими, в указанном словаре нет. По-видимому, понятие «устаревшей» языковой единицы ориентировано не на высококультурную часть социума, т.е. на представителей полнофункциональной речевой культуры, а на носителей ее низших страт, которые, как пишут В.Е. Гольдин и О.Б. Сиротина, все «в большей или меньшей степени “ущербны” с точки зрения возможностей полноценного и творческого использования языка» [Гольдин, Сиротина 1997: 414].

Ситуация, подобная вышеописанной, наблюдается и в области лексики, прежде всего книжной, часто восходящей к церковнославянскому языку. В данном контексте весьма интересны наблюдения доктора философских наук Леонида Когана, опубликованные в разгар «перестройки» (1986 г.) и сохраняющие свою значимость в наше

время: «Нельзя не пожалеть, что сравнительно редко и не во всей своей масштабности, многомерности употребляются теперь в обиходной и литературной практике наряду с понятиями “дух” и “душа” такие производные от них слова и словосочетания, как *душевность, задушевность, одухотворенность, великодушие, прямодушие, совесть, чистосердечность, непосредственность, искренность, откровенность, сокровенность, беззастенчивость, возвышенность (духовная высота), духовная жажда, окрыленность, душевный покой, душевная глубина, душевный порыв, душевное горение.* <...> Реже, чем хотелось бы, встречается ныне и гнездо слов, группирующихся вокруг понятия “добро”: *доброжелательность, добросердечие, добродушие, добропорядочность, добросовестность, добронравие, добродетель,* и связанные с ними *человеколюбие, милосердие, отзывчивость, участливость, жалость, сострадание, приязнь, признательность, верность, постоянство, деликатность, учтивость, укоризна, стыд* (в противоположность бесстыдству), *раскаяние, искупление.* <...> Не очень, пожалуй, заметное место занимают понятия *доброты* и в шкале нравственных ценностей, которыми оперируют профессиональные этики-философы. То же относится к родственной группе слов, восходящих к корню “благо”: *благожелательность, благосклонность, благорасположение, благотворность, благодеяние, благодарность, благородство, благоразумие, благовоспитанность, благопристойность, благоговение* и др. Редкое использование этих и других близких им слов-значений не только обедняет наше повседневное общение, но и приглушает, обесцвечивает духовно-душевную палитру, возможности нравственного воспитания и самовоспитания» [Коган 1986]. Заметим, кстати, что большая часть вышеприведенных слов по происхождению являются церковнославянскими или образованы по церковнославянской модели с использованием соответствующих «строительных элементов».

Критикуя «Словарь эпитетов русского литературного языка» К.С. Горбачевича и Е.П. Хабло [Горбачевич, Хабло 1979], писатель Андрей Битов иронично пишет: «Из 28 эпитетов к слову ДОМ устар. – три: отчий, добропорядочный, честный. Причем добропорядочный дом даже больше, чем “устар.”, – он “устар. и шутил.”»; <...> «Устар. МИР – благодатный, благодетельный, благополучный, блаженный. Устар. МИР – несправедный и святой. РАДОСТЬ устарела: и быстротечная, и забывчивая, и легкокрылая, и лучезарная, и лучистая, и даже нищенская, но и – святая. Зато ПЫТКА не устарела никакая – ни дьявольская, ни зверская, ни изуверская, ни инквизи-

торская, ни лютая, ни средневековая, ни чудовищная. Может, потому, что устарело само слово?.. Так к слову СОВЕСТЬ вы не найдете ни одного эпитета, потому что слова этого нет в словаре вообще» [Битов 2009: 114–115]. Ср. с мнением Н. Афанасьевой, преподавателя церковнославянского языка МДАиС: «Для одного человека данная лексема (напр., “стогна”, “стезя”, “пажить”) покажется слишком устаревшей, а для другого, например, более культурного и знакомого с русской поэзией XIX века, вполне понятной. Как известно, уровень культуры современной молодежи крайне низок, и если ориентироваться на него <...>, то можно заменить более половины якобы “устаревшей” лексики» [Афанасьева. URL: www.hram-ks.ru/ts-slav5.shtml (дата обращения: 21.12.2016)]. По сути дела, непонятность богослужебного языка для многих православных неопитов есть результат недостаточного образования. «Знание церковнославянского языка некогда было делом обычным, рядовым. И ныне проблема церковнославянского языка есть проблема педагогическая» [Мишланов 2014: 13].

С точки зрения рассматриваемой проблемы интересен и показателен исторический факт, с рассказа о котором начинается статья Кавада Раша «Иммунная стража»: «Народно-православный инстинкт особенно глубоко отозвался в Пушкине, в его беседе с Алексеем Хомяковым, когда речь у них зашла о переводе Библии на современный русский язык.

– Передавать этот удивительный текст пошлым современным языком, – решительно заявил Пушкин, – это кощунство даже относительно эстетики, вкуса и здравого смысла. Мои дети будут читать в подлиннике.

– По-славянски? – насмешливо спросил славянофил Хомяков.

– По-славянски, – ответил Пушкин. – Я сам их обучу ему» [Раш 2010].

По-видимому, проблема устаревших слов – своего рода «черная дыра» лингвистической теории и практики, а ссылки на демократизацию речи, звучащие всякий раз, когда обнаруживаются языковые утраты или массовые нарушения литературной нормы, не более чем эвфемизмы, прикрывающие снижение речевой культуры социума.

Деграция языковой личности нашего среднестатистического современника особенно заметна в сфере этических понятий и соответствующей лексики, генетически часто восходящей к церковнославянскому языку, его моделям и элементам. Так, в экспресс-опросе 40 студентов 1-го курса был предложен список из 60 книжных слов-

существительных, обозначающих душевные качества человека, для выявления степени их употребительности.

В результате оказалось, что наибольшее затруднение для испытуемых (треть и более информантов) составили слова, выражающие абстрактные этические понятия и в большинстве своем восходящие к церковно-религиозным текстам: *бездуховность, воздержание, греховность, грехопадение, добродетель, духовность, искупление, кротость, моральность, миролюбие, незлобивость, нестяжание, покаяние, праведность, святость, сердечность, служение, совесть, созидание, самоотречение, целомудрие, этичность.*

Но если «уходят» слова, то уходят и выражаемые ими понятия, а следовательно, «сжѣживается» и этическая часть сознания тех, для кого эти слова перестали существовать. Довольно большой список таких слов, вошедших в русский литературный язык под влиянием славянского «Апостола» и «Откровения» Иоанна Богослова, дан в [Верещагин 2000: 170–173].

Значение евангельских текстов в лексико-фразеологическом обогащении русского литературного языка можно увидеть, обратившись к тем высказываниям, словосочетаниям и именам, которые стали прецедентными. Только в одном Евангелии от Матфея мы находим 72 такие единицы: *глас вопиющего в пустыне; ловцы человеков; нищие духом; алчущие и жаждущие правды; отверзать уста; чистые сердцем; нечистый дух; труждающиеся и обремененные; порождения ехидны; горчичное зерно; бремена тяжелые и неудобноносимые; мерзость запустения; великая скорбь; скрыть (зарыть, закопать) талант свой; тридцать сребреников; отделять овец от козлов; блаженны миротворцы; радуйтесь и веселитесь; соль земли; свет мира; ни одна йота; геенна огненная; от лукавого; примиришь с братом твоим; будьте совершенны; как власть имеющий; плачь и скрежет зубов; гробы повапленные (окрашенные. – А.С.); умыть руки; близко, при дверех; слепые вожди слепых; предоставьте мертвым погребать своих мертвецов; не вливают вина молодого в мехи ветхие <...>, но вино молодое вливают в новые мехи; по вере вашей да будет вам; овцы, не имеющие пастыря; жатвы много, а делателей мало; мир дому сему; отрясти прах от ног своих; будьте мудры, как змии, и просты, как голуби; ученик не выше учителя, и слуга не выше господина своего; нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узвано; не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; не мир, но меч; блажен, кто не соблазнится; кто*

имеет уши слышать, да слышит; всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет, и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит; кто не со Мною, тот против Меня; кто не собирает, тот расточает; дерево познается по плоду; от избытка сердца говорят уста; видя не видят, и слыша не слышат; собирают плевелы и огнем сжигают; нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам; врата ада не одолеют; берегитесь закваски фарисейской; какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?; воздастся каждому по делам его; много званных, но мало избранных; кесарево кесарю, а Божие Богу; кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится; оставляется вам дом ваш пуст; не останется здесь камня на камне; восстанет народ на народ и царство на царство; во многих охладееет любовь; претерпевший же до конца спасется; жнешь, где не сеял, и собираешь, где не рассыпал; дух бодр, плоть же немощна; все, взявшие меч, мечом погибнут; Ирод; Иуда; Голгофа.

Все эти обороты, хотя и нечасто, встречаются в современных высококачественных публицистических текстах, в том числе и в трансформированном виде. Но среднестатистический читатель по незнанию своему их не замечает и, естественно, не употребляет в своей речи. Только представим себе, какой ущерб нанесен речевой культуре и языковому сознанию нашего народа, если из этого сознания выпала хотя бы половина названных прецедентных текстов, в чем вряд ли можно сомневаться. И как важно реланимировать в сознании носителей русского языка это языковое богатство!

Многие тексты нашей классики не могут быть полноценно восприняты без знания текста Евангелия. Приведу несколько примеров (некоторые из которых взяты из публикаций М.М. Дунаева [Дунаев 1996]). В стихотворении А.С. Пушкина «Странник» есть такие строки: *«Иди ж, – он продолжал, – держись сего ты света; / Пусть будет он тебе единственная мета, / Пока ты **тесных врат** спасенья не достиг...»* (здесь и далее выделено мной. – А.С.). Глубинный смысл этих строк читатель может понять только в том случае, если ему знакомо евангельское *«Входите **тесными вратами**, потому что широки врата и пространен путь, ведущие к погибели, и многие идут ими; потому что **тесны врата** и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их»* (Мф, 7, 13–14). Невозможно понять религиозное содержание стихотворения А.С. Пушкина «Отцы пустынноики...»

без знания семантики использованных в нем церковнославянизмов и текста молитвы Ефрема Сирина «Господи владыко живота моего...», вдохновившей Пушкина. Религиозно-философский пафос пушкинского шедевра «Пророк» не может быть интеллектуально и эмоционально воспринят без понимания значения и ощущения стилистической роли церковнославянской лексики, составляющей основу этого стихотворения:

Пророк

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился;
Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он:
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,

И празднословный и лукавый,
И жало мудрая змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

(А.С. Пушкин)

Без знания Библии трудно понять и стихотворение Ф.И. Тютчева «При посылке Нового Завета», в частности последние две строфы: *Но этой веры для немногих / Лишь тем доступна благодать, / Кто в искушеньях жизни строгих, / Как вы, умел, любя, страдать, / Чужие врачевать недуги / Своим страданием умел, / Кто душу положил за други / И до конца все претерпел.* Полнота восприятия здесь возможна при адекватном тексту понимании семантики таких слов, как *благодать, искушенья, страдать*, и знания соответствующих фрагментов Евангелия, получивших статус интертекстуальности, в данном стихотворении представленных парафразами высказываний Иисуса Христа: «Нет больше той любви, как если кто положит душу за друзей своих» (Ин, 15, 13) и «И будете ненавидимы всеми за имя Мое; претерпевший же до конца спасется» (Мф, 10, 22). Православно-нравственное значение слов *страдать, страдание* можно понять только в контексте Евангелия и ориентированного на него поэтического дискурса. Ср. у Пушкина в стихотворении «Элегия»: *Но не хочу, о други, умирать; / Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать...* «Неожиданный, парадоксальный исход, – замечает по поводу этих строк М.М. Дунаев. – Так может сказать только истинный христианин. И мужественный духом верующий. Обычно люди бегут от страданий. Пушкиным же очищающие душу страдания не отвергаются, но мыслятся как одна из важнейших жизненных ценностей. Давняя пушкинская дихотомия является в прикровенном облике: ум (“чтоб мыслить”) и сердце, душа (“чтоб страдать”)» [Дунаев 1996. Ч. 1: 220].

Без знания церковнославянской сюжетной основы, лексики и фразеологии невозможно полноценно воспринять мысль и чувство таких произведений русской словесности, как стихотворение Сергея Есенина «Иорданская голубица», где, кроме самого названия, встречаются такие слова, имена, образы и аллюзии: *С дудкой пастушеской в нивах / Бродит апостол Андрей; Мати Пречистая Дева; Все мы, все когда-нибудь / В тех благих селеньях будем; Кто сегодня был любимец – / Завтра нищий человек; Дождемком в нивы златые / Нас посетил Авраам; Буду тебе я молиться, / Славить свою Иордань;* стихотворение Осипа Мандельштама, начинающееся строфой: *Отравлен хлеб и воздух выпит. / Как трудно раны врачевать! / Иосиф, проданный в Египет, / Не мог сильнее тосковать!;* стихотворение Бориса Пастернака «Гамлет»: *На меня наставлен сумрак ночи / Тысячью биноклей на оси. / Если только можно, Авва Отче, / Чашу эту мимо пронеси;* стихотворение Ивана Бунина «Люцифер»: *Великий*

сфинкс, исполненный печали, / Лежал в песках. Израиль, чуждый всем, / Сбирал, рыдая, ржавые скрижали. / Христос покинул жадный Вифлеем; стихотворения Владимира Ходасевича «Путем зерна» и «Слезы Рахили» и стихотворения Анны Ахматовой «Рахиль», «Лотова жена», «Мелхола». И т.д., и т.п.

То же можно сказать и о прозаических произведениях. Невозможно постигнуть глубину содержания и художественное обаяние таких текстов художественной прозы, в которых описываются православные традиции и поступки православных людей, например, «Лето Господне», «Неупиваемая чаша» Ивана Шмелева; «Афон», «Валаам», «Преподобный Сергей Радонежский» Бориса Зайцева; «Анафема» Александра Куприна; «Однодум», «Соборяне», «Запечатленный ангел», «Очарованный странник» Николая Лескова и др. Перечень произведений русской поэтической и прозаической классики, так или иначе связанной с сюжетами, образами и языком Библии и текстов отцов Церкви, можно продолжать и продолжать. (О том, что отказ от церковнославянского языкового наследия приведет к неполноценному восприятию многих текстов русской литературной классики, см. также в [Ветловская 2009]).

Утрата многих книжных слов, в том числе и прежде всего церковнославянского происхождения, ведет к деформации стилистической системы русского языка. Профессор В.В. Колесов по этому поводу пишет: «Самая большая беда, обозначившаяся в XX веке, заключается в утрате высокого стиля. История русской культуры требует наличия трех стилей – триипостасность литературного языка обусловлена положением, которое точно отмечено тем же Владимиром Соловьевым: словом высокого стиля мы обращаемся к Богу, среднего – к другому (это профессиональная речь, формирующая норму), низким – беседуем с самим собою (в бытовом кругу); исчезновение высокого стиля привело к тому, что вульгарный низкий стиль занял место среднего, традиционно являвшегося источником поступления в литературный язык нормативных элементов системы (средний стиль заместил высокий)...» [Колесов 1999: 151].

О церковнославянском языке как источнике высоких тональностей речи и о том, что их утрата ведет к десакрализации богослужебных текстов, пишут многие. Так, Е.В. Петрухина, отмечая, что церковнославянский язык «служит постоянным источником высокого стиля русского языка», в то же время предупреждает об опасности «глобального стилевого снижения», наблюдаемого в тех славянских странах, где богослужение ведется на современном славянском

языке. И приводит пример Польши, где влияние массовой культуры и коммуникации (в основном СМИ) «ведет к ослаблению и даже потере чувства священного», «к большим потерям и разрушениям в священных смыслах и символике богослужения» [Петрухина 2011]. В.Е. Ветловская полагает, что «русский язык, употребленный вместо церковнославянского, отнюдь не поднял бы нас, грешных, от земли, нет, он небеса бы опустил на землю. <...> Неслучайно, – пишет она, – западные богословы (например, в Англии), еще недавно тоже ратовавшие за новейшие переводы, с тревогой заговорили о десакрализации священных текстов в глазах тех, кто знакомится с ними на языке газет и популярных детективов» [Ветловская 2009].

Аргументом в пользу церковнославянского языка как языка богослужебного, а также сохранения живой связи с ним русского литературного языка служат его высокие эстетические качества. Наличие этих качеств обусловлено спецификой православия, о которой пишет, например, С.Н. Булгаков: «Православие есть первым долгом любовь к красоте. Христианство, понятое как умная красота и духовное художество и все направленное к его взысканию. Любовь к этой красоте требует, чтобы вся жизнь была пронизана этой красотой – и это составляет путь Православия. <...> Оно первым долгом выражается в богослужении, которое нужно понимать как служение умной красоте, как переживание небесной красоты, как теургически пресуществленную жизнь» [Булгаков 1975: 160–161]. О красоте церковнославянского языка еще в начале прошлого века говорил крупный религиозный и политический деятель России К.П. Победоносцев: «Наш церковнославянский язык – великое сокровище нашего духа, драгоценный источник и вдохновитель нашей народной речи. Сила его, выразительность, глубина мысли, в нем отражающейся, гармония его созвучия и построения всей речи создает красоту его неподражаемую. <...> От Древней Эллады приняли мы гласовые наши мелодии и разработали их, вложив в них свою певучую славянскую душу, и жизненную ее радость, и тоску, и стремление к небесному отечеству. Поставьте вместо славянского текста русскую деланную фразу – исчезнут и цезура, и ритм, и смысл каждой отдельной фразы, и весь лад пения, к ней примеренный; многое и пережить нельзя без безобразного искажения» [Победоносцев 1999: 80].

Восторженную оценку красоте русского языка, приобщенного к богатствам церковнославянского, дал другой выдающийся русский мыслитель – И.А. Ильин: «Силою вещей и исторических условий, силою прирожденной даровитости, чуткости и вкуса, силою скреще-

ния множества лингвистических влияний русскому народу удалось выработать себе язык единственный в своем роде звучности, певучести, гибкости и выразительности. <...> Этот язык, навеки приобщенный церковнославянской, а следовательно, и общеславянской сокровищнице и через это как бы призванный к парению, к трепетным взлетам, к насыщенным подъемам, язык, способный к вчувствованию во все, что есть на земле и в небе, способный к отождествлению с любым предметом, способный и шептать, и греметь, и скрипеть, петь с птицами и шуметь с водопадами, пылать огнем и течь водою» [Ильин 1996. Кн. 2: 208–209].

Красоту церковнославянского языка можно иллюстрировать простым сравнением текстов Евангелия на церковнославянском языке и текстов Евангелия на современном русском языке. Ср., например: *Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся* (церковнославянский вариант) и *Счастливы те, кто жаждет праведности – они будут удовлетворены* (вариант на современном русском взят из протестантской «Книги жизни», изданной в 1990 г. обществами «Библия для всех» и «Лайф Паблишер» в сотрудничестве с христианскими церквями в СССР). Церковнославянский текст – развернутая метафора, современный русский перевод лишен этой образности. Кроме того, содержание концепта «правда» значительно шире содержания концепта «праведность» (недаром последний не рассматривается в таком капитальном труде, как [Степанов 1997]). В современном русском языке «праведность», образуемая от «праведный», значит «1. благочестивый, безгрешный, соответствующий религиозным правилам. *Праведная жизнь*. 2. Основанный на правде (во 2 знач.), справедливый (устар.) *П. суд. П. судья*» [Толковый словарь... 2011: 714]. *Правда* же в словаре Ю.С. Степанова (с опорой на словарь В.И. Даля) связывается с понятиями *истины* и *справедливости*, которые органично соединяются в понятии «правда» (православный императив – «жить по Божьей правде») [Степанов 1997: 318–320]. Именно такое значение имеет слово «правда» в вышеприведенной заповеди блаженства.

В сводном тексте четырех Евангелий Библии, изданном обществами «Библия для всех» и «Лайф Паблишер» в сотрудничестве с христианскими церквями в СССР, текст молитвы «Отче наш» передается на современном русском языке так:

Наш небесный Отец, пусть же прославится имя Твое! / Пусть наступит царство Твое и свершится воля Твоя / как на небе, так и на земле. / Дай нам сегодня хлеб на пропитание. / Прости нам долги

наши, как и мы прощаем должникам нашим. / Удержи нас от искушений, и избавь нас от зла. / Тебе принадлежит царство, сила и слава навеки. Аминь.

Ср. этот текст с русифицированным изложением того же церковнославянского текста в Евангелии, изданном по благословению Святейшего Правительствующего Синода в Санкт-Петербурге в 1912 году [Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангелие... 1912: 22] и тождественным ему текстом Евангелия издания 1991 года [Библия 1991: 309]:

9. Отче нашъ, суцїй на небесахъ! да святится имя Твое; / 10. да придетъ царствіе Твое; да будетъ воля Твоя и на земле, какъ на небе; / 11. хлѣбъ нашъ насущный дай намъ на сей день; / 12. и прости намъ долги наши, какъ и мы прощаемъ должникамъ нашимъ; / 13. и не введи насъ в искушеніе, но избавь насъ от лукавого; ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь.

Стилистически эти тексты существенно отличаются. Сопоставим попарно соответствующие слова и обороты: *пусть прославится – да святится; пусть наступит и свершится – да придет, да будет; хлеб на пропитание – хлеб наш насущный; сегодня – на сей день; удержи нас от искушений – не введи нас в искушение; избавь нас от зла – избавь нас от лукавого; Тебе принадлежит царство – ибо Твое есть Царство*. Нетрудно заметить, что некоторая архаизация, достигаемая во втором тексте за счет сохранения церковнославянских слов и оборотов, вместе с инверсией (ср.: *наш небесный Отец и Отче наш, суцїй на небесах; дай нам сегодня хлеб и хлеб наш насущный дай*) способствуют высоте стиля, молитвенному пафосу, чего нет в первом тексте. Причем второй текст не менее понятен, чем первый, но в первом тексте утрачен фразеологизм «от лукавого», широко используемый в современном русском литературном языке. Стилистическое и семантическое различие этих текстов хорошо прослеживается в сопоставлении выражений и оборотов: «пусть же прославится имя Твое» (в первом тексте) и «да святится имя Твое» (во втором). Профессор А.Ч. Козаржевский по этому поводу замечает: «Помилуйте, “Да святится” – это одно, “Да прославится” – совсем другое. “Святится” – это проявление нашей любви. Вообще, “Отче наш” – это средоточие всех добродетелей. “Иже еси на небесах” – вера, “Да святится имя Твое” – любовь, “Да придет царствие Твое” – надежда, “Да будет воля твоя” – премудрость, “Хлеб наш насущный даждь нам днесь” – воздержание, “Не введи нас во искушение” – твердость» [Козаржевский 1999: 235–236].

Обратим внимание на то, что профессор А.Ч. Козаржевский цитирует Евангелие на церковнославянском языке, и текст этот, данный в русской транскрипции, в целом совершенно понятен русскому человеку.

Высокая эстетика церковнославянского языка прослеживается в сопоставлении молитвы Ефрема Сирина и поэтической парафразы этой молитвы у А.С. Пушкина:

Молитва Ефрема Сирина:

Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначала и празднословия не даждь ми. Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми, рабу Твоему. Ей, Господи, Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков. Аминь. [Молитвослов 2009: 287–288]

А.С. Пушкин. «Отцы пустынноики...»:

<...>

*Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначала, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.*

Конечно, сопоставляя эти тексты с точки зрения эстетического воздействия, мы вступаем в область субъективных оценок. Поэтому предлагаю читателям самим решить вопрос об их эстетической конгениальности.

Важным аргументом представляется также замечание В.А. Гречко: «Церковная служба на Руси осуществляется со времени принятия христианства в единстве со многими другими составляющими Православного богослужения, а именно: церковной архитектурой, храмовой живописью по мотивам Священного Писания, иконописью, духовной музыкой и песнопениями, приличествующим отправлению служб одеянием и поведением священнослужителей и верующих в церкви, особыми интонациями в произнесении богослужебных текстов и др. В общем ритуале Православного Богослужения Слово занимает центральное место. Вырвать из этого единства, существующего тысячелетие, традиционный язык Богослужения – значит лишить это единство его ядра» [Гречко 2000: 153]. Добавлю: и разрушить эстетическую цельность и гармонию всех

этих составляющих православного Богослужения. А ведь красота ритуала обладает большой силой эмоционального воздействия.

Текст молитвы Ефрема Сирина, как и текст молитвы «Отче наш», может служить доказательством того, что для овладения лексическими и грамматическими особенностями церковнославянского языка нужно очень немного усилий, и, таким образом, у сторонников перевода богослужебных текстов на современный русский язык основной аргумент оказывается несостоятельным.

Аргументы в пользу сохранения церковнославянского языка как богослужебного содержатся в материалах дискуссии по рассматриваемой проблеме (см., например: URL: <http://www.hram-ks.ru/ts-slav9.shtml> (дата обращения: 13.05.2016); URL: <http://www.hram-ks.ru/Karelin1.shtml> (дата обращения: 13.05.2016); URL: http://www.hram-ks.ru/Alex_pust.shtml (дата обращения: 13.05.2016); URL: <http://www.hram-ks.ru/ts-slav8.shtml> (дата обращения: 13.05.2016); URL: <http://www.hram-ks.ru/ts-slav7.shtml> (дата обращения: 13.05.2016); URL: <http://www.hram-ks.ru/ts-slav6.shtml> (дата обращения: 13.05.2016) и др. статьи на сайтах Православие.ру (<http://www.pravoslavie.ru>) и Богослов.ру (<http://www.bogoslov.ru>)).

В связи со сказанным отдельного рассмотрения заслуживает возможность реанимации в качестве функционирующих единиц слов и фразеологизмов церковнославянского языка, особенно в сфере этических понятий.

Значительные возможности для заполнения лексических лакун, в том числе и прежде всего этического порядка, может предоставить церковнославянская лексика. Приведу несколько примеров из «Полного церковнославянского словаря» Григория Дьяченко [Полный церковнославянский словарь 1993]: «*благолюбивый* – любящий добро»; «*грехолюбивый* – поползновенный ко грехам»; «*грехоочистительный* – очищающий от грехов»; «*душегубительный* – погубляющий душу»; «*душепитательный* – питающий душу»; «*душе-растлитель* – растлевающий душу, соблазнитель»; «*лжебрат* – тот, который по наружности кажется друг, а внутри ненавистник»; «*тайновидец* – открывающий тайны»; «*терпеливомудрый* – сопровождаемый мудрым терпением»; «*здравonosный* – подающий, восстанавливающий здоровье»; «*злотворный* – наносящий зло, причиняющий неприятности» и др.

Церковнославянским словам, выражающим нужные понятия, в словарях современного русского языка часто либо нет заменителей, либо есть близкие по значению слова (в том числе синонимы),

от которых церковнославянские слова отличаются каким-либо оттенком значения или стилистической коннотацией. Например: «*христоподобный* – подобный жизнью или подвигами Иисусу Христу», «*цветный* – имеющий яркий цвет», «*саморучно* – собственной рукой» (руками), «*равноименованный* – нарицающийся одним именем с другим»; «*достоподражаемый* – достойный подражания»; «*самочинник* – тот, который поступает по своеволю» (при наличии в словарях современного русского языка слов «самочинный», «самочинность», «самочинствовать», «самочинство»); «*прекословный* – любящий возражать» (при наличии в словарях глагола «прекословить»); «*женонравный* – имеющий женский нрав» (не равноценно слову «женоподобный», которое характеризует не нрав, а внешность); «*ратоборец* – ратник, подвижник» (по сравнению со словом «ратник» ратоборец – слово высокого стиля с семантическим оттенком героизма); «*хитрословесный* – искусно говорящий, красноречивый» (для современного языкового сознания будет иметь семантический оттенок лукавства); «*запинательный* – служащий препятствием, помехой» (по сравнению с такими словами, как «мешающий», «препятствующий», обладает качеством образности, изобразительности); «*чревобесие* – объядение, обжорство», как и «*ядоглаголивый* – злоречивый» (см. [Полный церковнославянский словарь 1993]) пополняют соответствующие градационно-синонимические ряды компонентами, обладающими большей интенсивностью отрицательной оценки. Достаточно очевидно, что приведенные слова (или хотя бы некоторые из них) способны обогатить семантически и/или стилистически лексику современного русского языка.

Тезис о языковой реанимации утраченных слов и фразеологизмов, сохраняющих актуальность для нашего времени, находит косвенную поддержку, опосредованную философски-религиозной идеей *труда воскрешения*, в философии Н.Ф. Федорова, который христианство понимает «как религию дела, призывающую не только к духовной, нравственной, социальной, но и к **онтологической активности** [выделено мной. – А.С.]. Научное знание и преобразовательное действие включаются в “работу спасения”, служа преодолению смерти...» [Новицкая 2015]. Н.Ф. Федоров, понимая воскрешение как «обращение прошедшего в настоящее, в действительное», писал: «*Задача сынов человеческих – восстановление жизни, а не одно устранение смерти*» (курсив Федорова. – А.С.) [Федоров 1994: 272]. Оправку нашим рассуждениям находим также у немецкого философа О. Розенштока-Хюсси: «Названные некогда имена – это та

часть нашего будущего, на которую указали наши предшественники. Наше прошлое является наполовину прахом, а наполовину оно – уже созданная часть нашего будущего» [Розеншток-Хюсси 1997: 17].

На мой взгляд, реанимация актуальной части церковнославянского языкового наследия вполне осуществима. Полагаю, что восстановление древнееврейского классического языка – иврита и почти исчезнувшего чешского литературного языка является тем вдохновляющим примером, который говорит в пользу идеи восстановления в русском литературном языке и речевой практике ценных элементов церковнославянского литературного наследия. Словом, было бы желание и воля и, конечно, соответствующая языковая политика государства, прежде всего – в области образования.

Итак, все вышесказанное наводит на мысль о том, что важной, хотя и не единственной, причиной лексико-фразеологического оскудения речи молодого поколения нашей страны является неудовлетворительный уровень преподавания русского языка и литературы в средней и высшей школе (как в количественном, так и в качественном смысле), падение читательской культуры и многолетнее, длящееся на протяжении жизни нескольких поколений, исключение из учебного процесса великой книги человечества – Библии, и прежде всего Евангелия. Это приводит к тому, что в языковом сознании людей отсутствует большой пласт языковых единиц русского языка, не восполняемый и в семейном речевом общении. Причем из языкового сознания уходят прежде всего слова редко употребляемые и слова стилистически маркированные, главным образом книжные. Создавшаяся лексико-фразеологическая лакуна в языковом сознании молодежи отчасти объясняет, почему это поколение не читает классическую литературу: язык этой литературы стал для него чужим и малопонятным.

Поэтому не только многие священнослужители, но и люди светские, в том числе ученые, учителя и журналисты, считают необходимым преподавание в школе курса «Основы православной культуры» с соответствующим языковым сопровождением. Так, академик Д.С. Лихачев полагает, что церковнославянский язык «имеет значение не только для понимания духовной русской культуры, но и большое образовательное и воспитательное значение. Отказ от употребления его в церкви, изучения в школе приведет к дальнейшему падению культуры в России» [Лихачев 1997]. Е.А. Ямпольская, главный редактор газеты «Культура», заявляет: **«Что касается преподавания “Основ православия” в школе, на мой взгляд, это вопрос**

национальной безопасности. Не менее [выделено мной. – А.С.]. Так что я буду всячески поддерживать введение таких уроков в школах» (Литературная газета. 2013. № 40). А учитель русского языка и литературы Инна Кабыш в статье «Слов связующая нить» замечает, что есть школы, «где дети не знают значения слова “Пасха”. Если ребенок (а таких, поверьте, очень много), – пишет она, – ничего не знает о молитвах, заповедях, церковных таинствах, он не поймет, почему Маша не уехала с Дубровским, а Татьяна – с Онегиным, почему Раскольникова Сонечка выводит из тьмы, а Мастер и Маргарита не удаиваются “света”. <...> Вы скажете, что незнание каких-то “православных слов” не такая уж катастрофа. А я вам отвечу: *само по себе* [курсив И. Кабыш. – А.С.], может, действительно не так уж страшно, что никто из учеников 8 класса не знал значение слова “усупение”. Страшно то, что они не смогли (по моей просьбе) подобрать к нему однокоренные слова: “спи”, “спать”. А стоит ли – в который раз! – повторять, что это значит, когда человек не может найти корень. Очевидно то, что он его, скорее всего, потерял» (Литературная газета. 2014. № 8).

Процесс вымывания из языкового сознания значительной части нации нужных для когниции, одухотворенной жизни и полноценного общения слов, оборотов и соответствующих смыслов – это проблема не только культурно-речевая, но и лингвоэкологическая, так как мы имеем дело не только с ущербностью речевой культуры, но и с травмой языка, поскольку происходит омертвление его существенной части и, как следствие, увеличивается разрыв между носителями разных типов речевой культуры и культурой разных поколений в целом. По сути дела, об этом писал русский философ Н.С. Трубецкой: «Всякое молодое поколение должно усваивать, путём подражания старшим, культуру, в которой выросло предшествующее поколение и которую это поколение, в свою очередь, получило от своих предшественников. Для каждого поколения полученная таким путём традиции культура является исходной точкой дальнейших открытий, и это обстоятельство является одним из непременных условий непрерывности и органичности развития культуры» [Трубецкой 2003: 706–707].

Помните об этом тем более важно, что идея радикального обновления языка богослужения – как небезосновательно пишет В.А. Гречко – подхвачена «определёнными силами, <...> прививающими России вирус западного реформаторства и обладающими большими возможностями информационного, психологического

воздействия на массы. Под видом реформы, обновления Православия делаются попытки его разрушения изнутри, и свое разрушение обновленцы начинают с краеугольного камня, на котором зиждется Православие, – с языка Богослужения. <...> Недруги Православия знают, что Православная вера вошла в религиозное сознание русских с помощью церковнославянского языка; она же может и разрушиться с разрушением этого языка» [Гречко 2000: 150].

Дело русистов, исповедающих идеи лингвоэкологии, сделать все возможное, чтобы не допустить разрушения нашей многовековой культуры и языковой деградации Русского мира.

Некоторые выводы

1. Значимость церковнославянского языка для русской культуры чрезвычайно велика. Кроме обеспечения богослужения на высокой духовной, сакральной высоте, он является источником обогащения лексики и фразеологии современного русского литературного языка; связующим звеном поколений, принадлежащих разным историческим эпохам; хранителем русских православных традиций.

2. Непонятность церковнославянского языка, по большей части мнимая, легко преодолевается путем освоения 100–150 действительно непонятных для нашего современника слов и нескольких грамматических особенностей, не свойственных современному русскому языку. Если в школе в том или ином виде будет осуществляться знакомство с основами церковнославянского языка, проблема непонятности отпадет сама собой, а культура речи учащихся значительно повысится.

3. В пользу сохранения церковнославянского языка в дискурсе современной русской культуры говорят также такие аргументы, как его несомненные эстетические качества; высота этического содержания церковнославянских текстов (прежде всего – Евангелия), многие фрагменты которых получили статус интертекстуальности. Необходимо понимание того, что устранение церковнославянского языка из религиозной и светской речевой практики; изъятие из языкового сознания библейских паремиологических единиц, прецедентных высказываний, образов и сюжетов неизбежно ведет к неполноценности восприятия русской и европейской литературной классики, к утрате интереса к ней. Это прямой путь к бескультурью и национальной беспочвенности. А следовательно, рассматриваемая нами проблема – в конечном счете проблема национальной безопасности.

4. Важной является задача создания технологий реабилитации и реанимации тех единиц церковнославянского языка, которые

представляют семиотическую и этическую ценность для современного русского литературного языка и органически могут «вписаться» в его стилистическую систему.

5. В аспекте экологии русского языка и противостояния ИПВ более чем назрел вопрос о включении церковнославянского языка и избранных библейских текстов в систему школьного обучения русскому языку и литературе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лингвистика информационно-психологической войны, обоснование которой было представлено на страницах этой книги, является областью междисциплинарного исследования. И один из выводов заключается в том, что лингвист, который встает на путь ее изучения, должен обладать познаниями в философии, психологии, истории и других гуманитарных дисциплинах.

Исследование информационно-психологической войны показывает сложность и многоаспектность этого явления. Для его более или менее полного изучения требуется не только внимание к собственно языковым средствам, представленным в текстах, служащих информационно-психологическим оружием, но и обращение к широкому историческому и социальному контексту (истории и традициям страны, психологии народа, текущей политической ситуации, дискурсам отдельных авторов, изданий, политических партий, движений и т.д.).

Опыт написания данной монографии позволяет наметить перспективы дальнейшего лингвистического исследования информационно-психологических войн, связанные с выявлением и описанием языковых сфер (стилей и жанров), информационно-психологических операций, атак и их мишеней, стратегий, тактик и специализированных языковых/речевых средств ведения войны. Исследование показывает, что в информационно-психологической войне задействованы многие сферы функционирования языка, изучение каждой из которых может составить предмет отдельного научного описания, как и прослеживание определенных тенденций в выборе мишеней, стратегий и тактик информационно-психологического воздействия и соответствующих средств языка и речи. Чрезвычайно важным считаем дальнейшее уточнение и классификацию критериев обнаружения признаков информационно-психологической войны, отграничения текстов акторов войны от речевых материалов, содержащих конструктивную критику. Требуют осмысления и разработки вопросы

методологии лингвистики информационно-психологической войны, в том числе в аспекте взаимодействующих с ней дисциплин.

Становится очевидным, что для того, чтобы лингвистика информационно-психологической войны оформилась как самостоятельная научная дисциплина, необходима разработка системы ее терминопонятий и их лексикографическая представленность.

Весьма актуальным является объединение специалистов различных дисциплин в единый исследовательский коллектив для более глубокого и всестороннего изучения информационно-психологических войн. Это даст возможность создания более совершенных технологий противодействия информационно-психологической агрессии против России, улучшения подготовки специалистов в области теории речевой манипуляции и контрпропаганды, информационной безопасности личности и общества. Такая подготовка желательна как в гражданских, так и в военных высших учебных заведениях. Необходимо продумать различные пути и способы контрманипулятивного просвещения, чтобы выработать у населения иммунитет к манипулятивным технологиям акторов антироссийской информационной войны.

Закончим словами одного из выдающихся русских философов: «В Евангелии сказано, что нужно больше бояться убивающих душу, чем убивающих тело. Физическая смерть не менее страшна, чем смерть духовная <...> А способы духовного насилия очень тонки и с трудом уловимы. Иные душевные движения и токи, иные слова, иные чувства и действия, не имеющие признаков физического насилия, более убийственны и смертоносны, чем грубое физическое насилие и разрушение» [Бердяев 1990: 154]. Именно лингвисты призваны уловить, объяснить и предъявить широкой общественности различные способы духовного насилия, применяемые в информационно-психологической войне.

БИБЛИОГРАФИЯ

Авцинова Г.И. Тенденции информационной войны против России // Обозреватель 2011. № 7. С. 37–49. URL: http://observer.materik.ru/observer/N7_2011/037_049.pdf (дата обращения: 21.01.2017).

Азылбекова Г.О. Речевая стратегия убеждения: утилитарный аспект // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 1. С. 133–136.

Амиров В.М. Антигерой: некоторые особенности конструирования отрицательных образов в журналистике военных конфликтов // Политическая лингвистика. 2015. № 2 (52). С. 63–66.

Андреева В.Ю. Стратегии и тактики коммуникативного саботажа: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Курск, 2009. 23 с.

Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. 320 с.

Аристова Н.С. Коммуникативные стратегии высокой тональности общения (на материале английской художественной литературы XIX–XX веков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2007. 14 с.

Арнольд И.В. Проблемы диалогизма, интертекстуальности и герменевтики // Семантика, стилистика, интертекстуальность. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 380–442.

Архимандрит Рафаил (Карелин). О мистической красоте церковного языка. URL: <http://www.hram-ks.ru/Karelin1.shtml> (дата обращения: 21.12.2016).

Архимандрит Рафаил (Карелин). Ответ на вопрос о церковнославянском языке и миссионерстве. URL: <http://www.hram-ks.ru/ts-slav9.shtml> (дата обращения: 21.12.2016).

Афанасьева Н. О Проекте документа «Церковнославянский язык в жизни Русской Православной Церкви XXI века». URL: www.hram-ks.ru/ts-slav5.shtml (дата обращения: 21.12.2016)

Багичева Н.В. Образ Родины-матери в русском национальном менталитете // Лингвокультурология. 2008. № 3. С. 33–38. URL:

<http://cyberleninka.ru/article/n/obraz-rodiny-materi-v-russkom-natsionalnom-mentalitate> (дата обращения: 10.03.2016).

Балашов Н. Развитие литургической культуры: богословские и пастырские аспекты. Доклад на конференции «Православное богословие на пороге третьего тысячелетия» (Москва, февраль 2000 г.). URL: www.odinblago.ru/liturgika/razvitie_liturgich_Kultur/ (дата обращения: 21.12.2016).

Балашова Ю.Б. Ценностные ориентации в эпоху перемен (публицистика перестройки) // Русская публицистика в духовно-нравственной жизни общества: идеалы и ценности. СПб: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2014. С. 182–196.

Балуев Д.Г. Новые информационные технологии и современные международные отношения. Н. Новгород: ННГУ, 1998. 47 с.

Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. М.: Помовский и партнеры, 1994. 330 с.

Басинский П. Инцидент и прецедент // Литературная газета. 2–6 апреля 2005 г.

Бедрицкий А.В. Реализация концепции информационной войны военно-политическим руководством США на современном этапе: автореф. дисс. ... канд. политических наук. М., 2007. 24 с.

Беляев Д. Разруха в головах. Информационная война против России. СПб.: Питер, 2014. 256 с.

Белянин В.П. Психоллингвистика: учебник. М.: Флинта: МПСИ, 2009. 416 с.

Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М.: Изд-во «Мысль», 1990. 206 с.

Берков В.Ф. и др. Логика: учебник для вузов / В.Ф. Берков, Я.С. Яскевич, В.И. Павлюкевич; под общ. ред. проф. В.Ф. Беркова. Мн.: ТетраСистемс, 2000. 416 с.

Бернацкая А.А. «ЖД» Д.Л. Быкова: информационно-психологическая война «против» или «за» Россию? // Экология языка и коммуникативная практика. 2016а. № 1. С. 212–238. URL: http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2016/05/Bernatskaya-A.A._1.pdf (дата обращения: 28.04.2017).

Бернацкая А.А. Художественный текст как пространство информационно-психологической войны (на материале романа/повести А.А. Зиновьева «Катастрожка») // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. №2. С. 197–253 (дата обращения: 13.03.16).

Бернацкая А.А. Симптомы информационно-психологической войны, или чем пахнет покинутая родина (на материале романа

М.П. Шишкина «Венерин волос») // Экология языка и коммуникативная практика. 2016б. № 1. С. 239–258. URL: http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2016/05/Bernatskaya-A.A._2.pdf (дата обращения: 13.03.16).

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Том 2. Л.: Библейские комиссии «Духовное просвещение», 1991. 621 с.

Биллингтон Дж.Х. Работы по истории и культуре России. Т. 2. Россия в поисках себя. Статьи и выступления. М.: ВГБИЛ, 2011. 288 с.

Битов А. Битва. Первая публикация отдельной книгой. М.: Arsis Books, 2009. 120 с.

Блум У. Смертоносный экспорт Америки – демократия. М.: Кучково поле, 2014. 272 с.

Богослужебный язык русской церкви. История. Попытки реформации / ред.-сост. Н. Каверин. М.: Издание Сретенского монастыря, 1999. 411 с.

Большая актуальная политическая энциклопедия / под общ. ред. А. Белякова и О. Матвейчева. М.: Эксмо, 2009. 412 с.

Бондаренко В. Задело! // Завтра. 2015. № 29.

Борисов А. Побелевшие нивы. Размышления о Русской Церкви. М., 1994. URL: www.odinblago.ru/tysskaya_cerkov/pobel_nivu (дата обращения: 21.12.2016).

Бочарова Э.А. Политический дискурс как средство манипуляции сознанием: дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2013. 232 с.

Бражников И.Л. Православная геополитика на постсоветском пространстве // Информационные войны. 2008. № 4 (8). С. 47–55.

Бринев К.И. Судебная лингвистическая экспертиза. Методология и методика. М.: Флинта: Наука, 2014. 304 с.

Брудный А.А. Психологическая герменевтика: учеб. пособие. М.: Изд-во «Лабиринт», 1998. 336 с.

Брусницын Н.А. Информационная война и безопасность. М.: Вита-Пресс, 2001. 280 с.

Бубличенко М.М. Гипнотические приемы в общении. Ростов н/Д.: Феникс, 2005. 112 с.

Будаев Э.В. Постсоветская действительность в метафорах российской и британской прессы. Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия (НТГСПА), 2007. 149 с.

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации. М.: Наука, Флинта, 2008. 248 с.

Булгаков С.Н. Россия, эмиграция, православие // Вестник РСХД. 1975. № 3–4. С. 155–165.

Бухарин С.Н., Цыганов В.В. Методы и технологии информационных войн. М.: Академический Проект, 2007. 382 с.

Быков Д. Хроники ближайшей войны: избранные статьи 1992–2005. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2005. 511 с.

Бэрн Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб.: Питер, 1997. 336 с.

Василенко И.А. Политическая философия: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2010. 320 с.

Васильев А.Д. Заграничные истины: свободный мир vs тюрьма народов // Политическая лингвистика. 2013а. № 3 (45). С. 12–21.

Васильев А.Д. Игры в слова: манипулятивные операции в текстах СМИ. СПб.: Златоуст, 2013б. 660 с.

Васильев А.Д., Подсохин Ф.Е. Информационная война: лингвистический аспект // Политическая лингвистика. 2016. № 2. С. 10–16.

Васильева А. Существуют ли русские как нация? // Новые ведомости. 06.11.2013. URL: <http://nvdaily.ru/info/12722.html> (дата обращения: 08.05.2016).

Верещагин Е.М. Библистика для всех. М.: Наука, 2000. 281 с.

Ветловская В.Е. О церковнославянском языке // Русская народная линия. 18 сентября 2009 г. URL: www.pravoslavie.ru/37772.html (дата обращения: 21.12.2016).

Власенко Е. Михаил Эпштейн: Русский язык – истерический, параноидальный. И он выражает состояние общества. URL: <https://republic.com.ua/article/15188-old.html> (дата обращения: 13.05.2016).

Волковский Н.Л. Журналистика в информационных войнах: исторические истоки и современные тенденции: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10. СПб., 2003. 641 с.

Волкогонов Д.А. Психологическая война: подрывные действия империализма в области общественного сознания. М.: Воениздат, 1983. 288 с.

Воронцова Л.В., Фролов Д.Б. История и современность информационного противоборства. М.: Горячая линия Телеком, 2006. 192 с.

Вышеславцев Б. Русский национальный характер // Русский мир: сборник. М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Изд-во Terra Fantastica, 2003. С. 621–640.

Гаджиев К.С. Введение в политическую философию: учебное пособие. М.: Логос, 2004. 336 с.

Геллнер Э. Нации и национализм / пер. с англ. М.: Прогресс, 1991. 320 с.

Глобалистика: энциклопедия / ред.-сост. Мазур И.И., Чумаков А.Н. М.: ОАО Изд-во «Радуга», 2003. 1328 с.

Гобозов И.А. Государство и национальная идентичность: глобализация или интернационализация? М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 200 с.

Гойхман О.Я., Надеина Т.М. Речевая коммуникация: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2011. 272 с.

Головин Н.Н. Наука о войне // Философия войны / под общ. ред. А.Б. Григорьева; сост. Домнин И.В. М.: Анкил-воин, 1995. С. 131–141. URL: http://militera.lib.ru/science/0/pdf/sb_philosophy-of-war.pdf (дата обращения: 10.03.2016).

Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б. Речевая культура // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. С. 413–415.

Горбаневский М.В. Предисловие. Будь осторожен, выбирая слово! // Цена слова: из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации / под ред. проф. М.В. Горбаневского. М.: Галерея, 2001. С. 5–10.

Горбачевич К.С., Хабло Е.П. Словарь эпитетов русского литературного языка. Л.: Наука, 1979. 567 с.

Гордеев А. По рецептам «управляемого хаоса» // Завтра. 2014. № 3.

Горский Д.П. и др. Краткий словарь по логике / Д.П. Горский, А.А. Ивин, А.Л. Никифоров; под ред. Д.П. Горского. М.: Просвещение, 1991. 208 с.

Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна на славянском и русском языках. Изд. 69-е. СПб.: Синодальная типография, 1912. 464 с.

Гречко В.А. В защиту языка богослужения (мнение филолога) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2000. № 1. С. 148–162.

Губарев А. Б. Информационные войны как объект политологического исследования: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Уссурийск, 2005. 170 с.

Гулакова И.И. Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации: дисс. ... канд. филол. наук. Орел, 2014. 132 с.

Гулевская Н. Путин разрывает пути. URL: <http://echo.msk.ru/blog/pravovojobereg/1651130-echo/> (дата обращения: 31.12.2015).

Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: пер. с нем. / общ. ред. Г.В. Рамишвили; послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2001. 400 с.

Гумилёв Л.Н. Открытие Хазарии. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. 329 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Изд. 2-е. М., 1984.

Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь: в 2 т. Т. II. М-Я. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. 1905 с.

Дегтярёва А.Р., Осадчий М.А. Легевфемизм как тактика ухода от правовых рисков в новостных интернет-изданиях // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4 (52). Т. 3. С. 159–162.

Дементьева К.В. Информационная война и социальная ответственность журналистов // Журналистский ежегодник. 2014. № 3. С. 14–16. URL: <http://elibrary.ru/download/25556313.pdf>.

Денисюк Е.В. Манипулятивное речевое воздействие: коммуникативно-прагматический аспект: автореф. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 23 с.

Дзялошинский И.М., Дзялошинская М.И. Российские СМИ: как создается образ врага: статьи разных лет. М.: Московское бюро по правам человека, «Academia», 2007. 168 с.

Диалог культур в условиях глобализации: XI международные Лихачёвские научные чтения 11–13 мая 2011 г. Т. I. Доклады. СПб.: СПбГУП, 2011. 592 с.

Диалог культур: социальные, политические и ценностные аспекты // Материалы Московского форума, посвящённого памяти Гейдара Алиева. М.: «Канон» РООИ «Реабилитация», 2015. 616 с.

Диалог культур: ценности, смыслы, коммуникация: XIII Международные Лихачёвские научные чтения 16–17 мая 2013 г. – СПб., 2013. 712 с.

Директива Совета Национальной Безопасности США 20/1 от 18 августа 1948 года // Thomas H. Etzold and John Lewis Gaddis, eds., Containment: Documentson American Policy and Strategy, 1945–1950 NSC 20/1. С. 173–203.

Доронина С.В. Коммуникативы как средство выражения эпистемического смысла высказывания // Вестник Омского университета. 2013. № 1 (67). С. 76–81.

Доронина С.В. Способы выражения эпистемического значения достоверности и его оттенков // Сибирский филологический журнал. 2011. № 3. С. 172–178.

Доронина С.В. Факты и мнения: речевые средства выражения персуазивного модуса в публицистическом дискурсе с точки зрения лингвистической экспертизы // Журналистика и культура русской речи. 2012. № 3. С. 62–82.

Достоевский Ф.М. Идиот. Часть четвертая. URL: <http://ilibrary.ru/text/94/p.45/index.html>

Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 14. Дневник писателя. 1877, 1880, август 1881 г. URL: http://rvb.ru/dostoevski/01text/vol1401journal_77/316.htm.

Дубровина К.М. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. М.: Флинта: Наука, 2010. 808 с.

Дугин А.Г. Философия политики. М.: Арктогея, 2004а. 424 с.

Дугин А.Г. Война континентов (современный мир в геополитической системе координат). М.: Академический проект, 2014. 288 с.

Дугин А.Г. Философия войны. М.: Яуза, Эксмо, 2004б. 256 с.

Дунаев М.М. Православие и русская литература: учебное пособие для студентов духовных академий и семинарий. В 5 ч. Ч. 1., Ч. 2. М.: Христианская литература, 1996. 320 с. и 480 с.

Дьякон Андрей Кураев. Почему православные такие? М.: Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2006. 528 с.

Евсеева И.В. Русские слова XXI века и словотворчество: модели и способы словообразования // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сборник научных статей. 2010. Т. 1. № 1. С. 29–37.

Евсеева И.В. Словотворчество как средство развития потенциала личности // В мире научных открытий. 2012. № 11.5 (35). С. 52–69. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=18278294> (дата обращения: 13.05.2016).

Елистратов В.С. Толковый словарь русского сленга. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. 272 с.

Ермакова Е. С. Информационная война как атрибут информационного общества: активизация медиафункции насилия над сознанием // Современная наука. Актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2012. № 2. URL: <http://www.vipstd.ru/nauteh/index.php/--gn12-02/403-a> (дата обращения: 19.09.2015).

Ермолаева Е.Н., Геворгян М.В. Особенности реализации медиатопика «Война» в современном новостном дискурсе (на материале англоязычных СМИ) // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40). С. 71–74.

Ефремов В.В. и др. Информационно-психологическое противоборство: сущность, содержание, методы: учеб. пособие / Ефре-

мов В.В., Караяни А.Г., Размазнин А.Н., Цельковский В.А.; под ред. проф. А.М. Кондакова. М., 2000.

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толковый словообразовательный. М.: Рус. яз., 2000. Т. 1-2.

Жданова Е.В. Личность и коммуникация: практикум по речевому взаимодействию. М.: Флинта: Наука, 2010. 176 с.

Жириновский В. Сектомафия // Литературная Россия. 1996. № 50.

Жуков А. Диакон Андрей Кураев: «Оккультизм – это главная опасность» // Вечерний Красноярск. 8 августа 1995 г.

Зелинский С.А. Анализ массовых манипуляций в России. СПб.: Издательско-торговый дом «СКИФИЯ», 2008а. 280 с.

Зелинский С.А. Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание. Средства массовой коммуникации, информации и пропаганды – как проводник манипулятивных методик воздействия на подсознание и моделирования поступков индивида и масс. СПб.: Издательско-торговый дом «СКИФИЯ», 2008б. URL: http://www.mediagram.ru/netcat_files/108/110/h_leaef80e566efbfa041bafd712f9b13c

Земская Е.А. и др. Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова. М.: Наука, 1983. 237 с.

Зеркалов Д.В. Информационные войны: монография. Киев: «Основа», 2012. URL: <http://zerkalov.org.ua/files/ivm-z.pdf>.

Зигманн Ж.В. Структура современного политического дискурса (речевые жанры и речевые стратегии): дисс. ... канд. филол. наук. М., 2003. 239 с.

Зиновьев А.А. Исповедь отщепенца. М.: Вагриус, 2005. 560 с.

Зиновьев А.А. Русская трагедия. М.: Изд-во Алгоритм, Изд-во Эксмо, 2007. 608 с.

Зиновьев А.А. Фактор понимания. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. 528 с.

Иванов С.А. Информационная война: сущность и основные формы проявления // Известия Алтайского государственного университета. 2013. Вып. 4 (80). Том 2. С. 276–279. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-voyna-suschnost-i-osnovnye-formy-proyavleniya>

Иванов С.А. Особенности ведения информационных войн в российских регионах в 2000-е гг. (на примере регионов юга Западной Сибири): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2015. 30 с.

Изолитов А.С. Уголовно-правовые аспекты обеспечения информационной безопасности Российской Федерации в условиях действия исключительных правовых режимов: дис. ... канд. юридич. наук. М., 2008.

Ильин Е.П. Психология агрессивного поведения. СПб.: Питер, 2014. 368 с.

Ильин Е.П. Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2001. 752 с.

Ильин И.А. Россия в русской поэзии // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 6. Кн. 2. М.: Русская книга, 1996. С. 199–258.

Ильин И.А. Собр. соч. в 10 т. Т. 2. Кн. 1. М.: Русская книга, 1993. 436 с.

Илющенко Р. Время подлинных Героев. 23 мая 2015 г. URL: <http://pravoslav-vojn.info/pravvoiny/4259-vremya-podlinnyx-geroev.html> (дата обращения: 17.02.2017).

Индекс агрессивности // Аргументы и факты. 2014. № 41. URL: <http://www.lgz.ru/article/-41-6483-22-10-2014/indeks-agressivnosti/> (дата обращения: 17.02.2017).

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.

Иссерс О.С. Паша-«Мерседес» или речевая стратегия дискредитации // Вестник ОмУ. 1997. Вып.2. С. 51–54.

Иссерс О.С. Речевое воздействие: учеб. пособие для студентов для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью». Изд. 2-е. М.: Флинта: Наука, 2011. 224 с.

Иссерс О.С. Речевое воздействие: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью». М.: Флинта: Наука, 2009. 224 с.

Иссерс О.С., Рахимбергенова М.Х. Языковые маркеры этнической ксенофобии (на материале российской прессы) // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23). С. 90–96.

Казин А.Л. Династия Романовых и современная Россия // Литературная газета. 2013. № 30.

Калдор М. Новые и старые войны. Организованное насилие в глобальную эпоху / пер. с англ. А. Апполонова, М. Дондуковского; ред. перевода А. Смирнов, В. Софронов. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 416 с.

Калмыков А.А. Информационные войны: современные реалии // Вестник электронных и печатных СМИ. 2015. № 1 (23). С. 63–77. URL: <http://www.ipk.ru/attach.php?id=2377> (дата обращения: 22.01.2017).

Камчатов А. Сакральный славянский язык в Церкви и культуре // Благодатный огонь. 2009. № 19. URL: <http://www.hramks.ru/ts-slav3.shtml> (дата обращения: 21.12.2016).

Карагодин А.А. Проблема разграничения утверждений о фактах и оценочных суждений в юрислингвистике // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 3. С. 272–275. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/problema-razgranicheniya-utverzheniy-o-faktah-i-otse-nochnyh-suzhdeniy-v-yurisingvistike> (дата обращения: 25.07.2016).

Кара-Мурза С. Потерянный разум. М.: ЭКСМО; Алгоритм, 2008. 736 с.

Кара-Мурза С.Г. Власть манипуляции. Изд. 3-е. М.: Академический проект, 2015а. 358 с.

Кара-Мурза С.Г. Кто такие русские. М.: Алгоритм: Эксмо, 2011. 240 с.

Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. Век XXI. М.: Алгоритм, 2015б. 464 с.

Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием-2. М.: Эксмо: Алгоритм, 2009. 528 с.

Кара-Мурза С.Г. Спасти Россию: как нам выйти из кризиса. М.: Алгоритм, 2013. 272 с.

Караяни А.Г., Зинченко Ю.П. Информационно-психологическое противоборство в войне: история, методология, практика: учебник для курсантов и студентов вузов. М.: МГУ, 2007. 172 с.

Караяни А.Г., Сыромятников И.В. Прикладная военная психология. СПб.: Питер, 2006. 480 с.

Катенева И.Г. Механизмы и языковые средства манипуляции в текстах СМИ: дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2010. 250 с.

Кеннет Берк. Риторика гитлеровской «борьбы» // Политическая лингвистика. 2008. № 2 (25). URL: http://journals.uspu.ru/i/inst/ling/ling25/ling_5%2825%292008_berk.pdf (дата обращения: 26.04.2017).

Керсновский А.А. Философия войны. М.: Издательство Московской Патриархии, 2010. 208 с.

Керсновский А.А. Философия войны. Белград: «Царский вестник», 1939. URL: http://www.xliby.ru/istorija/_filosofija_voiny_v_odnomimennom_sbornikel/p2.php#metkadoc2 (дата обращения: 10.03.2016).

Клаузевиц К. О войне. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007. URL: http://hrguru.ucoz.ru/_ld/0/9_2Aw.pdf (дата обращения: 26.04.2017).

Клачков П.В. Гуманитарные технологии как факторы обеспечения целостности современного государства: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Красноярск, 2013. 26 с.

Клушина Н.И. Стилистика публицистического текста. М.: МедиаМир, 2008. 244 с.

Ковалев В.И. и др. Психологический фактор вооруженной борьбы / В.И. Ковалев, Е.С. Ларина, Н.А. Сергеев // Информационные войны. 2014. № 2 (50). С. 33–37.

Ковалева Т.С. Стратегия манипуляции в информационной войне (на материале текстов ИноСМИ, посвященных Южноосетинскому / Грузинскому конфликту 2008 г.) // Политическая лингвистика. 2011. № 3 (37). С. 78–86. URL: http://journals.uspu.ru/i/inst/ling/ling37/ling37_12.pdf

Ковалёва Т.С. Стратегия манипуляции в информационной войне // Политическая лингвистика. 2011. № 3 (37). С. 78–86.

Коган Л. «...Душа моя во мне». Об одном аспекте экологии культуры // Советская культура. 22.11.1986.

Кожин В.В. «Черносотенцы» и революция. М., 1998. URL: <http://kozhinov.voskres.ru/cher-sot/chersot.htm>.

Козаржевский А.Ч. Церковнославянский язык – это чудо... // Богослужебный язык русской церкви. История. Попытки реформации / ред.-сост. Н. Каверин. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 1999. С. 433–437.

Кокошин А.А. Обеспечение реального суверенитета России в современном мире // Вестник РАН. 2014. Т.84. № 12. С. 1090–1097.

Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...». СПб.: «Златоуст», 1999. 368 с.

Колин К. Русский язык и актуальные проблемы национальной безопасности // Вестник Челябинской госакадемии культуры и искусств. 2007. № 2 (12). С. 131–147.

Колин К.К. Духовная культура общества как стратегический фактор обеспечения национальной и международной безопасности // Вестник Челябинской госакадемии культуры и искусств 2010. № 1 (21). С. 27–45.

Колин К.К. Русский язык как объект национальной безопасности // URL: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/36b91bb5eaacbbf1c32575c20046c176> (дата обращения: 22.03.2017).

Колин К.К. Русский язык и национальная безопасность // URL: <http://рустрана.рф/article.php?nid=6783> (дата обращения 21.03.2017).

Комлева Н.А. Войны сверхдержав: от «горячих» к гибридным // Вестник Московского государственного областного университета. 2015. № 1. С. 1–26. URL: <http://elibrary.ru/download/96588418.pdf> (дата обращения: 22.03.2017).

Конвенция об обеспечении международной информационной безопасности (концепция). 22.09.2011. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/191666 (дата обращения: 26.04.2017).

Контроль сознания и методы подавления личности: хрестоматия / сост. К.В. Сельчонок. Мн.: Харвест, М.: ООО «Изд-во АСТ», 2001. 624 с.

Коровин В.М. Третья мировая сетевая война. СПб.: Питер, 2014. 352 с.

Коротун С.Н. Система взглядов на войну в философии А.Е. Снесарева // Гуманитарные проблемы военного дела. 2015. № 3 (4). С. 40–43.

Костин Б. С ученым видом знатока... // Российский писатель. 06.04.2013. URL: <http://www.rospisatel.ru/kostin-epshtein.htm> (дата обращения: 07.05.2016).

Костин В.И, Костина А.В. Национальная безопасность современной России: экономические и социокультурные аспекты. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 344 с.

Кохановский В.П. Философия и методология науки: учебник для высших учеб. заведений. Ростов н/Д.: Феникс, 1999. 576 с.

Коцюбинская Л.В. Понятие «информационная война» в современной лингвистике: новые подходы // Политическая лингвистика. 2015. № 4 (54). С. 93–96. URL: <http://journals.uspu.ru/attachments/article/1032/14.pdf> (дата обращения: 25.07.2016).

Кравченко О.В. Явления языкового абсурда в художественных текстах: дисс. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2010. 180 с.

Крамник В.В. Социально-психологический механизм политической власти. Л.: Изд-вл ЛФЭИ, 1991. 159 с.

Красильникова Н.А. Советский Союз, фашистская Германия или Россия XXI века? (образ России в дискурсе общественности на сайтах СМИ Великобритании) // Политическая лингвистика. 2010. № 3 (33). С. 76–86. URL: http://journals.uspu.ru/i/inst/ling/ling33/ling33_10.pdf (дата обращения: 25.07.2016).

Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. М., 1996. 245 с.

Крашенинникова В.Ю. Россия – Америка: холодная война культур. Как американские ценности преломляют видение России: Европа; Москва; 2007. URL: <http://history.pstu.ru/wp-content/uploads/2014/10/1392650305.pdf> (дата обращения: 29.04.2017).

Кризис литературоцентризма. Утрата идентичности vs новые возможности: монография / отв. ред. Н.В. Ковтун. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. 576 с.

Кронгауз М.А. Самоучитель олбанского. М.: Астрель, 2013 416 с.
Кронгауз М.А. Что рассказывает язык о нашей жизни // Новая газета. 25.12.2011.

Кротов В. «Утку» заказывали? // Литературная газета. 2014. № 40.

Крупник И.И. Послесловие / Геллнер Э. Нации и национализм: пер. с англ. М.: Прогресс, 1991. С. 306–314.

Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Рус. яз., 2000. 865 с.

Крысько В.Г. Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт) / под общ. ред. А.Е. Тараса. Минск: Харвест, 1999. 448 с.

Куликова Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурном общении: монография. М.: Флинта: Наука, 2009. 288 с.

Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение: учебник для вузов. СПб.: Питер, 2001. 544 с.

Кусов Г.В. Анализ и диагностика признаков вербального оскорбления в судебной лингвистической экспертизе (типовая методика): монография. Краснодар: Издательский Дом – Юг, 2011. 156 с.

Кутырева Н. Кругликова Л.Е.: Ни о каком лексическом оскудении русского языка не может быть и речи // Русский на 5. 15.04.2014. URL: <http://russkiy-na-5.ru/articles/853> (дата обращения: 05.05.2016).

Кучеренко К.В. Речевое манипулятивное воздействие в политической коммуникации: дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 179 с.

Кучерская М. Михаил Шишкин: Я уехал в Швейцарию, а окунулся в Россию. Беседа с русским писателем за границей // Российская газета, 19 мая 2004. № 2. С. 8.

Кушнир А.М. Русский язык и безопасность. URL: http://www.psj.ru/saver_national/detail.php?ID=13274 (дата обращения: 12.05.2016).

Кушнир А.М. Русский язык и безопасность. Журнал «Национальная безопасность», 2008. URL: http://www.psj.ru/saver_national/detail.php?ID=13274 (дата обращения: 12.05.2016).

Лайнбарджер П. Психологическая война / пер. с англ. М.: Воениздат, 1962. 352 с.

Ланских А.В. Речевое поведение участников реалити-шоу: коммуникативные стратегии и тактики: дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 183 с.

Ланцов В.М. Русский язык: высшие основы языкознания и способы его разрушения. Пособие по развитию и защите русской государственности. Казань: ООО «Новые знания», 2015. 244 с.

Лаппо М.А. Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы: монография. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. 180 с.

Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки славянских культур, 2009. 516 с.

Лебон Г. Психология толпы // Психология господства и подчинения: хрестоматия / сост. А.Г. Чернявская. Мн.: Харвест, 1998. С. 330–405.

Лебон Гюстав. Психология народов и масс. СПб.: «Макет», 1995. 316 с.

Левин Ю.И. О семиотике искажения истины // Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: «Языки русской культуры», 1998. С. 594–605.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание пятое. М.: Издательство политической литературы, 1970. URL: <http://uaio.ru/vil/42.htm> (дата обращения: 29.04.2017).

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.

Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Война после войны: информационная оккупация продолжается. М.: Изд-во Алгоритм, Изд-во ЭКСМО, 2005. 416 с.

Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Третья мировая (информационно-психологическая) война. М.: Изд-во Эксмо, 2003. 448 с.

Лихачев Д.М. Русский язык в богослужении и в богословской мысли // Русское возрождение. 1997. № 69–70. С. 41–45. URL: <http://otechnik.narod.ru/liturgika35.htm> (дата обращения: 21.12.2016).

Лихачев Д.С., Панченко А.М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л.: Наука, 1976. 204 с.

Лобанова Л.П. Языковая картина мира в информационных войнах. 17.12.2010. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/43814.php> (дата обращения: 19.09.2015).

Лопатин В.Н. Информационная безопасность России: дис. ... докт. юридич. наук. СПб., 2000.

Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 480 с.

Лосев А.Ф. Русская философия // Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. С. 209–236.

Любимова Т.М. Концепт «забвения» в стратегии информационной войны // Информационные войны. 2008. № 1 (5). С. 69–74.

Майерс Д. Социальная психология / пер. с англ. СПб.: Питер Ком, 1998. 688 с.

Малышев Д.А. Коммуникативные стратегии и тактики презентации политика в теленовостях (на примере материалов Первого канала, НТВ и РЕН ТВ): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2016. 25 с.

Малышева Е.Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. № 4. С. 32–40.

Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация. СПб.: Азбука, Азбука Аттикус, 2011. 288 с.

Манойло А.В. Информационно-психологическая война как средство достижения политических целей. URL: <http://ict.informika.ru/ft/002468/manoylo.pdf> (дата обращения: 28.04.2017).

Манойло А.В. и др. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологических конфликтов высокой интенсивности и социальной опасности: учебное пособие / А.В. Манойло, А.И. Петренко, Д.В. Фролов. М.: МИФИ, 2004. 392 с. URL: <http://uchebniki-besplatno.com/politologii-uchebniki/gosudarstvennaya-informatsionnaya-politika.html> (дата обращения: 06.11.2015).

Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-н/Д.: Феникс, 2010. 562 с.

Матвиенко Ю.А. Информационно-психологическая война как одна из форм разрешения социально-политических противоречий в современном обществе // Информационные войны. 2008. № 4 (8). С. 2–8.

Мединский В.Р. Мифы о происхождении русского народа и русского государства // Российская государственность и современность: проблемы идентичности и исторической преемственности: сб. докладов. М.: РИСИ, 2012. С. 101–114.

Мединский В.Р. О русской демократии, грязи и «тюрьме народов». М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2013. 624 с.

Мельников А. Одно государство, один лидер, одна авиакомпания. – Режим доступа: http://echo.msk.ru/blog/alex_melnicov/ (дата обращения: 11.11.2015).

Миронова Т. Русский язык и национальная безопасность // Молодая гвардия. 2003. № 5–6. С. 3–9.

Миронова Т.Л. Кто управляет Россией? М.: Алгоритм, 2010. 400 с.
Митрополит Волоколамский Иларион. Жизнь как служение. 19.11.2016. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4685455.html>

Михаил Шишкин // Одиннадцать бесед о современной русской прозе / Интервью Кристины Роткирх. Под ред. Анны Юнгрен

и Кристины Роткирх. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 129–147.

Михальченко В.Ю. Современная социальная лингвистика: проблемы и их решения // Вопросы филологии. № 1 (49) 2015. С. 45–50.

Михальченко И.А. Информационные войны и конфликты идеологий в условиях геополитических изменений конца XX века: дисс. ... канд. полит. наук. СПб., 1998.

Мишланов В.А. О месте церковнославянского языка в русском лингвокультурном пространстве // Филологические заметки. 2014. Вып. 2014. Ч. 1. С. 1–15.

Молитвослов. СПб.: Библиополис, 2009. 320 с.

Морев Г. «Язык – это оборона». Михаил Шишкин о новом типе романа, русском языке и любви к Акакию Акакиевичу. Интервью с М.П. Шишкиным // Критическая масса. 2005. №2. URL: <http://magazines.russ.ru/km/2005/2/sh3.html> (дата обращения: 13.03.2016).

Мушта О.П. Информационная агрессия против России в условиях глобализации // Информационная безопасность регионов. Научно-практический журнал. 2009. № 1. С. 37–41. URL: http://seun.ru/content/nauka/5/1/doc/1_4_2009.pdf.

Национальная идея России: в 6 т. Т. I. М.: Научный эксперт, 2012(а). 752 с.

Национальная идея России: в 6 т. Т. II. М.: Научный эксперт, 2012 (б). 744 с.

Национальная идея России: в 6 т. Т. III. М.: Научный эксперт, 2012 (в). 704 с.

Некляев С.Э. Информационно-психологическая война в условиях сетевой войны как новая форма угрозы национальной безопасности // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2008. № 5. С. 35–51.

Никитина К.В. Технологии речевой манипуляции в политическом дискурсе СМИ: на материале газет США: дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2006. 197 с.

Никифорова М.В. Стратегия дискредитации в дискурсе регионального политика (на материале речей мэра Екатеринбурга Е. Ройзмана) // Политическая лингвистика. 2015. № 4 (54). С. 101–105.

Новейший политологический словарь / авт.-сост. Д.Е. Погорелый, В. Ю. Фесенко, К.В. Филиппов. Ростов н/Д.: Феникс, 2010. 318 с.

Новиков В.К. Информационное оружие – оружие современных и будущих войн. М.: Горячая линия Телеком, 2011. 264 с.

Новицкая Ю. Русский космизм // Завтра. 2015. № 38.

О кощунственных плясках на амвоне православного храма в г. Апрелевка. Комментарий диакона Ильи Маслова. 04.10.2016. URL: <http://www.blagogon.ru/digest/736/>

Общая теория национальной безопасности: учебник. М.: Изд-во РАГС, 2002. 320 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: ООО «ИТИ Технология», 2003. 944 с.

Операции информационно-психологической войны: краткий энциклопедический словарь-справочник / В.Б. Вепринцев, А.В. Манойло, А.И. Петренко, Д.Б. Фролов; под ред. А.И. Петренко. 2-е изд., стереотип. М.: Горячая линия – Телеком, 2015. 496 с.

Оробий С. «Словом воскреснем»: истоки и смысл прозы Михаила Шишкина // Знамя. 2011. № 8. С. 184–191.

Осипов Г.В. Социальное мифотворчество и социальная практика. М.: Изд-во НОРМА, 2000. 543 с.

Основы политологии. Краткий словарь терминов и понятий. М.: О-во «Знание» России, 1993. 168 с.

Отюцкий Г.П. Философия войны: структура, задачи и функции // Военная мысль. 2010. № 3. С. 72–78.

Панарин А.С. Политология. М.: Проспект, 1997. 408 с.

Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002. 496 с.

Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории // Россия и Европа: хрестоматия по русской геополитике / сост. Л.И. Шишелина; Ин-т экономики РАН. М.: Наука, 2007. 614 с.

Панарин И.Н. Информационная война за будущее России. М.: Радио и связь, 2008. 256 с.

Панарин И.Н. Первая мировая информационная война. Развал СССР. СПб.: Изд-во «Питер», 2010. 256 с.

Панарин И.Н. СМИ, пропаганда и информационные войны. М.: Поколение, 2012. URL: <http://x-libri.ru/elib/panrn001/index.htm>.

Панарин И.Н. Технология информационной войны. М.: «КСП+», 2003. 320 с.

Панкратов В.Н. Манипуляции в общении и их нейтрализация: практическое руководство. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2001. 208 с.

Парийский Л.Н. О церковнославянском языке в русском православном богослужении. URL: www.hram-ks.ru/Parijskij.shtml (дата обращения: 21.12.2016).

Паршина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: монография / Астраханский гос. техн. ун-т. Астрахань: Изд-во АГТУ, 2004. 196 с.

Петрухина Е.В. О пользе церковнославянского языка как языка богослужения для современного русского языка. Филологический отклик на дискуссию о языке Русской Православной Церкви // Портал «Слово». 02.12.2011. URL: www.pravoslavie.ru/50215.html (дата обращения: 21.12.2016).

Печенкин А.А. Философия войны: история и современность // Новые идеи в философии: материалы междунар. науч. конф. (г. Пермь, апрель 2015 г.). Пермь: Зебра, 2015. С. 27–33. URL: <http://www.moluch.ru/conf/philos/archive/135/7000/> (дата обращения: 10.03.2016).

Пискун А.В. Проблема смысла в эпоху информационных войн // Известия МГТУ «МАМИ». 2010. № 2. С. 211–214.

Плотникова О.А. Стратегии контроля диалогического взаимодействия в интервью: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Омск, 2007. 22 с.

Плотникова С.Н. Дискурсивные технологии и дискурсивное оружие как реалии современной информационной эпохи // Технологизация дискурса в современном обществе: коллективная монография / под ред. С.Н. Плотниковой. Иркутск: ИГЛУ, 2011. С. 6–43.

Победоносцев К.П. О реформах в нашем богослужении // Богослужебный язык русской церкви. История. Попытки реформации / Редактор-составитель Н. Каверин. М.: Издание Сретенского монастыря, 1999. С. 73–82.

Погорелко А.М., Герасина Т.Н. Смысловые маркеры дискурса холодной войны // Политическая лингвистика. 2016. № 2 (56). С. 93–101.

Подъяпольский С.А. Обеспечение целостности полиэтнического государства: дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Красноярск, 2014. 214 с.

Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / под ред. Л.Н. Тимофеевой. М.: РОССПЭН, 2012. 327 с.

Политология: Энциклопедический словарь / общ. ред. и сост.: Ю.И. Аверьянов. М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993. 431 с.

Полный церковнославянский словарь (с внесением в него важнейших древне-русских слов и выражений) / сост. Григорий Дьяченко.

М.: Издательство «Посад», 1993. 1120 с. (Репринтное воспроизведение издания 1900 г.)

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: «Истоки», 2001. 192 с.

Почепцов Г.Г. Информационные войны и будущее. Киев: Ваклер, 2002. 94 с.

Почепцов Г.Г. Информационные войны. М.: Ваклер, 2000а. 574 с.

Почепцов Г.Г. Информационные войны. Новый инструмент политики. М.: Алгоритм, 2015. 256 с.

Почепцов Г.Г. Информационные войны. Основы военно-коммуникативных исследований. М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2000б. URL: http://www.ligis.ru/librari_2/049/contents.html

Почепцов Г.Г. Коммуникативные технологии двадцатого века. М.: «Рефл-бук», «Ваклер», 1999. 349 с.

Почепцов Г.Г. Пропаганда и контрпропаганда. М.: Центр, 2004. 256 с.

Почепцов Г.Г. Психологические войны. М.: «Рефл-бук», Киев: «Ваклер», 2000в. 528 с.

Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М.: «Рефл-бук», К.: «Ваклер», 2001. 656 с.

Проблемы языка в глобальном мире: монография / под ред. Е.В. Ганиной, А.Н. Чумакова. М.: Проспект, 2016. 208 с.

Проект Россия. Третья книга. Третье тысячелетие. М.: ЭКСМО, 2009. 448 с.

Протоиерей А. Ткачев. И вновь продолжается бой. 07.10.2016. URL: <http://www.pravoslavie.ru/97629.html>.

Психология господства и подчинения: хрестоматия / сост. А.Г. Чернявская. Мн.: Харвест, 1998. 560 с.

Пчелинцев А.В. Русская православная церковь и армия: опыт истории и современные проблемы взаимодействия. 21.11.2011. URL: http://www.sclj.ru/analytics/comment/detail.php?ELEMENT_ID=3640.

Радевич В.В. Стратегическая организация манипулятивной коммуникации в рамках речевого жанра «нигерийское письмо»: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2015. 23 с.

Ракитянский Н.М. Феномен менталитета в контексте психологии веры // Информационные войны. 2009. № 2 (10). С. 22–32.

Расторгуев С. П. Философия информационной войны. М.: Вузовская книга: МПСИ, 2003. 301 с.

Расторгуев С.П. Информационная война. М.: Радио и связь, 1999. 416 с.

Расторгуев С.П. Философия информационной войны. М.: Московский психолого-социальный институт, 2003. 496 с.

Раш Кавад. Иммунная стража // Завтра. 2010. № 47.

Реклама: внушение и манипуляция: медиа-ориентированный подход: учеб. пособие для факультетов психологии, социологии, экономики и журналистики. Самара: Издат. дом «Бахрах-М», 2007. 752 с.

Риторика: учебник для бакалавров / В.А. Ефремов [и др.]; под общ. ред. В.Д. Черняк. М.: Изд-во Юрайт, 2013. 430 с.

Розеншток-Хюсси О. Бог заставляет нас говорить / составл., пер. с нем. и англ., послесловие и коммент. А.И. Пигалева. М.: Канон+, 1997. 288 с.

Ролдугин Л. Наибольшей причиной непонимания богослужения является рассеянность ума. URL: www.hram-ks.ru/ts-slav6.shtml (дата обращения: 21.12.2016).

Россия и русские в современном мире / Наталия Нарочницкая. М.: Эксмо; Алгоритм, 2011. 177 с.

Русская речевая культура. Учебный словарь-справочник. СПб.: «САГА», «Азбука-классика», 2006. 224 с.

Рыжкина Е.В. Фразеология как оружие информационной войны. URL: http://www.tsutmb.ru/nayk/int_konf/forum_vserossijskogo_studencheskogo_soyuza_v_tambove/konkurs_inicziativnyix_nauchnyix_proektov_2014_goda_vyipolnyaemyix_molodyimi_uchenyim/konkurs_na_poluchenie_dostupa_k_elektronnyim_nauchnym_informaczionnyim_resursam/rgnf_obyavlyaet_konkurs_ekspertov_2013_goda.

Самохвалова В.И. Специфика современной информационной войны // Идеология и процессы социальной модернизации: сб. статей / под общ. ред. Т.Б. Любимовой. М.: Academia, 2013. С. 184–219.

Самохвалова В.И. Специфика современной информационной войны: средства и цели поражения // Философия и общество. 2011. Вып. 3 (63). С. 54–73.

Сарна А. Образ и медиум: визуальный текст в массовой коммуникации. Минск: «Четыре четверти», 2012. 206 с.

Священнослужители о языке богослужения // Портал «Богослов.RU». 03.12.2016. URL: www.bogoslov.ru/text/740472/index.html (дата обращения: 21.12.2016).

Седов К.Ф. Дискурс как суггестия: иррациональное воздействие в межличностном общении. М.: Лабиринт, 2011. 336 с.

Семкин М.А. Актуальные термины политической лингвистики. Словарь современных медиа. М.: Издательство «Форум», 2015. 112 с.

Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. 383 с. URL: http://krotov.info/library/18_s/en/yavskaya_00.htm (дата обращения: 25.07.2016).

Сидоренко Л.П., Гаврилова Н.Г. Необходимость «экологии языка» как естественное следствие развития российского общества // Вестник Чувашского университета. 2013. № 4. С. 105–110.

Симеунович Д. Нация и глобализация / пер. с сербского. М.: РИСИ, 2013. 112 с.

Синельникова Л.Н. Информационная война ad infinitum: украинский вектор // Политическая лингвистика. 2014. № 2 (48). С. 95–101.

Скворцов А.А. Концептуализация представлений о войне в западной моральной философии и русской этической мысли XVII–XIX вв. // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2015. Т. 8. Вып. 2. URL: <http://elibrary.ru/download/93977792.pdf> (дата обращения: 10.03.2016).

Сквородников А.П. Алогизм // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сквородникова, Е.Н. Ширяева и др. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 33–38.

Сквородников А.П. Народ и население: очерк современного публицистического словоупотребления // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Красноярск; Ачинск, 1997. Вып. 2. С. 47–53.

Сквородников А.П. О смысловой амбивалентности ключевых слов современного российского политического дискурса (на материале газетных текстов) // Политическая лингвистика. 2015. № 2 (52). С. 50–56.

Сквородников А.П., Копнина Г.А. Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия // Политическая лингвистика. 2016а. Т. 1 (55). С. 42–50.

Сквородников А.П., Копнина Г.А. О психологических основаниях лингвистики информационно-психологической войны // Экология языка и коммуникативная практика. 2016б. № 2. С. 238–258. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2016/11/Skvorodnikov-A.P.-Kopnina-G.A..pdf> (дата обращения: 10.12.2016).

Сквородников А.П., Копнина Г.А. О философских основаниях лингвистики информационно-психологической войны // Экология

языка и коммуникативная практика: сетевое издание. 2016в. № 1. С. 35–50. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2016/05/Kopnina-G.A.-Skovorodnikov-A.P.pdf> (дата обращения: 10.09.2016).

Сковородников А.П., Копнина Г.А. Способы манипулятивного речевого воздействия в российской прессе // Политическая лингвистика. 2012а. № 3 (41). С. 36–42.

Сковородников А.П., Копнина Г.А. Тексты СМИ как поле речевых манипуляций и их разоблачений (на материале российской прессы) // Лингвистика речи. Медиастилистика: коллективная монография, посвященная 80-летию профессора Г.Я. Солганика. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012б. С. 467–491.

Сковородников А.П., Королькова Э.А. Речевые тактики и языковые средства политической информационно-психологической войны в России: этико-прагматический аспект (на материале «Новой газеты») // Политическая лингвистика. 2015. № 3 (53). С. 160–172. URL: <http://journals.uspu.ru/attachments/article/984/21%20Skovorodnikov.pdf> (дата обращения: 28.04.2017).

Смирнов А. Информационно-психологическая война. Об одном средстве международного информационного противоборства // Свободная мысль. 2013. № 6 (1642) С. 81–96. URL: <http://elibrary.ru/download/95259072.pdf> (дата обращения: 28.04.2017).

Снесарев А.Е. Философия войны. М. : Финансовый контроль, 2003. 286 с.

Снесарев А.Е. Философия войны. URL: http://www.snesarev.ru/Philosophy_of_war.pdf (дата обращения: 10.03.2016)

Современный философский словарь / под общ. ред. д.ф.н., проф. В.Е. Кемерова. 2-е изд., испр. и доп. Лондон. Минск / «ПАНПРИНТ», 1998. 1064 с.

Соколова А. М. Информационные войны в условиях глобализации: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Красноярск, 2007. 174 с.

Соловьёв А.В. Информационная война: понятие, содержание, перспективы // Пространство и время. 2010. № 2. С. 75–81.

Староверов С.П. Некоторые аспекты функционирования «языка власти» в интерпретации «новых философов» // Актуальные проблемы русистики: тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф., посвященной 70-летию проф. Э.В. Кузнецовой. 7–9 февр., 1997. Екатеринбург, Россия. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. С. 232–233.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.

Столешников А.П. США против России. Информационные войны в Интернете // Русский вестник. 2014. № 7. С. 7.

Сунь-Цзы. Искусство войны / пер. Н.И. Конрад. М.: Изд-во Центрполиграф, 2011. 191 с.

Сунь-Цзы. Искусство войны. URL: <http://masters.donntu.org/2014/fknt/kebikov/library/article9.pdf> (дата обращения: 10.03.2016).

Тагильцева Ю.Р. Война и мир: основные способы выхода из информационно-психологической войны. 2013. № 3. С. 133–138. URL: <http://elibrary.ru/download/22735574.pdf> (дата обращения: 10.03.2016).

Тагильцева Ю.Р. Локальные информационно-психологические войны: особенности развития в современной России // Политическая лингвистика. 2010. № 4. С. 171–175. URL: <http://elibrary.ru/download/38764626.pdf> (дата обращения: 10.03.2016).

Тагильцева Ю.Р. Методологический анализ информационно-психологической войны: теоретический аспект // Политическая лингвистика. 2012. № 4 (42). С. 175–178. URL: <http://elibrary.ru/download/30402657.pdf> (дата обращения: 10.03.2016).

Теоретическая культурология. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга; РИК, 2005. 624 с.

Ткаченко С.В. Информационная война против России. СПб.: Питер, 2011. 224 с.

Токарева Е. Кто подставил Ходорковского? М.: Яуза, 2006. 400 с.

Токарева П.В. Коммуникативные стратегии и тактики в современном учебном дискурсе (на материале школьных учебников): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Омск, 2005. 24 с.

Толковый словарь русского языка / под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык. 2010. URL: <http://ozhegov.textologia.ru/definit/kamikadze/?q=742&n=174931> (дата обращения: 23.11.2015).

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Издат. центр «Азбуковник», 2011. 1175 с.

Толстых В.И. Россия эпохи перемен. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 367 с.

Точеный С. Как сделать богослужение понятным, или еще раз о церковнославянском языке. URL: <http://www.hram-ks.ru/ts-slav8.shtml> (дата обращения: 21.12.2016).

Трубецкой Е.Н. Смысл жизни // Русские философы (конец XIX – середина XX века): Антология. Вып. 2 / сост. С.Б. Неволин, Л.Г. Филонова. М.: Изд-во «Кн. палата», 1994. 424 с.

Трубецкой Н.С. Европа и человечество // Русский мир: сборник. М.: Изд-во «Эксмо»; СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 663–737.

Турбовской Я.С. Русский язык: между неприязнью и любовью. М.: НОУ ВПО «Московский психолого-социальный институт», 2010. 250 с.

Ужанков А. Меж двух зол. Исторический выбор Александра Невского // Русская народная линия. 8 марта 2000 г. URL: www.pra-voslavie.ru/5193.html (дата обращения: 21.12.2016).

Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. №683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: base.garant.ru/71296054=friends (дата обращения: 22.06.2016).

Усков Н.Ф. Неизвестная Россия. История, которая вас удивит. М.: Эксмо, 2014. 304 с.

Ушаков Е.В. Введение в философию и методологию науки: учебник. М.: Изд-во «Экзамен», 2005. 528 с.

Фарина А.Я. Анализ современных форм, методов и приемов информационно-психологического воздействия по каналам СМИ // Вестник МГЛУ. 2010. Вып. 2 (581). С. 247–266. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/analiz-sovremennyh-form-metodov-i-priemov-informat-ionno-psihologicheskogo-vozdeystviya-po-kanalam-smi>.

Федоров Н.Ф. Сочинения / сост., вступ. статья и прим. С.Г. Семеновой. М.: «Раритет», 1994. 416 с.

Фефелов А. Игра в погром // Завтра. 2015. № 33.

Филоненко М.И. Психологическая война немецко-фашистских войск против частей Красной Армии и населения временно оккупированных территорий в годы Великой Отечественной войны: на материалах Воронежской области. 1942–1943 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2006.

Фомин В.В. Родиться русским слишком мало // Русское поле. 2012. № 2. С. 4–10.

Фролова Е.В. Коммуникативные стратегии формирования имиджа регионального лидера в электронных СМИ: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Омск, 2007. 29 с.

Фурсов А. Глупость или измена? 09.03.2017. URL: <https://izborsk-club.ru/12707> (дата обращения: 24.03.2017).

Халидов А.И. Экология языков Кавказа. Статья вторая: абхазско-адыгейские языки // Вестник АН Чеченской Республики. № 1 (18). 2013. С. 191–198.

Харрис Р. Психология массовых коммуникаций. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2002. 448 с.

Харрис Р. Психология массовых коммуникаций. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2002. 448 с.

Химик В.В. Национальная идея и русский язык // Политическая лингвистика. Вып. 3 (26). Екатеринбург, 2008. С. 9–16.

Хомский Н. Будет так, как скажем мы! / пер. с англ. А. Глушаковой. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2013. 256 с.

Цеханская К.В. Глобализм и русская идея: к проблеме самоидентификации русского этноса // Информационные войны. 2013. № 2 (26). С. 86–92.

Цуладзе А.М. Политические манипуляции, или покорение толпы. М.: Книжный дом «Университет», 1999. 144 с.

Цыганов В.В., Бухарин С.Н. Информационные войны в бизнесе и политике: теория и методология. М.: Академический Проект, 2007. 336 с.

Человек и общество: краткий энциклопедический словарь-справочник (политология) / отв. ред. Ю.С. Борцов, науч. ред. И.Д. Коротец. Ростов н/Д.: Изд-во «Феникс», 1997. 608 с.

Чередниченко С. Михаил Шишкин // Вопросы литературы, 2014. № 2. С. 233–253.

Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2006. 136 с.

Чернякова Н.Н. Методы информационно-психологической войны // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2010. № 14. С. 206–210.

Черняховская Т.Н. Маркетинговая деятельность предприятия: теория и практика. М.: Высшее образование. 533 с.

Чистяков Д.В. Управление информационно-психологической защитой социальной организации как фактор обеспечения безопасности личности: социологический аспект: дисс. ... канд. социол. наук. М., 2007.

Чувикин В. Книжная справа сейчас несвоевременна. URL: www.hram-ks.ru/ts-slav7.shtml (дата обращения: 21.12.2016).

Чудинов А.П. Очерки по современной политической метафорологии: монография. Екатеринбург, 2013. 176 с.

Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография. Екатеринбург, 2003. 248 с.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. М.: Изд-ва «Флинта», «Наука». 2006. 254 с.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2012. 256 с.

Шарифуллин Б.Я. «Homo ludens» и «Homo Illudens»: игровые и неигровые тексты нашего времени // Речевое общение: специализированный вестник / под ред. А.П. Сковородникова. Вып. 13 (21): Категория комического в аспекте теории и практики речевого воздействия. Красноярск: СФУ, 2011а. С. 33–39.

Шарифуллин Б.Я. Игры в Интернет-коммуникации: речевая игра в наименованиях сайтов // Взаимодействие языка и культуры в коммуникации и тексте: сб. науч. статей / науч. ред. Б.Я. Шарифуллин. Вып. 2 (11); Сибирский федеральный университет. Красноярск, 2011б. С. 254–261.

Шарифуллин Б.Я. Историко-лингвистический словарь трилогии А.М. Бондаренко «Государева вотчина. Красноярск: СФУ, 2007. 340 с.

Шарифуллин Б.Я. Речевая игра в Интернет-коммуникации: пролегомены и факты // Язык и социальная действительность: Научный журнал. № 1. Красноярск, 2011. С. 73–86.

Шарифуллин Б.Я. Русские речевые игры в интернет-контексте: ономастика США. Этюд 1 // Человек и язык в когнитивном пространстве: сб. науч. статей / науч. редактор Б.Я. Шарифуллин. Вып. 6; Сибирский федеральный университет. Красноярск, 2015. С. 284–292.

Шарифуллин Б.Я. Языковая агрессия и языковое насилие в свете юрислингвистики: проблема инвективы // Юрислингвистика. 2004. № 5. С. 120–132.

Шарифуллин Б.Я. Языковая игра в интернет-коммуникации. Глава 11 // Интернет-коммуникация как новая речевая формация: коллективная монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА-Наука, 2014. С. 203–219.

Шарманова О.С. Грузино-российские отношения в зеркале вторичной непрямой номинации (на примере освещения военного конфликта-2008 в немецкоязычных СМИ) // Политическая лингвистика. 2009. № 2 (28). С. 96–103.

Швец Д.Ю. Информационная безопасность Российской Федерации в современных международных отношениях: дисс. ... канд. социол. наук. – М., 2005.

Шевцов А.М. Техника ведения дискуссии как один из инструментов ведения информационно-психологической войны // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2014. № 1. С. 81–83.

Шейнов В.П. Скрытое управление человеком (Психология манипулирования). М.: ООО «Изд-во АСТ», Мн.: Харвест, 2002. 848 с.

Шишкин М.П. «Всех ожидает одна ночь. Записки Ларионова». Обсуждение. URL: <http://www.ljpoisk.ru/archive/2014/13817834.html> (дата обращения: 13.03.2016).

Шмитт К. Номос Земли в праве народов *ius publicum europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. 670 с.

Штыров В.А. Отечество и отчество // Литературная газета. 2013. № 42.

Шулежкова С.Г. От земли обетованной к небесам обетованным: очерки о судьбах библейских крылатых выражений. М.: Флинта – Наука, 2013.

Щербатых Ю.В. Искусство обмана. Популярная энциклопедия. М.: ЭКСМО-Пресс, 1998. 344 с.

Эйдук Д.В. «Образ врага» и перспективы войны в русской периодической печати в 1914–1915 гг.: по материалам газеты «Утро России»: дисс. ... канд. истор. наук. Санкт-Петербург, 2008. 192 с.

Экман П. Психология лжи. СПб.: Изд-во «Питер», 1990. 272 с.

Эпштейн М. О будущем языка // Знамя (Журнальный зал. Национальная специфика литературы – анахронизм или неотъемлемое качество?). 2000. № 9. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2000/9/konf.html> (дата обращения: 14.05.2016).

Эпштейн М.Н. Дар слова. Проективный словарь русского языка. 2005. URL: <http://old.russ.ru/antolog/intelnet/dar118.html> (дата обращения: 13.05.2016).

Эпштейн М.Н. Дар слова. Проективный словарь русского языка. Введение // Русский журнал. 04.11.2002. URL: http://old.russ.ru/krug/20021104_slovo.html (дата обращения: 09.05.2016).

Эпштейн М.Н. Русский язык в свете творческой филологии разыскания // Знамя. 2006. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/1/ep13.html> (дата обращения: 07.05.2016).

Эпштейн М.Н. Чик и ек. Как мир нас уменьшает, а мы его – в ответ // Живой журнал. 2.05.2009. URL: <http://tapirr.livejournal.com/1983002.html> (дата обращения: 13.05.2016).

Эпштейн. О творческом потенциале русского языка. Грамматика переходности и транзитивное общество // Знамя. 2007. №3. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2007/3/ep18.html> (дата обращения: 14.05.2016).

Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012. 881 с.

Юревич А.В. Базовые компоненты национального менталитета // Вестник РАН, 2013. Т. 83. № 12. С. 1083–1091.

Юсупов Р.М. Наука и национальная безопасность. СПб.: Наука, 2006. 294 с.

Якунин В.И. и др. Новые технологии борьбы с российской государственностью: монография. 3-е изд., исправл. и дополн. / В.И. Якунин, В.Э. Багдасарян, С.С. Сулакшин. М.: Научный эксперт, 2013. 472 с.

Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры, 2001. 387 с.

Яцкевич Л.Г. О национальной самодостаточности русского языка и призраке транзитивной философии // Слово и предложение: исследования по русскому языку и методике преподавания: сб. науч. ст. в честь 70-летия проф. В.П. Проничева». СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. С. 224–240.

Bloch M. Les rois Thaumaturges Etudes sur le caractère surnaturel attribué à la puissance royale particulièrement en France et en Angleterre. P: Guallimard, 1998. 712 p.

Campen A.D. (ed.). The First Information War: The Story of Communications, Computers, and Intelligence Systems in the Persian Gulf War. Fairfax, VA: AFCEA International Press, 1992. 195p.

Dijk T. Critical Discourse Studies: A sociocognitive Approach. In Ruth Wodak & Michael Meyer (Eds.), *Methods of critical discourse analysis*. London: Sage, 2009. Pp. 62–85.

Dijk T. What is political discourse analysis? In J. Blommaert and Ch. Bulcaen (Eds.), *Political Linguistics*. Amsterdam: Benjamins, 1997. Pp. 11–52.

Glucksmann A. L'Europe sera voltairienne ou ne sera pas. Available at : http://www.lexpress.fr/culture/livre/andre-glucksmann-l-europe-sera-voltairienne-ou-ne-sera-pas_1675118.html (accessed 02.05.2015).

Lakoff J., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1980. 242 p.

Walzer M. *Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations*. New York: Basic Books, 2015.

Научное издание

Бернацкая Ада Александровна
Евсеева Ирина Владимировна
Колмогорова Анастасия Владимировна
Копнина Галина Анатольевна
Сковородников Александр Петрович
Шарифуллин Борис Яхиевич

Лингвистика
информационно-психологической
войны
Книга I
Монография

Корректор Ю. И. Молокова
Компьютерная верстка И. В. Гревцовой